

Книжный червь Переводы книги

ЖАЖДА СКОРОСТИ

САМАНТА ТОУЛ

Автомеханик Андресса «Энди» Амаро установила единственное правило — не встречаться с гонщиками. Это правило создано по веской причине, и она не планирует его нарушать. Каррик Райан — плохиш из Формулы Один. С лицом и телом, от одного взгляда на которые плавятся трусики, а от его ирландского акцента женщины падают на колени, моля о большем. Его заезды жесткие, но вечеринки еще жестче. Самый молодой пилот, подписавший контракт с Ф1, спустя пять лет все еще на пике, разбивает сердца не только на треках, но и за их пределами. Когда Энди предложили работу ее мечты в блистательном мире Формулы Один, она покинула свой дом в Бразилии, уверенная, что сможет сработаться с Карриком. Но она не была подготовлена к ошеломляющей искре, что пробежала между ними в момент знакомства. Сейчас Энди влюблена в мужчину, которым не может обладать, и ее решимость будет подвергнута испытанию, потому что Каррик решил, что хочет Энди, и он собирается испытывать ее до самого предела...

Саманта Тоул

Жажда скорости

Перевод: Александра Журомская

Редакторы и оформитель: Дарья Нефедьева

Вычитка: Анна Ковальчук

Обложка: Анастасия Токарева

ПРОЛОГ

Монте-Карло, Монако

Я ПОСМОТРЕЛА НА МОЮ МАМУ. Она выглядит обеспокоенной и крепко держит мою руку. Она всегда так делает, когда папа на гонках, но я не возражаю. Я знаю, что она нервничает, потому что позволяю выжимать из моей руки жизнь, ведь знаю — это действие заставляет ее чувствовать себя лучше.

Хотя я и не знаю, почему она так нервничает. Я не нервничаю вообще, просто потому, что мой отец — лучший пилот в мире. Он чемпион, и станет им снова.

Я слегка двигаю пальцами, когда их начинает покалывать.

— Прости, дорогая, — мама улыбается мне, смотря вниз. Это натянутая улыбка, вызванная волнением.

Я улыбаюсь в ответ, чтобы ей стало легче.

Моя мама действительно очень красивая, и очень высокая. Она была моделью, но бросила это занятие, когда появилась я.

Я буду такой же высокой, как она. Я уже достаточно высокая для своего возраста. Ненавижу это. Мне десять, и я выше, чем большинство мальчишек в моем классе. Мои ноги и руки длинные и неуклюжие. Тьфу! Хотела бы я быть маленькой и изящной, как девочки в моем классе.

Хотя, все говорят, что я похожа на мою маму, и это должно являться приятным комплиментом, потому что она красивейшая женщина в мире.

Мой папа тоже говорит, что я выгляжу, как она, и, когда я вырасту, для него наступит время кошмаров. Видимо, он собирается хранить у дверей биту для крикета, чтобы отгонять любых парней, которые могут у меня появиться.

Он сумасшедший. Как будто у меня когда-нибудь будет парень. У меня не будет времени на парней, когда я стану старше.

Я хочу быть пилотом, как папа, либо механиком, как дядя Джон. Он мне на самом деле не дядя, но я всегда зову его так. Он лучший друг отца и мой крестный.

(Здесь и далее прим. пер. Пилот — водитель болида Формулы-1.)

Мне нравится, когда дядя Джон дает поработать над машинами вместе с ним, я вся покрываюсь маслом и становлюсь грязной. Мама злится, когда я пачкаю одежду, но мне все равно.

Мама не говорит об этом, но я знаю, что она не хочет, чтобы я работала с машинами, и определенно не хочет, чтобы я участвовала в гонках. Мне кажется, что она была бы счастлива, если бы я пошла по ее стопам — стала моделью.

Но я не настолько хорошенькая, как она. Я как мой папа. Люблю машины.

Отец говорит, что я могу стать кем захочу, если буду прикладывать все усилия для этого и усердно трудиться в школе.

— И он делает это! Выходит на последний круг!

Когда прозвучал голос, делающий объявления, я посмотрела на экраны и увидела, как мой папа заходит на последний круг, находясь на лидирующей позиции на пути к линии финиша.

У меня появляется то восторженное ощущение в животе, которое всегда возникает,

когда я вижу его на гонках, и я начинаю приплясывать на месте.

— Наш главный чемпион, Уильям Вульф, готов к тому, чтобы увезти домой еще один трофей. Стойте... что-то происходит. Что-то не так... Господи, нет... Там... там кажется проблемы с машиной. Огонь движется с задней части болида...

Я беспомощно наблюдаю, как машина моего отца выходит из-под контроля, задняя часть болида оказывается в огне, и следом после этого он врежется в барьер.

У меня возникает ощущение, будто это мое собственное тело ударяется об этот барьер.

Все происходит так стремительно, но в то же время и невероятно медленно.

Я слышу мамины крики, как орут люди. Смотря на экраны, я вижу, как стюарды, обслуживающий персонал гонок, бегут к его болиду.

Я не могу пошевелиться. Я не хочу двигаться или отводить взгляд от экранов, чтобы, если вдруг что, не пропустить хоть одну деталь.

Будь в порядке, папочка, прошу тебя.

Затем, без предупреждения, я была поднята с моего места и унесена прочь.

Дядя Джон.

Он разворачивает меня на руках, прижимает мое лицо к его груди так, чтобы я не могла ничего видеть. Он быстро идет через бокс, уводя меня подальше от экранов, как можно дальше от трека.

(Бокс — гараж команды Ф1.)

От моего отца.

Я верещу не своим голосом.

— Нет!

Я пытаюсь бороться с ним. Мне нужно быть там. Необходимо убедиться, что с папой все в порядке.

Затем я слышу взрыв. Настолько громкий, что из-за надетых наушников заболели мои уши.

Дядя Джон останавливается.

Он медленно оборачивается вместе со мной на руках. Каждый мускул его тела напряжен.

Наконец освободившись, я смотрю на экраны и вижу это.

Машины моего отца не стало.

Вместо нее сплошное пламя. И дым.

Густой черный дым, клубящийся и поднимающийся вверх навстречу небу.

Глава 1

*Четырнадцать лет спустя
Сан-Паулу, Бразилия*

— Я ОЧЕНЬ СИЛЬНО БУДУ СКУЧАТЬ ПО ТЕБЕ, ДОРОГАЯ.

Эмоциональный надрыв в голосе моей мамы заставляет мои губы дрожать, глаза же застилают слезы.

— Я тоже буду по тебе скучать, — я обнимаю ее покрепче.

Отодвинувшись назад, она берет мое лицо в свои руки и смотрит прямо в глаза. Она плачет. Ненавижу видеть ее слезы.

— Ты абсолютно уверена, что должна ехать?

Этот разговор за последние пару недель завязывался у нас много раз. Я знаю, что причиняю ей боль, и ненавижу себя за это, но я должна это сделать. Если не сделаю, то буду жалеть весь остаток своей жизни.

— Мам, это прекрасная возможность для меня, — говорю я мягко. — Я знаю, ты переживаешь, но со мной все будет хорошо. Я буду с дядей Джоном, и это не то же самое, что и принимать участие в гонках или сидеть за рулем.

— Я знаю... — вздыхает она.

Это тревожный вздох, и я знаю, чем он вызван. Я знаю, что мой отъезд причиняет ей боль по многим причинам, в основном тем, что она будет скучать по мне, но гораздо больше ее беспокоит место, куда я еду. У нее оно вызывает болезненные воспоминания.

— Я не пытаюсь причинить тебе боль, — говорю я мягко. — Просто я... я должна это сделать.

— Я знаю. — Она целует меня в лоб. — Ты так похожа на своего отца. Он бы так гордился тобой, я точно знаю.

Замечательно, я теряю самообладание, и по моей щеке скатывается слеза.

Мама стирает ее своим большим пальцем.

— Я просто стала глупой наседкой. Не хочу отпускать мою маленькую девочку.

— Я вернусь, — заверяю я ее. — Я уезжаю не навсегда.

— Я знаю. Просто заботься о себе и будь осторожной. Ты будешь во многих незнакомых странах. Ты взяла с собой сигнальный защитный брелок, который я тебе купила?

("garealarm" стильный брелок с сигнальной кнопкой для отпугивания нежелательных людей и вызова помощи)

— Да, он в моей сумке.

— И ты никуда не будешь ходить одна, особенно в ночное время?

— Не буду.

— И, если тебе понадобится вызвать такси, то ты проверишь, что это зарегистрированная городская организация?

— Проверю.

— И ты будешь связываться со мной каждый день?

— Буду. Обещаю. — Я еще сильнее сжимаю ее в объятиях. — Не беспокойся. — Я поднимаю сумку с пола и закидываю ее на плечо. — Мне нужно идти. Или я пропущу регистрацию.

— Хорошо. — Она пытается остановить слезы. — Пока, дорогая. Безопасного тебе

полета.

— Я приеду домой навестить тебя так скоро, как только смогу. Я люблю тебя.

Я спиной начинаю двигаться к регистрационной стойке, мою грудь сдавливает от эмоций.

— И я люблю тебя, — отвечает она, вытирая лицо платком.

— Я напишу тебе сразу, как приземлюсь.

— Хорошо. Я буду скучать, милая.

— И я тоже буду скучать.

Затем я разворачиваюсь и иду прочь. Растирая слезы по лицу, я передаю билет проверяющему и миную службу безопасности.

Шестнадцать часов спустя

Лутон, Англия

Думаю, что до двенадцатичасового перелета Сан-Паулу— Лутон я успела вымотаться еще в аэропорту из-за нескольких часов ожидания задерживающегося рейса; и вот теперь я здесь, в час ночи по местному времени. Мои биологические часы немного сбились, но когда я тащила свой чемодан, проталкивая его через дверной проход для прибывших, меня переполняло волнительное чувство, которое все разрасталось во время путешествия.

Я нервничаю из-за возвращения в Англию, суется в преддверии выхода на мою новую работу. Но больше всего я не могу дождаться встречи с дядей Джоном. Мы давненько не виделись с ним.

Взглядом я сканирую шумную толпу людей в поисках дяди Джона и вижу его. Он из тех парней, которых трудно не заметить — с телосложением, как у медведя, и копной волос с проседью.

Он ловит мой взгляд, и на его лице появляется широкая улыбка. Он машет мне рукой. Я ускоряюсь, и он идет мне навстречу, раскрывая руки для объятий.

Я запрыгиваю в эти объятия, как маленький ребенок.

Дядя Джон всегда заставлял меня чувствовать себя так, будто мне снова десять лет.

— Привет, малая. — Он ослабляет хватку, с улыбкой смотря на меня сверху вниз, на его возраст указывают морщинки в уголках его глаз. Дяде Джону далеко за сорок, но выглядит он хорошо.

— Привет. — Я свечусь.

— Как прошел полет? — Он изгибается, чтобы забрать мой чемодан.

— Нормально. Долго.

Мы начинаем путь к выходу.

— Я припарковался в зоне ожидания, так что далеко идти не придется.

— Слава богу.

Я проскальзываю в открывшиеся двери, и меня сражает старый добрый стремительный и холодный английский ветер. Я сильнее запахиваю кожаную байкерскую куртку, но не то чтобы это прибавляет мне немного тепла. Я просто рада, что мне пришлось в туалете самолета, снять шорты и майку с перекрестными бретельками на спине, в которых я покинула Бразилию, и надеть облегающие джинсы и футболку, в которых я иду сейчас. Также я рада, что освежилась влажными салфетками и дезодорантом-спреем. Нет ничего хуже, чем чувствовать себя изможденной и грязной после полета.

Я уже и забыла, каково это — жить в Англии, и как холодно здесь в феврале. Я раньше акклиматизировалась и привыкала к этому, но с тех пор, как я была здесь, прошло четырнадцать лет.

Я родилась в Англии. Жила здесь до того, как мне исполнилось десять. После того, как не стало папы, мы с мамой перебрались в Бразилию, ее родную страну.

— Я бы предложил тебе свой пиджак, если бы он у меня был. — Дядя Джон тихо посмеивается, идя в кофте с длинным рукавом.

— Я в порядке. Не беспокойся.

— Не вопрос, только обогрев в машине я включу лишь тогда, когда прогреется двигатель.

Я обожаю дядю Джона. После смерти отца и нашего с мамой переезда он остался в наших жизнях, принимая в них участие посредством регулярных звонков и электронных писем, а если он бывал в Бразилии, то всегда заезжал в гости.

Дядя Джон главный инженер команды «Райбелл», участвующей в гонках Формулы-1 — точнее сказать, команды Каррика Райана. У каждой команды, участвующей в гонках Формулы-1, есть два гонщика. У «Райбелл» вторым является Нико Треслер, сезонный пилот из Германии.

Каррик Райан — плеябой из Ирландии, и к тому же безумно талантливый пилот.

Он слишком хорош для какой-либо женщины. Он невероятный бабник и тусовщик. В прессе он светится чаще из-за своих ночных выходов и постельных походов, чем из-за водительских способностей. Он ведет себя скорее как рокер, нежели чем пилот Формулы-1.

Он не похож на того, у кого развита дисциплинированность, в отличие от других гонщиков. Но его талант неоспорим. Его карьера очень быстро набирала обороты: в гонках Формулы-1 он дебютировал в двадцать лет и увез приз домой в том же году. Сейчас, пять лет спустя, за его плечами лишь один проигрыш в борьбе за чемпионство.

Благодаря дяде Джону я буду работать с командой Каррика. Один из их механиков внезапно уволился пару недель назад, и дядя предложил мне работу.

Если вы еще не догадались — я автомеханик.

Еще тогда, три года назад, когда я начинала работать с бразильской командой сток-кар, дядя Джон сказал, что я должна работать на гонках Формулы-1, и как только появится вакансия, в ту же минуту она будет занята мной.

(Сток-кар — гонки на обычных, стандартных легковых машинах, переделанных под гоночные.)

Он не шутил, и вот я здесь.

Работа в команде Формулы-1 не достается легко, особенно в команде Каррика. Он создает сплоченный коллектив, тесно связанный между собой, потому я прекрасно понимаю, насколько мне повезло получить место.

— Как дела у твоей мамы? — спрашивает дядя Джон.

— Она в порядке... пытается смириться с моим отъездом. Переживает. Ты знаешь, как она.

— Да, — усмехнулся он. — Я знаю, как Катя может достать.

— Дядя Джон... ты же никому из команды «Райбелл» не говорил, кем был мой отец?

— Нет. Ты просила не говорить, вот я и молчал. Я понимаю, почему ты хочешь держать это в секрете, но, честно говоря, не думаю, что это такая уж необходимость.

Но для меня она именно таковой и является. Моего отца прозвали одним из величайших пилотов всех времен. Он был кем-то вроде Мессии в Формуле-1. Люди, связывавшие себя с

этой индустрией, почитали его — и до сих пор чтят — особенно здесь, в Англии. И я не хочу, чтобы кто-то мог подумать, что двадцатичетырехлетняя женщина-механик получила свою работу только за счет имени своего отца. Уж лучше пускай думают, что меня наняли за мой внешний вид, чем так. Так что, пока я здесь, я собираюсь использовать девичью фамилию моей матери, Амаро, и никому не говорить о том, что я дочь Уильяма Вульфа.

— Я просто хочу проявить себя без того, чтобы люди знали, кем был мой отец.

— Нет необходимости, — повторяет он.

Я одариваю его взглядом.

— Она есть. Люди будут думать, что я получила работу только из-за фамилии.

— Не будут. Ты получила работу, потому что ты первоклассный механик, и ни по какой другой причине.

— Ты это знаешь, но не другие. Я просто хочу шанс проявить себя до того, как всем станет известно, кем был мой отец.

— Ладно, — выдыхает он, защищаясь. — Это твое дело. Я буду держать свой рот на замке до тех пор, пока ты не скажешь мне его открыть.

— Спасибо тебе, — признательно улыбаюсь я ему.

Дядя Джон знает почти всех из мира Формулы-1, так что просить его придержать язык за зубами — это большая просьба.

Дядя Джон работает с Карриком с момента, когда тот начал заниматься картингом в возрасте четырнадцати лет. Вот таким образом дядя и вернулся в мир Формулы-1.

После несчастного случая с моим отцом дядя Джон бросил Формулу-1 и ушел работать в сферу картинга. Мне кажется, что находиться здесь после смерти моего отца для него было слишком трудно. Нам всем было тяжело.

Но когда прогресс Каррика стал очевиден, и дядя Джон увидел в нем талант, Каррик и Оуэн Райан — отец Каррика и по совместительству его менеджер — убедили дядю вернуться к Формуле-1 вместе с ними, и он согласился.

Работать с Карриком невообразимая честь.

Озабочена ли я его репутацией? Безусловно. Но, к счастью для меня, я привыкла к грубым пилотам. Будучи женщиной в мужском мире, мне пришлось. Я работаю в окружении мужчин достаточно давно, чтобы научиться ставить их на место. Быть вовлеченной в отношения с гонщиком для меня не вариант.

После того, как я увидела, что сотворила с мамой смерть папы, я не любительница встречаться вообще. Я принимала ухаживания то от одних, то от других — максимум нечто вроде отношений длилось месяца два. Не то чтобы я была не расположена к парням. Просто мне пока не повстречался тот, с кем бы я хотела проводить много времени. А с моей работой, когда я постоянно в разъездах, это не кажется осуществимым.

Либо я в окружении других механиков, тоже исключительно мужского пола — я не встречаюсь с коллегами, это слишком проблематично — либо в окружении пилотов.

И я определенно не собираюсь когда-либо связывать себя с гонщиком. Никогда.

Они — скользкий путь к разбитому сердцу.

Дядя Джон подходит к стоящей снаружи машине, и я узнаю ее сразу же, потому что, будучи ребенком, провела в ней много времени, катаясь туда-сюда.

— Это... твой старый Форд Капри? — Я широко улыбаюсь.

Дядя Джон владеет этой машиной с тех пор, как я уехала в Бразилию. Черный Форд Капри 1987 года с красными гоночными полосами снизу по бокам. Не могу поверить, что

она все еще у него.

– Да, она все еще у меня, – ухмыляется он. С хлопком открыв багажник, он затаскивает туда мой чемодан.

– Поверить не могу, что она все еще на ходу.

– Ты сомневаешься в мастере. — Прежде чем забраться на водительское сидение, он бросает на меня дерзкий взгляд.

Я размещаюсь на пассажирском сидении, пристегнув ремень безопасности.

– Не сомневаюсь, просто думала, что сейчас ты будешь продвинутой.

– Ты никогда не сможешь заменить первую любовь. — Он нежно стучит по рулю. Затем поворачивает ключ в зажигании и машина, рокоча, оживает. — Итак, куда мы едем?

Я смотрю на него с удивлением.

– Я думала, ты знаешь.

– Ну, я подумал, что сначала нужно проверить, изменилась ли ты и стала ли нормальным человеком, который проведя в пути добрую половину дня, захочет отправиться в свои новые апартаменты и немного отдохнуть.

Дядя Джон снял для меня маленькую обставленную однокомнатную квартиру, находящуюся рядом с головным офисом команды «Райбелл», в маленькой деревеньке Хит-энд-Рич в Бедфордшире.

– Но если мои догадки верны, и ты не нормальная — как я — я приму это и тогда отвезу тебя прямо к «Райбелл»?

Я смотрю на него, и на моем лице расплывается улыбка.

– Твои догадки верны.

Во время поездки к команде «Райбелл» дядя Джон разговаривает со мной о работе и о том, с чего я собираюсь завтра начинать.

Он называет мне имена людей, с которыми мне предстоит работать, но я не в силах запомнить хотя бы одно, но уверена — как только я увижу лица, то смогу провести параллели.

Впереди я вижу возвышающееся здание «Райбелл» и начинаю подсакивать на месте от предвкушения.

Я вовсе не беспокоюсь. Это все мои бедра.

Знаете то ощущение возбуждения, возникающее у некоторых девушек в преддверии похода по обувным магазинам? Ну так вот, у меня такое ощущение возникает рядом с машинами, особенно с гоночными.

Большую часть своей жизни я провела в гараже Формулы-1, а другую часть провела дома с кузенами, занимаясь их машинами.

Я практически выросла в гараже, а если быть точной, в гараже Формулы-1, так что для меня все происходящее подобно возвращению домой.

– Энди...

Голос дяди Джона перетягивает мое внимание от пейзажа к нему.

– Я еще этого не спрашивал и просто хочу проверить... ты нормально себя чувствуешь в связи со всем этим?

– Да. Конечно. — Я смущенно улыбаюсь ему.

– Просто... я помню, как сам впервые вернулся в гараж после того, как мы потеряли твоего отца... это было сложно.

Ах, ну да.

Моя улыбка несколько сникла.

— Я в порядке. Это было давным-давно, и я же не впервые возвращаюсь на трек с тех пор, как это случилось.

Каждый раз, когда дядя Джон прилетал в Бразилию на Гран-при, он доставал для меня билет, чтобы я тоже посмотрела. Допускаю, что есть небольшая разница между тем, чтобы быть зрителем на трибуне и быть частью этого, но уверена, все будет хорошо.

— Я знаю. Просто хочу убедиться, что ты в норме, прежде чем мы войдем туда.

— Я в порядке. — Для убедительности я хлопаю его по предплечью.

Дядя Джон сворачивает вниз по частной дороге, везя нас к «Райбелл».

— Вот мы и прибыли. — Он въезжает на парковочное место снаружи строения. Это огромное белое, изготовленное по специальному заказу здание. «Райбелл» во владении нескольких крупных держателей акций, а возглавляется директором Пирсом Воче. Когда-то в прошлом он сам был пилотом, хотя и был не в команде «Райбелл». Пирс и мой отец были в одной команде в более ранние дни их карьер.

Дядя Джон паркует машину, и я следую за ним в здание, проходя мимо придерживаемых им для меня дверей.

— Доброе утро, Лиз. — Дядя приподнимает руку, здороваясь с блондинкой около сорока, сидящей за стойкой ресепшена.

Я вижу, как засветились ее глаза при виде дяди. Кажется, у кого-то есть виды на него. Понятное дело. Дядя Джон привлекательный мужчина в прекрасной форме для того, кому скоро стукнет пятьдесят.

— Лиз, это Энди Амаро, наш новый механик.

— О-о. — Ее брови приподнимаются до линии роста волос. Затем она встает со своего места и тянется ко мне, желая поприветствовать. — Ну, здравствуй, Энди. Приятно познакомиться с тобой. — Она склоняет голову набок, руки кладет на бедра, и начинает оценивать меня взглядом. — Так, значит, ты наш новый механик?

— Именно. — Я натянуто улыбаюсь ей.

— Ну, ты определенно не то, чего я ожидала.

Чего?

Я вижу, какой взгляд она бросает на дядю Джона, отчего тот краснеет.

— Идем. Покажу тебе окрестности, — говорит дядя, бровями пытаюсь показать мне, что нужно уходить.

— Энди, могу я попросить тебя оставить подпись, прежде чем ты уйдешь? — обращается Лиз ко мне.

— Конечно. — Поднимая ручку со стола, я небрежно вписываю свое имя внизу в журнал посетителей.

— Пока, Джон, — произносит она слащавым голосом.

Дядя поднимает руку, когда направляется к двери.

— Приятно было познакомиться, — говорю я Лиз.

Я прошла за дверь, которую придерживал дядя Джон.

— Что это было? — спрашиваю я его, как только дверь закрывается.

Он смотрит на меня смущенно.

— Ты о чем?

— Я о «ты-определенно-не-то-чего-я-ожидала» комментарии.

- Ничего, – отвечает он, подозрительно отводя взгляд.
- Дядя Джон. – Я кладу свои руки на его предплечья в попытке остановить.
- Ладно, – немного сердито говорит он. — Рассказывая о тебе людям, я мог упустить упоминание о том, что ты... ну, что ты девушка.

Что?

- Я не девушка. Я женщина. И зачем тебе так поступать?
- Потому что я знал, что Пирс не дал бы тебе работу, если бы узнал, что ты женщина.
- Почему? — Господи, я знаю, что Формула-1 может быть немного сексистской, но не нанимать кого-то, отталкиваясь от гендерной принадлежности несколько не этично, да и незаконно.

Дядя Джон выдыхает.

- Из-за Каррика. Господь знает, я люблю этого парня, но... он разбирается в женщинах.
- Я предупреждена об этом точно так же, как и любой человек, читающий новости. Но лишь потому, что я женского пола, не значит, что я собираюсь с ним спать.
- Я это знаю, а вот Пирс — нет. А так как всего пару недель назад произошел один небольшой инцидент и таблоиды все еще обсасывают его, Пирс хочет держать Каррика подальше от всех возможных соблазнов.

– Какого рода инцидент?

– Ну, ты же знаешь, что твоя вакансия появилась внезапно?

– Каррик поимел последнего механика? Так, погоди. Он разве гей? Каррик играет на два фронта?

– Нет, слава богу. В противном случае он был бы худшим гребаным ночным кошмаром, который нужно было бы контролировать, чем он уже есть. Нет, Рич — парень, который до тебя занимал это место — работал с нами три года. Когда девушка, занимавшаяся административной работой, ушла с должности фронт-хаус, чтобы завести ребенка, девушка Рича, Шарлотта, заняла это место.

(Фронт-хаус — девушки или парни, работающие в отелях, встречающие гостей, а также занимающиеся административной работой, иногда же принимающие на себя обязанности менеджера.)

Я понимаю, к чему все идет.

– Однажды ночью Рич поймал Каррика и Шарлотту, когда те... — Дядя Джон останавливается на полуслове.

– Занимались сексом. Ты можешь это сказать. Мне не десять, дядя Джон, — смеюсь я.

Его щеки покрываются румянцем, когда он неловко улыбается, как может только тот, кто все еще считает вас ребенком.

– В общем, да, Каррик был с Шарлоттой в директорском номере, когда Рич засек их, и это был гребаный кошмар. Они стали драться. К счастью, Оуэн, отец Каррика, и я все еще были здесь, хотя и была поздняя ночь. Рич уволился, затем порвал с Шарлоттой. Она не выглядела слишком расстроенной по этому поводу, потому что думала, что получит гораздо большее от Каррика.

– Но этого не случилось?

Из него вырывается урчащий смех.

– Каррик не дает большего. Она уже счастливица, что была с ним больше, чем один раз.

– То есть у них был роман?

– Роман не в привычном понимании этого слова. Думаю, Каррик переспал с ней пару раз, а она вообразила себе больше, чем было на самом деле. В любом случае, Шарлотта не

смогла принять того, что ее вот так списали со счетов, и продала свою историю таблоидам. С уверенностью можно сказать, негативные отзывы в прессе довели Пирса нахрен до белого каления прямо перед самым началом сезона. К тому же, Шарлотта подала в суд на «Райбелл» за потерю работы. Кромешный гребаный кошмар. Потому я знал, что Пирс и Оуэн будут чувствовать себя крайне не комфортно при мысли, что так близко к Каррику будет работать механик женского пола, в добавок ко всему еще и такой симпатичный, как ты.

– Я могу это понять. Ты меня знаешь. Я не так работаю.

– Конечно, я знаю, вот почему я захотел доставить тебя сюда, тогда Пирс и Оуэн уже ничего не смогут поделывать. Я не дам тебе потерять работу твоей мечты лишь потому, что Каррик не может удержать себя в штанах.

– Но... но ты ставишь меня в неловкое положение, дядя Джон. Я ценю то, что ты сделал, но я не хочу идти туда и встречаться со всеми, принимая во внимание, что может случиться.

– Ничего не случится. На данный момент Пирса здесь нет. Он на встрече. И я поговорю с ним до того, как вы познакомитесь. Не переживай. — Он руками хватает меня за плечи и крепко сжимая их. — Все будет хорошо. А теперь, ты хочешь сначала посмотреть здание или гараж?

– Гараж. Таким образом, я смогу покончить с неизбежным.

Сейчас я уже менее возбуждена, зная, что окажусь шоком для моих нанимателей.

Давай, Энди. Ты можешь. Что с того, что на тебя будут пялиться и шептаться? В этом не будет ничего нового. Натяни панталоны большой девочки и, женщина, соберись!

С обновленным пониманием цели я следую за дядей Джоном в направлении гаража.

В момент, когда он толкает дверь, я слышу звуки работающих механизмов и ускоряющихся двигателей, также играет включенное радио, а вокруг витает запах, присущий только машинам, особенно гоночным машинам. Вся моя нервозность растворяется в тонком знакомом аромате.

Много воды утекло с тех пор, как я в последний раз была в гараже Формулы-1.

На меня накатывает ностальгия, в горле встает ком.

– И что ты думаешь? — спрашивает дядя Джон, стоя позади меня.

– Я думаю, что это великолепно, — я выдавливаю улыбку.

– Идем. Представлю тебя людям, с которыми тебе предстоит работать.

Я шествую за дядей к одному из болидов, над ним работают двое парней.

– Бен. — Дядя рукой касается плеча парня.

Парень отрывает голову от машины и поворачивается к нам. Он в меру привлекательный со светло-каштановыми волосами и зелеными глазами, а также ненамного выше меня. Не в моем вкусе.

– Энди, познакомься с Беном. Бен главный механик, то есть в основном ты будешь работать с ним. Бен, это Энди Амаро.

Я вижу, как глаза Бена увеличиваются от взгляда на меня.

– Привет, Бен. — Я делаю шаг вперед, протягивая руку для рукопожатия. Его рука покрыта маслом, но меня это не волнует. — Приятно познакомиться. Я так понимаю, что ты один из тех людей, которым дядя Джон забыл сказать, что я девушка.

Взгляд Бена перескакивает с меня на дядю Джона, а затем снова возвращается ко мне.

– Именно так, — Бен прочищает горло. — Но это не то чтобы проблема. Приятно познакомиться с тобой, Энди. С нетерпением жду нашего сотрудничества. Джон

рассказывал впечатляющие вещи о тебе и том, как ты обращаешься с машинами. — Он вытирает руки о рабочие штаны и пожимает мою. — Это Робби. — Он ногой ударяет по телу, находящемуся под машиной. — Робби, вытаскивай свой зад оттуда и поздоровайся с Энди.

— Он здесь? — Парень выбирается из-под машины, прежде чем подняться на ноги. Он смотрит на меня, затем сверкает глазами вокруг.

— Это Энди, — жестом Бен указывает на меня.

— Привет. Приятно познакомиться, — я улыбаюсь Робби и протягиваю ему свою руку.

Робби пялится на мою руку так, словно я инопланетянка. Затем он слегка остолбенело смотрит на мое лицо, но в глазах присутствует суровость.

Дядя Джон прочищает горло, стоя позади меня, привлекая внимание Робби.

Робби вытирает руку о свою спецодежду и пожимает мою.

— Приятно познакомиться... Энди. — Затем он поворачивается к Бену. — Мне нужно достать эту... штуку. Я скоро вернусь.

Затем он уходит.

Бен качает головой.

— Не бери в голову, — говорит он мне. — Он не умеет называть вещи своими именами. Хотя и прекрасный механик.

— То есть это не потому, что я девушка? — рычу я.

Бен ухмыляется.

— Нет. Он такой со всеми. Но когда он увидит, что ты одна из парней, то потеплеет со временем... или, может, нет, — смеется он снова.

Бен с каждой секундой нравится мне все больше и больше. Мне кажется, мы прекрасно поладим.

— Джон, у тебя есть минутка?

Я оборачиваюсь на звук голоса, чтобы увидеть мужчину, я бы сказала, примерно того же возраста, что и дядя Джон, одетого в черный деловой костюм. Для мужчины его возраста он очень привлекателен какой-то изысканной притягательностью с его волосами цвета темного блонда с вкраплениями серого, а также с этими пронизывающими синими глазами.

— Оуэн, да, конечно. Только дай мне представить тебе сначала Энди.

Оуэн взглядом проходит по мне, концентрируясь, а затем его глаза расширяются, и в его выражении лица появляется что-то, что не совсем приятно.

В моем животе формируется узел дискомфорта.

Я подхожу к Оуэну вместе с дядей Джоном. Все это время Оуэн следит за мной, словно ястреб.

— Оуэн Райан, познакомься с Энди Амаро, нашим новым механиком. — Дядя делает акцент на слове механик.

Оуэн Райан — отец Каррика.

— Здравствуйте, мне действительно приятно познакомиться с вами, мистер Райан, — говорю я, придавая уверенности голосу. Я протягиваю ему руку для рукопожатия.

Он смотрит на мою руку так, как это делал Робби, но с еще более взбешенным выражением лица.

Проигнорировав меня и мою руку, которую я убираю с чувством неловкости, он разворачивается к дяде Джону.

— Это Энди? — Оуэн пальцем указывает на меня. У него чисто ирландский акцент.

Мне нравится ирландский акцент, и в любой другой ситуации я бы восторженно прислушивалась, но не когда он исходит от мужчины, у которого явно есть претензии ко мне.

Дядя Джон насупливает брови. Сквозь стиснутые губы он проговаривает:

— Да, это Энди.

— И она женщина, — говорит Оуэн сквозь сжатые зубы.

— Определенно.

Я невидимая?

— И, — рычит он, — она выглядит вот так. — Он вниз и вверх машет рукой в моем направлении.

Я выгляжу, как кто?

— Аккуратнее, Оуэн. Ты близок к тому, чтобы переступить черту.

— Я? Это ты нанимаешь автомеханика, который выглядит, как гребаная супермодель, и это я переступаю черту? Это, блядь, гениально, Джон. Пирс ее уже видел? Что еще хуже, Каррик ее видел?

Голос дяди Джона похож на треск хвороста, когда он отвечает.

— Заткнись. Ты и я, пошли отсюда. Сейчас. — Дядя наклоняет голову в сторону двери, находящейся за ними.

С лицом, выражающим угрозу, Оуэн пронесится за дверь, а за ним мчится и дядя Джон. Дверь закрывается с хлопком. Затем я слышу низкий гул озлобленных голосов, проникающих с другой стороны.

Ну, все пройдет хорошо.

Я стою, как выжатый лимон, и чувствую себя так неловко, как не чувствовала никогда в своей жизни.

В чем проблема вообще? Безусловно, я женщина, и никто об этом не знал. Но что же из себя представляет Каррик? Он что, собака в период течки с неконтролируемыми позывами?

Если не принимать во внимание тот факт, что он переспал с подружкой предыдущего механика, я уверена, он сможет держать себя под контролем рядом со мной.

Но на данный момент у меня возникает видение сексуально озабоченного Каррика Райна, проделывающего имитацию полового акта с моей ногой, как делают псы, и смеюсь сама над собой.

Мой смех немедленно прекращается, как только из-за только что открытых дверей появляется Оуэн, а за ним и дядя Джон с красным лицом.

Оуэн приближается ко мне. Я напрягаюсь, не зная, чего ожидать. Может быть, и от ворот поворот.

— Энди, — мягко произносит Оуэн, его голос чертовски отличается от того, что был пару минут назад. — Я сожалею о произошедшем ранее. Я говорил необдуманно. Просто ты оказалась сюрпризом для меня. — Он глубоко вздыхает. — Ситуация здесь была немного... напряженной некоторое время. Но это не оправдывает моего поведения. Прошу принять мои извинения.

— Приняты. — Я легко улыбаюсь.

На его лице возникает выражение облегчения. Но его глаза говорят нечто совершенно иное. В них подозрение. И я знаю, что это извинение не для моего блага, и также знаю, что время, проведенное с Оуэном Райаном, не будет легким.

— Из вашего резюме я узнал, что вы довольно опытны для вашего юного возраста.

— М-м-м-м, я росла, засунув голову под капот машины.

— И у вас есть образование в сфере механической инженерии?

— Верно. После обучения я нашла работу у команды, участвующей в гонках серийных автомобилей у меня дома.

— Конечно, вы работали на команду Инго Серра?

— Работала.

Мои ответы сдержанные, потому что если я что-то и поняла в этом бизнесе о таких людях, как Оуэн Райан, то это давать им достаточно, но не для того, чтобы подловить меня.

— Я видел гонку Серра. Он невероятно талантлив.

— Да, так и есть, — я улыбаюсь искренней улыбкой при мысли о моем старом боссе. Инго был очень приятным мужчиной. — Я получала наслаждение, работая с Инго.

— Превосходно. — Оуэн кивает, улыбаясь сильно сжатыми губами. — Ну, Джон отзывается о тебе очень лестно, я уверен, ты приспособишься без проблем.

Он имеет в виду не это. Он беспокоится, что я собираюсь затащить в койку его сына. Но, полагаю, это очень мило, что он так говорит.

— Предвкушаю начало работы.

— Прекрасно. Ладно, мне пора, боюсь, мне нужно украсть Джона на десять минут.

— Ты побудешь тут сама, все будет в порядке? — спрашивает меня дядя Джон, подходя ближе.

— Все нормально, — нежно улыбаюсь я ему.

Дядя смотрит на меня какое-то мгновение. Оуэн ждет дядю у дверей, придерживая их для него.

— Иди, я буду через минуту, — говорит он Оуэну.

Кивнув, Оуэн уходит, закрывая за собой дверь.

Как только дядя Джон убеждается, что тот ушел, он начинает говорить тихим голосом.

— Не то чтобы я извинялся за поведение Оуэна, но случившееся с Ричем и Шарлоттой подкосило его. Он менеджер Каррика. Ему оставалось только прибраться беспорядок, сотворенный его сыном. Пирс был вне себя от злости, спонсоры не любят плохие отзывы в прессе. Это был невообразимый кошмар. Последнее, чего они хотят, так это еще один скандал. Вот почему он отреагировал на тебя именно таким образом.

— И вот почему ты должен был сказать им всем, что я женщина. — Я смотрю на него с разочарованием.

— Если бы я сказал, ты бы сейчас здесь не стояла. А я рад, что ты здесь.

На это я могу лишь улыбнуться.

— Да, я тоже, защищаясь от мгновенно возникшей ненависти одного из боссов.

— Оуэн в порядке. Он не ненавидит тебя. Он проявляет беспокойство. Но как только он узнает тебя и увидит, что Каррик интересуется тобой в последнюю очередь, все образуется.

— Да, ты прав. В любом случае, иди. Тебе же нужно, помнишь? — я руками прогоняю его прочь.

— Ты уверена, что все будет хорошо? — переспрашивает он, делая шаг назад.

— Уверена. Я просто осмотрюсь здесь.

— Хорошо. Увидимся через десять минут или около того, и тогда я покажу тебе все остальное.

Я наблюдаю, как дядя Джон уходит через дверь и затем поворачиваюсь к болиду, с которым работали Бен и Робби, но Бена больше не было на месте.

Крышка двигателя все еще поднята, так что я решаю подойти и взглянуть, с чем мне предстоит иметь дело.

Как только я дохожу до машины, по радио начинает играть песня Дэвида Гетты "Dangerous". Подвывая песне, я снимаю курточку, положив ее в кокпит. Я пробегаюсь кончиками пальцев по голубому с серым рисунку на болиде, продвигаясь к задней части машины. Дойдя до конца корпуса машины, я начинаю делать круг, чтобы взглянуть на двигатель.

(Кокпит — кабина гонщика в болиде, гоночной машине.)

— Пожалуйста, скажи, что ты мой подарок на день рождения.

Это медленное ирландское произношение заставляет встать дыбом волоски на моей шее сзади.

Я поворачиваю голову, чтобы обнаружить Каррика Райана стоящим прямо за мной.

Ого. Вот это да.

В реальности он выглядит определенно лучше, чем по телевизору. Я знала, что он привлекательный. Но блондины обычно не в моем вкусе. Я больше из тех девочек, что предпочитают темные волосы и черные глаза.

Но эти волосы цвета темного блонда, подобные греху глаза и полные губы — такие губы, которые можно обсасывать часами — и этот угловатый подбородок, оформленный щетиной... да, кажется, все это действует на меня. Ну, во всяком случае, на мое тело. Определенно не на мою голову. Мужчины-шлюхи не в моем списке предпочтений.

Мои глаза встречаются с его, когда он поднимает свой взгляд после откровенного разглядывания моей задницы. Посмотрев в них, я понимаю, что они сразили меня до самой сути, удивляя до чертиков. Его глаза глубокого голубого оттенка полны тепла. Моя кожа начинает покрываться мурашками, когда его пристальный взгляд чуть ли не прожигает меня.

У меня никогда прежде не было такой сильной реакции на один лишь вид мужчины.

Черт.

Успокойся, Энди. Это не проблема. Ты и раньше встречала хорошо выглядящих мужчин. Ты можешь это отключить. Пилоты запретная зона, особенно те, на которых ты работаешь.

Моя работа слишком важна, чтобы потерять ее из-за парня.

Выпрямившись, я поворачиваюсь к нему лицом.

— Привет, — говорю я ему самым уверенным и формальным голосом.

В ответ я не получаю ничего, потому что он не слышит меня. Он слишком занят разглядыванием моей груди.

Типичный мужлан.

У меня вдруг возникает желание ударить его по этому красивому лицу.

Но я этого не сделаю, потому что я профессионал. Я справлюсь с этим самым лучшим образом, как и делала это раньше, когда сталкивалась с подобными ему членоголовыми извращенцами.

— У тебя день рождения? — мило спрашиваю я, улыбаясь ему так, словно флиртую.

Он усмехается.

— Уверен, что так и есть, а твое присутствие здесь только доказывает это. Ты собираешься сделать его экстра-особенным для меня, сахарок?

Ему кажется, что он отхватил большую удачу.

Как он далек от истины. Елейный мудака.

Я склоняю голову на бок, удерживая улыбку для флирта на моем лице, когда подхожу к

нему настолько, чтобы оставить между нами крошечное расстояние. Я прижимаю свой палец к его груди. Господи, какой он крепкий. Я кончиком пальца могу почувствовать проступающие под одеждой мышцы.

Он очень высокий, выше моих 179 сантиметров на несколько добрых дюймов. Я бы сказала, его рост 186 сантиметров, что высоковато для пилота, но он гибкий. Ему нужно быть в форме, чтобы вписаться в эти автомобили. Могу поспорить, что под одеждой у него нет ничего, кроме натренированных мышц. Гонщики должны быть серьезно подготовлены, и Каррик Райан определенно соответствует этому описанию во всех смыслах.

Вот теперь я представляю его голым. Великолепно. Просто, блядь, чудесно.

Я собираю все силы, чтобы сконцентрироваться на происходящем.

— Ну... — я наклоняюсь к нему еще ближе, и могу слышать, как он резко втягивает воздух. Мне нравится мой голос, когда я шепчу. — Если ты еще когда-нибудь назовешь меня сахарком, то не доживешь до следующего дня рождения. Будь уверен.

Он откидывает голову назад, веселясь.

— Боевая. Мне такое нравится.

Я отступаю назад, отрывая руку от его груди.

— Здесь нечему тебе нравиться.

Его взгляд сканирует меня по всей длине роста, задерживаясь на моих ногах, снова прожигая их похотливым взглядом.

— А я вижу так много того, что может нравиться. Господи... твои ноги просто бесконечные.

Как бы мне хотелось прикрыть их чем-нибудь. Тотчас же я замахала руками, чтобы поднять его взгляд вверх.

— Я не твой тип.

Приподнимая на меня взгляд, он одаривает меня уверенной улыбкой.

— Потрясающая задница. Великолепные ноги. Отличная осанка. Красивое лицо. Да, — кивает он, — ты определенно мой тип.

— А я подумала, что глупые, наивные и внушаемые — какой я не являюсь — были бы больше в твоём стиле.

Он смеется, что вызывает у меня дрожь, заставляя кожу покрываться мурашками.

— Посмотрим — я про внушаемых.

Я отворачиваюсь на вдохе и достаю из болида куртку, прежде чем надеть ее.

— Ты уходишь?

— Похоже на то.

— Дай свой номер.

— Нет.

— Скажи хоть свое имя.

Остановившись, я оглядываюсь на него из-за плеча.

— Адреса.

— Фамилия?

Я улыбаюсь его настойчивости.

И в этот момент в гараж вернулся Бен.

— О, класс. Ты уже познакомился с Энди, — говорит он Каррику, проходя мимо.

Взгляд Каррика сражает меня наповал. На его лице мелькает сомнение.

— Энди?

– М-м-м-м-м.

– Но разве Энди не мой...

– Новый механик? Да, это я.

– Ты Энди... мой новый механик? — его глаза увеличиваются от удивления.

Мне приходится сдерживать улыбку. Склонив голову набок, я кладу руки на бедра.

– Ага.

– Черт бы меня побрал. Я ожидал кого-то...

– С пенисом и низким голосом? Прости, что разочаровала.

Мгновение его лицо ничего не выражает, а затем он взрывается глубоким смехом.

И тогда я поняла, что только что в лицо Каррику Райану сказала слово «пенис».

Я сказала «пенис».

Черт.

Убейте меня. Убейте меня прямо сейчас.

Он смотрит на меня с сексуальным выражением самодовольства на лице, в его глазах любопытство. Он глядит на меня так, словно я его следующая жертва.

Он делает шаг мне навстречу. Когда он обращается ко мне, его голос становится ниже.

– Я далек от чувства разочарования. Ты красивая, умная, боевая и умеешь работать руками. Все мои любимые качества в одном флаконе. — Он снова осматривает меня снизу-вверх.

Я слышу, как кто-то прочищает горло и, разворачиваясь, вижу стоящего за моей спиной дядю Джона с выражением бешенства на лице.

– Каррик, отец хочет видеть тебя в своем офисе.

Он насупливает брови, смотря на дядю.

– Зачем?

– Я не знаю. Почему бы тебе не отправиться к нему и не выяснить это?

Он выдыхает и начинает пятиться. Его глаза все еще сфокусированы на мне.

– Мы все идем сегодня отдыхать: команда и несколько друзей – собираемся выпить в честь дня рождения. Ты должна прийти.

– Ох, – я застигнута врасплох. — Спасибо, мистер Райан, но...

– Каррик. А вообще, зови меня Карр. Так меня зовут друзья.

– Карр. Оригинал. — Я невозмутима. Я ничего не могу поделать. Он с легкостью пробуждает во мне монстра.

Он ухмыляется. Эта ухмылка действительно может срывать трусики.

– Да, ты такая.

О, он хорош. Но я лучше.

– Я привыкла к имени Каррик. Спасибо. И я благодарна за приглашение, но у меня уже есть планы на вечер.

Он хмурит брови.

– С кем?

Не слишком ли грубо? С моей новой кроватью, если ему так нужно знать.

– Со мной, – отвечает дядя Джон с покровительственными нотками в голосе.

Взгляд Каррика мечется от меня к дяде Джону, и затем сосредотачивается на дяде.

– Чем займетесь?

– Поужинаем.

Кажется, сегодня я иду ужинать с дядей Джоном.

– Ну, можете потом заглянуть на напитки. Это даст мне возможность лучше узнать моего нового механика. — Он смотрит на меня наполненным смыслом взглядом. — Увидимся сегодня.

Я наблюдаю за тем, как он уходит, пересекая гараж уверенной походкой.

– Ну так вот, это Каррик, — произносит дядя Джон, давая выйти раздражению вместе с воздухом.

– Хм-м.

– Он хороший парень. Умный как черт и один из лучших пилотов, каких я не видел после, э-э... — Моего отца. Он обрывает себя и прочищает горло. — В любом случае, к сожалению, Каррик слишком зависим от своего члена. — Осознавая, что он сказал, дядя покраснел. — Дерьмо. Прости, Энди.

Я рассмеялась.

– Дядя Джон, я взрослая женщина, и работаю в окружении мужчин все время. Я слышала вещи похуже, чем «член».

– Уверен в этом. — Еще щеки краснеют еще сильнее. — Итак, Каррик хорошо с тобой обошелся? Я слышал, что он сказал...

– Да. Никаких проблем, — резко отвечаю я.

Я решила не говорить ему, что Каррик крайне сильно испытывал свою удачу со мной. Я справилась с этим, так что дяде не о чем беспокоиться.

Внезапно меня захлестывает волна усталости, и мне приходится подавить зеवоту.

– Ты уверена, что выдержишь сегодня? Ты не обязана идти.

– Нет, все в порядке. — Зевота отступает. — Это будет хороший способ узнать моих новых коллег получше. Будет ли нормально попросить тебя отвезти меня сейчас в мою квартиру? Мне нужно принять душ и вздремнуть. И тогда я выдержу сегодняшний вечер.

Я зеваю, и дядя Джон усмехается.

– Вперед, соня. Давай отвезем тебя в твой новый дом.

Глава 2

Бердфордшир, Англия

– НАМ НЕ НУЖНО ОСТАВАТЬСЯ ТУТ ДОЛГО. Максимум час, а затем я отвезу те домой.

– Хорошо, – улыбаюсь я дяде Джону и затем выбираюсь из машины.

Мы поужинали в приятном итальянском ресторане, а сейчас приехали в паб, где Каррик празднует свой день рождения, но я уже начинаю медленно соображать.

Когда дядя Джон увез меня в новую квартиру, я едва осмотрелась. Он устроил меня, и я лицом упала на кровать. Проснулась я спустя час, и у меня оставалось всего полчаса до приезда дяди на то, чтобы собраться.

Я быстро приняла душ и помыла волосы. Вяло пыталась высушить их после того, как откопала в сумке фен, но в итоге просто сделала небрежный пучок. Я редко хожу с распущенными волосами.

Я натянула пару чистых облегающих джинс и украшенный какими-то маленькими камушками у горловины свитер изумрудно-зеленого цвета с длинным рукавом. Его мне купила мама. Как только я обула балетки и нанесла немного блеска на губы, в мою дверь постучался дядя Джон.

Я следую в паб за дядей, лавируя в толпе людей. Здесь масса народу, а потом до меня доходит, что Каррик — популярный парень.

– Привет, ты сделала это. Я закажу вам обоим напитки, – говорит Бен, когда мы подходим к барной стойке.

– Не беспокойся. Я закажу их, – отвечает ему дядя Джон. — Пиво? — обращает он внимание на напиток Бена.

– Ага. — Он приподнимает бутылку, чтобы осушить ее.

Дядя Джон поворачивается ко мне.

– Я тоже буду пиво, пожалуйста, – прошу я.

Дядя Джон перегибается через барную стойку, ожидая, когда его обслужат.

– Ужин прошел хорошо? — спрашивает меня Бен, привлекая к себе мое внимание.

– Да, все было чудесно. Спасибо. С дядей Джоном приятно пообщаться.

– Как давно ты знаешь Джона?

– Всю жизнь.

– Круто, – улыбается он. — Как тебе Англия? Я слышал, ты из Бразилии.

– Да. Хорошо. — Я решила не распространяться на тот счет, что я здесь родилась и прожила следующие десять лет. — Как давно работаешь на «Райбелл»? — спрашиваю я у него.

– Пять лет.

– Тебе нравится?

– Обожаю это. Это длительные часы безделья и паршивые номера отелей, но я повидал мир, и ничто не сможет сравниться с суетой в день гонок.

– Я тебя слышала, – улыбаюсь я.

– Вот, держи. — Дядя Джон передает мне пиво, а затем отдает Бену его бутылку.

– В общем, добро пожаловать в «Райбелл». – Бен поднимает свое пиво по направлению

ко мне, так что я чокаюсь с ним.

— Спасибо. — Я делаю глоток.

Идеально. Как раз то, что мне нужно, чтобы взбодриться.

— Хочешь, я представлю тебя некоторым другим людям из персонала? — спрашивает меня Бен. — Остальные из экипажа механиков здесь, а кто-то из команды Нико общается с девочками фронт-хаус.

— Да, это было бы замечательно.

Я сказала дяде Джону куда направляюсь, на что он ответил мне, что пойдет искать Оуэна — обсудить деловые вопросы. Дядя всегда работает.

Я слеую за Беном, когда мы пересекаем паб, двигаясь к столику в конце. Пока я шла, то осматривалась вокруг, но так и не увидела Каррика.

Бен останавливается перед столом.

— Эй, все, это Энди, наш новый механик. Не то чтобы ты запомнила все эти имена. Энди, но это Эми, Петра, Дэймон, Пол, Майк, Дэвис и Робби, его ты уже знаешь.

Я слежу за пальцем Бена, которым он указывает на всех за столом.

— Привет. — Я поднимаю руку в приветствии.

Милая блондинка с голубыми глазами, которую, как я поняла, зовут Петра, открыто мне улыбнулась. Она ниже меня. Я так считаю, но сложно сказать, когда она в сидячем положении.

— Пододвинься, Эми. Подходи и присаживайся к нам, — говорит она.

Я проскальзываю к скамейке и сажусь рядом с ней, ставя свое пиво на стол.

— Так ты из Бразилии? — спрашивает Петра.

Я догадываюсь, что ей, должно быть, сказал об этом Бен.

— Изначально я была в Англии, но с десяти лет жила в Бразилии.

— Ого. Везучая. Я была бы счастлива жить где-то, где жарко.

— Ты провела больше половины года в жарких странах, — отвечает ей, как я поняла, Эми. — Господи, не могу дождаться поездки в Австралию. Никогда там не была.

— Эми новенькая, как и ты, — уведомляет меня Петра. — Здесь всего пару недель. Она вместе со мной работает на должности фронт-хаус.

— Так значит это вы те девушки, к которым нужно обратиться, чтобы получить действительно хорошую еду, — улыбаюсь я.

— Именно так, — отвечает Петра.

Эми только и делает, что безучастно смотрит на меня с тех самых пор, как я подошла сюда. Не могу точно сказать, был ли это стервозный оценивающий взгляд, но я это ненавижу.

Я сделала очередной глоток пива и преисполнилась благодарностью, когда один из ребят задал мне вопрос.

Проходит какое-то время, пока я общаюсь, и мое пиво кончается. Наверное, мне нужно найти дядю Джона.

— Я пойду к бару, — говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Кому-нибудь что-нибудь нужно?

Я получила несколько отказов от тех сидящих за столом, кто обратил на меня внимание. А остальные упустили случай, потому что спрашивать снова я не стала.

Подняв сумку, я отправилась к бару. Меня все еще не отпускает удивление из-за того, что я так и не увидела Каррика. Паб не выглядит слишком большим, а он не относится к

разряду парней, которых вы можете просто не заметить.

На самом деле я просто хочу поздравить его с днем рождения, что мне не удалось сделать раньше. С моей стороны это было паршиво.

Не заметив дядю Джона или Каррика, я проскальзываю на свободное место у бара и жду, пока меня обслужат. Я решила заказать выпивку и затем поискать дядю. Возможно, он с Карриком.

Я почувствовала его еще до того, как услышала.

Сбоку моего тела возникает ощущение его тепла.

— Ты пришла.

Каррик.

Развернувшись к нему, я улыбаюсь. Господи, как хорошо он выглядит. Его глаза сияют, щеки покраснелись, словно он только что был снаружи.

— Пришла. Я уже давненько здесь.

— Хм-м-м. Знала ли ты? — Он приподнимает брови. — Ты должна была прийти и найти меня.

— Я думала, что ты мог быть занят, раз тебя нигде не видно.

— Я был зажат в угол. Не мог выбраться.

— А сейчас свободен?

В его глазах появляется шаловливый блеск.

— Да, я свободен по большей части.

Напряжение пробежало по моей коже, я вернула взгляд к бару.

— Итак, Амаро — бразильская фамилия, верно? — он приближается ко мне.

Я скольжу по нему взглядом.

— Верно.

— Папа сказал мне, что ты только сегодня прибыла оттуда.

— Это так.

Господи, мой словарный запас сегодня прямо-таки поражает.

— Не обижайся, но ты говоришь не как бразильянка. У тебя крайне слабый акцент.

— Вообще я изначально из Англии. Я родилась здесь. Моя мать бразильянка. Мы переехали туда, когда мне было десять.

— Ну конечно. Это объясняет твоё произношение, — улыбается он.

— Так, я еще не поздравила тебя с днем рождения, — говорю я, переводя тему с обсуждения моей жизни.

— Нет, не поздравила. — Внезапно он стал смотреть на меня очень внимательно и сосредоточенно.

— Так вот... с днем рождения, — смутившись, говорю я.

Его взгляд стал расслабленным, и улыбка затронула его глаза.

— Спасибо.

— Дай мне заказать тебе выпить. Пива? — переспрашиваю я, кивая на бутылку в его руке.

— Хм-м-м.

Он поднимает бутылку, а я ничего не могу с собой поделать, кроме как смотреть на то, как его губы обхватывают горлышко и как движется его кадык, когда алкоголь проскальзывает внутрь.

— Что вам принести? — Это уже бармен.

Поняв, что была застигнута за рассматриванием Каррика, я покраснела.

— Эм, два пива, пожалуйста.

Бармен заменяет пустую бутылку, что поставил на стойку Каррик, поставив перед нами два пива.

Я стала рыться в сумке в поисках денег, чтобы оплатить заказ, когда увидела, как Каррик достал двадцатку.

— Эй, я должна была купить тебе выпивку в честь дня рождения, — хмурюсь я.

— Считай это «добро-пожаловать-в-команду» напитком от меня.

— Тогда спасибо. Но это в каком-то роде идет против моей цели купить тебе выпивку в честь дня рождения.

Я подняла свою бутылку и чокнулась с ним, а затем отпила пива.

— Итак, Энди — это сокращенно от чего? — спрашивает он меня.

— Андресса.

Я говорила ему свое полное имя раньше, в гараже, но совершенно ясно, что он это забыл. Да и к тому же у него наверняка в запасе много женских имен, которые нужно помнить.

— Андресса, — он пробует мое имя на вкус.

Мне нравится то, как звучит мое имя, когда он произносит его со своим ирландским акцентом, как его язык скручивается, когда он проговаривает "С". От этого дрожь проносится по моему позвоночнику.

— Конечно, ты говорила мне это раньше. Значит, Энди образовалось от Андрессы.

— Потому что Андресса — несколько труднопроизносимо для того, чтобы все постоянно так меня называли. — Отец начал называть меня Энди. Это невероятно сильно выводило маму из себя, пока она все же не сдалась.

Глаза Каррика увеличиваются, и на его лице читается выражение с сексуальным подтекстом.

— Труднопроизносимое может быть прекрасным, — ухмыляется он сексуально. — Энди больше похоже на мужское имя, а ты далеко не парень. Нет, Андресса... это красивое женское имя. Оно идеально подходит тебе.

О-о-о. Он хорош.

Я чувствую, как он придвигается ко мне еще ближе. Мое сердце забилося сильнее и быстрее, чем когда-либо, хотя я и не знала, что это возможно.

Что со мной не так?

Не в силах посмотреть ему в лицо, я останавливаю свой взгляд на его груди.

— А ты богат на хреновые подкаты.

— Это не единственное, чем я богат.

Когда я поднимаю на него глаза, то вижу, как он быстро направляет свой взгляд вниз, заставляя меня посмотреть на выделяющуюся выпуклость в его штанах.

Святой боже.

Это развеяло все чары, которые он наводил вокруг меня.

Я разворачиваюсь обратно к барной стойке, склоняюсь на нее, ставлю свою бутылку и облокачиваюсь на поверхность бара.

— Тебе действительно не стоит разговаривать со мной вот так.

Он прислоняется к стойке спиной, но я чувствую, как он смотрит на меня.

— И как именно мне следует с тобой говорить?

Я перевела свой взгляд на него.

— Как и с любимым другим своим механиком.

— Откуда тебе знать, что с Беном я разговариваю иначе? А с Робби? У нас с ним вообще особые отношения. — Он нахально подмигивает, прежде чем сделать глоток.

Я рассмеялась, не сдержавшись.

Оборвав его, я посмотрела прямо на него.

— Серьезно, нам нужно провести грань. Так что дай мне разложить тебе...

— Идеально. У тебя или у меня?

— Боже, ты можешь быть серьезным хоть минуту?

Он телом развернулся в мою сторону.

— Я серьезен. — Его интонация говорит о серьезности, совершенно отличающейся от моего понимания этого слова.

— Как и я. — Я напряженно выпрямляюсь, лицом разворачиваясь к нему. — Сколько именно ты выпил сегодня?

Он хмурится.

— Недостаточно для того, чтобы быть не способным для тебя. И даже если я буду выведен из строя, могу гарантировать, что у меня не возникнет проблем с тем, чтобы поднять его для тебя.

И затем он взглядом проделывает то, что делал все время — медленно и внимательно осматривает меня с ног до головы. Это надоело мне до чертиков. Он бы не стал развлекаться со своим механиком мужского пола в этом смысле, так что определенно не должен так поступать со мной.

— Прекрати ломать комедию. Тебе нужно перестать флиртовать и сексуально домогаться меня.

Его брови сдвигаются на переносице.

— Ты не отдыхаешь с гонщиками?

— Я не сплю с ними.

— То, что я предложил, не предполагало секс.

— Да, я поняла смысл. Но если тебе хочется переспать сегодня или в любую другую ночь, то это будет не со мной. Гонщик для меня под запретом, особенно те, на которых я работаю. А сейчас, спасибо за выпивку, — я приподнимаю бутылку. — И желаю тебе хорошо провести время на праздновании твоего дня рождения. — Я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— И это все? — спрашивает он, его голос заставляет меня обернуться к нему.

Я напряженно улыбаюсь.

— Да, это все.

— Можем мы быть хотя бы друзьями?

Я смотрю на него с подозрением.

— Ты хочешь быть друзьями?

— Почему ты так удивлена?

— Эм... потому что меньше чем тридцать секунд назад ты пытался забраться в мои трусики.

— Слушай, — он чешет свою щеку, — флирт... это то, кто я есть. Я не хочу обидеть. Но ты мне нравишься. Мне кажется, ты классная. Кажется, из-за того, что ты здесь новенькая, у тебя не так много друзей — кроме Джона — потому я предлагаю дружбу.

Я размышляю над этим примерно минуту. Хорошая ли идея быть другом Каррика?

Скорее всего, нет. Но я собираюсь работать с этим парнем, так что подружиться кажется вполне логичным решением. Не близкими друзьями. Просто приятелями по работе.

— Друзьями... хорошо, это я могу.

— Хорошо, — улыбается он победно.

— Каррик? Ты готов идти?

Мои глаза перемещаются туда, откуда прозвучал назвавший его имя голос, и я вижу группу парней и девушек у главного выхода, выглядящих готовящимися уйти. Я заметила, что Эми и Бен с ними. Эми смотрит на меня даже не благосклонно. Ее лицо определенно хмурое. Создается впечатление, что она недовольна тем, что Каррик общается со мной, тогда как нравится ей, что не становится сюрпризом.

В какой-то момент я обнаруживаю, что сравниваю себя с ней, чего обычно не делаю. Она милая, женственная. У нее ярко выраженные бедра и заметная задница, а наверху тоже нет недостатка в формах. Я же... хорошо, моя фигура более мальчуковая. Я очень стройная, у меня нет выделяющихся бедер, но есть маленькая попа. Моя грудь упругая, но не слишком большая. Я знаю, что у меня привлекательное лицо, потому что люди постоянно говорят мне, как я похожа на маму, а она красавица. У меня ухоженные длинные и густо вьющиеся темно-каштановые волосы. Хотя я не часто оставляю их распущенными, и все из-за моей работы.

— Буду через секунду, — отвечает Каррик компании.

— Ну, такси здесь, так что поторопись, — говорит ему кто-то.

Я наблюдаю, как они выходят за дверь, и лишь затем снова смотрю на Каррика, взгляд которого уже устремлен на меня.

— Мы едем танцевать. Хочешь с нами? — интересуется он, склонив голову набок.

— Нет, но спасибо, что спросил. Я устала. Разница во времени дает о себе знать. Я скоро поеду домой.

Он дерзко ухмыльнулся, и я не смогла сделать иначе, как ответить ему чем-то вроде мягкой улыбки.

— Спокойной ночи, Каррик.

Еще одна медленная улыбка, а затем он уходит, и на долю секунды я жалею, что не поехала с ним, хотя знаю, что поступила правильно. Если бы я поехала тусоваться с Карриком, ничем хорошим это не закончилось бы.

Это стало еще более очевидным утром, когда я пошла купить какой-нибудь еды в местном магазине и на прилавках увидела газеты. Они были заполнены фотографиями Каррика, покидающим клуб в не лучшем виде с парочкой девиц, держащих его под руки, среди которых я узнала Эми, одну из девочек фронт-хаус.

Кажется мне, Каррик не выучил урок о сексуальных отношениях с сотрудниками.

Видя эти изображения и чувствуя неприятное ощущение в желудке от осознания того, что Каррик скорее всего спал с ними обеими, и наверняка одновременно, я начинаю сомневаться в том, что быть с ним друзьями хорошая идея.

Потому что если после всего лишь дня, когда я узнавала его, у меня возникает неприятное ощущение от одного взгляда на фотографии, тогда дальше все может пойти только хуже.

Мельбурн, Австралия

Я В МЕЛЬБУРНЕ в связи с началом нового сезона.

Я впервые в Австралии. Мы заняты с тех пор, как прибыли сюда, готовясь к первой гонке сезона на гоночной трассе Альберт-Парка, так что я не успела осмотреть много достопримечательностей, но те, что видела, выглядели потрясающе.

Чего, а точнее сказать, кого я еще не видела, так это Каррика — на протяжении уже двух недель.

Последний раз я видела его утром после празднования его дня рождения. Он пришел в гараж в солнечных очках и с низко опущенной бейсболкой.

Когда он увидел меня, то остановился и посмотрел взглядом, который я не могла разобрать, но чувствовала, как тот проникает глубоко в меня, аж до самых костей. Затем в его глазах прояснилось, он помахал рукой и был таков.

После этого на протяжении всего дня меня не покидало ощущение ошеломления, но я быстро заставила себя перестать заикливаться.

Каррик игрок. И пилот.

Гонщики равняются плохому.

И мое легкое что бы то ни было — а именно влечение рода «мое-тело-хочет-его-тело» — прошло. С этим покончено. Финита. Это должно было произойти, потому что гоночный сезон длится с марта по ноябрь, и я вижусь с Карриком по многу раз в день. Ни к чему хорошему это «мое-тело-хочет-запрыгнуть-на-его-тело» за следующие восемь месяцев не приведет.

Каррик прибудет в Австралию сегодня. Мы прибыли сюда за пару дней до тренировочной сессии, но Каррику нужно быть здесь пораньше, чтобы акклиматизироваться.

Также едет Нико. Я с ним еще не познакомилась, у нас не так много возможностей контактировать, потому что у него есть своя команда механиков, но я вся в предвкушении.

Судя по той прессе, что я прочитала, Нико является полной противоположностью Каррика. Он очень сосредоточенный и преданный делу, никогда не был замечен на каких-либо вечеринках, семейный человек, женатый и у него есть ребенок.

Я поражаюсь тому, как он и Каррик могут ладить — если они ладят, конечно. Для участников команды не является чем-то из ряда вон выходящим не нравиться друг другу. Гонщики могут находиться под одним флагом, но это одиночный спорт с невообразимой конкуренцией.

Близится время ужина, я нахожусь в своем номере, который делю с одной из самых гостеприимных и дружелюбных девочек — с Петрой. Она скоро явится. Мы не виделись со дня, когда праздновался день рождения Каррика.

Честно говоря, я удивлена, что делю комнату именно с ней. Мне казалось, что она будет делить номер с другой девушкой фронт-хаус, Эми, которую я видела на фото в газете, выходящей из клуба вместе с Карриком. Я думала, что буду жить в номере одна. Но это вовсе не проблема. Уверена, что все будет чудесно. Наверное, поначалу будет странно делить жилище с кем-то, кого я едва знаю, но убеждена, что проблем не возникнет.

У меня нет проблем в общении с женщинами. Просто так получилось, что гораздо

лучше я лажу с мужчинами. Может быть, это из-за присущего мне несвойственного женщинам увлечения машинами.

Я валяюсь на кровати, размышляя над планами на ужин во время просмотра телевизора, когда слышу, как открывается дверь. Входит Петра, тащит за собой чемодан и очень громко дышит.

– Привет, – сажусь я, делая звук на телевизоре потише.

Она закрывает двери и закидывает чемодан на комод.

– Привет. Энди, правильно? Мы познакомились на дне рождения Каррика?

– Да, верно.

– Прости. Я была немного пьяна той ночью. У меня хреновая память, когда я пью. И так, значит, мы будем соседками следующие восемь месяцев, а может и больше. — Она опускается на другую кровать, принадлежащую ей.

– Похоже на то. — Я запикиваю руки под свои бедра, чтобы примоститься на них.

– Ну, по всей видимости, я не храплю. И на самом деле не важно, храпишь ли ты. У меня крепкий сон, – пожимает плечами она.

– Ладно. Эм... хорошо, не думаю, что храплю. То есть никто мне никогда не говорил, что я храплю.

– Клево. Какие планы на сегодня?

– Планы?

– Ребята собираются куда-нибудь?

– Эм, наверное, – пожимаю я плечами. — Бен говорил что-то о вылазке, чтобы попить пива.

– Круто. Мы напишем им и узнаем, что за вылазка. Ты ела? Потому что я умираю с голоду.

– Нет, я как раз думала об ужине.

– Потрясающе. Поедим чего-нибудь тут или выйдем куда-то. А потом можем встретиться с парнями, чтобы выпить.

– Звучит замечательно. — Я скрещиваю ноги на кровати в индийском стиле. — Ты не устала? — спросила я ее.

Я была разбита, когда только добралась сюда. Я все еще пытаюсь приспособиться к новому часовому поясу. В Англии я только-только успела оклематься.

– Ха. Я прекрасно выспалась в самолете, и привыкла к постоянным путешествиям. Так живу уже четыре года. Я легко адаптируюсь. — Она отбрасывает свои шлепанцы. — Да и к тому же, кому нужен сон?

– Людям, – хмыкаю я.

– Да, но я не отношусь к большинству. Как мудро сказал Бон Джови: «Отосплюсь на том свете».

(У исполнителя Bon Jovi есть песня 'I'll sleep when I'm dead'.)

Я легко смеюсь. Мне уже нравится эта девчонка.

– Кажется, в твоих словах есть смысл. Обычно я не из лежебок. Но я была так измотана, когда только пришла сюда.

Она усмехается.

– Скоро ты втянешься во все это.

– Да, уверена, что так и будет. А другая девушка, Эми, тоже приехала?

Лицо Петры мрачнеет от упоминания имени Эми.

– Нет, ее отпустили.

– Отпустили?

– Уволили.

– О-о. Почему?

– Потому что она трахнулась с Карриком. Я, блядь, пыталась до нее донести, что не нужно этого делать и ничем хорошим это не закончится, особенно так скоро после случая с Шарлоттой, но она не послушалась.

– А, да. Дядя Джон рассказывал мне о Шарлотте, не то чтобы мы сплетничали или что-то в этом роде, – тороплюсь я прояснить ситуацию. — Дядя Джон говорил о том, как освободилась моя должность.

– Да, честно говоря, тут творился бардак.

– Так значит любая девушка, которая переспит с Карриком, будет уволена? — Увидев ее выражение лица, я спешу объясниться. — Я спрашиваю не потому, что хотела бы переспать с ним. Только чисто из любопытства.

Она пожимает плечами.

– Раньше он никогда не связывался с персоналом. Я имею в виду, он не предпринимал попыток со мной, не то чтобы я допустила подобное. Он не в моем вкусе. Но до Шарлотты работала Лиа, та вышла замуж. Затем она ушла, чтобы забеременеть, Рич предложил работу Шарлотте, и все мы знали, чем это закончится — огромным гребаным скандалом в прессе. Итак, когда Эми получила работу, то положила глаз на Каррика, и я сказала ей, что это не будет хорошей идеей, когда Пирс все еще не в себе из-за всего этого беспорядка. А затем она идет и оказывается на фотографии с Карриком и другой девушкой. Ну, то есть, серьезно! — Она смеется, размахивая руками в воздухе. — И так как Пирс был моим боссом, ее уволил Дэвид, что было довольно просто, потому что ее нанимали как временного работника, Пирс не хотел рисковать, не хотел возникновения любых проблем типа тех, что были с Шарлоттой — ты, наверное, знаешь о том, что она подала в суд и прочее.

– Хм-м-м. Не то чтобы это было мило, но, да, кажется, я могу понять точку зрения Пирса.

– Ага, но теперь мне приходится работать в одиночку. Пирс не дает Дэвиду нанимать кого-либо еще, потому что беспокоится, что Каррик трахнет и ее. И Дэвид вроде как не может нанять парня из-за того, что в этом бизнесе очень важна презентабельность. Так что он нанял Франко, чтобы добавить рук на кухню, дабы освободить меня от этих обязанностей, но я являюсь лицом организации, да еще и теперь одна, – скривилась она.

– Паршиво, – сочувствую я.

– Ага, но я не против. Все идет своим чередом. — Она поднимается с кровати. — Я собираюсь принять душ, чтобы освежиться после полета, и потом подготовиться к выходу. Напиши Бену и узнай, что они запланировали.

– Конечно.

Когда Петра исчезает в ванной, я с прикроватной тумбочки хватаю свой телефон и начинаю набирать сообщение Бену.

Когда я выясняла планы ребят, они уже где-то развлекались, так что мы с Петрой побыстрому перекусили в отеле.

Сейчас мы идем вниз, чтобы встретиться с ними в «Сент-Кильде» на улице Фицрой. Здесь самый пик активности. Вдоль улицы тянутся бесчисленные бары и рестораны. Петра

сказала, что это лучшее место, где можно выпить, пока мы находимся в Мельбурне, не то чтобы я знала, как много собираюсь пить во время моего нахождения здесь.

Воздух вокруг жаркий и влажный, потому я надела джинсовые шорты, футболку и шлепанцы.

Когда мы приходим на место, то видим, что парни сидят у бара снаружи, и с ними Каррик. От одного взгляда на него мое сердце пропускает пару ударов в груди. На нем бейсболка с логотипом команды, футболка и джинсовые шорты. Он выглядит хорошо. Нет, лучше, чем хорошо. Он выглядит бесподобно. Мои попытки притупить воспоминания на протяжении этих двух недель, пока мы не виделись, привели лишь к тому, что сейчас его вид кажется лишь еще более будоражащим и обновленным, словно сейчас я увидела его впервые и мои чувства вернулись с громким ударом. Я ощущаю этот удар всеми своими женственными частями тела.

Черт подери.

Когда я подхожу ближе, его глаза встречаются с моими, и он улыбается.

Я в восторге. Едва не лишилась долбанных чувств. Я такая жалкая.

– Дамы, – манерно тянет он.

Его голос поражает меня во все правильные места.

– Привет, – отвечаю я ему.

Проводя взглядом вокруг стола, я приветствую остальных.

– Пойду, достану нам выпить, – говорит Петра. — Что ты хочешь?

– Пиво было бы отличным вариантом. Спасибо.

– Мне нужно еще, – поддержал разговор Бен, поднимаясь со своего места. — Я пойду с тобой.

– Сядь, Андресса. — Каррик дотягивается до опустевшего стула, на котором сидел Бен, и притягивает его к себе.

– Разве он не понадобится Бену, когда тот вернется?

Наклонив голову, Каррик улыбается.

– Он найдет другой.

– Ладно. — Я проскальзываю на стул и стараюсь не сторониться Каррика, но именно так и поступаю.

– Итак, скучала по мне?

Я поворачиваюсь к нему лицом, чтобы посмотреть на него.

– Всеми фибрами своей души. — Я невозмутима.

Его губ касается улыбка.

– Хватило бы и простого «да».

– Зачем быть простой, когда можно быть потрясающей?

– Верно, – смотрит он на меня взглядом, полным затаенного огня.

А я так сильно люблю этот огонь в них, что мне приходится отвернуться.

– Ну и как поживает мой новый лучший друг? Кроме того, что является потрясающим, конечно.

Я снова смотрю на него, приподняв брови.

– Лучший друг?

– О, да. Мы лучшие друзья. Разве ты не знала?

– Очевидно, нет. Итак, как именно мы стали лучшими друзьями?

– Мы лучшие друзья, потому что, – он приближается ко мне, вторгаясь в мое личное

пространство, его губы рядом с моим ухом, и его горячее дыхание заставляет меня трепетать, — ты не даешь мне трахнуть себя. В итоге мы ищем наилучшую альтернативу, а это — быть лучшими друзьями, потому что я не действую наполовину, Андресса. Я из тех парней, что «все или ничего». — Он отодвигается в своем кресле назад и пристально смотрит на меня.

Я чувствую дрожь глубоко внутри. Еле сдерживаюсь.

— Эм, ага... я вроде как принимаю это.

— Ну и? — Его взгляд все еще устремлен на меня.

— Ну и... что?

— Как поживаешь?

— О, хорошо. Прекрасно. А ты? — Я заправляю за ухо прядь волос, которая, как я почувствовала, выпала из моей прически — конского хвоста.

— Я хорошо, — пожимает он плечами. — Сейчас уже лучше, когда я со своим лучшим другом.

— Тебе действительно нужно прекратить говорить это. В твоих устах это звучит дико. И немного трагично.

Он громко засмеялся, в его глазах светится веселость. Я чувствую, как от этой улыбки тепло расплывается в моей груди.

Петра вернулась с напитками.

— Спасибо, — говорю я, забирая их у нее и расставляя на столе. — Хочешь вернуть свой стул? — обращаюсь я к Бену, отрывая свой зад от сидения.

— Ха, не переживай. Я возьму другой. — Он достает пару пустующих стульев, стоящих у соседнего стола, и тащит их к нашему, ставя рядом со мной.

Петра села рядом со мной, а Бен занял место рядом с ней.

Дотянувшись до своего пива, я делаю приветственный глоток.

— Как тебе Австралия? — спрашивает меня Каррик.

— Великолепная. Я не видела большую часть всего, но планирую устроить маленькую экскурсию по достопримечательностям, когда выдастся возможность.

— Я планирую сделать некоторые покупки, — приняла участие в разговоре Петра. — Если быть точнее, то угги. Они здесь намного дешевле, чем дома.

— Я могла бы присоединиться к тебе, когда ты поедешь, если ты не возражаешь. — Мне нравятся угги.

— Конечно, не возражаю, — улыбнулась она. — Я буду рада новому товарищу по покупкам, учитывая, что прошлого я потеряла. — Она немного выдвигается вперед и демонстративно смотрит на Каррика.

Я вижу, как он ерзает на месте, а затем встает. Я слежу за ним взглядом.

— Пойду, отолю, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Я смотрю ему в спину, пока он идет к бару, отчего-то чувствуя себя плохо за него.

— Пет...

До моего слуха доносится низкий голос Бена, в котором слышится порицание.

— Будь с ним полегче по поводу этой ситуации с Эми.

— Я знаю, знаю. — Она поднимает руку. — Я просто взбешена, что мне приходится работать одной.

— Я знаю, но это не его вина. Это вина Пирса. Каррик чувствует себя из-за этого дерьмом. Сам сказал мне об этом. И я был в клубе той ночью. Эми все время преследовала его. Она не оставляла его ни на секунду. Он поладил с другой пташкой, и Эми была там. Это

была ее идея, чтобы они ушли вдвоем. Серьезно, любому парню было бы сложно сказать «нет». Это был его день рождения, и он был пьян в хлам. Ты знаешь Каррика. Он бы не прикоснулся к Эми, если бы знал, что это приведет к ее увольнению. Да и ему самому не приходится добиваться женщин, они сами вешаются на него. — Бен поднимает бутылку со стола и делает глоток. — Знаешь, он повздорил с Пирсом на следующий день после этого происшествия.

— Повздорил? — удивилась Петра.

— Да, я слышал, как он и Пирс шли в офис директора, — это говорит Робби. — Он сказал, что Пирс переходит грань, увольняя ее. Каррик пытался вернуть ей работу, но Пирс даже пальцем не шевельнул.

— И работа, которую она получила сейчас — кто, по-твоему, нашел ее для нее? — добавляет Бен.

— Каррик? Это правда сделал он? — спрашивает Петра.

Бен отглотнул из бутылки пива и кивнул головой.

— Он не ублюдок, Пет. Ты знаешь это.

— Я знаю, что он не такой. Просто... Эми не рассказывала об этом, — бормочет она в свой напиток.

— Ага, ну, она бы и не сказала, разве не так? Она надеялась быть девушкой больше, чем на одну ночь — как и все они. Она выставила его в плохом свете.

Я вижу, как Бен поднял глаза, и поворачиваюсь, чтобы заметить, как к столу приближается Каррик. Он заваливается на свое место и поднимает свое пиво.

— Так мы останемся здесь на всю ночь или пойдем дальше? — спрашивает Каррик.

— Пойдем дальше! — в один голос кричат Петра и Бен.

Мы держим свой путь вниз по дороге, исследуя бары, и я начинаю чувствовать себя немного опьяненной и уставшей, готовой отправиться в свою постель.

Петра не выглядит вымотанной даже чуть-чуть. Они вместе с Беном у барной стойки, заботясь о новых напитках.

Я ждала, когда же Петра вернется за стол, и вскоре она заняла место рядом со мной.

— Петра, я пойду обратно в отель. Я обессилена. Тебе не нужно идти со мной, — говорю я, замечая разочарование в ее взгляде.

— Ха, я пойду. Я не хочу, чтобы ты возвращалась в одиночку.

— Я готов идти, так что могу проводить тебя. — Это Каррик.

Взгляд Петры метнулся в сторону Каррика.

— Эм... ладно. Если ты не против, — отвечаю я ему.

— Мы остановились в одном и том же отеле, так что мне не будет сложно, — усмехается он.

— Конечно, ага, — поддакиваю я, чувствуя себя немного глупо.

Он поднимается со своего стула. Схватив телефон со стола, он дает тому скользнуть в его карман. Я с пола поднимаю свою сумку и вешаю ее на плечо.

— Увидимся в отеле, когда вернешься, — говорю я Петре.

— Ты уверена, что не возражаешь, чтобы возвращаться в отель с Карриком? — тихонько спрашивает она.

— Я в порядке, — неловко рассмеялась я, зная, о чем она думает. — Наберу тебе позже.

Помахав рукой сидящим за столиком, я развернулась и пошла к Каррику.

– Готова? — спрашивает он.

– Да. — Я следую за ним из паба на улицу.

Уже поздно, но температура воздуха все еще высокая, не то чтобы я к ней не привыкла.

Живя в Бразилии, я поняла, что погода может быть куда жарче.

Какое-то время мы идем бок о бок в тишине, пока Каррик не решает нарушить ее.

– Где именно в Бразилии ты живешь? Ну, или жила, пока не перебралась в Англию.

– Сантус. Это в Сан-Паулу, на побережье.

– Да, я знаю Сантус. Красивые пляжи.

– Я много времени провела на этих пляжах. — Я улыбаюсь с нежностью, мысленно возвращаясь к тем дням, что провела на пляже вместе с мамой. — Еще я некоторое время жила в центре Сан-Паулу.

– Да?

– Я поступила в университет, жила в кампусе, что спасло меня от путешествий туда и обратно. Моя мама была не слишком заинтересована в том, чтобы я жила далеко от дома, — я мягко рассмеялась, когда вспомнила, как мама нервничала поначалу, когда я только начала переезд.

– А ты когда-нибудь возвращалась домой, чтобы посмотреть Гран-при?

– Пару раз. Дядя Джон доставал мне билеты.

– Ты видела мои заезды?

– Видела, — улыбаюсь я. — И ты был изумителен, особенно в тот год, когда одолел Леандро Сильву, загнав его в угол на повороте «утиный клюв». Это было что-то с чем-то.

(Bicode Pato, то есть «Утиный клюв» — это разновидность резкого поворота на гоночной трассе, похожего на утиный клюв.)

Он мигает, вперившись в меня взглядом.

– Как так получилось, что мы не встретились раньше, чем две недели назад?

– Вероятно, потому, что дядя Джон не доверял тебе, чтобы подпускать ко мне, — я одариваю его понимающей улыбкой.

– Да, хорошая мысль — не то чтобы мне можно было верить сейчас. Шучу. — Он поднимает руки, рассмеявшись. — Мы же лучшие друзья, а я не сплю со своими лучшими друзьями.

– Тебе действительно стоит прекратить это говорить.

– Что? Что мы лучшие друзья?

– Именно.

– Почему?

– Потому что это звучит странно, когда это говоришь ты, словно пятилетний мальчик.

– Я определенно не мальчик. И я собирался быть очаровательным, а не странным. И стало ясно, что это не работает.

Я хохочу, заметив в его глазах озорство.

– Итак, Джон тебе на самом деле не дядя, верно? Но ты зовешь его дядя Джон?

Я немедленно напрягаюсь от этого вопроса, опасаясь того, куда он может завести.

– Да, — я сглатываю. — Он близкий друг семьи. Он знает меня с пеленок. Он мой крестный отец.

Думаю, Каррик заметил, насколько мне неудобно, потому что меняет тему.

– Что же ты изучала в университете?

– Механическую инженерию.

– Ну еще бы, – тепло улыбается он. — Я никогда не учился в университете.

– Слишком занят гонками?

– Ага. Хотя мне бы, скорее всего, понравилось.

– Хм-м-м... да, студенческая жизнь определенно подошла бы тебе, – поддеваю я его. —

По части женщин и пьянок.

Он мягко смеется.

– Я не настолько плох, каким меня делает пресса, и ты знаешь это.

– Но все же не так далек от этого...

Он смотрит на меня отрезвляющим взглядом.

– Не слишком отдален, да.

Отведя глаза, я вижу, что мы подошли к отелю.

Каррик придерживает дверь открытой, пропуская меня вперед. Мы пересекаем вестибюль и заходим в ожидающий лифт. Я надавливаю на кнопку с номером своего этажа, обращая внимание на то, что Каррик не нажимает на кнопку с номером его этажа.

– Какой этаж? — спрашиваю я у него.

– Пентхаус.

Ну, еще бы.

Я нажимаю на кнопку пентхауса и отхожу назад, вставая рядом с ним.

Мы молчим, когда лифт трогается, на заднем плане раздается металлическая музыка дребезжащего лифта.

Каррик меняет положение и запихивает свои руки в карманы таким образом, что задевает мою руку.

– Прости, – бурчит он.

– Ничего, – отвечаю я.

Господь знает, каких сил мне стоило выдавить из себя это слово, потому что я чувствую себя все более и более странно из-за вспышки тепла, которое распространяется по моей коже от того места, где его рука дотронулась до меня.

Пространство внезапно чертовски уменьшилось.

Я делаю глубокий вздох, стараясь быть невозмутимой, но у меня ничего не получается.

Я четко ощущаю его присутствие рядом с собой. Все, что я могу чувствовать, это его сексуальный-как-грех лосьон после бритья, отчего у меня кружится голова. Я начинаю разгорячаться.

Какого черта со мной не так?

Я концентрируюсь на дисплее, наблюдая за сменяющимися номерами этажей. Мне необходимо выбраться из этого лифта как можно скорее, но счетчик на табло двигается будто бы черепашим шагом.

Черт бы побрал этот лифт.

Каррик выдохнул. Это мягчайший звук, но ощущается так, словно он подул мне в ухо.

Я вздрагиваю. Я, блядь, реально вздрагиваю.

Я обнимаю себя, пытаюсь взять под контроль бушующие гормоны, но в этот раз сама умудряюсь столкнуться с ним руками.

Умница, Энди.

В чем я успешнее всего, так это в создании моментов, когда по моему телу расплывается тепло, сейчас стремительно направляющееся южнее.

Я могу чувствовать, как Каррик смотрит на меня, но сама смотреть на него не смею. И

уж тем более не могу заговорить из страха сболтнуть что-нибудь глупое, так что я предпочитаю просто не обращать внимания на то, что миг назад коснулась его руки.

Тотчас же я сжимаю ноги и молю богов заставить лифт ехать быстрее.

Какого черта со мной происходит? И этот лифт когда-нибудь вообще собирается доползти до моего гребаного этажа?

Ну же... давай же...

Неужели!

Я прибываю на свой этаж со звоном, похожим на таймер на духовке, будто я курица, которая дошла до готовности.

– Это мой, – мой голос неестественно высокий. Я выскальзываю за двери еще до того, как они успевают полностью раскрыться. — Спасибо, что прогулялся со мной, – говорю я, пятясь.

Он делает шаг из лифта, руками придерживая двери.

– В любое время. Спокойной ночи, Адресса, – его голос звучит совсем иначе — глубоко и хрипло.

– Спокойной ночи, Каррик. — Я разворачиваюсь на месте и иду в свой номер так быстро, как только могу. Мое сердце бешено колотится в груди, пока в голове назревает вопрос, что все это была за чертовщина.

Мельбурн, Австралия

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ГОНОК. Гараж является центром активности. Мне нейдет. Я бы на бесчисленном количестве гонок, особенно когда работала дома на гонках Сток-кар. Но находиться здесь, быть частью Гран-при, просто потрясающе.

(Stock-car racing—гонки на обычных, стандартных легковых автомобилях.)

Звук ревущих моторов, запах машин, а также люди, готовящиеся к заезду — все это объединяется в единое целое, и от этого всего в воздухе витает энергия. Нет ничего и приблизительно похожего на день гонок.

Это так волнующе, и я чувствую себя значимой от того, что участвую во всем этом и являюсь винтиком этого механизма.

Я словно отброшена в прошлое, в детство, когда приходила смотреть заезды папы.

Я задумалась, буду ли чувствовать себя странно во время первой гонки. Наверное, самую малость, но гораздо больше я сосредоточена на возбуждении от предвкушения приближающейся гонки Каррика, а также меня сдерживает занятость работой, которая должна быть сделана заблаговременно. И не то чтобы я не была на Гран-при со дня смерти моего отца.

Просто быть в эпицентре всего этого... совершенно иначе, нежели сидеть среди зрителей и наблюдать. Это великолепно.

Я отследила Нико Треслера, когда он вошел в гараж. Я не видела его во время тренировочных сессий. Если он и был здесь, то в те моменты, когда здесь не было меня.

Так, вот оно. Я собираюсь перестать быть тряпкой, собираюсь подойти к нему и представиться.

Я пересекаю маленькое расстояние до половины Нико. Дойдя до него, я останавливаюсь за его спиной и немного отодвигаюсь в сторону для того, чтобы оказаться в поле его периферийного зрения.

На данный момент он общается с Дэймоном, его главным механиком. Когда Нико замечает меня, он прекращает разговор и разворачивает голову по направлению ко мне.

— Могу я вам помочь?

— Здравствуйте, мистер Треслер. Простите, что побеспокоила. Меня зовут Энди Амаро. Я новый механик Каррика и просто хотела подойти к вам представиться. Я ваша невероятная поклонница. — Это не абсолютная ложь. Я отдаю предпочтение другим гонщикам, не Треслеру, но умасливание пилота всегда было лучшим из путей.

Лицом он поворачивается ко мне, обращая на меня все свое внимание.

— Ах, да. Новый механик Райана. Я все о тебе слышал. — Он проходит по мне взглядом, который, мягко говоря, заставляет меня чувствовать себя не комфортно.

Я отшатываюсь в сторону.

— Не удивительно, что он дал работу тебе.

Вообще-то это сделал не он.

— Меня нанял Джон, не Каррик. — Я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, профессионально и уж точно не враждебно.

Пилоты иногда могут быть сложными, особенно в день гонок. Они напряжены и

испытывают стресс, так что лучше не закипать. Пытаться быть учтивой. Он может вести себя как мудака, но он гонщик, и мне следует уважать это.

— Ну еще бы, — пренебрежительно говорит он. Затем приближается ко мне. — Ты можешь быть достаточно наивной, чтобы думать, будто Райан нанял тебя, отталкиваясь от твоих навыков. Но это не так. Он нанял тебя только из-за твоего размера груди. У парня нет шика, и он относится к этой профессии, как к шутке. Он эгоистичный ублюдок, которого не волнует ничего, кроме него самого.

Ого. Ладно.

Я бросаю взгляд на Дэймона, который посмотрел на меня с симпатией, прежде чем отвернуться.

— Я бы не стала говорить так... — начинаю я защищать Каррика.

— Здесь все в порядке? — обрывает меня на полуслове Каррик.

Я поворачиваюсь к нему. Он устремляет взгляд на Нико. Лицо Каррика является идеальной, непроницаемой маской, но в его глазах клокочет ярость.

— Все хорошо. — Нико улыбается Каррику, но скорее скалится. — Я просто пояснял Энди, во что она ввязывается, если собирается работать на тебя.

Каррик злобно рассмеялся.

— Уверен, что так и было. Андресса, у тебя есть минутка? — Он пальцами сжимает мою руку над локтем.

Даже сквозь спецодежду я ощущаю его прикосновения так, будто он касается моей обнаженной кожи.

— Да, конечно. — Почувствовав себя немного опустошенной, я следую за Карриком, когда Нико отворачивается от нас.

Добравшись до половины гаража, принадлежащей Каррику, я останавливаюсь и спрашиваю:

— Так для чего я тебе нужна?

— Ни для чего. Просто хотел увести тебя от Нико. Он напыщенный придурок и ищет повода для ссоры.

Я скрываю смех.

Я хочу согласиться, но не хочу выглядеть оскорбляющей гонщика, особенно кого-то уровня Нико. Это было бы непрофессионально с моей стороны.

— Он определенно интересный, — говорю я, аккуратно подбирая слова.

— Он мерзкий тип. И я могу гарантировать, что все сказанное им в мой адрес является правдой наверно только на шестьдесят процентов. Он просто ненавидит меня за то, что за первые два года я выиграл больше гонок, чем он за всю свою карьеру. Гребаный дрончер.

Я смеюсь и не могу остановиться.

Я замечаю, что Каррик часто делает это — смешит меня.

Мне это нравится.

— Совет от меня — не разговаривай с Нико до тех пор, пока не возникнет жесточайшая необходимость.

— Хорошо. Взяла на заметку, босс, — нахально ухмыльнувшись, салютую я ему.

Я вижу в его глазах вспыхнувший огонь.

— Босс? Хм-м-м... мне это нравится.

— Каррик?

Он оборачивается на голос своего отца, который выглядит уж точно недовольным,

когда видит Каррика общающимся со мной.

— Иду. — Он поднимает руку по направлению к Оуэну. Оглядываясь, Каррик обращается ко мне. — Увидимся перед гонкой, да?

— Да.

Он одаривает меня одной из его останавливающих сердце улыбок, оставляя меня с ощущением нехватки воздуха, после чего разворачивается, чтобы уйти с отцом.

У меня на самом деле не было возможности поговорить с Карриком, когда он вернулся, так как все мы были чертовски заняты, готовя его машину к гонке, а он отправился напрямик наружу фотографироваться и встречаться с людьми — преимущественно со спонсорами — и раздавать интервью. Я замечаю, как он упивается вниманием грид-герлз, а также бrolли-долли.

(Грид-герлз — девушки-модели, перед началом гонки машущие флагом с номером пилота, либо национальным флагом.)

(Бролли-долли — девушки-модели, работающие как на авто-, так и на мотогонках в разных должностях вроде промоутеров либо "девушек с зонтиками".)

Но я... неважно. Это нисколько меня не волнует.

Когда Каррик наконец вернулся в бокс, у него оставалось времени только для того, чтобы забраться в машину. Я надеваю шлем, как поступили и остальные механики, оказавшись на пит-лейн, но каким-то образом он смог встретиться со мной взглядом.

(Помещения, расположенные на пит-лейн — участке трассы, по которому болиды подъезжают к боксам со скоростью не более 100 км/ч — в которых хранится все оборудование во время Гран-при.)

Нахально подмигнув мне, он хватается за свой шлем и надевает его поверх огнеупорной балаклавы. Каррик залезает в кокпит и пристегивает ремни безопасности. Бен приладил руль и Каррик готов к гонке.

(Балаклава — подшлемник, изготавливающийся из специального материала, служащего для защиты головы и шеи гонщика от ожогов при пожаре.)

Мы все возвращаемся обратно в гараж. Я сняла шлем и теперь могу наблюдать за гонкой, смотря на экраны.

Я бросаю быстрый взгляд на дядю Джона, который сидит у панели управления вместе с Пирсом и Оуэном.

Затем мой взгляд снова возвращается к экранам, и я смотрю, как Каррик делает ворм-ап. Рев двигателя отзывается во мне дрожью.

(Ворм-ап (Warm-up) или прогревочный круг — круг, который пилоты проделывают перед гонкой, чтобы прогреть покрышки. Это делается для лучшего сцепления с дорогой. Чем резина горячее, тем она мягче и тем лучше сцепляется с асфальтом.)

Господи, как я люблю это.

Я наблюдаю, как болиды зигзагом виляют из стороны в сторону по прямой дороге, разогревая шины. Но преимущественно я сфокусирована на машине Каррика. Его шлем голубого цвета сверкает на солнце.

Наконец, все болиды покидают пит-лейн и занимают свои места на стартовой решетке. Каррик находится в поул-позишн, которой добился на вчерашней квалификации, став первым. Это отличное начало сезона, и я знаю, что Каррик счастлив.

(Во время квалификации определяется порядок, в котором пилоты уходят со старта и первая, выигрышная позиция называется поул-позишн.)

(Квалификация — примерно часовая сессия, состоящая из трех этапов, во время которой гонщики проезжают минимум один полный круг с целью изучить трассу и произвести настройки болида. По результатам этой сессии (в

зачет идет самый быстрый круг) они располагаются на стартовом поле.)

Затем напряжение возрастает, я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание, пока все пять светофоров над стартовой линией не загорятся красным цветом. Потом они гаснут... и ВПЕРЕД!

Каррик прекрасно стартует, входя в поворот как профессионал, каковым он и является.

Как только виток заканчивается, он начинает уходить в отрыв от остальных участников, занимая лидирующую позицию.

Когда он прибывает для смены шин, его энергетика затрагивает всех. Команда, работающая на пит-стопе, принимается выполнять свои обязанности, меняя резину на болиде.

(Пит-стоп — остановка гонщика на пит-лейн, чтобы произвести все необходимые операции с машиной, типа дозаправки или смены резины, согласно требованиям пилота и правилам данной гоночной серии.)

Каррик остается в своей машине, наблюдая за гонкой через мониторы, расположенные над его головой. Когда шины готовы, он сразу же возвращается на трассу.

Он занимает свою позицию в момент.

В гонке присутствует и несколько напряженных моментов вроде того, когда Каррик становится вторым из-за того, что его обгоняет пилот из Бразилии, Леандро Сильва.

Я бы никогда не сказала Каррику — ведь прекрасно известно, что между Карриком и Леандро происходит серьезное соперничество — но я люблю Леандро. Не в жутком смысле, а как обожают героев. Он изумительный гонщик. Не лучше, чем Каррик. Он просто другой.

Я задерживаю дыхание, когда Каррик сокращает расстояние на очередном повороте и занимает место позади Леандро.

Да!

Гонка — это когда такое происходит практически все время. Борьба Каррика и Леандро за поул-позишн волнующая и вызывает острое ощущение.

Уже финальный круг, Каррик лидирует, но все еще присутствует заставляющая нервничать мысль, что он может потерять позиции в последний момент, ведь Леандро не из тех, кто сдается просто так.

Каррику нужна эта победа. Она задаст курс всему оставшемуся сезону.

Я скрещиваю за него пальцы.

Давай, Каррик. Ты можешь. Давай же...

Я отсчитываю последние секунды, сердце бешено бьется в груди, а по венам бежит адреналин.

Затем он пересекает финишную прямую, после чего клетчатый флаг взлетает вверх, а затем летит вниз.

Он победил! Да!

Я и не подозревала, что не дышала, пока не позволила себе вдохнуть, и устроила легкий танец счастья на месте.

Моя улыбка тянется от уха до уха — и не только из-за Каррика, я радуюсь за всю команду и за себя в том числе. Я не просто смотрела, а участвовала в подготовке и была частью победы Каррика Райана. И это только начало. Будет еще продолжение. Я чувствую, как прямо сейчас меня переполняет ощущение привилегированности.

Я осматриваю гараж, все аплодируют и радуются. Атмосфера наэлектризована.

Меня отбросило во времена, когда я находилась со своим отцом в момент его победы, и как мы планировали отпраздновать это в его гараже.

Сердце пронзает мучительная острая боль из-за того, что было так давно.

Перетягивая себя из прошлого в настоящее, я вижу выбирающегося из машины Каррика. Он снимает шлем и огнестойкую балаклаву, его волосы прижаты к голове, что, однако, не мешает ему выглядеть потрясающим и красивым.

Его поздравила вся команда: его отец, дядя Джон, Пирс. Каррик широко улыбается и смеется.

Когда я смотрю на него, мое сердце переполняют чувства, а грудь щемит от счастья.

Затем Каррик поворачивает лицо в моем направлении, выискивая, и смотрит на меня взглядом — в глазах его глубина, а на лице улыбка — ошеломляющим взглядом, от которого у меня спирает дыхание, но в то же время появляется ощущение радости.

В этот миг я осознала, что облажалась по полной программе.

Потому что я хочу его. Очень сильно.

И теперь мне предстоит найти способ справиться с этим.

Поверьте мне, я запала на единственного мужчину, с которым у меня ничего не может быть.

Сделав глубокий вдох и скрыв свои чувства к нему, я улыбаюсь и направляюсь к Каррику, чтобы поздравить его с победой.

Куала-Лумпур, Малайзия

— Мне скучно. — Каррик опускается в кресло передо мной.

Он выглядит великолепно как никогда — одет в шорты цвета хаки и белое поло, подчеркивающее темный золотистый загар.

Я действительно очень сильно стараюсь, чтобы не пялиться на его руки. Это на самом деле очень красивые руки. Безупречная гладкая кожа, мускулы, и сексуально выделяющиеся на них вены — это те руки, которые вам хотелось бы облизать.

Как вы можете видеть, моя влюбленность развивается с завидной скоростью. Что же по части прекращения этого? Не так хорошо.

Мы в Куала-Лумпур, здесь проходит второй этап сезона. Я впервые в этой стране и должна сказать, что она потрясающая.

— Как тебе может быть скучно? Сейчас только половина десятого утра. — Я откусываю от своего тоста.

Я завтракаю в одиночку, потому что Петра все еще в кровати, отсыпается после вчерашнего мальчишника. На удивление, этим утром я чувствую себя блестяще, учитывая, сколько вчера выпила. Каррик приходил вчера, но не оставался надолго, так как ранним утром у него планировалась тренировочная сессия.

— Ну да, я бодрствую с шести утра. Такое впечатление, будто прошла уже половина дня.

— Ты только что из спортзала?

— Ага.

— Твой новый тренер надрал тебе зад?

Прошлой ночью Каррик рассказывал, что его отец нанял тренера на то время, пока Каррик будет здесь.

Из-за того, что он выше среднестатистических гонщиков, его вес естественно больше, чем у других, поэтому ему приходится быть предусмотрительным, чтобы не набрать массу.

Каррик мог побеждать в гонках, но он любитель выпить и его питание не то чтобы здоровое. Если он не будет осторожным, то наберет вес, что поставит его в невыгодное положение на трассе — отсюда и его новая диета, а также режим тренировок.

— Тренер — долбаный сержант-инструктор по строевой подготовке. К тому же я чертовски голоден. Мюсли — вот что мне позволено есть на завтрак. Гребаные мюсли, — проворчал он.

— Бедное дитя, — поддеваю его я.

Этим я зарабатываю бурчание.

На телефон приходит сообщение от мамы.

"Спокойной ночи, дорогая."

Она уже начала путаться в часовых поясах.

Хихикая под нос, я пишу ей ответ.

"Мам, я опережаю тебя на десять часов, у меня сейчас половина десятого утра. Позвоню тебе вечером, для тебя это будет утреннее время."

Она отвечает сразу же.

"Я люблю тебя."

Я отрываю глаза от телефона и вижу, как Каррик пожирает мой бекон взглядом, который я могу назвать не иначе как жаждущим.

— Ты в порядке? — смеюсь я.

— Нет, я умираю с голоду, — смотрит он на меня. — Ты собираешься есть этот бекон?

Наш отель — единственное место в Куала-Лумпур, в котором подают приличный бекон. Вообще-то я хотела съесть его и не думала делиться с Карриком. В плане еды я очень жадная.

Отклонившись на спинку стула, я беру свою чашку с кофе.

— Думаешь, тебе стоит есть бекон? У тебя же борьба за здоровье в этом сезоне.

Он театрально вздыхает.

— Господи Иисусе, я же не превысил норму веса, или все-таки?

Он сгибает руку, чтобы поиграть мускулами, и я еле сдерживаю порыв ударить по ним — ну или облизать.

— Один кусочек бекона не превратит меня в гребаного Джаббу Хатт.

(Джабба Хатт — мерзкий и толстый жабообразный персонаж фильма «Звездные войны».)

— Я почти уверена, что когда Лукас создавал его, то назвал его Джабба Хатт. Не гребаный Джабба Хатт. И если твой отец увидит, что я даю тебе бекон, то лишит меня работы.

(Джордж Лукас — сценарист фильма «Звездные войны».)

— Он не станет. Да ладно... всего кусочек бекона.

— Нет, — я поддвигаю тарелку ближе к себе, чтобы та была подальше от него.

— Ох, да ну тебе, крошка. Ты знаешь, что хочешь дать мне чуть-чуть.

Крошка?

Это слово омывает меня, словно я окунулась в ванную, наполненную эротизмом.

Сдавливая бедра и сжимая губы, я качаю головой.

— Нет. Твой ирландский льстивый шарм на меня не действует.

Ухмыльнувшись, он одаривает меня взглядом, достойным сексуального дьявола.

— Ох, Андруса, крошка, если ты мне дашь совсем немного... я сделаю так, чтобы это стоило того. Это может быть нашим маленьким секретом. Я никому не скажу. Обещаю.

— Как ты умудрился сделать так, чтобы разговор о беконе казался таким пошлым?

— Я бы назвал это талантом... но может быть пошлый вовсе не я. Может это ты. Ведь, несмотря ни на что, именно ты услышала в нашей беседе что-то грязное. — Он приподнимает бровь.

Мое лицо приобретает ярко-красный цвет.

Его пальцы незаметно прокрадываются по столу к моей тарелке.

— Итак, я забираю этот бекон? — хлопает он ресницами, смотря на меня.

Мерзавец знает, насколько хорошо выглядит.

— Ладно, — сдаюсь я. — Один кусочек. Вот твоя доля.

Я хватаю бекон и передаю ему.

— Говорил ли я в последнее время, какой потрясающей тебя считаю?

— Нет.

Я наблюдаю за тем, как он кладет бекон в рот, смотря на поедаемый кусочек.

— Ну так вот, ты потрясающая. Чертовски потрясающая. Боже, это чудесный бекон, — стонет он, пережевывая мясо.

Я начинаю вертеться на стуле как уж на сковородке, когда он издает эти звуки.

Кто знал, что кусочек бекона может так заводить?

Я сразу представила себя голой, лежащей на кровати, и он надо мной, во мне, издает те же самые звуки...

– Ладно, мне нужно еще, – врывается его голос в мои сексуальные мысли.

– Хм-м? Что? Ага. — Я отталкиваю тарелку без единой мысли.

Затем, секунду спустя, я осознаю, что натворила.

– Стой! Верни! Ты втянешь меня в неприятности!

Я пытаюсь схватить тарелку, но Каррик сгреб весь бекон и затолкал его в рот.

– Господи! Поверить не могу, что ты это сделал! — Я с шлепком прижимаю ладонь ко рту, скрывая вырывающийся смех.

– Никогда не смей недооценивать способности голодного мужчины, – говорит он, чавкая, с набитым беконом ртом, а в его глазах блеск.

Я ничего не могу с собой поделать, кроме как смотреть на то, как двигается его адамово яблоко, когда он проглатывает еду, что выглядит чудно, но сексуально.

– Господи, так намного лучше. Чувствую себя сейчас нормальным, блядь, человеком. — Он отклоняется на своем стуле назад, прижимая руку к животу.

– У тебя проблемы, – съязвила я. — Хочешь остаток моего завтрака? — жестом я указываю на недопитый кофе и половину тоста.

– Прости. – Он дерзко ухмыляется. – Хочешь, чтобы я достал тебе еще?

– Эх, не беспокойся об этом, – машу я, отказываясь от этой идеи.

– Итак, какие планы на сегодня?

– Особо никаких. Наверное, буду бездельничать у бассейна.

– Даже мысль о тебе, лежащей в бикини, изумительна...

Я прерываю его реплику.

– Кто сказал, что на мне будет бикини?

– Мое воображение. А что? Ты будешь топless? Или вовсе будешь купаться голышом? – Его глаза заискрились, как зажженная спичка, когда он выпрямился на своем сидении.

– Нет, извращенец. Я имела в виду, что могла бы быть одета в купальный костюм, чтобы ты знал.

– Ты не оставляешь веселью шансов, – дует он губы.

Я хохочу, качая головой.

– Я твой друг, помнишь? Ты не применяешь извращенные шутки к своим друзьям.

– Кто сказал? Пока я не прикасаюсь к тебе, я могу все что угодно творить вот здесь, – он стучит пальцем по своей голове.

– И если ты хочешь, чтобы я оставалась твоим другом, тебе нужно заткнуться. – Я смотрю на него с самодовольной улыбкой на губах.

– Хорошо, зануда, – он закатил глаза. – Итак, может, вместо того, чтобы тусоваться у бассейна в старушечьем купальном костюме, ты согласишься немного развлечься со мной?

Предыдущая часть нашего разговора и нахальный блеск в его глазах заставляют меня спросить:

– Развлечься как?

– Весело.

– Весело развлечься?

– Именно. – Он наклоняет голову, его губы растянулись в улыбке.

Это настолько очаровательная мальчишеская улыбка, что я и не замечаю, как отвечаю.

– Хорошо, я «за».

После завтрака Каррик пошел к себе за кошельком, а я бросилась в свой номер, чтобы взять кое-какие деньги. Каррик сказал надеть что-то тренировочное, и у меня создалось впечатление, что мы будем заниматься чем-то активным. Спортивным.

Петра все еще в кровати, хотя уже проснулась и сидя смотрит телевизор.

– Привет, я пропустила завтрак? – ее голос хриплый.

– Ага, они прекратили обслуживание в половине десятого, но я принесла тебе кое-чего, – я протягиваю ей маффин и банан.

– О-о, ты супер. – Она снимает обертку с маффина и начинает его есть. – Итак, чем сегодня займемся?

Я сажусь на край своей кровати и снимаю шлепанцы. Я отвечаю, натягивая кроссовки.

– Ох, я иду с, эм... Карриком.

Ее брови взметнулись вверх. Она знает Каррика и знает меня, поэтому ничего не говорит, но я понимаю, о чем она думает.

– Только как друзья, – добавляю я.

– Ага, я поняла.

– Точно?

– М-м-м. – Она откусывает еще немного от маффина. — Если бы вы собирались трахнуть, то уже сделали бы это. Каррик не из тех, кто будет ходить вокруг да около. Пришло время ему научиться дружить с противоположным полом. Мне кажется, это здорово, что вы, ребята, решили быть друзьями.

– Ага, – говорю я, улыбаясь.

– Ну, так и чем вы займетесь?

– На самом деле я не знаю. – Я из-под кровати достаю сумку, ищу там свой бумажник. – Он мне не сказал, но, очевидно, это какое-то развлечение.

– Ну, весело вам развлечься.

Схватив с комода солнечные очки, я надеваю их на голову и останавливаюсь у двери.

– Хм-м. Хочешь пойти с нами? – Это же не свидание. Я так не думаю.

– Эх, все, что я планирую на сегодня, это расслабиться у бассейна.

– Свидимся позже. – Я толкаю дверь, чтобы открыть ее.

– Сходим куда-нибудь вечером?

– Непременно.

Покидая Петру, я отправляюсь к лифту, чтобы встретиться с Карриком в холле.

Он уже ждет меня, когда я добираюсь туда. Его губы растягиваются в улыбке, когда он видит меня.

– Готова?

– Готова.

Я следую за ним через вестибюль отеля к парковке.

Достав ключи, он снимает блокировку с двери отполированного черного Мерседеса модели SLSAMGRoadster.

(Эксклюзивная, роскошная спортивная машина стоимостью от 9 млн. руб.)

– Мило, – комментирую я.

– Напрокат, – пожимает он плечами. – Дилеры любят давать мне машины, когда я

прилетаю сюда на гонки.

– Круто, наверное, быть тобой. – Я выпускаю легкий мечтательный выдох, проводя пальцами по сияющему корпусу машины.

– Это дает некоторые привилегии, – ухмыляется он. – Хочешь повести? – Он протягивает ключи.

Я чувствую нервное возбуждение, а затем мое лицо вытягивается.

— Я не знаю, куда мы едем.

— Ах, да, точно. Тогда ты можешь вести машину, когда будем возвращаться.

Уголки моих губ приподнимаются, я улыбалась.

Пригнувшись, я забираюсь в машину и надеваю солнечные очки. Каррик поворачивает ключ в зажигании, и машина заводится под песню “Real Love”, исполняемую Clean Bandit. Он надевает темные очки и везет нас из гаража навстречу великолепному солнечному дню.

– Хочешь заняться картингом? – я смотрю на табличку с названием, висящую над входом, сложив руки на бедрах.

Мы встали у картодрома «Сепанг», примыкающему к трассе, на которой в скором времени пройдет гонка Каррика.

– Ага, – отвечает он совсем близко от меня.

– Но ты на жизнь зарабатываешь гонками.

– И что?

– Хорошо, ты предлагаешь мне соревноваться с тобой, в прошлом гонщиком на картах и действующим чемпионом мира Формулы-1. Ладно, зато мне, в конце концов, будет не так паршиво, когда я проиграю.

– Если это заставит тебя чувствовать себя лучше, я могу позволить тебе выиграть.

– Фу, победа из жалости? Ну уж нет, это еще хуже. – Я легонько толкаю его в плечо, игнорируя возникновение болезненного влечения, вспыхнувшего от контакта.

Он фыркает.

– А вообще, стоит ли тебе принимать участие в подобном? Ты можешь получить какие-то повреждения. – Я смотрю на него в замешательстве.

Если он повредит себе что-нибудь и не сможет участвовать в гонке, а Оуэн и Пирс узнают, что я в это время была с ним, мне снесут голову.

Он смотрит на меня оскорбленно.

– Ты знаешь, с кем сейчас разговариваешь, верно? Я - Каррик Райан, Бог треков.

– Ха! – хохочу я. – Мне нужно поклониться тебе в ноги, о обожествленный?

– Нет необходимости, салага.

Рукой он похлопывает меня по голове, а я отталкиваю его от себя, тем самым вызывая его смех.

Затем его лицо проясняется.

– Но... от тебя мне потребуется молчание.

– Молчание? – Я склоняю голову на бок в смятении.

– М-м-м. Мой отец не знает, что я здесь, по ранее изложенным причинам, так что, чтобы спастись от ушной боли, обещающей длиться на протяжении месяца, из-за выслушивания лекций о моем нерациональном поведении, я бы предпочел, чтобы картинг остался нашим маленьким грязным секретом.

– Ох, – я хватаю себя за руки. – Итак, я твой маленький грязный секрет?

– Ну, я бы не зашел так далеко, но ты можешь им быть, если захочешь. Тебе нужно сказать только слово.

Я киваю головой с насмешливым укором, цокая языком, из-за чего звучу дерзко и непристойно. Я притворяюсь, что каждая клеточка меня так себя не чувствует.

– Так, значит, на самом деле ты просишь меня хранить секрет от твоего отца, который по случайнейшему стечению обстоятельств пугает меня до чертиков? – спрашиваю я, возвращаясь к теме разговора, с которой начали.

– Ты боишься моего отца? Почему? – он выглядит удивленным.

– Потому что я ему не нравлюсь.

– Это не так, – отрезает он.

– Он считает меня отвлекающим фактором.

– И кого ты отвлекаешь?

– Тебя. И других ребят, конечно.

– О-о. Понятно. Ну, тогда ты идеально подходишь для того, чтобы хранить секрет, потому что боишься моего отца, так что ни за что не сдашь меня ему, – самодовольно улыбается он, направляясь к строению.

– Эй, стой, притормози. Именно потому, что твой отец пугает меня до чертиков, это будет дорого тебе стоить.

Остановившись, он оборачивается. Наклонив голову набок, он одаривает меня убийственным взглядом.

– Интересно. Продолжай, – машет он рукой в моем направлении.

– Итак, если сегодня ты вдруг нанесешь урон своей божественной заднице, – Каррик закатывает глаза, реагируя так на мой комментарий, – я потеряю работу, потому что твой отец уволит меня быстрее, чем я смогу сказать слово «Стоп».

Он долго смотрит на меня, зажимая кончик языка между зубами.

У него милый язычок. Разве у кого-то может быть милый язычок?

Могу спорить, целуется он отлично. Наряду с другими вещами, которые он делает отлично.

И теперь я представляю, как обсасываю его язык, а затем Каррик использует свой язык, проделывая со мной...

Да ради всего святого, Энди. Разберись в себе.

Я вырываю себя из развратных мечтаний.

– Ты хочешь плату за молчание?

Я не могу понять, с какой интонацией он говорит. Его голос звучит слишком спокойно, я начинаю переживать, что сказала лишнего. Я абсолютно точно шутила, и обычно он понимал мой юмор, но в этот раз все могло быть иначе.

– Что-то типа того, – лепечу я.

– Либо ты хочешь, либо нет. Что выбираешь, Андресса?

– Хочу... – я выдавливаю из себя слабую улыбку, больше похожую на оскал.

Он долго не сводит с меня глаз. Затем я вижу в его взгляде изумленный и одновременно восхищенный блеск.

– Шантаж? Я впечатлен, – ухмыляется он, сложив руку в кулак и ударив им по моему кулаку.

Я наконец могу выдохнуть.

– Итак, чего мне это будет стоить? – Спиной он начинает двигаться к двери, так что все

еще повернут лицом ко мне.

– Хм-м-м, – сжав губы, я стучу по ним пальцем. – Не знаю.

– Секс? Я могу быть твоим секс-работником на неделю. Черт, тебе даже не нужно для этого меня шантажировать. Готов сделать это бесплатно.

Я качаю головой, пытаюсь не улыбаться.

– Ты сексуальный маньяк.

– Я не маньяк. Просто люблю заниматься сексом. Есть большая разница.

– Безусловно.

– Ох, господи. Прошу, только не говори мне, что ты из тех людей, которым не нравится заниматься сексом. Ведь если это так, значит, ты занималась им не с теми людьми, и мы обязаны сделать это.

– Конечно, мне нравится заниматься сексом! – Ладно, я сказала это слишком громко.

– Слава богу.

– И у нас с тобой определенно ничего не будет.

– Досадно.

Я закатываю глаза.

– Почему мы вообще об этом говорим снова?

– Потому что секс — самая интересная вещь в мире, и я тащусь от него.

Он останавливается передо мной, смотря мне прямо в глаза. Я чувствую, как его взгляд обжигает меня. Внезапно мне становится сложно дышать и приходится искать силы, чтобы быть способной двигаться.

Между нами потрескивает сексуальная энергия. Я так хочу поддаться ей... и выяснить, так ли он хорош, как говорит.

Но не могу.

– Никакого секса, приятель, – мой голос оказался хриплым, так что пришлось прочистить горло. – Просто друзья, помнишь? – указываю я на нас обоих.

– Ах, да. Конечно. Я забылся на минутку. – В доказательство он щелкает языком по зубам. – И мы не просто друзья. Мы лучшие друзья, Амаро. Пойми же это.

– Прости, – поднимаю я руки, изображая капитуляцию.

Мы продолжаем идти.

– Ну же, давай. Избавь меня от страданий. Какова цена?

– Я еще не приняла решение. Думаю, я отложу назначение твоего выкупа на потом и воспользуюсь шансом тогда, когда мне это действительно понадобится.

– Убедись, что тебе это очень-очень нужно, потому что шантажировать меня у тебя получится всего раз. – Подмигнув мне, он тянет дверь на себя, жестом указывая мне пройти внутрь.

Мы подходим к кассе с билетами. Я вижу, что парень по ту сторону кассы пристально смотрит на Каррика, как будто знает его, но не понимает, откуда.

Я гадаю, сколько времени займет у парня с билетами процесс узнавания.

– Какие гоночные сессии у вас есть? – спрашивает у него Каррик.

– У нас есть быстрая круговая трасса, проезд которой занимает пятнадцать минут, – отвечает парень с билетами на прекрасном английском. – Или вы можете взять более долгий сеанс.

Каррик бросает взгляд на меня.

– Что предпочитаешь?

– Выбери сам. Я не возражаю.

– Мы оплатим пятнадцать минут. Но потом сможем продлить время, если захотим?

– Конечно, – говорит парень с билетами. – Просто скажите стюарду, и сможете доплатить уже когда будете уходить.

Он распечатывает наши билеты, пока мы с Карриком спорим по поводу оплаты.

– Серьезно, ты не платишь, Андресса.

– Да ладно. Ты платишь за все. Даже когда мы ходим выпить, ты всегда платишь за всех.

– Сколько ты заработала за прошлый год?

Он застаёт меня врасплох.

– Какое это имеет отношение к разговору?

Он приближается ко мне и нагибается к моему уху. Ощущение его тела в миллиметре от моего заставляет все внутри меня скрутиться.

– А знаешь, сколько заработал я? Двадцать миллионов. Так что за гребаные билеты плачу я.

Отклонившись от него, я встречаюсь с его взглядом.

– Хорошо, – утихомириваюсь я.

Я быстро смотрю на парня с билетами, который изо всех сил пытался притвориться, что не слушает.

С улыбкой победителя Каррик протягивает кредитку парню с билетами.

Когда мы расплатились, парень сказал, что билеты нам нужно отдать стюарду.

Мы уже начинаем уходить, когда парень за кассой проговорил:

– Вы... Каррик Райан, верно?

Я вижу, как в глазах Каррика промелькнуло беспокойство. Было глупо рассчитывать, что он придет сюда и будет неузнанным.

Каррик делает шаг обратно к кассе.

– Да... но я здесь, чтобы провести весело время с другом. Так что меня здесь нет, хорошо?

– Хорошо, – отвечает парень за билетной кассой. – Но можно получить ваш автограф?

– Конечно, – говорит Каррик, улыбаясь.

– Вы подпишите мою кепку? – парень стягиваетс головы кепку с логотипом Формулы-1.

Каррик кивает, и парень протягивает ему головной убор с маркером.

– Ты фанат гонок? – задает вопрос Каррик, пока пишет свое имя.

– Огромный фанат. Мы с младшим братом всегда смотрим гонки по телевизору. Вы наш фаворит. Мой брат так разочаруется, что я вас встретил, а он нет.

– Ты даже был на Гран-при? – продолжает спрашивать Каррик.

– Нет, – смутившись, отвечает парень с билетами. – Билеты слишком дорогие для парней, работающих на кассе картодрома.

Я почувствовала, как у меня защемило в груди.

Должно быть, Каррик почувствовал то же самое, потому что обратился к парнишке.

– Как тебя зовут?

– Сулейман.

– Приятно познакомиться, Сулейман. – Каррик протягивает кепку и маркер, возвращая их. – Напиши свое имя и имя брата, а также адрес, у меня есть два VIP-билета, которые доставят к вам домой.

Сулейман выглядит так, словно его только что ударили по лицу – в хорошем смысле.

– Правда? – спрашивает он, глаза его расширились.

– Правда, – улыбается Каррик.

Я наблюдаю за Карриком, заинтригованная, и вижу в его глазах, каким счастливым он становится, когда дарит радость другим.

Теперь до меня дошло, почему он платит за все. Не для того, чтобы показать, как много у него денег. Таким способом он пытается осчастливить других с помощью этих самых денег.

Под этим непомерным сексуальным эго и замашками альфа-самца спрятан большой добряк.

Это открытие заставляет сердце тянуться к нему. У меня определенно проблемы с тем, чтобы держать его спокойным.

Сулейман быстро нацарапал информацию на клочке бумаги и передал ту Каррику, который сложил листок и убрал в бумажник.

– Я отправлю билеты завтра, – говорит ему Каррик.

– Огромное вам спасибо. – Сулейман дотягивается до Каррика и хватается за руку, чтобы пожать ее изо всех сил. – Я даже описать не могу, как это много значит для нас. Мой брат будет так счастлив, когда я скажу ему.

– Подожди, пока я уйду, а затем звони ему, ведь меня здесь нет, помнишь? – Каррик стучит пальцем по своему носу.

– Понял. – Сулейман делает то же самое.

– Увидимся с тобой и твоим братом после гонок. – Каррик начинает уходить, и я следую за ним.

– Прощайте! И еще раз спасибо! – кричит нам Сулейман в спины.

– Ты сделал действительно милую вещь, – говорю я. Идя рядом с Карриком, я задеваю его руку своей.

Бросая на меня взгляд, он пожимает плечами.

– Если это значит полчаса покоя с тобой без вертящихся рядом фанатов гонок, то оно того стоит.

– Думаю, ты сделал это по другой причине. Мне кажется, что ты увидел не очень обеспеченного парня, и захотел улучшить его день.

Он говорит, смотря вперед.

– Я никогда не был таким нищим, как этот парень, но мы тоже не обладали так уж многим. Все, что у нас было, так это то, что отец вложил в гонки, так что я вроде как знаю, каково быть без гроша в кармане.

Я переполнена чувствами. Пришлось прижать руки к груди, чтобы сдержать себя.

Такого я о Каррике не знала. Он не из обычных «пришел из богатой семьи в дорогой вид спорта» гонщиков. Он выходец из среднего класса, вместе с отцом они тяжело трудились, чтобы Каррик достиг того, что сейчас у него есть.

– В глубине души ты большой добряк, Каррик Райан. – Я толкаю его плечом.

Он смотрит на меня, ужаснувшись.

– Черт, не говори это на людях. Ты уничтожишь мой образ.

— Боже, ну конечно, мы бы не хотели, чтобы это случилось. — Фыркаю я. — Еще один секрет, который мне нужно хранить?

— Хм-м... кажется, что так. — Он бросает на меня взгляд, а в его глазах улыбка.

— Я так потеряю счет секретам, которые должна хранить для тебя, — дразню я его.

— Ну, если ты правильно разыграешь карты, то можешь стать одним из этих секретов.

И снова он за свое.

Я закатываю глаза, издеваясь над ним.

— В твоих мечтах, Райан. — Я легонько пихаю его, направляя в сторону выхода с трека.

— А теперь тащи свою задницу туда, чтобы я могла ее надрать.

— Ха! Вот это определенно лишь в твоих мечтах, Амаро.

— Посмотрим. — Приподнимая подбородок, я смотрю на него свысока, прохожу мимо и направляюсь к стюарду.

Как только у нас со стюардом прошел разговор о правилах безопасности и Каррик дал ему автограф, мы оделись в специальные комбинезоны для гонок.

Запустив пальцы в волосы, чтобы распутать их, я замечаю, как Каррик наблюдает за мной.

В его глазах заметна теплота, но на меня это не действует.

— Никогда прежде не видел, как девушка занимается своей прической? — спрашиваю я, приподнимая уголок губ в усмешке.

— Никогда прежде не видел, чтобы ты делала прическу. И никогда не видел твои волосы распущенными. Красивые.

— Спасибо. — Мои щеки вспыхнули. — Но они такими не останутся. — Я начинаю быстро заплетать косу. Когда дело было сделано, на конце косички я завязываю ленту.

Каррик все еще наблюдает за мной.

То, как он смотрит на меня, пробуждает во мне желание заполучить то, что под запретом.

Я надеваю огнеупорную балаклаву, скрывая лицо.

— Будешь надевать свою? Или ты тянешь время, потому что волнуешься из-за предстоящего проигрыша мне?

Он широко ухмыляется.

— Готовься к тому, Амаро, что я надеру тебе зад.

Мне нравится доводить его. Серьезно, у меня нет шансов, чтобы выиграть у него, но забавно заставить его поверить в то, что я уверена в своих способностях.

Я неплохая гонщица, но определенно не чемпион вроде него.

Каррик надевает свою балаклаву, скрывающую его великолепное лицо, затем на голову натягивает шлем с пока еще поднятым визором. Последними он надевает перчатки.

Я тоже надеваю шлем, а затем и перчатки.

— Готова? — он кивает головой в сторону картов.

— Ага.

Мы подходим к картам и у меня возникает идея. Каррик не дает никому заплатить за что-нибудь, а я могу гарантировать, что проиграю. Так что, я думаю, сейчас самое время для пари, и он ведь не сможет отказать из-за своего невероятно соревновательного духа.

— Думаю, мы должны поспорить на эту гонку.

Он лицом поворачивается ко мне, я могу видеть его глаза благодаря поднятому визору.

— Да ты что?

— Ну да.

— Ладно. И на что?

— Проигравший оплачивает ужин.

Он задумался на секунду.

— Идет.

Он снимает перчатку и протягивает мне руку для рукопожатия.

Улыбаясь про себя, я опускаю визор шлема и забираюсь в свой карт.

Каррик залезает в свой карт, стоящий рядом с моим.

Маршал стоит в стороне у края трассы с зеленым флагом в руках.

У нас есть пятнадцать минут. Скорее всего выходит меньше минуты на один круг, из чего заезд получается на пятнадцать кругов.

Он поднимает три пальца, обозначая начало отсчета.

Три...

Два...

Я завожу двигатель.

Один.

Флаг опускается вниз, и мы рвемся вперед, все увеличивая и развивая скорость.

Каррик находится передо мной, но не настолько далеко, как должен бы быть, и я понимаю, что он поддается мне.

Стоило бы принять это за комплимент, но я по натуре боец, люблю соревноваться, и меня его действия страшно бесят. Мне не нужны поблажки.

Гонка идет, но Каррик не увеличивает дистанцию между нами слишком сильно. Пытается то ли заблокировать меня, то ли быть добрым.

Чтобы он ни делал, это пробуждает во мне самое худшее.

У меня включается инстинкт убийцы, и теперь я обязана выиграть эту гонку, несмотря ни на что.

Когда я наконец смотрю на стюарда, он демонстрирует белый флаг, означающий наш заход на последний круг, и я уже знаю, что буду делать.

Я собираюсь победить во что бы то ни стало.

Каррик по-прежнему передо мной, и я знаю, что он полетит вперед пересекать финишную прямую сразу после того, как достигнет и проедет последний поворот.

Ага, не бывать этому, приятель.

Мы подъезжаем к последнему повороту.

Моя возможность все ближе. У поворота наша скорость сорок километров в час, так что я воспользовалась преимуществом. Вместо того, чтобы замедлиться, как это сделал Каррик, я оставляю скорость прежней и подрезаю его карт сзади, отправляя его за пределы трассы, прямо в грязь.

Ха!

Бросая взгляд назад, чтобы удостовериться, что он в порядке, я вижу карт Каррика в грязи, и его повернутую в моем направлении голову. Мне не нужно видеть его лицо, чтобы понять, что он взбешен.

Смеясь про себя, я вжимаю ногу в педаль и со свистом пересекаю линию финиша.

Флаг в клеточку опускается вниз, я выиграла.

Победитель!

Ухмыляясь самой себе, я подъезжаю на карте к пит-стопу. Остановившись, я выбираюсь наружу и стягиваю с головы шлем и балаклаву.

Увидев подъезжающего ко мне Каррика, я начинаю плясать, изображая победный танец.

Каррик нажимает на тормоза, паркуясь рядом со мной.

Он вылезает из карта и снимает шлем с балаклавой. Он сердится.

О, он в бешенстве.

Но это вызывает у меня лишь более широкую улыбку и желание танцевать дальше.

— Поверить не могу, что ты это сделала! — воскликнул он.

— Ты о чем? — включаю я дурочку.

— Вышвырнула меня с трассы! Это гребаное жульничество.

Прекратив победно танцевать, я упираю руки в бока.

— Я не жульничала. Я выиграла.

— Обманом! — Он машет руками в воздухе.

— Кто-то не умеет проигрывать. Ну, если бы ты не водил, жалея меня, то мог бы продумать ходы и победить. Ты так зол, потому что я пришла первой. Стратегические решения не являются жульничеством, Каррик.

Он хмурится, что вызывает мой смех.

— Я сделала великого Каррика Райана, и он не может это принять! — пропела я.

Он смотрит на меня возмущенно и запускает руки в волосы.

— Ты не победила, потому что, блядь, жульничала!

— Победитель! Победитель! Энди победитель, — скандирую я. Я поднимаю руки вверх и двигаю телом в такт, как это делают чирлидерши.

— Обманщица!

— Не умеющий проигрывать!

Я смеюсь так сильно, что наклоняюсь, лишь бы не перестать дышать. У меня на глазах выступают слезы. Не могу вспомнить, когда у меня был такой истерический смех. Но я помню, что до этого момента я всегда смеялась только с ним.

Всегда с ним.

Я вижу его приближающиеся ноги и поднимаю голову, обнаруживая Каррика стоящим прямо передо мной, на его лице отражаются все оттенки серьезности.

Я вытираю слезы из морщинок в уголках глаз тыльной стороной ладони, все еще хихикая.

— Быть сделанным одним из твоих механиков, женщиной. Что же это сделает с твоей репутацией, Каррик? Это погубит твою карьеру. Ты будешь уничтожен, если это когда-то всплывет.

Его губы сжались.

— Снова шантаж?

Я склоняю голову набок, ухмыляясь.

— Может быть, — говорю я, пожав плечом.

Он качает головой. Могу сказать, он отчаянно пытается не рассмеяться, но его глаза сияют.

— Шантаж, жульничество, снова шантаж. Кто ты такая? И что сделала с Андрессой, которую я знаю?

— Может, ты знаешь меня не так хорошо, как думаешь. — Я подмигиваю, пальцем ударяя его по носу.

Он ловит мой палец и сжимает его.

В то же мгновение, когда моя кожа соприкасается с его, будто что-то грузное проносится через мое тело.

Внезапно я ощущаю тревогу и предупреждение, исходящие от него.

То, как подымается его грудь при каждом вздохе. Как раскрываются его губы, когда он выдыхает. Его напряженное тело. И невообразимая близость его тела.

Все преувеличенно. Воздух вокруг нас стал густым.

Я встречаюсь с его взглядом и во рту пересыхает.

Смех, который срывался с моих губ, бесследно исчез и был заменен чем-то абсолютно иным.

Чем-то горячим.

Этот жар я чувствую внутри.

Его пальцы скользят по моей руке, выводя завитки, аж дух захватывает.

— Адресса, ты... — его голос изменился. Стал глубоким и хриплым.

— Победительница? — перебиваю я его, пытаюсь добавить нахальства в свой голос. Но это не срабатывает. Я говорю с придыханием.

Мне нужно вернуть нас к тому, с чего мы начинали, но не знаю как.

Он медленно притягивает меня к себе, ближе ко всему, чего я так хочу, но не могу получить.

— Не похожая ни на кого из тех, кого я встречал раньше.

Ого.

И блядь.

Вот же херня, черт, черт.

Я почти уверена, что он думает меня поцеловать, и я правда, действительно хочу, чтобы он это сделал.

Господи, я так сильно хочу его поцеловать.

Мои губы уже сами собой подготовились к этому.

Но нельзя. Он гонщик. Я не могу быть с ним.

Я делаю шаг назад, руша момент, и моя рука выскользывает из его захвата.

На его лице промелькнуло разочарование, я увидела это, но предпочла бы не видеть.

Положив шлем в карт, я все еще чувствую, как рука пылает от его прикосновений. Я сжимаю ее в кулак, пытаюсь избавиться себя от ощущения его касаний. Я прочищаю горло.

— Так, значит, ты должен мне ужин, Райан.

Ужин. Дерьмо. Я должна была проиграть, чтобы иметь возможность заплатить за него.

Могу я быть еще глупее? В своем идиотизме я виню размягчившийся мозг, который вполне мог быть способен на подобное.

Снова разворачиваясь к нему лицом, решительно блокируя чувства, я выдавливаю легкую улыбку, которая, с уверенностью могу сказать, дрожит. Надеюсь лишь, что он не видит этого.

Он все еще смотрит на меня, его взгляд не читаемый.

Я задерживаю дыхание в ожидании его ответа.

Подняв руки, он запускает пальцы в волосы. Затем его губы расплываются в теплой улыбке.

— Не то чтобы ты заслужила ужин, ведь ты сжульничала... но технически ты выиграла. Так что, так и быть, я плачу. Что ты настроена съесть?

Тебя. Я хочу только тебя.

Уперев руку в бедро, я склоняю голову набок, очищая свой разум от всех мыслей вроде "жажду Каррика".

— На что я настроена? — Я поджимаю губы и принимаю решение. — Местная еда.

Он улыбается.

— Отличный выбор. Я как раз знаю местечко, куда отведу тебя.

Глава 6

Куала-Лумпур, Малайзия

МЫ ЕДЕМ УЖЕ ОКОЛО СОРОКА МИНУТ, и Каррик паркуется на улице рядом зданием, похожим на магазин.

Каррик привез нас сюда, потому что знает дорогу, а я поведу обратно к отелю, и уже не могу дожидаться, когда эта машина окажется в моих руках.

Я выбралась из авто и присоединилась к стоящему на тротуаре Каррику.

— Итак, куда мы направляемся? — спрашиваю я, пальцем зацепляя ручку сумки, притягивая ту к себе, когда мы начинаем идти к магазину.

— Немного дальше есть замечательное местечко.

Пока мы идем, я смотрю на лотки и витрины, отвлекаясь на вывески и запахи — свежая еда, одежда, ювелирные украшения. Уличные художники рисуют портреты, а какие-то пожилые мужчины сидят за столом и играют в настольную игру, похожую на шашки. Вокруг раздаются звуки проверенной временем музыки, песни постепенно сменяются одна другой.

Затем я вижу безвкусно украшенный прилавок, на котором разложены украшения, похожие на атрибутику Диснея, и там я замечаю кое-что знакомое.

— Боже мой, это ожерелье с Молнией МакКуин? — Остановившись, я разворачиваюсь и иду обратно к прилавку.

Я вроде как фанат Молнии МакКуин. Seriously, "Тачки" самый лучший мультфильм Диснея. Могу смотреть его день за днем, в отличие от мультфильмов с диснеевскими принцессами.

(Молния МакКуин—ночная машина, главный герой мультфильма "Тачки".)

Подойдя ближе, я убеждаюсь, что это ожерелье с Молнией МакКуин, и, должно быть, самая крутая вещь, которую я только видела. Маленький кулон в виде МакКуина прикреплен к серебряной цепочке. Догадываюсь, что цепочка скорее всего не серебряная, и моя шея станет зеленой после часа ношения этого украшения, но мне плевать, потому что я хочу ее.

Я обвиваю цепочку с кулоном вокруг руки и только собираюсь спросить мужчину о цене, как спиной чувствую тепло прижимающегося ко мне Каррика.

— Чего ты смотришь на ожерелье с "Тачками" так, будто оно — бриллианты от Тиффани?

Я обращаю лицо в его сторону.

— Потому что для меня оно имеет именно такой же вес. Что для одной девушки — хлам, для другой — сокровище.

Его глаза засверкали на солнечном свете при взгляде на меня.

— Могу я, исходя из этого, предположить, что ты — фанат "Тачек"?

— Эм, да, — я смотрю на него, потрясенная уже тем, что он вообще спросил. Ну, то есть, я имею в виду, кому не нравится этот мультфильм? — А ты нет?

— Нет, — улыбка затрагивает его глаза.

— Что? Почему нет?

— Потому что мне не пять лет.

Своим высказыванием он заслуживает тычок локтем в ребра.

Я уставилась на него с любопытством.

— Ты же никогда не смотрел этот мультфильм, так ведь?

— Не смотрел.

— Как это вообще возможно? — воскликнула я. Выронив ожерелье из рук, я разворачиваюсь, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

— И снова, потому что мне не пять лет.

Я разочарованно качаю головой.

— Ты многое упустил. И ты еще называешь себя гонщиком. — Выдержав паузу, я упираю руки в бедра. — Серьезно, тебе стоит посмотреть этот мультфильм. Он великолепен. Он стоит того. — Я принимаю решение. — Мы посмотрим его в следующий раз, когда ты будешь свободен.

Он сжимает губы, и я с уверенностью могу сказать, что он сдерживается, чтобы не улыбнуться.

— И что ты собираешься делать? Купить его и силой вынудить меня посмотреть?

— Нет, он уже есть у меня на DVD, глупый.

На его лице отражается осознание, и лишь тогда до меня доходит, что я допустила оплошность.

— Он у тебя с собой, так ведь?

Мои щеки вспыхивают ярко-алым цветом, взгляд опускается к ногам.

— Может быть, — мямлю я.

— Ты путешествуешь по миру, возя с собой диск с диснеевским мультиком?

Он до смерти хочет рассмеяться. Говорю вам.

А я просто погибаю, потому что он только что узнал, насколько я с придурью.

— Это что-то вроде укрытия от тревог, — говорю я, защищаясь.

Пальцем он поддевает мой подбородок и приподнимает мое лицо, чтобы я смотрела на него. Его лицо светится от веселости.

— Знаешь ли, нормальные люди обычно укрываются настоящим одеялом.

(Присутствует игра слов. Энди говорит о "securityblanket" — так называется что угодно, делаемое взрослым человеком для снятия тревожности, для успокоения после стресса; образовано от слов "security" — защита, безопасность; и "blanket" — одеяло. Каррик же над ней шутит, говоря об одеяле в его обычном значении вне этого словосочетания.)

— Ты говоришь, что я ненормальная? — пытаюсь я огрызнуться, находясь под его пристальным вниманием.

— Нет. Я говорю, что ты уникальная.

— В плохом или хорошем смысле? — я прикусываю губу.

Он усмехается краем губ, но в его глазах мелькает что-то, намекающее на некоторую серьезность.

— О-о, определенно в хорошем. Ты... непредсказуемая, Андресса.

Ох. Ого.

Ощущение истинного удовольствия пронзает все мое тело.

— Итак. Ты хочешь ожерелье?

— М-м-м-м...

Он не перестает смотреть на меня, а я на него. Я ослеплена, околдована его сладкими чарами.

Он отводит глаза от моих, и в тот же момент я начинаю скучать по его взгляду, устремленному на меня. Потом я вижу, как он поднимает ожерелье с прилавка.

– Сколько?

– Пятьдесят пять ринггит, но ты можешь забрать за пятьдесят, – говорит торговец.

(На начало мая 1 ринггит = 14,5 р., т.е. 55 ринггит примерно 795 р., 50 же — 723 р.)

Каррик достает кошелек, и я вижу, что он достает куда больше, чем пятьдесят ринггит.

Он протягивает деньги мужчине.

– Сдачи не нужно.

Не знаю, как много Каррик дал ему, но стоило тому получить деньги, как его глаза загорелись, и мужчина поторопился быстро спрятать их в сумку-ремень на поясе.

– Ну-ка. – Каррик жестом указывает мне повернуться.

Так я и поступаю, разворачиваясь к нему спиной.

– Ты не обязан это делать, – мягко говорю я.

– Я хочу этого.

Он оборачивает ожерелье вокруг моей шеи. Прохладный кулон располагается на моей коже.

Закончив, он кладет руки мне на плечи.

– Вот теперь ты всегда сможешь носить с собой свое укрытие от тревог.

Я ощущаю, как что-то глубокое и многозначительное возникает в моем сердце.

Я сжимаю кулон рукой.

– Спасибо, – оглядываюсь я на него через плечо.

Его взгляд опускается на мои губы. Голубые глаза темнеют, и лишь тогда он снова смотрит на меня, отступая на шаг.

– Идем. Вперед за едой.

Мы отходим немного дальше, пока Каррик не останавливается у маленького ресторана. Он настолько невзрачный, что я бы прошла мимо.

– Здесь? – я указываю на здание.

– Снаружи оно выглядит не очень, но подожди, пока не зайдешь внутрь.

Каррик открывает передо мной дверь, и я ступаю в небольшой малазийский оазис. Он не шутил. Меня так и подмывало выйти обратно, чтобы убедиться, что я все еще в реальном мире. Создается впечатление, словно я очутилась в Нарнии.

С высокого потолка свисают симпатичные красные фонари. Столы из темного дерева, на них лежат красочные столовые приборы, декорированные в насыщенных красных, зеленых и пурпурных тонах. У деревянных стульев мягкие спинки, оформленные в том же стиле, что и столовые приборы. На стенах золотистого цвета изображены изумительные рисунки, а занавеска обрамляет заднее окно, которое, что удивительно, выходит на красивый сад с фонтаном.

– Мистер Райан! – От барной стойки к нам пробирается малазиец маленького роста, но с широкой улыбкой на лице. – Рад видеть вас снова. Я все задавался вопросом, когда вы к нам пожалуете. И, вижу, вы привели друга. Привет, – говорит он уже мне, улыбаясь еще шире.

– Привет.

– Гунтур, это мой друг Андресса Амаро. Андресса, это Гунтур Вон. Он владелец этого милого местечка, – проинформировал меня Каррик.

– Красиво вы здесь все обустроили, – отзываюсь я.

– Спасибо, – отвечает он, маша рукой. – Но оформление не идет ни в какое сравнение с едой, – подмигивает он мне, вызывая улыбку.

– Он не шутит, – говорит мне Каррик, когда Гунтур рассказывает нас. – Почему, ты думаешь, я тащу свою задницу этой дорогой каждый раз, когда посещаю Куала-Лумпур?

– Ну, спасибо, что взял с собой. – Я улыбаюсь, встречаясь с его взглядом над столом.

– Что я могу принести вам из напитков? – спрашивает нас Гунтур.

– Мне газированную воду, – заказываю я.

– То же самое, – говорит ему Каррик.

Гунтур протягивает каждому из нас по меню.

– Мы добавили парочку новых блюд с вашего последнего визита, – оповестил Гунтур Каррика, по-дружески хлопая его по спине. – Скоро вернусь с вашими напитками.

– Итак, как ты нашел это место? – спрашиваю я Каррика. – Его точно нет в туристическом путеводителе.

– Когда я только начинал карьеру в Формуле-1 и прибыл сюда для моей первой гонки, через одного из спонсоров я познакомился с Гунтуром. Он оказался чьим-то родственником. Гунтур большой фанат гонок. В любом случае, он дал мне визитку своего ресторана и сказал приходить. Сказал, что предоставит лучший наси лемак во всей Малайзии. У меня не было ни единого понятия, что такое наси лемак, но однажды ночью мне стало так скучно, что я сел за руль и отправился сюда. Попробовал немного наси лемак, плюс посмаковал другие блюда, а теперь я возвращаюсь сюда каждый раз, когда прилетаю в Куала-Лумпур. К тому же, Гунтур отличный парень.

– Да, он кажется милым. – Я руками подпираю подбородок. – И что же такое наси лемак?

– Их национальная еда. В основном это рис, приготовленный в кокосовом молоке с листьями пандана.

– Ты готовишь? – спрашиваю я ошеломленно, пытаясь представить его на кухне.

– Нет, я прочитал это в меню, – ухмыляется он мне, взглядом пробегаясь по меню перед ним.

Рассмеявшись, я качаю головой.

– Ну, и что будете заказывать? – Гунтур уже вернулся с нашими напитками.

Я благодарю его, когда он ставит заказанную мною воду передо мной и смотрю меню.

Не зная, что заказывать, я ищу помощи у Каррика.

– Ты хочешь, чтобы я заказал для нас обоих?

– Прошу, – улыбаюсь я.

Я слушаю, как Каррик тараторит заказ, звучащий как ужасно большое количество еды, и потягиваю воду.

Гунтур записал заказ и исчез на кухне.

– Итак, поверить не могу, что не спросила этого раньше, но где именно в Ирландии ты рос?

– Хоут. Это старая рыбацкая деревенька недалеко от Дублина.

– Там есть пляжи?

– Ха, – засмеялся он. – У гавани есть обломок скалы, идя по которому можно подойти поближе к воде. Ничего и близко похожего на то, что было у тебя в Бразилии.

– Я не всегда была рядом с этими пляжами, помнишь? Я родилась в Англии.

– Ах да, точно, – подтверждает он. – И где именно в Англии?

– Лондон.

– И почему ты перебралась в Бразилию?

Я делаю глоток воды, готовясь дать ответ.

– Мой отец умер, когда мне было десять.

– Господи, Андресса. Я не знал этого. Мне так жаль.

– Все нормально. Ты его не убивал.

На мгновение он уставился на меня, выглядя сконфуженным.

– Прости. Несвоевременная шутка.

Я отмахиваюсь от нее, и его лицо расслабляется. Мне просто хотелось, чтобы с его лица ушло это выражение жалости. Я могу это принять от кого угодно, но от него... это задевает меня.

– В любом случае, у моей мамы семьи в Англии не было, но было много родственников в Бразилии. В Англии мы были одиноки, так что она вернулась жить в Бразилию вместе со мной.

– Должно быть, это тяжело – потерять отца и переехать на другой конец мира.

– Я справилась. – Еле-еле. – У меня появилось много двоюродных братьев и сестер, дядь и тетя, было здорово оказаться в семейном кругу.

– Как умер твой отец? Если ты не возражаешь против вопроса.

– В несчастном случае.

– Какого рода?

– Худшего. – Мой голос стал жестче, мне сразу стало плохо, так что я попыталась сделать наш разговор более легким, сменив тему. – Ну, так как ты решил стать гонщиком Формулы-1?

– Мой отец был механиком...

– Я не знала этого. – Я наклоняюсь вперед, мне интересно.

– Ну да, я рос, окруженный машинами. Мой дедушка – отец моего отца – тоже был механиком, так что, полагаю, машины у меня в крови. Когда мне исполнилось семь, отец отвел меня и нескольких моих друзей на картинг, и с того самого момента я попал на крючок. Занимался картингом уже на регулярной основе, участвуя в соревнованиях. Я обожал это. Не мог насытиться. Отец быстро заметил мои серьезные намерения и, естественно, увидел, насколько я хорош, особенно, учитывая тот факт, что я выигрывал все гонки, в которых принимал участие. – Он награждает меня нахальной улыбкой. — И тогда он начал посвящать моей мечте много своего времени. Из-за всех этих гонок, в которых я участвовал, ему было сложно работать, потому он закончил тем, что ему пришлось урезать рабочие часы в дневное время и найти неофициальную ночную подработку, лишь бы заработать денег.

Затем, когда мне было тринадцать лет, дедушка отошел на тот свет и все оставил отцу – его дом и некоторые накопления, которые хранил годами. Картинг в Ирландии был хорош, и гонки были приличные, но мне хотелось большего. Отец увидел, что в Англии у картинга больше возможностей и гораздо больше вероятности развиваться до попадания в Формулу-1. Так что он продал и дедушкин дом, и наш, и перевез нас в Соединенное Королевство. Он снял жилье и работал, когда мог. Деньги с продажи домов он использовал, чтобы удерживать нас на плаву.

Когда мне было четырнадцать, я вступил в Интерконтиненталь А, что сейчас, наверно, называется KF2. Потом, год спустя, добрался до Формулы-А. В следующем году я поднялся до Формулы Супер А. Я продвигался дальше, переходя в Формулу-3, из нее в Формулу-2, и, когда мне исполнилось двадцать, я добрался до Формулы-1.

(KF от KartFormula, KF2 – в связи с измененным в 2007 году двигателем, давшим название категории)

— Ого. Это довольно крутая история. Твой отец многое сделал, чтобы ты оказался там, где ты есть, — говорю я, начиная понимать, почему Оуэн так печется и защищает карьеру Каррика.

— Да, многое. Он отличный. Лучший отец, которого парень хотел бы иметь.

От этой реплики в моем горле встает ком.

— А что с мамой?

Его глаза завлакивает тьма.

— Ее нет рядом. И не было довольно долгое время.

— Она ушла?

— Когда мне было два года. Фактически она и не была матерью.

— Ох, Каррик... мне так жаль.

Я и представить не могу, как кто-то может оставить своего ребенка. Моя мама никогда бы меня не бросила, да и мой отец... ни за что на свете. Единственная причина, почему он ушел от меня,— это смерть. И оставить кого-то вроде Каррика... не могу даже представить. Он такой блистательный.

Протянув свою руку через стол, я кладу ее на руку Каррика, переплетая свои пальцы с его.

— Она многое потеряла, Каррик. Очень многое.

Он смотрит на мою руку, на мгновение останавливая на ней свой взгляд, а затем заглядывает мне в глаза.

Сердце бешено колотится в груди.

Скользнув пальцами по его, я убираю свою руку. Подняв свой напиток, я делаю нервный глоток.

— Какая у тебя любимая машина? — спрашивает он неожиданно, вероятно, испытывая неловкость из-за моих манипуляций с нашими руками.

— Ох, это просто. Ягуар XK-120.

(Спортивный автомобиль, выпускавшийся с 1948 по 1954 год. Корпус без четких углов с округлыми линиями)

Мой отец водил такую машину, она была его гордостью и отрадой. Он использовал ее до дня смерти. С тех пор я эту машину не видела. Когда отец погиб, мама избавилась от нее на аукционе, а все вырученные деньги отдала на благотворительность. Я очень долго злилась из-за этого.

— А у тебя?

— Обычно это та машина, которую я вожу. В этом плане я непостоянный. — Он ухмыляется, а я раздражаюсь смехом. — Как ты поняла, что хочешь быть механиком? — Задает он вопрос.

— Так же, как и ты понял, что хочешь быть гонщиком. Я выросла, окруженная машинами. Это было естественным следствием. Хотя, вероятнее всего, моя мама хотела бы, чтобы я занималась по жизни чем-то другим.

— Например?

— Чем угодно, только не механикой. Мне кажется, что втайне она хотела, чтобы я пошла по ее стопам и стала моделью.

— Твоя мама была моделью?

— М-м-м-м. — Наверное не стоило ему этого говорить. Не нужно быть гением, чтобы с помощью Гугла обнаружить связь между моим отцом и матерью, хотя я не думала, что

Каррик собирается искать информацию обо мне или моей маме.

— Знаешь, а это забавно. Впервые увидев тебя, я подумал, что ты модель.

Я закатываю глаза.

— Итак, я мог когда-нибудь слышать о твоей маме?

— Скорее всего нет. Она бросила модельную карьеру, когда появилась я. Хотя она была невероятно красивой, да и сейчас такая.

— Могу представить.

— погоди. У меня есть ее фотография. — Я достаю телефон из сумки и протягиваю его ему, показывая обои на экране, где в качестве обоев наша с мамой фотография. Я сделала ее перед тем, как уехала из Бразилии.

— Это твоя мама? Черт подери, вы больше похожи на сестер. Она определенно МЯБТ.

(MILF (МЯБТ) —Mother I'd like to fuck (Мамочка, которую я бы трахнул))

— Фу! — Перегнувшись через стол, я вырываю телефон из его рук. — Это отвратительно! Ты не можешь говорить такие извращенные мерзости о моей матери!

Он рассмеялся.

— Прости. Я это говорил не в том смысле, чтобы собираться... эм, ну, ты знаешь, с твоей мамой, но могу себе представить, что какие-то мужчины захотели бы, ну, понимаешь, ее — сильно.

— Господи, Каррик. Ты делаешь только хуже. — Я роняю голову на руки.

— Прости, — подавляет он смех.

Приподняв голову, я укоризненно качаю ею.

— Проехали. Я давно хотела задать тебе один вопрос. У тебя есть какие-нибудь традиции, которые ты соблюдаешь перед гонками?

У моего отца они были. Он всегда надевал черные боксеры и носки. Также перед каждой гонкой он завтракал обычным яичным омлетом. Я так и не поняла, почему.

— Есть.

Я ждала, но он не давал развернутый ответ.

— Ну и... ты собираешься рассказать мне, какие?

Положив руки на стол, он наклоняется вперед.

— Ладно. — Он выдыхает. — Перед каждой гонкой я должен съесть плитку шоколада «Гэлэкси».

(Galaxy также известен под названием Dove)

— Серьезно? — улыбаюсь я. — Почему?

Смотря на меня, он откидывается на своем стуле, оставляя руки на столе.

— Как только мы перебрались в Англию, то ли из-за давящей на меня мысли, что мы находимся в другой стране, то ли еще из-за чего, не знаю, но я не выигрывал гонки. В лучшем случае я приходил четвертым. Я паниковал, потому что мой отец отказался от многого ради переезда в Англию, и был раздавлен, потому что знал, что способен на большее. Ну, так вот, в тот особенный день я был голоден, забыл до этого поесть, и мой отец говорит: "С пустым желудком ты проиграешь эту гонку". Он вышел за какой-нибудь едой. И когда вернулся, то сказал, что нашел только дерьмовый торговый автомат. Затем протянул мне плитку шоколада «Гэлэкси», а я такой: "Что это за хрень? Я не стану это есть. Это бабский шоколад. Мужики не едят «Гэлэкси». Мужики едят «Йорки».". Помнишь этот рекламный ролик?

(На этикетке шоколадки «Йорки» изображен перечеркнутый рисунок женщины и написаны слова "Это не для девушек".)

— Помню, — рассмеялась я, наслаждаясь его манерой рассказывать историю.

И свое повествование он разбавляет мимикой, выражая самые разные эмоции глазами.

— И тогда мой отец взбесился и сказал: "Ну, у них нет никакого мужского шоколада, так что ешь эту гребаную женскую хрень и заткни хлебало!"

Я испустила смешок.

— И что ты сделал?

— Дулся с минуту, а потом съел эту гребаную плитку «Гэлэкси», и это оказался лучший шоколад в моей жизни из всех, что я пробовал, но я не признался в этом своему отцу. Потом сел в карт и впервые победил в гонке в Англии.

Он нежно улыбнулся, я увидела отблеск воспоминаний в его глазах.

— С тех пор мой отец перед каждой гонкой покупает мне в торговом автомате плитку шоколада «Гэлэкси», и я ее съедаю. Это моя единственная странность.

— А если в ближайшем торговом автомате не окажется шоколадки «Гэлэкси»? Или, что еще хуже, не окажется торгового автомата?

Он наклоняется вперед с обольстительной улыбкой на лице.

— Торговый автомат есть всегда, Адресса, и там всегда есть шоколадка «Гэлэкси».

— А-а-а. — Преимущество быть Карриком Райаном.

Гунтур подходит к нашему столу, держа в руках огромный поднос, нагруженный едой. Он начал расставлять перед нами блюда. Затем другой официант положил передо мной зеленый лист.

— Банановый лист, — поведал мне Каррик, увидев, как я на них смотрю. — Это вместо тарелки.

— А, хорошо. Круто.

После того, как вся еда была разложена, я уставилась на рис, мясо, овощи и другие блюда, которые не в силах была хотя бы описать, а Гунтур предложил нам насладиться обедом.

Поднимая взгляд, я обращаюсь к Каррику.

— Это уж слишком для твоего здорового питания, — улыбаюсь я, так что он понимает, что это просто издевка.

— Ты видела здесь хоть одного полного малазийца?

Я взглядом окинула сидящих здесь людей.

— Нет.

— Ну, то-то же.

— Ладно, Джабба, — поддразниваю его я. — Итак, с чего мне стоит начать?

Он смотрит на меня, безмолвно осматривает тарелки с едой. Указывает на одно из блюд и говорит:

— Попробуй вот это.

Мы прекрасно провели время за обедом, наслаждаясь едой и общением. Мы говорили о школе, друзьях, о самом разном вроде любимых книг, рассуждая о музыкальных вкусах — обо всем и ни о чем.

Часы пролетели незаметно. Это был один из лучших дней, что я когда-либо проводила с кем-то.

Как только мы закончили, Каррик расплатился, снова отказав мне, когда я изъявила желание заплатить хотя бы половину. А я и не стала возражать, спасая себя от речи "сколько"

ты заработала за прошлый год".

— Спасибо за сегодняшний день, за картинг и обед, — обращаюсь я к нему, когда мы идем назад, освещаемые лучами вечернего солнца.

— В любое время.

Мы идем в обратном направлении, проходя мимо маркета, к машине. Когда мы доходим до нее, Каррик протягивает мне ключи.

Я заулыбалась, как кот, налакавшийся сметаны.

— Возвращаемся в отель? — уточняю я, забираясь на водительское сидение.

— Да, но это будет долгий путь.

Я пристегиваю ремень безопасности и завожу двигатель. Он мурлычет, словно котенок. Стереосистема оживает с песней "Wish You Were Mine" исполнителя по имени Philip George.

(Перевод названия песни — Хочу, чтобы ты была моей)

— Готов к поездке всей своей жизни? — Я кладу руки на руль, разворачиваюсь к Каррику, и обнаруживаю его смотрящим на меня с непроницаемым выражением на лице.

— Ага, готов.

То, как он это произнес, заставило мое сердце заколотиться в груди.

Я переключаю передачу. Проверяю зеркала и выезжаю на дорогу. Вжимаю педаль в пол и увожу нас отсюда.

Шанхай, Китай

– НУ, ЧТО ДУМАЕШЬ?

Каррик и я находимся в его номере, мы только что посмотрели мультфильм «Тачки». Я наконец-то уговорила его. Я развалилась на диване и расположила ноги на кофейном столике. Каррик на другом конце дивана, а между нами огромная миска с наполовину съеденным мороженым. Это было лучшее мороженое, что я ела в своей жизни. Оно мне напомнило сцену из фильма «Один дома», где Маколей Калкин поедал гору замороженной сладости.

Совершенно ясно, что у Каррика отдых от его диеты. Но в этот раз я решила спустить ему это с рук, потому что сегодня была гонка, и Каррик пришел третьим. Это несвойственно для него. Обычно он приходит первым или вторым. И очень редко третьим. Он все спихнул на машину, сказав, что она была неуправляемой. Мы с Беном проверили ее, но не смогли найти никаких неполадок, так что я не знаю, что там произошло.

Каррик с того самого момента ходит с дерьмовым настроением, что совершенно неудивительно. У него соревновательный дух, да и он не любит проигрывать.

Когда он сказал, что не сдвинется с места, я ответила, что останусь с ним до тех пор, пока Петра и ребята не вернуться.

Я не возражаю, ведь уже завтра мы отправляемся в Бахрейн, а Каррику придется остаться для общения с прессой и каких-то дел со спонсорами, также ему нужно записать рекламное обращение. Я не увижусь с ним на протяжении нескольких дней, пока он не присоединится к нам, и потому меня так радует перспектива провести с ним время до нашего отъезда.

Мы заказали много разной еды, а также мороженое, благодаря обслуживанию номеров, и весело проводим ночь.

И нужно заметить, что каждая ночь, которую я провожу с Карриком, веселая. Справедливо будет сказать, что мы сблизились в последнее время. Сильно сблизились. Я вижу с ним большую часть дня, а если нет, то мы переписываемся или созваниваемся.

Он довольно быстро стал лучшим из всех друзей, что у меня когда-либо были.

– Было неплохо, – задумавшись, говорит он.

– Просто неплохо? – я смотрю на него, притворившись, что испытываю отвращение.

Приличную часть мультфильма, даже большую, он смеялся. Я даже заметила, как его глаза стали влажными в одном моменте.

– Ну да, только неплохо.

– Ты лжешь. – Я убираю ноги с кофейного столика и подбираю их под себя, усевшись таким образом лицом к Каррику. – Тебе понравилось. Признай это.

– Я же сказал, было неплохо, – хмурится он.

Его настроение все еще паршивое. Я думала, что мультфильм может помочь, но он все еще на грани.

Мне необходимо заставить его смеяться.

– Скажи правду. Скажи, что ты стал обожать «Тачки», и это лучший из всех когда-либо просмотренных тобой фильмов, или ты поплачешься.

– Поплачусь? – от этой фразы его брови взлетают вверх.

– М-м-м-м.

– И как же именно я поплачусь?

Я бросаю взгляд на миску с мороженым и хватаю ее. Подняв емкость на уровень груди, я достаю находящуюся там ложку, давая подтаявшему мороженому капать обратно в миску.

– Признай, что «Тачки» – лучший мультфильм из когда-либо тобою виденных, или ты будешь измазан мороженым. – Я устремляю на него наглый взгляд.

Его брови взметнулись еще выше. Убрав ноги с кофейного столика, он разворачивается ко мне, садится прямо и смотрит с предупреждением.

– Неужели, Амаро? Ты осознаешь, что я могу двигаться действительно быстро? Я выхватываю миску из твоих рук и вымажу тебя мороженым еще раньше, чем у тебя появится хотя бы возможность взмахнуть этой ложкой в моем направлении.

– Неужели? – Я приподнимаю бровь. – Это громкое заявление.

Он располагается на диване на коленях, устраиваясь лицом ко мне.

– Это не заявление. Факт.

– Ты бросаешь мне вызов, Райан?

Он склоняет голову набок.

– Да. А что? Струсил, Амаро?

– Ха! К счастью, нет. Вызов принят.

Затем все происходит довольно быстро. Я зачерпываю чуть-чуть мороженого и начинаю поднимать руку, чтобы замахнуться ложкой на него. Черт, он действует слишком стремительно. Он не шутил. Я сумела забрызгать его футболку мороженым лишь самую малость до того момента, как сама оказалась лежащей на спине, а вырванная из рук миска валялась где-то на полу; Каррик же с самодовольной ухмылкой сжимает мои руки у меня над головой, выдергивая ложку из моих пальцев.

– Что ты там говорила? – нахально спрашивает он, нависая надо мной с ложкой в руке, и вода ею у меня перед лицом, чтобы подразнить.

– Гр-р-р-р, – рычу я и закрываю глаза, ожидая, когда же упадут капли мороженого.

– Сдаешься? – его голос стал ниже.

Это вызывает пульсацию внизу живота.

Я открываю глаза, встречаясь с его взглядом.

– Ни за что. Предпочитаю оказаться измазанной мороженым, чем покориться.

Что-то вспыхивает в его глазах после того, как я произношу последнее слово.

– Просто сделай, что хотел, и покончим с этим. – Я зажмуриваюсь, готовая быть покрытой мороженым.

Затем я чувствую это – что-то достаточно большое и довольно многозначительное упирается в мое бедро.

У меня перехватывает дыхание, и я распахиваю глаза, чтобы встретиться с его взглядом.

Его лицо значительно ближе к моему, чем момент тому назад.

Смотреть в его глаза в это мгновение... так горячо.

Мое тело оживает, реагируя на него словно по щелчку переключателя.

Его тело на моем, и его твердость, прижимающаяся к моему бедру. Осознание того, что всего лишь одно нахождение так близко ко мне делает с ним подобное, сводит меня с ума.

Я прикусываю губу.

Он резко вдыхает. От этого мышцы на его груди сокращаются. Его глаза темнеют от

желания.

Опуская к моему рту ложку, он проводит ею по моим губам, покрывая их мороженым. Я втягиваю воздух из-за холодных прикосновений.

Отбрасывая ложку на пол, он опускает голову. Смотря мне в глаза, он очень медленно проводит языком по моим губам, слизывая с них мороженое.

Господи Иисусе.

Я застыла. Каждый мускул моего тела недвижим. Я не смогла бы шевельнуться, даже если бы захотела.

И на самом деле я не хочу.

Совсем, совсем не хочу.

С того самого момента, когда я встретила Каррика, я могла думать лишь о том, как поцеловать его, попробовать его... и теперь, похоже, я это выяснила.

Даже понимая, что не стоит этого делать, так как ни к чему хорошему это не приведет, я не могу найти в себе силы воли остановиться.

Но нужно хотя бы попытаться.

– Что ты делаешь? – шепчу я. Слова кажутся неубедительными и бессмысленными.

Он медленно моргает, закрывая свои голубые глаза, а языком увлажняет свои губы.

Боже, он так красив.

Когда он снова открывает глаза, смотря на меня, я вижу, насколько их заволочло жаждой, и это поражает меня в области между ног.

– Побеждаю, – шепчет он.

Затем он захватывает мой рот самым чувственным и сладостным поцелуем, который я только испытывала.

Каждое нервное окончание в моем теле загорается жизнью. Словно я находилась в спячке все эти двадцать четыре года и сейчас очнулась от одного лишь прикосновения его губ.

Его язык врывается в мой рот, мягко скользя по моему. Я могу почувствовать сладость мороженого на его языке.

На вкус он был таким, словно внезапно исполнились все мои мечты.

Я стону, руками обвиваю его шею, пальцами вплетаясь в волосы на его затылке.

Мои действия находят в нем отклик. Рыча, коленями он раздвигает мои ноги. Располагаясь между ними, он вжимается в меня. Каждый дюйм его твердого желания прижимается к моей изнывающей от жажды плоти.

Господи, это великолепно.

И я знаю, что нахожусь в наихудшем положении, потому что не хочу останавливать его, особенно когда он начинает вдавливать в меня.

Вдруг знаменитая басовая партия из песни “The Chain” группы Fleet wood Mac, громко раздавшаяся из моего телефона, лежавшего на кофейном столике, отрывает меня от Каррика и вырывает из момента, в который я позволила себе погрузиться с головой.

Вот дерьмо! Что я делаю?

– Игнорируй. – Он снова обрушил свои губы на мои, вплетая пальцы в мои волосы, возвращая меня обратно, чтобы продолжить.

И, боже, я хочу целоваться с ним.

Но мой мозг уже включился и говорит мне, что нужно прекращать это.

Потому что продолжение ни к чему хорошему не приведет. Не говоря уже о

разрушенной дружбе.

Каррик гонщик. И мой друг.

Я чувствую, как нутро скручивает от ощущения дискомфорта.

Положив руки ему на грудь, я отталкиваю его прочь.

– Стой. Нам нужно остановиться, – задыхаясь, говорю я.

– Остановиться? – Он выглядит не очень-то счастливым от такой идеи.

Да и я тоже вроде как. Но правильнее прекратить.

– Да, остановиться. – Я изворачиваюсь, чтобы выбраться из-под него, и соскальзываю с дивана. Поднявшись на неустойчивых ногах, я начинаю пятиться. Мне нужно создать между нами дистанцию. – Это... этого не должно было произойти. – Пальцами я прикасаюсь к губам. Я все еще могу чувствовать его на них.

Каррик садится и пристально смотрит на меня в смятении и с непониманием.

– Это должно было случиться абсолютно точно. И это нуждается в том, чтобы продолжать случаться. – Он встает на ноги.

– Нет. Я не могу так поступить с тобой, – мой голос стал резким. Я не хотела, чтобы он стал таким.

– Ты не можешь так поступить со мной? – На его лице появляется выражение гнева. – Что это, блядь, должно значить?

Вам знакомо чувство, когда вы осознаете, что роете самому себе яму, но уже не можете остановиться, несмотря на все старания?

Это именно тот случай.

– Это значит, что ты это ты, а я это я. – Я прижимаю руку к груди.

– Я это я? – Он стал выглядеть практически взбешенным.

Я смутилась и рассердилась. Если быть честной, то я тоже похотливая.

– Да! Ты – Каррик Райан – мужчина-шлюха, первосортная причем! Ты трахаешь все, что движется, а я не хочу быть одной из этих двинутых трахнутых девок! Я работаю на тебя, ты пилот, а я не вступаю в отношения с пилотами. Ты знаешь это!

Тишина в моей голове отзывается притупленным глухим стуком. Я не отдаю себе отчет в том, что говорю, но знаю, что все очень плохо. Это понятно по тому, как Каррик смотрит на меня, словно я вызываю у него отвращение.

Вздыхая, я запускаю руку в волосы.

– Слушай... я неправильно высказалась...

– Нет, мне кажется, ты все сказала правильно. – Его голос жесткий и холодный.

– Я... – Не знаю, что говорить. Я испускаю смиренный вздох. – Наверное, мне стоит идти.

– Да. Наверное, стоит. – Он не смотрит на меня. Он отворачивается и смотрит в окно.

Взяв телефон и ключи с кофейного столика, ногами я скользнула в шлепанцы.

Когда я приоткрываю дверь, я обращаюсь к его спине:

– Я увижу тебя позже?

Я выжидаю мгновение, но не слышу ответа. Отпуская дверь, я позволяю ей захлопнуться после моего ухода.

Как я могла допустить, чтобы это случилось?

Мы целовались, а теперь злы друг на друга, и это так глупо.

Я сижу на кровати в своем номере – как и последние два часа с момента, когда

покинула Каррика – и несусь по волнам эмоций от гнева к печали, а затем возвращаюсь к гневу. Сейчас наступила стадия смирения. И сожаления.

Сильного сожаления.

Мне было ненавистно то, как мы все оставили. Я не хочу ссориться с Карриком.

Он лучшее, что есть в моей жизни.

Мама мне всегда говорит, что нельзя ложиться спать, находясь с кем-то в ссоре. Честно говоря, я вряд ли смогу сегодня заснуть, если не улажу все с Карриком.

Я не хочу, чтобы это испортило все, чего мы достигли.

Поцелуй вообще-то не должен портить что-либо.

И, да, когда я целовала его, во мне зажглась искра, и жизнь снова обрела краски, но я смогу себя контролировать в его присутствии. Потому что лучше быть с Карриком в любом его проявлении, чем совсем без него.

Решение принято, я снова надеваю шлепанцы, хватаю телефон, ключ от номера и направляюсь к лифту.

Пока я поднимаюсь к нему на этаж, внутри меня все бушует от нервозности.

Когда двери лифта разъезжаются со звоном, я полна решимости, и устремляюсь к его двери.

Подняв руку, я стучу и жду.

И жду.

Нет ответа.

Его здесь нет?

Я снова стучу, на этот раз громче, чем прежде.

Все еще ничего.

Я постояла мгновение, испытывая опустошенность. Я готова обсудить с ним все и прояснить ситуацию, а его здесь даже нет, черт бы его побрал.

Я задаюсь вопросом, где же он?

Может он вышел и встретился с Беном, чтобы отдохнуть в его компании.

Напишу ему сообщение, спрошу, можем ли мы поговорить. Если мне нужно будет пойти и найти его, чтобы увидеться, то все это будет нормально. Просто мне действительно нужно поговорить с ним.

Я волоку свое задетое достоинство обратно к лифту и нажимаю кнопку вызова. Затем быстро пишу сообщение Каррику, спрашивая о встрече с ним, убеждая, что нам нужно поговорить. Я только нажимаю «Отправить», как звонок возвещает о прибытии лифта.

Как только двери разъезжаются, я отрываю взгляд от телефона, отвлекаясь на звук женского хихиканья.

Внезапно мое сердце останавливается.

Каррик. И не один.

К стене лифта он прижимает привлекательную изящную местную девушку.

Его рот на ней. Руками он задирает ее платье.

Те же рот и руки, что час назад прикасались ко мне.

Слезы тотчас же обжигают глаза, болезненные ощущения прочно заседают у меня в горле.

Качаясь, я делаю шаг назад, привлекая тем самым внимание девушки.

– Упс, – хихикает она, говоря с сильным акцентом. – У нас компания. – Пальцем она стучит Каррика по плечу.

Отрываясь от спутницы, он поднимает голову, разворачиваясь ко мне. Взгляд пьяных глаз встречается с моими глазами.

В ту долю секунды, когда взгляд его голубых глаз вперился в меня, в них отражается шок, превратившийся в вину, после чего его глаза темнеют.

И внезапно мне становится очень холодно.

– Какого хера ты тут делаешь?

Я отступаю назад, реагируя на его пропитанный ядом тон.

– Я... – Я моргаю, сбиваясь.

Раньше он никогда со мной так не разговаривал.

Затем я заставляю себя выпрямить спину.

– Пришла убедиться, что у нас все в порядке. Совершенно очевидно, что ты в норме. – Мой голос твердый и хриплый, когда я жестом указываю на него... на них.

Словно только осознав, что его рука все еще под платьем девушки, он убирает ее оттуда, напоминая мне, где та недавно находилась.

Меня сейчас стошнит. То есть реально стошнит.

Мне интересно, смогу ли я это сделать в корзину или во что-нибудь другое, способное удерживать рвотные массы, пока меня будет тошнить прямо здесь перед ним.

Стоять, Энди. Дыши глубоко.

Он свободен для подобного рода выкрутасов. Каррик такой, какой он есть. И делает то, что хочет.

Но он был со мной...

А я оттолкнула его.

Ну, у него точно не было проблем с тем, чтобы найти замену.

– Карр, кто это? – ее голос звучит обеспокоенно. Вероятно, она подумала, что я его девушка или что-то типа того.

Я шевельнула пересохшими губами, чтобы заговорить.

Но Каррик перебил меня.

– Она никто.

Никто.

Если бы он ударил меня, это было бы менее болезненно. Шокированная, я отшатываюсь назад, прижимая ладонь к тому месту на груди, куда он только что вонзил нож, причиняя мне боль.

Безучастный к тому, что только что сделал со мной, он ступает из лифта, ведя девушку за собой, при этом держа ее за руку.

Он указывает на лифт.

– Лифт в твоём распоряжении. – Его голос бесстрастен, будто разговор со мной нагоняет скуку.

Я смотрю внутрь лифта, но могу видеть только его вместе с ней. Как он прижимается к ней. Целует ее. Его руки...

– Воспользуюсь лестницей.

– Плевать. – Он проходит мимо меня, запуская девушку в номер.

Делая долгий вдох, я задерживаю дыхание и прикладываю усилия для того, чтобы шевелить ногами и идти в направлении лестницы, пока слушаю исчезающие внутри его номера звуки женского хихиканья.

Я крепко обнимаю себя, пытаюсь держаться, когда внутри меня все разрывается на

части.

Я дохожу до двери, ведущей на лестничную площадку. Толкая плечом, я открываю ее, влетаю в коридор, и со свистом выпускаю мучительно сдерживаемый мною все это время воздух.

Из горла рвутся всхлипы. Я держусь, прикрывая рот рукой, и держу ее так до тех пор, пока бегу по лестнице вниз.

Вставляю ключ в дверь, залетаю в номер. Давая двери закрыться за собой, приваливаюсь к ней спиной.

Убираю руку ото рта, прижимаю ее к животу, в котором зарождается боль, и разражаюсь рыданиями. Слезы льются из моих глаз, я пальцами тянусь к цепочке на шее и рукой обхватываю кулон в виде маленькой машины.

Сахир, Бахрейн

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ я покинула Китай, не увидевшись с Карриком.

Мы с ребятами прибыли в Бахрейн, и я включила телефон. Мы сидим в автобусе, везущем нас в отель, и я просматриваю сообщение от него.

Я сожалею.

Он сожалеет.

О чем? Что поцеловал меня? Что целовал ее? О сексе с ней? О том, что он самый отъявленный говнюк во всем мире?

Гр-р-р!

Сильная волна гнева захлестывает меня. Я удаляю сообщение и бросаю телефон в сумку.

— Ты в порядке?

Я смотрю вверх и вижу дядю Джона, стоящего у сидений.

— М-м-м-м. Все хорошо. Просто устала. — Я выдавливаю улыбку.

Он садится рядом со мной.

— Понимаю. Кажется, я становлюсь слишком старым для всех этих путешествий.

— Да ни в жизнь.—Я смотрю на него и улыбаюсь. — Ты не будешь знать, чем занять себя, если остановишься. Ты любишь все это.

— Конечно, люблю. —Он подмигивает мне. — Но все равно старею.

— Ну, как по мне, то ты выглядишь все так же, как и раньше, когда я была девочкой. —

Я беру его под руку и кладу свою голову ему на плечо.

— Я рад, что ты здесь.

— Ага, я тоже.

— Как в старые времена. — Он тяжело выдыхает. — Ты много времени проводишь с Карриком.

Вот оно.

Я поднимаю голову и встречаю взгляд дяди.

— Да?

— И я хочу убедиться, что у тебя все в порядке.

Он так пристально смотрит, словно может видеть меня насквозь. Он всегда был способен распознать, если со мной что-то случилось.

— Я в порядке. Мы с Карриком просто друзья.

— И я уверен, что ты так и думаешь. А он думает так же?

Я вспоминаю вчерашний день.

— Да, он думает также.

Еще один пристальный взгляд, и после этого он вроде как успокаивается.

— Я просто беспокоюсь о тебе, малая.

— Знаю, и ценю это, но все в порядке. Обещаю.

Вот только это не так.

Он делает долгий вдох.

— Даже несмотря на то, что вижу тебя каждый день, создается впечатление, будто с момента твоего приезда я почти не провожу с тобой времени.

— Ага, я знаю, что ты имеешь в виду. Но все понимаю. Мы все заняты. А ты еще и более занятой, чем остальные.

Дядя Джон всегда работает сверхурочно.

— Ага, но знаешь, иногда хочется провести время с моей девочкой. Когда доберемся до отеля, может поужинаешь со мной? Или ты будешь слишком уставшей?

— Нет такой усталости, которая помешала бы мне поужинать с тобой, — говорю я с улыбкой.

Я уже спала, когда услышала стук в дверь.

После ужина с дядей Джоном я отправилась напрямиком в постель, потому что разваливалась на части.

Петры со мной нет. Она летит обратно в Англию на неделю, чтобы прояснить кое-какие вопросы, связанные с кейтерингом— все должно быть готово к нашему прибытию домой — и затем вернется к нам. Не могу дождаться ее возвращения. Сейчас женская компания была бы очень кстати.

(Кейтеринг — организация питания на мероприятиях разного уровня на выезде и не только; готовка еды, оформление столов, сервировка, обслуживание.)

Итак, я в номере одна, и кто-то стучит в дверь.

Выбравшись из кровати, я включаю свет, чем ослепляю себя на мгновение. Бросая взгляд на часы, я вижу время — пять утра.

Добравшись до двери, я смотрю в глазок.

Каррик.

Дерьмо. Что он здесь делает?

Мне казалось, он все еще в Китае. Я была уверена, что перед прибытием в Бахрейн ему нужно принять участие в какой-то пресс-конференции.

Но он здесь, а это значит, что вылетел он ненамного позже меня.

Сделав глубокий вдох, я открываю дверь.

— Привет. — Глазами он пробегается по моим оголенным ногам, и лишь затем смотрит мне в лицо.

На мне пижамные шорты и футболка. И теперь я припоминаю, что на мне нет лифчика.

Потрясающе.

Я складываю руки на груди.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, ты все еще в Китае.

Посмотрев на него, я обращаю внимание, что его глаза налиты кровью и будто бы стеклянные. Он пил?

— Я прибыл пораньше. Частный самолет, — поясняет он.

— Это все замечательно, Каррик, но сейчас до смешного рано, я спала.

— Прости, просто... — Рукой от потирает лицо. — Я хотел поговорить с тобой.

А я хотела поговорить с тобой прошлой ночью, но ты был слишком занят вдалбливанием себя в другую женщину.

— Ну, ты не мог подождать более приемлемого времени?

Во мне включилась стерва, потому что меня пронизывает боль.

Больно от того, что он спал с другой. Что нашел мне замену.

Но больше всего меня ранили его слова о том, что я никто.

"Она никто."

Эти слова все еще отдавались звоном в моих ушах. Они разрывали меня на части.

Мне казалось, что я что-то значу для него. Я думала, что мы друзья.

Совершенно очевидно, что нет.

— Нет, я не мог ждать. — Его голос тверд, как и его взгляд.

Тогда я направляю на него озлобленный взгляд и театрально вздыхаю.

— Итак, чего конкретно ты хочешь?

Он плечом опирается о дверной косяк, становясь таким образом ближе ко мне, и я тотчас же чувствую исходящий от него запах виски.

Он пил.

Не знаю почему, но это взбесило меня еще больше, разожгло внутри меня гнев, смешанный с болью.

— Ты пил?

Он посмотрел на меня, смутившись.

— Немного. В полете. — Он выдыхает. — Слушай, Адресса, я просто...

— Как ты узнал, в каком я номере? — прерываю я его. Слова вырываются из моего рта в ту же секунду, что возникают в моем мозгу.

В его взгляде промелькнула неловкость. Затем он выпрямляется во весь свой рост, скрещивает руки на груди и смотрит на меня с уверенностью.

— Ты действительно хочешь узнать ответ на этот вопрос?

Я выпрямляюсь, копируя его.

— Да, черт подери, действительно хочу.

Упершись рукой о дверной косяк, он наклоняется вперед с невероятным самодовольством.

— Потому что я — Каррик, мать его, Райан, и денег у меня дохера и больше. Благодаря этим двум пунктам я могу купить почти все, что захочу, включая номер комнаты в отеле, где ты остановилась.

Но не меня. Ты не можешь купить меня, Каррик.

Р-р-р-р! Я готова хлопнуть дверью, чтобы та врезала по его гребаному заносчивому лицу. Это не он. Не настоящий он. Это не тот Каррик, с которым я общалась весь прошлый месяц, чтобы узнать его получше.

Это... Не знаю, что это за проявление такое, но эта версия — Каррика-пьянчуги, и мне очень хочется ударить по его богатому привлекательному лицу.

Я делаю шаг вперед, тыкая пальцем в его грудь, вынуждая его опустить руки и отступить назад.

— Какого хера? Это не ты! Ты не говоришь дерьмо, подобное этому, особенно мне! А прийти сюда так, словно ты владелец этого места, отыскать мой номер и разбудить меня перед самым рассветом ты не имел никакого права! Знаешь, кто-то назвал бы это нарушением закона или, может, вторжением в личную жизнь, ну или долбаным преследованием! — Говоря последнюю часть, я срываюсь на крик.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Для приличия он хотя бы стал выглядеть кающимся. Под влиянием моей ярости он отходит назад.

— Господи. — Он выдыхает, дрожа, запуская руку в свои волосы. — Все идет не так, как я хотел.

— Нет? А как ты думал все будет проходить, когда ты объявляешься здесь неожиданно-

негаданно в пьяном угаре и ведешь себя, как напыщенный индюк?

Он неотрывно смотрит мне в глаза.

— Может я и пил, но точно не пьян.

Рукой проводя по спутанным от лежания в кровати волосам, я двигаюсь в сторону номера.

— Слушай, я устала и не в настроении ссориться с тобой.

Я начинаю закрывать дверь, но он подставляет руку, останавливая меня.

— Прошу, Адресса. Просто подожди...

Я выдыхаю, смотря ему в глаза.

— Чего?

— Я писал тебе.

— Знаю.

Я вижу по его выражению лица, что он ждал такого ответа.

— Почему ты не ответила мне? — спрашивает он мягко. Звучит так, словно он уязвлен.

Хорошо. Потому что я тоже уязвлена. Уязвлена до глубины гребаной души.

— Потому что мне было нечего тебе сказать.

Он выглядит так, словно ему сказали, что его любимая машина разбилась на части.

Каррик делает шаг назад, будто собирается уйти, но затем останавливается.

— Я не переспал с ней.

Слова были сказаны настолько глухо, что на миг я усомнилась, были ли они действительно произнесены им.

Ох.

Услышав это, меня охватило ощущение облегчения. И это неправильно, потому что я не должна чувствовать что-либо, особенно к нему.

Он пристально смотрит на меня. В его глазах столько отчаяния, что глубоко внутри мне стало больно.

— Зачем ты говоришь мне это? — Мой голос холоден, лишен всяких эмоций.

— Потому что... я думал... не знаю, что я думал. — Он качает головой. — Просто хотел, чтобы ты знала, что я не законченный ублюдок, как ты обо мне думаешь.

Ублюдок лишь наполовину.

— Прости. Я чертовски сожалею.

— Тебе не за что просить прощения. Ты в свободном плавании. Ты можешь делать что захочешь и с кем захочешь. Это меня не касается. Я никто, помнишь?

Это ранит его. Я вижу это по его глазам.

Хорошо. Сейчас он чувствует хотя бы толику того, что чувствовала я, когда он сказал мне это.

Затем, на удивление, его боль преобразуется в гнев. И это выводит меня из себя.

— Ты не думаешь, что я сделал что-то не так? Я целовал тебя, вдавливал тебя в тот гребаный диван, желая трахнуть, а через несколько часов ты находишь меня у лифта с другой женщиной, которую я был готов отыметь.

Вообще-то мне не нужно воспроизводить детали одной из худших ночей, бывших у меня за долгое время. Он пытается спровоцировать меня? Потому что если это так, то у него получается— даже слишком хорошо.

— Но это же обычная ночь для тебя, не так ли? — огрызаюсь я, лишь распалаясь.

Это удар ниже пояса, собственно, к чему я и стремилась.

К чему я не была готова, так это к тому, насколько паршиво мне будет видеть выражение боли на его лице.

Я отступаю от него на шаг, создавая между нами расстояние.

— Слушай, я устала и зла, а ты выпивший. Нам не стоит вести этот разговор сейчас. Мы ни к чему не придем.

— Да, ты права. — Каррик выдыхаясь, находясь в расстроенных чувствах. — Прежде чем уйду... Я хочу, чтобы ты знала, мне жаль. Больше, чем просто жаль. Ты заслуживаешь лучшего обращения. У меня крыша нахер поехала. А о том, что я сказал... Боже, Андресса, ты не никто. Ты все. Не считая моего отца, ты лучший человек из всех, кого я знаю. — Рукой запутавшись в волосах, он смотрит мне в глаза. — И не то чтобы это извинения за мое поведение, просто я не могу... справиться, когда меня отвергают.

Определенно.

— С того места, где я стояла, не было похоже на то, чтобы она тебя отвергала.

— Господи, Андресса. Я имею в виду тебя.

Отводя взгляд в сторону, я прячу свою боль и складываю руки на груди.

— Что ты хочешь от меня услышать, Каррик?

Он подходит ко мне. Вынуждает посмотреть ему прямо в глаза.

— Просто скажи мне, что я не проебал все. — Его голос опускается практически до шепота, шепота, в котором слышится отчаяние. — Я не хочу потерять друга. Не хочу потерять тебя.

Я проглатываю всю собственную горечь, когда боль обхватывает мое сердце и стискивает его крепче.

— Ты не потерял меня. Мы просто... облажались, мы справимся с этим. Все у нас будет в порядке.

И я игнорирую тихий голосок в моей голове, вопрошающий о том, как, черт подери, что-либо из вышеперечисленного может быть в порядке, если у меня совершенно точно есть к нему чувства?

Барселона, Испания

Я В ИСПАНИИ, уже поздний час, на улице жарко. Я все еще у трека, заканчиваю работу после сегодняшней тренировочной сессии. Я здесь одна, так как сказала ребятам возвращаться в отель. Они умирали от желания пойти выпить, моя же усталость достигла того уровня, что даже размышлять о подобном не было сил, потому и сказала им, что все закончу сама.

Наконец на сегодня все сделано, и моя готовность отправиться в постель настолько абсолютная, что это даже не смешно.

После случившегося в Китае и Бахрейне у нас с Карриком все пришло в норму.

Пока мы были в Бахрейне, то, когда оказывались рядом, вели себя тише воды, ниже травы. Затем, когда встретились в Корее на очередном этапе гонок, до этого не пересекавшись несколько дней, мы просто вернулись к тому, какими были прежде. Но даже проводя время вместе, мы не остаемся наедине. С нами всегда ребята и Петра.

Не уверена, почему так получается: то ли он делает это сознательно, то ли я на подсознательном уровне стремлюсь к этому. Я просто рада, что мы все еще друзья.

Но образ, где он с той женщиной в Китае, словно выжжен у меня в мозгу. Хотелось бы мне, чтобы был способ соскоблить его оттуда.

— Мне нужна услуга.

Я поднимаю голову, услышав голос Каррика.

Есть что-то странное в том, чтобы человек, о котором вы только что думали, внезапно являлся перед вами собственной персоной.

— Услуга? — Я поднимаю бровь, смотрю, как он идет ко мне, и вытираю испачканные руки о рабочий комбинезон. — И что ты здесь делаешь до сих пор?

— Встречаюсь с отцом и Пирсом.

— Оу. Так что за услуга?

— Хм-м, — он смотрит на меня, а на его лице расплывается сексуальная ухмылка.

— Ну, в чем дело? — Я сама подозрительность, потому что обычно услуги для Каррика сопряжены с потенциальным риском для моей работы.

Остановившись передо мной, он поднимает руку, и большим пальцем проводит по моей щеке.

Я приоткрываю рот, чтобы вдохнуть, когда вспыхнувшее пламя обжигает мою кожу.

— Масло. — Он показал мне свой палец.

— Масло. — Я рукой вытираю все лицо. — Так что за услуга? — Я делаю шаг от Каррика, становясь ближе к рабочим инструментам.

— Мне нужна пара. Точнее выражаясь, мне нужно, чтобы моей парой стала ты. Завтра вечером мне нужно идти на организованный спонсором прием. Это наш влиятельнейший спонсор, потому что это вроде как важно.

— И ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Ага.

— Почему?

— Потому что я не хочу идти один. И потому что ты изумительная.

Рассмеявшись, я качаю головой.

— Я имею в виду — почему я?

— Потому что ты сделаешь эту стопроцентно скучную до усрачки ночь в миллион раз лучше.

Его комплимент взбудоражил меня, проносясь через все тело, от макушки до кончиков пальцев ног.

— И я хочу провести время только с тобой. Лишь ты и я. Как друзья... — добавляет он, отметив мое выражение лица. — Я скучаю по временам, когда мы веселились вдвоем.

Я тоже скучаю по временам, когда мы веселились вдвоем.

— Ладно, — улыбаюсь я.

Его лицо будто проясняется, и мне нравится, как я себя из-за этого чувствую. Мне нравится делать его счастливым.

— Во сколько все начинается? — Я думаю о завтрашней тренировочной сессии, смогу ли я ускользнуть на часок, чтобы найти наряд и успеть после этого собраться.

— Начало в семь тридцать. И не беспокойся. Я поговорю с Джоном, дам ему знать, что ты идешь со мной, и попрошу отпустить тебя пораньше.

Ну да, уверена, что все будет принято с энтузиазмом.

— Дай мне поговорить с ним.

— Уверена?

Я взглянула на него.

— Уверена. — Я подхожу к раковине помыть руки. — Итак, что мне следует надеть?

— Дресс-код вечерний, так что платье.

— Платье. Поняла.

Дерьмо. Мне нечего надеть, и нет ни одной мысли, что бы купить. Я из девушек, предпочитающих джинсы и футболки. Спрошу у Петры. Не сомневаюсь, она пойдет вместе со мной за покупками. Она обожает шоппинг.

Каррик потянулся к заднему карману и достал оттуда кредитную карту.

— Возьми.

Схватив полотенце, я вытираю руки.

— Что это?

— А на что это похоже? Это кредитка, глупышка, — усмехается он.

— Твоя кредитка?

— Да.

— И зачем ты даешь ее мне?

— Чтобы ты могла купить платье. — Он впихивает карту мне в руку.

— Эм, нет. Я ни за что не приму твои деньги.

Я протягиваю кредитку обратно ему, но он поднимает руки, отказываясь забрать ее.

— Бери. Ты оказываешь мне услугу, идешь со мной. Ты не должна тратить хренову тучу денег на платье, которое купишь лишь для того, чтобы помочь мне.

— Откуда тебе известно, что у меня нет собственного платья?

Он скрещивает руки.

— А оно есть?

Я скрещиваю руки, подражая ему.

— Нет, но суть не в этом.

— Суть как раз в этом, так что возьми гребаную карту и купи платье. — Он уходит

прежде, чем я успеваю предпринять еще одну попытку вернуть ему его кредитку. — Увидимся завтра. — Обернувшись, он подмигивает мне.

Через минуту после его ухода у меня включается режим паники. Как, черт подери, я собираюсь купить платье и сделать себя привлекательной к завтрашнему вечеру?

Когда я шла в свой номер, мой испуг достиг апогея, ведь я не понимала, зачем согласилась идти на этот прием с Карриком. Зайдя в комнату, я обнаруживаю там Петру.

— Я думала, ты пойдешь куда-то.

— Я передумала. Решила устроить себе передышку и провести время с тобой.

Упав на кровать, я ложусь набок, повернувшись лицом к Петре.

— Мне нужна помощь.

— Хорошо. — Она прекращает смотреть телевизор и обращает свой взор ко мне. — Это о Каррике?

Я откидываю голову назад.

— Ты о чем?

— Да ладно. Я же вижу непонятное напряжение между вами. Ты уехала из Китая будто не в себе и до сих пор все такая же.

— Нет ничего такого. И нет никакого напряжения между мной и Карриком.

— Ну конечно. — Она закатывает глаза.

Я бы предпочла не видеть ее, как, впрочем, и не хотела обсуждать с кем-либо наши с Карриком проблемы. Я знаю Петру, она мне нравится, но я не уверена в ней настолько, чтобы делиться тем дерьмом, что происходит у меня с ним.

— В любом случае, в каком-то роде это связано с Карриком. Он позвал меня пойти с ним на завтрашний прием, как друга, — добавляю я, видя, как поднимаются ее брови. — Мне нужно платье. — Я не говорю ей, что Каррик платит за меня, потому что она только уверится в том, что между нами что-то есть. — Но я не имею понятия, какое платье покупать, или где его брать в Барселоне, так что мне нужна твоя помощь, потому что в шоппинге я профан.

Она с восторгом хлопает в ладоши.

— Конечно, я помогу.

Она бросает взгляд на часы, я смотрю туда же и обнаруживаю, что уже семь тридцать.

— Тебе повезло, ведь мы находимся в одном из более подходящих городов для позднего шоппинга. Магазины открыты до девяти часов. — Она поднимается с кровати. — Какой суммой ты располагаешь? Потому что на Пассаж де Грация есть прекраснейшие дизайнерские магазины, но также там есть Зара и Манго.

(Passeig de Gràcia— шоппинг-улица в Барселоне.)

— Ну, я не хочу тратить слишком много. — Чувствую, как кредитка Каррика прожигает дыру в моем кармане. — Но хочу выглядеть хорошо.

— Бюджетная красота. Поняла. Идем, цыпочка. — Она стучит по моей ноге, проходя мимо. — Нам предстоит совершить серьезные покупки, и время наше ограничено.

Я обнаруживаю себя в примерочной магазина «Манго» на улице Пассаж де Грация.

Петра орет мне:

— Ты померила его? Ты там уже годы!

— Померила.

— И?

Руками я провожу по платью сверху вниз, осматривая себя. Просто... Я не знаю. Кажется, я выгляжу нормально, но для меня это слишком откровенно. Красный атлас, длина в пол, глубокое декольте, без сомнений можно увидеть ложбинку между грудями. Но это не самая откровенная часть. Сбоку есть разрез. Платье, правда, не облегающее, но, когда я иду, можно увидеть всю длину моих ног до самого бедра.

"Господи... твои ноги бесконечные. "

В моей памяти всплыли слова, когда-то сказанные Карриком в гараже.

Понравлюсь ли я ему в этом платье? Разве это имеет для меня значение?

Кажется, я уже знаю ответ на этот вопрос.

— Энди? — с нетерпением зовет Петра. — Если ты не выйдешь в следующие три секунды, я вхожу.

— Ладно. Выхожу. — Делая глубокий вдох, я оттягиваю штору и делаю шаг.

— Срань господня, — говорит Петра, поднимаясь на ноги.

— Это в хорошем смысле?

— В самом лучшем, — усмехается она. — Ты выглядишь потрясающе, не то чтобы ты обычно выглядела как дерьмо, но ты всегда в спецовке или в джинсах и футболке. Все это время ты прятала вот это под хламом. — Она рукой указывает на меня, махнув ею сверху вниз. — Каррик кончит в штаны, когда увидит тебя в этом платье.

— Мило. — Я скривилась от ее выбора слов. — Серьезно, думаешь, так пойдет? — Я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на себя в зеркало. — Оно не слишком... красное?

— Совсем нет. С твоим цветом кожи и волос ты можешь не беспокоиться об этом, никаких проблем.

— Думаешь, мне стоит взять его?

— Я определенно думаю, что тебе нужно его брать и, возможно, носить его каждый день. — Она улыбается, становится рядом со мной и смотрит в зеркало. — Боже, рядом с тобой я чувствую себя, словно гребаный карлик. — Она дует губы.

Петра ростом всего сто шестьдесят пять сантиметров, что, вообще-то, хороший рост. Это просто я долбаная дылда.

— Думаю, в выборе ювелирных украшений нам нужно быть минималистичными, — говорит она. — Может какие-нибудь сережки. Не хочется умалять выразительности этого платья. О, туфли. Тебе определенно нужно что-то на каблуках. Может черного цвета, ну или телесного. Еще посмотрим.

Каблуки?

— Эм, Петра, я не ношу обувь на каблуке.

— Возьмем каблук пониже. — Она ткнула меня в руку. — Семь или десять сантиметров.

Семь или десять сантиметров?

— Я думала о чем-то около трех сантиметров. Seriously, я не смогу их носить. Я упаду и травмирую себя. И буду выглядеть как гигант. Могу я надеть балетки?

Она посмотрела на меня так, словно я попросила налить мне в овсянку кофе.

— Нет, чтоб тебя, ты не можешь надеть балетки! У этого ошеломительного платья случится инсульт. Я научу тебя ходить на каблуках. И ты не будешь выглядеть слишком высокой. Ты будешь выглядеть как шикарная супермодель. А теперь иди переодейся. — Она заводит меня обратно в примерочную, толкая в спину. — У нас осталось не так много

времени, а еще нужно найти тебе туфли.

Барселона, Испания

Я СТОЮ У ПРИМЫКАЮЩЕГО К ОТЕЛЮ САЛОНА КРАСОТЫ и размышляю, как черта я здесь забыла. Это не я. Я не делаю все эти девчачьи штуки. Безусловно, я хожу в парикмахерскую подстричься, когда возникает необходимость. Но маникюр? Вот уж нет, спасибо. Это слишком неловко.

Я бросаю взгляд на сообщение от Петры, полученное этим утром. Она встала и ушла еще до моего подъема, ведь ей нужно было начать работать пораньше, чтобы приготовить завтрак к устраиваемой Пирсом и прочими руководителями встрече.

Салон у отеля. 16.00. Я записала тебя на маникюр. Будь там. Увидимся позже, когда вернешься в номер, я могу сделать тебе прическу и макияж.

Я смотрю на свои руки. Они пересохшие, кожа грубая. Вокруг кутикул масляные разводы, а сами ногти обгрызены. Ух. Маникюрша взглянет на них и убежит с воплями.

— Могу я помочь? — Услышала я голос с сильным акцентом.

Потом я сообразила, что дверь салона открыта, а в проеме стоит женщина и смотрит на меня.

Должно быть, я похожа на сумасшедшую из-за того, что просто стою тут и пялюсь на салон.

— О, эм, да, я записана... на маникюр. — Я прячу руки за спиной. — Это устроила моя подруга.

— Ох, вы Энди? — улыбается она мне.

— Ага, — отвечаю я робко.

— Замечательно! Идем. — Она делает шаг назад, машет мне, зовет следовать за ней. — Я Мартина.

Она прикладывает руку к груди. Когда я вижу ее ухоженные ногти, то ежусь от стыда за свой обгрызенный кошмар.

— Я записала вас к Алме. Она появится через пару минут. Садитесь.

Я опустилась на стул.

— Желаете чего-то выпить?

— Было бы чудесно выпить кофе. Спасибо.

Мартина исчезает в недрах салона, оставив меня паниковать из-за нахождения здесь. Салон оказался средоточием активности благодаря женщинам, которым делали прически. Они все выглядят стильно и гламурно, и ни одно из этих слов нельзя отнести ко мне, я совсем не похожа на них.

Вообще-то я думаю о том, как сбежать отсюда, когда внезапно появляется Мартина с моим кофе.

— Вот, держите.

Она протягивает мне чашку, и я принимаю напиток у нее из рук.

— Спасибо.

Я делаю лишь глоток кофе, когда из-за угла выходит подтянутая темноволосая женщина, которой где-то около тридцати лет.

— Энди? — Она приветствует меня с улыбкой. — Будьте добры проследовать за мной.

Я возьму ваш кофе. — И забирает напиток из моих рук.

Нервничая, я следую за ней по коридору, пока мы не заходим в одну из комнат.

— Садитесь. Итак, что мы делаем сегодня?

— Мои ногти... они вроде как в ужасном состоянии.

— Ясно. Можно взглянуть?

Я вдруг осознаю, что сижу на своих руках.

— Простите. — Я нервно смеюсь. Затем вытаскиваю руки из-под себя и располагаю их на столе перед собой.

Маникюрша не выглядит ужаснувшейся, что уже хорошо. Либо так, либо она умеет мастерски скрывать отвращение.

— Я автомеханик, — поясняю я.

Она кивает.

— И грызу ногти. — Мне невероятно неловко. — Но сегодня будет особенный вечер, и мне нужно, чтобы они выглядели хорошо... насколько это возможно.

— Не переживайте. Я сделаю ваши ногти потрясающими в два счета.

Полтора часа спустя я выхожу из салона, чувствуя себя обновленной женщиной. Ну ладно, женщиной с обновленными руками, и всего-то.

Они на ощупь такие мягкие, ногти покрашены кроваво красным лаком, оттенком немного более темным, чем мое платье, что, по словам Алмы, будет прекрасным дополнением. Она использовала что-то, что называла парафиновым воском, чтобы смягчить кожу рук. Никогда прежде не слышала о такой услуге, но хочу повторять эту процедуру каждый день. Так расслабляюще. Пока я ждала, чтобы парафиновая ванночка начала творить свою магию, Алма делала мне педикюр, чтобы пальцы ног соответствовали пальцам рук.

Я практически готовая к выходу девушка. Осталось разобраться с другими составляющими моего образа.

Добравшись до номера отеля, я бросаю сумку на кровать и демонстрирую свои ногти Петре.

— Очень хорошо. Теперь тащи свой зад в душ, мой волосы, я приведу их в порядок и покрашу тебя.

— Только чтобы не очень много косметики было. — Это буду ненастоящая я.

— Я сделаю легкий макияж. Тебе не нужно сильно краситься.

— А что с волосами?

Она осматривает меня довольно долго.

— Вообще, к этому платью я бы советовала волосы приподнять, но ты никогда не распускаешь их, потому, мне кажется, тебе следует сделать свободно ниспадающие волны.

— Ты босс, — говорю я, помахав рукой. Схватив зубную щетку, я выдавливаю на нее немного пасты и начинаю чистить зубы. — А ты сегодня идешь куда-нибудь? — спрашиваю я из ванной комнаты.

— Да, собираюсь пойти с ребятами выпить пива попозже, — отвечает она.

Я сплевываю и полощу рот. Закрыв дверь в ванную, я забираюсь под душ.

Полчаса спустя у меня выбрито почти все тело. Ноги, зона бикини и подмышки стали гладкими, как у младенца. Я вытираюсь досуха и наношу лосьон для тела. Затем надеваю шорты и майку.

Из ванной я выхожу с полотенцем на голове.

— Я в твоём распоряжении.

Взяв телефон, я сажусь у замены туалетного столика, что на самом деле является столом с прикрепленным к нему зеркалом, и начинаю проверять сообщения.

Одно пришло от Каррика.

К: Как прошел шоппинг?

А: У меня есть платье и туфли. :)

К: Рад это слышать. Зайду за тобой в семь тридцать.

А: Тогда и увидимся. х

("х" в сообщении означает поцелуй, как и "хо".)

Я нажала "отправить" до того, как осознала, что в конце написала ему "целую". Зачем я это сделала? Ох, боже, что если он неправильно поймет это и подумает...

Ой, какая разница, мне правда нужно перестать переживать и просто получать удовольствие.

— Готова? — Петра стоит позади меня с феном в одной руке и с косметичкой в другой.

— Готова, — улыбаюсь я.

— Что думаешь?

— Петра... это потрясающе. — Я улыбаюсь своему отражению, трогая прическу.

Она проделала великолепную работу. Волосы свободными волнами струятся по спине, макияж же простой, нейтральный, но привлекательный.

— Ты где-то профессионально училась этому? — спрашиваю я ее.

— Нет, но моя мама стилист. Ты просто перенимаешь какие-то вещи.

Моя мама модель, и единственное, что я переняла у нее — это хорошие гены.

— Тогда спасибо вам, мама Петры. А вообще, который час? — Я бросаю взгляд на телефон. — Дерьмо! Уже двадцать минут восьмого. Каррик будет здесь с минуты на минуту.

Схватив платье и новый комплект белья, я отправляюсь в ванную.

Да, я купила новое белье. Петра уговорила меня. Она сказала, что оно мне нужно к платью. Комплект красный и симпатичный, изящный и не пошлый, не то чтобы кто-то кроме меня собирался смотреть на него.

Оторвав этикетки от бюстгалтера и трусиков, я надеваю их на себя. Затем я скольжу в платье, пытаясь застегнуть молнию со всей прытью, на которую способна.

Я выхожу из ванной.

— Петра, можешь застегнуть молнию до конца?

Я убираю волосы, перекинув их через плечо, чтобы не мешались, и пока Петра застегивает платье, я надеваю купленные сережки.

— Готово.

— Спасибо. — Я пару раз брызгаю на себя духами.

— Туфли. — Петра протягивает мне обувь.

Я обуваюсь и жду мгновение, чтобы установить равновесие. Мы остановились на восьмисантиметровом каблуке — я уговорила Петру взять что-то ниже десяти сантиметров — но по-прежнему чувствую себя дылдой.

— Я выгляжу слишком высокой?

— Ты выглядишь сногсшибательно. — Взяв меня за плечи, она разворачивает меня к зеркалу.

Ого. Это я? Я выгляжу хорошо, нет, не просто хорошо. Я выгляжу сексуально. Я похожа

на свою маму, когда ей было столько, сколько сейчас мне.

Я улыбаюсь Петре через зеркальное отражение.

— Спасибо за помощь. Ты и понятия не имеешь, как я это ценю. — Взгляд зацепился за ожерелье, которое купил мне Каррик.

Неважно, насколько я его обожаю, но не могу явиться на пафосное мероприятие в ожерелье с Молнией МакКуин. Не хочется смущать Каррика. Сняв, я аккуратно помещаю его в свою косметичку для сохранности.

Раздается стук в дверь. Развернувшись, я из-за плеча бросаю взгляд на Петру, и в моем животе начинают порхать бабочки.

— Хочешь, чтобы я открыла или ты? — спрашивает Петра.

— Ты. Я.

— Так и какое решение?

Я делаю глубокий вдох.

— Я открою.

Я прохожу по комнате короткое расстояние до двери, а руки немного трясутся. Мне самой удивительно, насколько сильно я волнуюсь. Словно иду на первое свидание.

Не свидание, Энди. Просто двое друзей идут куда-то вместе.

Рука обвивается вокруг ручки, и я тяну дверь на себя.

Глава 11

Барселона, Испания

Каррик. Черт подери. Он выглядит... потрясающе. Роскошно. На нем смокинг. Боже, мои яичники только что начали делать "колесо", и я почти уверена, что испортила новые трусики.

—Ебать... — выдыхает он. — Ты выглядишь... — Он медленно качает головой. — На самом деле слов нет, чтобы описать как ты сейчас выглядишь.

Ладненько...

— Так это «ебать» в хорошем смысле или плохом? — Я нервно ерзаю, скользя руками по платью.

— Если «ебать», то всегда только хорошо — во всяком случае, со мной это так.

Глазами он медленно проходится по мне с ног до головы так, что мне становится жарко во всех нужных местах. Когда его глаза встречаются с моими, в них... полыхает огонь.

— Это действительно в очень хорошем смысле «ебать». Скажу так, каждый мужчина в комнате, а хотя и каждый мужчина на планете мечтал бы сегодня быть мной.

— Правда? — у меня появляется румянец.

Он подходит ближе, пальцами легонько проводит по моему подбородку.

— Правда. Андресса, ты выглядишь сногшибательно. Несомненно, сногшибательно.

Румянец становится только сильнее от его комплимента. Место на подбородке, которого он только что касался, все еще покалывает.

— Готова идти? Меня внизу ждет машина.

— Ух... да... мне нужно взять мой клатч.

Я разворачиваюсь и позади обнаруживаю Петру с сумочкой в руке.

— Спасибо, — улыбаюсь я, забирая у нее клатч.

— Привет, Каррик, — в ее голосе слышна насмешка.

Я одариваю ее взглядом, прежде чем снова развернуться к нему.

— Петра, — говорит он.

— Увидимся позже, — обращаюсь я к ней, ступая из прихожей.

— Развлекитесь, детишки. Не делайте того, чего не стала бы делать я.

Я поднимаю руку, машу ей, и мы с Карриком начинаем идти по коридору.

— И если не сможете удержать порыв, то пускай он будет защищенным! — кричит она.

Я практически умираю от стыда. Я посылаю Петре убийственный взгляд, но в ответ получаю только смех.

Каррик посмеивается.

Мы доходим до лифта и в тишине ожидаем его прибытия.

Когда двери разъезжаются, Каррик пропускает меня вперед. Зайдя внутрь, он нажимает на кнопку цокольного этажа и становится рядом со мной.

— На тебе нет ожерелья, — комментирует он.

Я устремила взгляд на него и рукой прикоснулась к голому месту на шее.

— Я его сняла. Подумала, что сегодня должна хотя бы притвориться взрослой. И... не хотела позорить тебя, нося его.

Он смотрит на меня так, словно я лишилась рассудка. Глубоко в его глазах я вижу тьму.

— Я купил тебе эту проклятую штуку. И опозорить меня — это самое последнее, что ты когда-либо сможешь сделать.

Я нервно сглотнула.

— Я могу надеть его обратно, если хочешь. Только оно в номере наверху.

— Нет, все в порядке. — Он смотрит перед собой. — Просто никогда не снимай его по этой причине. Я хочу, чтобы ты всегда была собой. Никогда не пытайся быть кем-то другим. Так уж случилось, что ты, черт подери, нравишься мне такой, какая есть.

Мы приехали на цокольный этаж, и я этому рада. Я почти уверена, что после этого комментария в лифте возник вакуум и высосал весь воздух, оставляя меня задыхаться.

Каррик ведет меня через вестибюль, держа руку на моей спине. Выходя к ожидающей нас машине, мы окунаемся в теплоту вечернего воздуха. Как только мы приближаемся, водитель открывает перед нами дверь. Я первая забираюсь внутрь, Каррик залазит после меня.

И лишь когда мы оказываемся в пробке, я вспоминаю, что его кредитка все еще у меня.

— О, вот твоя карта, держи. — Достаяю ее из клатча и протягиваю ему. — И спасибо за платье, — добавляю я.

Он глазами скользит по моему телу, а мне бы пора перестать смущаться под его внимательным взглядом.

— Оно стоило каждого цента.

Я снова краснею. Мне правда пора прекращать с этим.

Мы прибыли на прием. Каррик предлагает мне свою руку, помочь выйти из машины, за что я безмерно благодарна. Невыразимо легче забираться в эту машину, чем выбраться из нее в этом платье и в обуви на таких каблуках.

— Спасибо, — бормочу я, когда он закрывает дверь машины.

Затем он делает кое-что, удивляющее меня. Он берет меня под руку так, словно для него это самое естественное действие в мире.

Может, так оно и есть. Он много времени проводит с женщинами. Наверняка он делает это неосознанно.

Так что я не задаю вопросов, как и не обсуждаю, что значит ощущение покалывания по всему моему телу.

Чувствую, как он большим пальцем гладит мою руку, затем поднимает ее вверх и рассматривает с интересом.

— Выглядит симпатично, — улыбается он мягко.

И я растекаюсь по полу. Просто большая лужа девичьих сантиментов.

Лишь только мы оказываемся внутри, я сразу осматриваюсь, изучая окружение.

Само помещение кричит о роскоши и вкусе. От стены до стены его наполняют красивые люди, одетые в красивые одежды, женщины украшены драгоценностями, словно увиты падающими капельками льда. Каждый из присутствующих лучится благополучием.

Это "глянцевая" сторона Ф1, которой я обычно не вижу, и потому чувствую себя не в своей тарелке.

Каррик берет для нас пару бокалов шампанского у пробегающего мимо официанта.

— Да начнется безумие, — он чокается своим бокалом о мой.

И безумие — самое точное определение, потому что это единственный момент спокойствия, бывший у нас в распоряжении, или точнее сказать — у него. Как только люди увидели, что Каррик появился на приеме, то налетели на него, будто пчелы на мед.

Интересно наблюдать, какой он с этими людьми — с женщинами он, безусловно, очаровательный, но настороженный, это не тот расслабленный парень, с которым я проводила время. Он более серьезный, сфокусированный, словно ему кажется, что он должен что-то доказать. Может, так оно и есть.

Единственное, в чем я уверена — я рада тому, что со мной Каррик не такой и чувствует, что может быть собой.

Я коротаю время с помощью немаленьких бокалов шампанского, возникающих в моей руке магическим образом. После коротких разговоров с незнакомцами, с которыми смогла поддержать беседу, я извиняюсь и отправляюсь в уборную.

Вернувшись на вечеринку, я вижу, что Каррик общается с привлекательной блондинкой. На его лице великолепная флиртующая улыбка. Он выглядит очень заинтересованным тем, что она говорит, что бы то ни было.

Меня поражает вспышка ревности. Мощная.

Раздосадованная тем, что испытываю, я решила оставить Каррика общаться, а сама бреду к бару.

Я хочу заказать пиво, но все женщины здесь пьют вино, шампанское или причудливо выглядящие коктейли. Не хочется выделяться из толпы, стоя с бутылкой пива «Бад» в руке, словно белая ворона, потому на вопрос бармена о том, что буду пить, я отвечаю— шампанское. Вероятно, лучше продолжать в том же духе.

— Если ты хотела выпить, то должна была подойти ко мне и сказать об этом. Я бы взял тебе чего-нибудь.

Я подпрыгиваю на месте, услышав голос Каррика.

Я скольжу по нему взглядом.

— Ты выглядел занятым. Не хотела вмешиваться. — Черт, прозвучало несколько ревниво. Я этого не хотела. Правда?

Его губы скривились в ухмылке.

— Я не был занят. И ты всегда можешь вмешаться. Ты же знаешь это.

Бармен ставит заказанный мною напиток на барную стойку. Каррик протягивает ему свою кредитку, прежде чем я успеваю хотя бы попытаться заплатить за себя.

— Джеймсон со льдом, пожалуйста, приятель.

Я хмурюсь. В ответ на мою нахмуренность, я получаю отповедь:

— Адресса, когда я куда-то веду женщину, то не ожидаю, что она будет платить за свою выпивку.

— Так ты бы поступал на свидании. Это не свидание, — напоминаю я ему.

Бармен ставит виски перед Карриком.

Каррик поднимает стакан, поднося его к губам.

— Может и нет, но я все равно покупаю тебе выпивку. Конец обсуждению.

— Неандерталец.

Он хрюкает.

Я упомянула, что в этот момент он пил виски?

— Черт, оно пошло в нос! — Он морщится, прикрывая нос рукой.

Вид его всего такого неотразимого в смокинге, с капающим из носа на подбородок виски, я буду помнить всегда.

Смеясь, я беру с бара салфетку и протягиваю ее ему.

— Спасибо. — Он вытирается, затем качает головой, пытаюсь осознать ситуацию. —

Дерьмо, странные ощущения.

На его лице возникает мальчишеская ухмылка, он смотрит на меня и толкает в грудь так, что на миг у меня перехватывает дыхание.

— Итак, на чем мы остановились?

— Я назвала тебя неандертальцем, и ты носом всосал виски.

— Благодарю за исчерпывающий отчет. — Его голубые-преголубые глаза сверкнули, когда он посмотрел на меня, отражая свет над барной стойкой. — Меня по-разному раньше называли, но пещерным человеком еще ни разу.

Ставлю бокал на гранитную поверхность, устремляю взгляд на него, приподнимая брови. Подбородок располагаю на подставленной руке и не отрываю от него глаз.

— Как тебя обычно называли?

— Ты имеешь в виду до секса или после?

Мое лицо немедленно стало пунцовым. Я не скромница, я работаю с грубыми и сексуально озабоченными мужчинами дни напролет, но Каррик говорит о сексе настолько открыто, как может только он, и прежде я с таким не сталкивалась.

Когда он говорит на эту тему, это всегда кажется намеком.

Может быть я слышу намек, когда он говорит о сексе, потому что хочу, чтобы он все это делал со мной.

— Ты покраснела. — Кончиками пальцев он касается моей щеки. — Я смутил тебя?

— Нет. — Отклонив голову назад, я беру бокал и делаю глоток шампанского. Затем я выпрямляюсь, боком прислонившись к барной стойке. — Как до секса?

— Бог секса. Бабник. "Трахни меня, детка, работай своим огромным членом во мне, покажи, что истории о тебе правдивы".

Ладненько, вот теперь я определенно покраснела и даже не скрываю этого.

— Я поняла, — говорю я, поднимая руку, чтобы прервать его, чем вызываю смешки с его стороны. — А как тебя называют после секса?

Он отводит взгляд от меня, смотрит на массу людей перед нами. Выражение его лица меняется... я не могу понять, что оно значит.

— Ублюдок. Козел. "Эгоистичный высокомерный мудака, который однажды станет никому не нужным гонщиком, до которого никому не будет дела, чтобы помнить о нем".

Я чувствую, как воздух переменялся, температура в комнате упала на несколько сотен градусов, и мне стало ясно, что он имеет в виду именно то, что говорит. Он на самом деле верит в то, что только что сказал.

Этот красивый и талантливый мужчина думает, что закончит жизнь в одиночестве.

Я уставилась на него, ошеломленная. Как вообще возможно, чтобы он думал подобное?

В это мгновение глаза Каррика направлены на его напиток, словно ему кажется, что там кроются ответы, которые он ищет, и он выглядит настолько чертовски одиноким, что хочется обнять его.

Но я не могу.

Так что я пытаюсь заставить его почувствовать себя немного лучше единственным способом, которым могу в данную минуту — юмором.

Ставлю бокал на поверхность стойки.

— Ну, это чушь собачья, потому что я буду помнить тебя.

Он отрывает взгляд от виски и поднимает его на меня.

— Да ну?

— Ну да. Я буду не способна забыть тебя, потому что мы женимся и разведемся дважды, но ты будешь продолжать присутствовать в моей жизни из-за наших детей, которым ты будешь выплачивать приличные алименты. Мне будет тебя жаль, потому что с возрастом ты станешь выглядеть просто кошмарно, будешь уродливым и толстым, поэтому время от времени я буду спать с тобой из сочувствия.

— Ты нарисовала довольно полную картину.

— Это талант, — пожимаю я плечами.

— Итак, женаты... дважды.

— Ага, во второй раз ты купил меня, так как я прокутила все отданные тобой мне миллионы после первого развода. — Я приподнимаю бокал и делаю глоток шампанского.

— Как же я заполучил тебя в первый раз?

— Секс. Я была молода и наивна, — усмехаюсь я, ожидая его улыбку в ответ, но ее нет.

В его взгляде появляется что-то такое, что заставляет сердце биться быстрее, мне вдруг становится нечем дышать, и я отвожу глаза в сторону, пытаюсь обнаружить предательски исчезнувший воздух.

Я смотрю туда же, куда сейчас смотрит он — на толпящихся и общающихся друг с другом людей, часть которых находится на танцполе.

Смотрю куда угодно, только не на мужчину, стоящего рядом со мной.

Мужчину, который с каждой проходящей секундой становится для меня все более и более опасным.

Каррик приближается ко мне настолько, что его рука прижимается к моей, становясь ближе к моей груди. Создается впечатление, будто он обжигает мою кожу сквозь ткань его пиджака.

— Прости за то, что люди монополизировали меня сегодня.

Я посылаю ему улыбку.

— Все нормально. Я понимаю. Ты гвоздь программы, а я твоя спутница-украшение.

— Ты прекрасно справляешься со своей ролью, особенно в этом платье.

— Я знаю. Ну правда же? Я определенно точно самая жгучая здесь, среди всех людей в этом однообразном классическом стиле. — Ладненько, пузырьки шампанского начинают ударять мне в голову.

— Даже больше, чем ты осознаешь.

Нечто темное и необъяснимое в его голосе заставляет мой пульс участиться.

Делая глоток виски, он кивает в направлении танцпола.

— Хочешь потанцевать?

— Эм... не знаю. Я не очень хорошо танцую. — А в этих туфлях танцы могут привести к летальному исходу.

— К счастью для тебя, я потрясающий танцор. Я буду танцевать за нас обоих.

Качаю головой и смеюсь.

— Боже, ты такой...

— Привлекательный? Горячий?

— Я собиралась сказать "напористый".

— Располагает к себе, разве не так?

Он усмехается, затем забирает почти пустой бокал шампанского из моей руки и ставит его на барную стойку. Берет за руку и начинает меня вести, остановившись лишь для того, чтобы дать мне возможность схватить клатч.

Пока мы продвигаемся к танцполу, из колонок начинает громко раздаваться песня Ашера "CaughtUp". Я обращаю внимание на людей, мимо которых мы проходим, и вижу, как они смотрят на него... словно он ярко светящийся фонарь, а они тянущиеся к этому свету мотыльки.

Каррик завладевает всеобщим вниманием благодаря своей харизме. Отметите в сторону гонки и славу и, мне кажется, он будет таким же.

Источаемые им уверенность и мужественность неподдельные настолько же, насколько естественен выдыхаемый им из его легких воздух.

Также я отмечаю взгляды, которыми награждают меня женщины, взгляды, которые я ловлю на себе весь вечер. К моей удаче, эти взгляды с вложенными в них неприязнью и ревностью просто отталкиваются от меня. Если быть единственной особой женского пола в мире мужчин, это делает девушку более жесткой.

От всех этих завистливых взглядов я ощущаю страшный зуд. Они хотят его, а он со мной. Во всяком случае, на эту ночь.

Когда мы оказываемся на середине танцпола, Каррик тормозит и разворачивается ко мне лицом.

Я смущена. Вообще-то я не знаю, что нужно делать, куда девать свои руки. Также я держу клатч, что делает задачу еще более сложной.

Должна ли я положить его на пол? Он новый и такой милый. Не хочу портить его.

Решаю держать клатч в руке, и неловко размещаю запястье на плече Каррика.

Он посмеивается.

Забирает клатч из моей руки и убирает его во внутренний карман пиджака. Затем берет мои руки. Приподнимая одну, он кладет ее на свое плечо. Удерживая другую, он сжимает вокруг нее свои пальцы. Затем свободной рукой скользит по моей талии, пальцами нежно нажимая на спину, притягивая меня ближе.

Я стараюсь не напрягаться, но его близость и его прикосновения сводят меня с ума. В нервных окончаниях нейроны активизируются, словно выстреливающие пули, пробуждая пожар, который не должен полыхать для него.

— Расслабься, — говорит он, нагнувшись к моему уху.

Это вызывает во мне лишь более сильную дрожь, направляющуюся южнее.

— Ты никогда раньше не танцевала с мужчиной?

— Эм... — я прикусываю губу. — Конечно, танцевала. Но не такие танцы. — Не с таким мужчиной, как ты, который может завести мое тело одним только взглядом... единственным касанием.

Он приподнимает бровь.

— Не такие?

— Ага, ну знаешь, правильные танцы. Когда я танцую с мужчиной, то обычно пьяна, и я, м-м-м... — Черт, и как мне закончить это предложение? Что я в поисках любовника, и танцую с тем парнем, которого планирую привести домой, чтобы заняться с ним сексом — в тех редких случаях, когда такое вообще случается?

Та его рука, что держит мою, сжимается, и я наблюдаю за тем, как из его рта вырываются слова, вертящиеся в моей голове.

— Когда ты в поисках любовника.

Мое лицо охватывает жар, потому я отворачиваюсь.

— Что-то в этом роде.

Он приближается, его губы оказываются рядом с моим ухом, задевают его, и он говорит:
— Просто чтобы ты знала, больше всего мне бы хотелось станцевать с тобой танец, который был бы чертовски неправильным.

Черт подери, что?

Мой взгляд возвращается к нему, но по его голубым глазам невозможно ничего понять.

Прежде, чем у меня появляется возможность заговорить, он спрашивает:

— Сколько парней у тебя было?

Я в удивлении откидываю голову назад.

— Э, что?

— Я спросил, сколько парней у тебя было.

— И для чего конкретно ты это спрашиваешь?

— Любопытство.

— Знаешь, что оно сделало?

— Ага, сгубило кошку — и его удовлетворение ее воскресило, так что я рискну. Сколько парней, Андресса?

("Любопытство сгубило кошку" лишь первая часть английской поговорки. Вторая часть поговорки звучит "но удовлетворение ее воскресло".)

Улыбаясь его остроумному замечанию, я решаю сдаться и ответить на вопрос.

— Парочка. Ничего серьезного.

— Парочка? Я думал, там целая очередь.

Я одариваю его взглядом.

— Это тебя шокирует, но нет. Не все мужчины хотят встречаться с "машинной обезьянкой".

(Прим. пер. "greasemonkey" в русском языке переводится как "автомеханик", и в мире это просто сленговое выражение без подтекста. Каррик же разбирает определение по отдельным словам, для чего был сделан практически дословный перевод.)

— Машинной обезьянкой? — кашлем он прикрывает смех. — Господи, это даже и близко не верно. И ты ошибаешься касательно того, что мужчины не хотят "горячую как сам секс" женщину, копающуюся под капотом. Поверь мне. Нет ничего сексуальнее.

Горячую как сам секс женщину...

— Когда ты в последний раз была в отношениях?

Его вопрос застаёт меня врасплох. Я все еще в оцепенении от "горячей как сам секс женщины".

Но его вторжение в мою личную жизнь заставляет меня нахмуриться.

— Господи, Каррик, в чем дело? Время допроса?

— Это называется узнаванием тебя получше.

— Ты уже знаешь меня.

— Я не знаю всего.

— Тебе нужно знать все?

Его глаза темнеют... становятся глубокими, подобными бездне, в которую я с легкостью могу провалиться.

— О тебе? Да, все.

Мое сердце пропускает добрых десять ударов прежде, чем вернуться к своему прежнему ритму.

Глотая, я пытаюсь восстановить дыхание, которого Каррик меня лишил на мгновение.

— Ну, для узнавания меня есть вещи куда более интересные, нежели история моих

отношений, — бормочу я.

— Я предупрежден, а теперь просвети меня.

— Ладно, — оскорбилась я. — Парень у меня был, эм... — Марчело, но можно ли это назвать отношениями? Мы встречались всего два месяца, и приличную часть от этого времени я была в дороге с командой. — Около двух лет назад, — заканчиваю я.

— У тебя не было парня два года?

Не могу сказать, в шоке он или в ужасе. А может и то и другое. Из-за этого я чувствую себя обеспокоенно и неловко.

— Нет. Я сказала, что у меня два года не было отношений, а не что у меня не было никого.

Вообще-то было кое-что... дерьмо. Ладно, эта цифра не так уж далека от двух лет — около восемнадцати месяцев назад, то есть полтора года. Какого черта я делаю? Неудивительно, что я для него настолько сексуальна. Я лишаю свое тело секса слишком долго.

— Я слишком занята. — Это прозвучало, как попытка защититься, но я ничего не могу с этим поделать. — И, если ты не заметил, когда ты работаешь в гоночном бизнесе, для встреч остается не так много времени. — Не то чтобы это его останавливало, но ведь на самом деле он не вступал в отношения.

— Как его звали?

— Кого?

— Парня, с которым ты встречалась два года назад.

— Марчело.

— Звучит так, словно он сутенер.

Я засмеялась так, что затряслись плечи.

— Он был нормальным. А у тебя?

— У меня? Парня у меня не было, особенно с сутенерским именем Марчело, — бесстрастно заявляет он.

Я игриво толкаю его в плечо.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Девушка. Колись.

— Одна.

Я ощутила острый укол ревности. Если бы он сказал десять, я бы чувствовала себя лучше. Но если у него была всего одна девушка, это значит, что она покорила его сердце. Возможно разбила его, и с тех пор и по сей день он ведет себя как игрок.

Я фокусирую свой взгляд на чем-то за его плечом, словно там обнаружилось нечто, привлекающее мое внимание, чтобы он не смог увидеть в моих глазах то, что сейчас невероятно легко прочитать.

— Как долго вы были вместе?

— День.

— День? — переспрашиваю я ошеломленно. Я снова смотрю на него, мои глаза широко распахнуты от испытываемого шока. Остатки ревности смело прочь.

— Да... — Он грустно выдыхает, что поражает меня в самое сердце. — Ее звали Пэйтон Эйхерн. Я был по уши влюблен, а она кинула меня ради гребаного Томми О'Коннора, а все лишь потому, что он подарил ей бусы. Я так и не оправился. Она испортила меня для всех последующих женщин.

На моем лице написано смятение.

— Мне было шесть, — усмехается он.

— Ты идиот, — хихикаю я. Я на самом деле, блин, хихикаю. Какого черта со мной происходит?

Кроме того факта, что я становлюсь самой что ни на есть девочкой, я бы сказала, что это от расслабления. Мне стало спокойно, потому что никто еще не завладел его сердцем.

Почему, Энди? Потому что сама хочешь обладать его сердцем, им самим?

— Я идиот. — Меня поражает серьезность в его голосе и мое внимание снова обращено к нему.

Его глаза встречаются с моими, и что-то неизведанное в его взгляде пленяет меня. Я хочу познать это. И то, насколько сильно я хочу знать, что он таит, пугает меня до чертиков.

Песня Ашера заканчивается, начинается песня Рианны "Diamonds".

— Я сожалею о том, что случилось в Китае, — мягко выговаривает он слова.

Я устремляю взгляд вниз, мое сердце упало. Я ослабляю хватку, немного разжимая пальцы, которыми сжимала пиджак.

— Я знаю, — легкий вздох. — Ты уже говорил это. А я тебе уже отвечала, что ты не сделал ничего плохого.

Пальцами он берет мой подбородок, приподнимая мое лицо.

— Именно что сделал. Я доказал, что являюсь всем тем, что ты обо мне думаешь. Ты прекратила наш поцелуй, думая, что я игрок, что я использую женщин.

— Ты и используешь женщин, а также ты игрок. Но это не единственная причина, почему я прекратила целовать тебя.

Он хмурится, возвращая свою руку на мою талию.

— Тогда почему?

— Потому что я не вступаю в отношения с гонщиками.

— Ты часто повторяешь это.

— Потому что так оно и есть.

— И почему именно ты не вступаешь в отношения с гонщиками?

— Помимо того, что я работаю на них... на тебя, — я окидываю его серьезным взглядом, прежде чем отвернуться в сторону, — у меня есть на то свои причины.

— Те, о которых ты не собираешься мне рассказывать?

Я смотрю ему в глаза, взглядом отвечая на поставленный вопрос.

— А если бы я не был пилотом? Тогда ты бы занялась со мной сексом?

Мое тело вздрогнуло от его слов, и он почувствовал это. Ему определенно нравится моя реакция. Я могу это утверждать по улыбке, что затрагивает уголки его губ.

— Господи, ты такой чертовски... прорывной.

— Ты ничего не добьешься в жизни, если будешь отступать.

У него на все есть ответ?

— Как мы вообще перешли от темы обо мне, не вступающей в отношения с гонщиками, к нашему с тобой сексу?

— Мы пока еще не дошли до секса. Поверь мне. Когда это будет, ты узнаешь.

— Пока еще?

— Именно. А теперь отвечай на вопрос.

Как мне отвечать? Рядом с ним сложно сконцентрироваться — его запах наполняет мою голову, а руки трогают меня, затуманивая легкой дымкой мое здравомыслие.

— Ты мой друг, Каррик... — Моя речь замедляется, я растягиваю слова.

— Это не ответ. И причина того, что ты не можешь ответить в том, что ты боишься.

Боюсь — не то слово. Я в ужасе. В ужасе от того, что все это значит. К чему ведет. Ведь если он сделает движение навстречу, то я знаю наверняка, что не буду способна остановить его... потому что не захочу.

— Мне ответить за тебя? — Его голос низкий, неприличный.

Облизывая пересохшие губы, киваю.

Он придвигается, его рот на минимальном расстоянии от моего. Его дыхание обволакивает мои губы, осушая ту влагу, что я на них нанесла, а его взгляд делает со мной невообразимые вещи.

— Твой ответ "да", ты бы переспала со мной. Ты боишься сказать это вслух, потому что знаешь, что стоит лишь произнести это, и все станет реальным — все это между нами — и тогда ты не сможешь остановить то, что происходит. То, что, в глубине души ты знаешь, неизбежно.

Он читает мысли?

Он слегка отклонил голову так, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза.

— Как я справился?

Глазами я скольжу по его губам. Его идеальным полным губам. Боже, хочу испробовать их на вкус снова.

Сконцентрируйся, Энди.

Я отвожу взгляд в сторону, пожимаю плечами и отвечаю:

- Справился... так се.

Так се? Господи, какого лешего сейчас было?

Я погибаю.

Черт подери, погибаю.

Я медленно моргаю. Когда открываю глаза, то вижу, как улыбка затрагивает уголки рта Каррика, а глазами в это время он продолжает трахать меня по полной.

— Так се? — Я слышу вырывающийся из его груди рокочущий смех. — Господи, Андресса. Ну, отрицай сколько хочешь, но ты знаешь правду. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя.

— И ты хочешь трахнуть меня, — отвечаю я.

— Конечно, хочу. Это не я здесь отрицающий что-то. — Он поднимает руку, что лежала до этого на талии, и кладет ее мне на щеку, большой палец его руки расположен в опасной близости от моих губ. — Итак, что скажешь?

— На что?

— Трах.

— Я бы сказала, что ты серьезно гипертрофированно самоуверенный на этот счет.

От смеется глубоким смехом, откидывая голову назад. Это заставляет меня светиться изнутри.

Улыбка касается его глаз, когда он говорит:

— Это ты сейчас так говоришь. После ты заговоришь совсем иначе.

— Не буду ли я называть тебя после всего ублюдком? — говорю я, ссылаясь на наш более ранний разговор.

— Возможно. Но сейчас тебе не все ли равно?

Не все ли мне равно?

Я качаю головой, прежде чем осознаю, что именно делаю.

Я вижу, как в его глазах внезапно вспыхивает похотливый блеск, находящий отклик в каждой частичке меня.

Мы по-прежнему танцуем, но я больше не чувствую неловкости. Сейчас я чувствую себя возбужденной, как никогда прежде. Чувствую связь с ним. Сильнейшую связь. Приспособившейся к его телу.

Моя кожа распалена, будто печь. Руки зудят от стремления прикоснуться к нему в тех местах, в которых не следовало бы.

Пальцами Каррик скользит по моим волосам, и по ощущениям это подобно раю. Он приближается ко мне ближе, практически не оставляя между нами свободного пространства.

— Мне нравится, когда твои волосы распущены.

В его голосе слышен низкий стон, и из-за этого у меня внизу живота возникает ощущение трепетания, что, в свою очередь, заставляет меня желать притянуть его к себе и не оставлять между нами ни дюйма свободного места. Сделать так, чтобы я не понимала, где начинается он и заканчиваюсь я.

Он берет прядь мой волос и наматывает ее на палец.

— С того самого момента, как впервые увидел тебя в гараже, нагнувшейся над моим болидом, с туго стянутыми на макушке волосами, я не был способен перестать представлять, как распускаю их и запутываюсь в них руками, пока трахаю тебя... жестко.

Господи Иисусе.

— Каррик... — Пальцами я хватаюсь за лацканы его пиджака.

Что я собираюсь сказать? Перестать разговаривать со мной в таком ключе?

Не уверена, что могу, потому что не думаю, что хочу, чтобы он останавливался когда-либо вообще.

— Я... это не лучшая мысль, — говорю я с придыханием. Это совершенно не похоже на меня.

— С лучшими идеями всегда так. А теперь скажи мне поцеловать тебя.

— Я... — Скажу нет. Ни к чему хорошему это не приведет. — Нет. — Но голос дрожит, предавая меня. Глупый голос.

— Прекрати бороться с этим... со мной... и просто скажи это, Адресса. — Он говорит шепотом, уговаривает меня, его рот так близко к моему, расстояние между нами с волосок.

Мои губы жаждут его. Воспоминания о поцелуе в Китае взрываются в моем мозгу, пробуждая к жизни все мои гормоны.

Но он мой друг. И к тому же пилот.

Действительно ли я хочу пойти на это с ним?

Да, определенно хочу. Я устала сопротивляться своим к нему чувствам.

Хочу, чтобы он поцеловал меня. Хочу, чтобы он трахал меня... часами.

Рациональность оставила меня. Покинула. Убралась прочь. И сейчас я не могла переживать об этом.

Если я потеряю работу, так тому и быть. Все, что меня заботит — это как Каррик целует меня, трогает, дарит потрясающие ощущения, заставляющие забыть обо всех причинах, почему мне не стоило бы делать всего этого с ним.

Что он сможет сделать более чем умело в ту же секунду, как только я позволю ему.

— Каррик...

— Скажи это.

— Поцелуй меня.

Я чувствую, как вздымается его грудь. Пальцами он сильнее натягивает мои волосы. Я закрываю глаза в предвкушении.

Его всегда такие нежные губы касаются уголка моих мягким поцелуем.

Мое сердце колотится.

Я чувствую, как он кончиком языка касается моих губ, проводит им по линии, где они смыкаются, пробует меня на вкус. Мои губы раскрываются, и я издаю тихий стон.

Мы оба тяжело дышим. Его теплое дыхание смешивается с моим, терпкий аромат виски вместе с дорогим гелем после бритья действуют дразняще, обостряя ощущения.

Я открываю глаза, чтобы обнаружить, как он прожигает меня взглядом его голубых глаз, пристально смотрит и разрушает барьеры до тех пор, пока не остается лишь жажда.

Абсолютная жажда.

Она проносится сквозь меня. Сейчас я принадлежу ему, что бы он ни хотел со мной сделать.

Все и всё вокруг нас исчезло. Я могу видеть лишь его.

Все, что я знаю — я хочу его чертовски сильно.

Еще никогда в жизни я не нуждалась в чем-либо поцелуе так отчаянно, как сейчас жажду поцелуя от него.

Я кладу руки ему на заднюю часть шеи.

— Я хочу тебя, — шепчу я мягко.

Нечто обжигающее и пылкое на миг вспыхивает в его глазах. Затем он обрушивает свои губы на мои. Одной рукой он хватает мои волосы, пальцами другой сжимает талию, прижимая меня к себе, и впивается в мой рот самым чувственным поцелуем из всех, что у меня были когда-либо в жизни.

Все напряжение, что выстраивалось между нами с момента, когда мы поцеловались в Китае, и до нынешней поры, уничтожилось в этом месте и в это мгновение.

Своим языком он скользит по моему, из его груди вырывается глубокий стон, на который тотчас же возникает реакция у меня между ног.

Шероховатость его отрастающей щетины эротично царапает мою кожу. Руками он находит мои ягодицы, сильно сжимает их и прижимается ко мне своими бедрами.

Святой боже.

Он твердый.

Невероятно твердый.

И мне необходимо обладать им. Сейчас.

Ничто в эту минуту не имеет значения, кроме желания чувствовать Каррика внутри себя. Пускай хоть конец света наступит, меня это не будет заботить до тех пор, пока я не займусь с ним сексом.

Честно говоря, у меня уходят все силы на то, чтобы не расстегнуть молнию на его брюках прямо сейчас и не узнать, что же меня ожидает.

Нам необходимо остаться в номере наедине в следующие несколько минут, иначе я на самом деле рискую умереть.

Каррик должно быть думает о том же самом, потому что отрывается от меня, тяжело дышит, а в его глазах видится сверкание. Хриплым, сексуальным как ад голосом он спрашивает:

— Хочешь уйти отсюда?

На моих губах возникает дразнящая улыбка, я наклоняю голову набок.

— Это вопрос с подвохом?

На его лице появляется самая сексуальная усмешка из всех, что я видела, и, прежде чем трусики успевают слететь с меня самостоятельно, он хватается за руку и практически тащит отсюда в направлении ожидающей нас машины.

Барселона, Испания

Поездка обратно в отель проходит в напряжении, ну, во всяком случае, с моей стороны. Я верчусь на месте и мысленно спорю сама с собой, рассматривая две противопоставляющие друг друга версии: насколько это плохая идея, и насколько это потрясающая идея.

В машине играет песня Джейсона Деруло "The Other Side", и версия о том, что это плохая идея начинает брать верх.

Если бы Каррик занял меня сейчас, трогая меня руками или касаясь губами, тогда бы я не думала ни о чем другом, кроме него, но в настоящее время ничего такого не происходит.

Удивительно, но единственная часть тела, которой сейчас касается Каррик, это моя рука, которую он крепко держит своей, и не в сексуальном смысле, когда ваши пальцы переплетены между собой. Нет, он держит мою руку так, как это делала мама, когда я была ребенком.

Ко всему прочему, наши руки покоятся на кожаном сидении – где между нами образовалось приличное расстояние – о чем позаботился он, могла бы я добавить, я же чувствую себя так, словно нахожусь на одном из неловких первых свиданий. Ну, знаете, вроде свиданий вслепую, когда вы не слишком понравились парню, но он считает себя обязанным держать вас за руку, отсчитывая минуты до конца этой встречи.

Угу, я вроде как именно в такой ситуации.

На самом деле, я начинаю задаваться вопросом, это Каррик Райан – плейбой и дамский угодник – сидит рядом со мной, или его заменили лишенным тестостерона клоном. Он ведет себя не как парень с приема, с которым я только что целовалась.

Когда машина тормозит у входа в наш отель, я на шестьдесят процентов уверена, что отверчусь от секса с Карриком.

Но... как только я переносусь к моменту, когда он целует меня, то все еще могу почувствовать его вкус на моем языке, и запах его лосьона после бритья на моей коже. В связи с этим фактом я склоняюсь к тому, чтобы держать рот закрытым и просто плыть по течению.

Мы выбираемся из машины. Каррик кладет руку мне на поясницу, заводя меня в отель. Хорошо, уже что-то. Это может быть наименее значительным из прикосновений, но кажется оно самым интимным.

И я снова чувствую себя великолепно.

Мы подходим к лифтам, и он заводит меня в один из тех, что стоят в ожидании пассажиров. Как только мы оказываемся внутри, он нажимает кнопку с номером его этажа.

Я смотрю, как двери, скользя, закрываются, и мое сердце начинает свой забег от осознания того, что мы, наконец, собираемся остаться наедине.

Вот и все. Он изнасиловал меня в ту же секунду, как только двери закроются, отрезав нас от всего остального мира.

Только... они закрылись. Лифт поднимается, а он не делает ни одного движения, ни единого чертова шага.

Ладненько, какого хрена происходит?

Я видела его в Китае... с этой женщиной. От мыслей об этом мне захотелось блевать. Но

его руки были повсюду. Везде! Он лип к ней как банный лист, но со мной –ничего. Нихренашечки!

Я определенно нравлюсь ему. Это мне известно. Тогда в чем дело?

Может он решил, что она горячее меня? Может она заводила его сильнее меня?

Господи боже. Теперь мне действительно плохо.

Должна ли я сделать что-то? Сделать шаг? Хочет ли он, чтобы я была более напористой в сексуальном плане? Может это именно то, что заставляет разгоняться его движок. У меня всегда было впечатление, что Каррик в любую минуту наготове, альфа-самец, но может я ошибалась.

Я бросаю на него взгляд, пытаюсь прочесть что-нибудь по его выражению лица, и вижу, что он беспокойно сжимает руки. Как только я скольжу глазами с севера на юг, то замечаю четко выраженную выпуклость, упирающуюся в ширинку его брюк с внутренней стороны.

Ладно, он все еще твердый. Тогда в чем дело? Я просто не понимаю.

О, боже. Может, он передумал. Может у него стояк лишь потому, что он сексуальный маньяк. Может он вдруг осознал, что все это не такая уж и хорошая идея из-за того, что мы друзья, и потому, что я работаю на него, и теперь просто не знает, как сказать мне об этом.

Внутри меня вспыхнуло чувство разочарования.

Ладненько, стоит сказать что-нибудь, прежде чем моя голова взорвется.

– Каррик... – мой голос звучит громко в тишине ограниченного пространства лифта. – Слушай, если ты передумал насчет всего этого... ну, меня и тебя... все в порядке. – Вообще-то ничего не в порядке. Вероятно, я умру от унижения и никогда не смогу посмотреть ему в лицо. Но что еще я могу сказать? Прошу, трахни меня безжалостно? Еще чего. – Я имею в виду, это наверно не лучшая идея, чтобы мы с тобой перес...

Я была оборвана на полуслове и жестко прижата к его телу. Затем он не слишком нежно повернул меня и придавил к стенке лифта.

Схватив мою руку, он прижал ее к его выпирающей ширинке.

– Это похоже на то, что я передумал?

У меня сбивается дыхание, сердце начинает биться о ребра.

– Н-нет, – бормочу я, заикаясь.

Я инстинктивно сжимаю его член пальцами.

Из его рта вырывается шипение, его глаза закрываются, и лбом он касается моего лба.

– Так какого черта ты спрашиваешь меня об этом?

– Потому что в Китае, когда я увидела тебя в лифте с той женщиной, ты выглядел... более увлеченным ею, – проговаривая последние слова предложения, я съеживаюсь. Ух, ненавижу то, какой раненной кажусь, и что он видит, как та ночь подействовала на меня.

– Господи... Андресса. – Отклоняя голову назад, он ладонями обхватывает мое лицо, и прожигает меня взглядом. – Лишь потому, что я не пригвождаю тебя к лифту прямо сейчас, ты решила, будто я не хочу тебя?

– Я не знаю. Это глупо. Просто забудь, что я говорила что-то.

Я пытаюсь двинуться, но он меня не пускает.

Его глаза темнеют и взгляд становится серьезным.

– Ты не могла бы ошибиться сильнее. Я хочу тебя до такой степени, что, черт дерь, не могу ясно видеть. Не был способен с момента, как положил на тебя глаз. И это гребаная проблема. Думаешь, я хотел ее сильнее, чем хочу тебя? Я не хотел ее вообще. Я хотел тебя

тогда, каждый день до этого и вплоть до нынешних пор. Я хочу только одну тебя. И держусь сейчас – уж поверь мне, на это у меня уходят все силы до последней капли – потому что ты заслуживаешь лучшего, чем быть облапанной в лифте. – Большим пальцем он проводит по моей нижней губе, а его глаза становятся еще более темного и насыщенного оттенка. – Ты стоишь гораздо большего. – Он убирает большой палец и заменяет его своими губами, даря самый мягкий поцелуй из всех, нежно посасывая мою нижнюю губу, делая мое тело вялым. – Но если бы я хоть на секунду задумался о том, что ты можешь все это переосмыслить на свой лад, то сделал бы с тобой все, что ты захотела бы. – Еще один мимолетный поцелуй, похожий на порхание бабочек. – Я бы оттрахал тебя здесь. – Еще один. – Я трахну тебя, где захочешь. – И еще. – А затем я отнесу тебя в свою постель и буду трахать всю ночь напролет.

Господи Иисусе. И что, черт побери, я должна сказать на это?

Лифт останавливается на этаже Каррика, двери открываются.

– Итак, как поступим? Начинаем здесь или в моей кровати?

Я уставилась на него. Так много мыслей и эмоций пробегает в моей голове, но я представления не имею, за которую из них хвататься сначала.

На данный момент точно я знала только одно.

Я не хочу, чтобы меня отымели в лифте.

– Отведи меня к себе в номер.

Каррик скольльзящим движением берет меня за руку и уводит из лифта. Короткий проход по коридору до его номера можно назвать только убийственным. Сердце колотится, словно отбойный молоток, делая по удару на каждый делаемый мною шаг.

Вот и все. У меня будет секс с Карриком.

Ну и дерьмо! Это очень плохая идея. Но будь я проклята, если ощущения не будут стоящими.

Он проводит ключом по слоту для него в двери и толкает ту, чтобы открыть. Затем он бесцеремонно дергает меня, чтобы завести в номер, и толкает к стене.

Дверь он закрывает ударом ноги.

– Время держать себя в руках подошло к концу, – прорычал он. – Я собираюсь оттрахать тебя жестко и как следует. – Затем своим ртом он обрушивается на мой с самым влажным, ненасытным и возбуждающим поцелуем, что у меня когда-либо был.

Издавая низкий стон, пальцами я вцепляюсь в волосы на его затылке.

Рука Каррика нашла путь к моей ноге, благодаря удачно расположенному разрезу на платье. Пальцами он скользит по внутренней части моего бедра, заставляя меня задыхаться.

Моя кожа горит. Грудь вздымается. И я знаю, что более чем готова для него.

Мне нужно, чтобы он продолжал прикасаться ко мне, целовал меня. Не хочу, чтобы он когда-либо останавливался. Никогда прежде я не была настолько отчаянно... нуждающейся в мужчине.

Целуя его так, словно изголодалась по нему, я нащупываю пуговицы на его пиджаке, чтобы расстегнуть их. Выталкивая из прорези последнюю из них, руками я скольжу по его твердой груди, снимая пиджак с его плеч. Он отрывает свои руки от меня на кажущуюся длиннейшим отрезком времени секунду, чтобы, освобождаясь от ограничителя движений, сбросить пиджак на пол. Затем возвращает руки на мое тело. Той же самой рукой проскальзывает под платье, но в этот раз хватает и мнет мои ягодицы. Другой рукой собирает мои волосы в кулак, пока, спускаясь по шее, прижимается ко мне дразнящими горячими поцелуями. И, когда чувствую отрывистое эротическое прикосновение его языка к

моей коже, я практически кончаю.

– Неважно, насколько сексуально ты выглядишь в этом платье, но его нужно снять, – говорит он резко.

Я ожидала, что он разденет меня здесь, но он не стал. За руку он ведет меня через темный номер к его спальне.

Оставляя меня у изножья кровати, он включает лампу, что освещает нас.

Разворачиваясь ко мне, он улыбается. От этого в животе у меня все переворачивается. Он такой великолепный. Мои пальцы изнемогали от желания дотронуться до него снова. Вообще, на самом деле, все мое тело изнемогало от стремления снова прильнуть к нему.

Но он не двигается. Он просто стоит там и смотрит на меня.

Он хочет, чтобы я пошла к нему?

– Что? – шепчу я, чувствуя, как неожиданно стянуло мою грудь. Я даже не могу вспомнить, когда хоть кто-нибудь смотрел на меня так раньше. Словно я – главный приз.

– Ничего. – Он медленно моргает, качая головой. – Ты просто... такая охренительно красивая.

Обольститель.

– О, а ты хорош, – хмыкаю я.

Он ухмыляется, наклоняя голову набок.

– И собираюсь быть намного лучше.

С обещанием и озорным блеском в этих голубых глазах он делает движение ко мне, заставляя мое тело трепетать от желания.

– Развернись. – От негромкого приказа в его голосе я практически таю у его ног.

Убирая волосы набок, он целует мое плечо, прикусывает его зубами, заставляя меня извиваться, а руками в это время проводит вниз по моему телу. Хватая меня за талию, он прижимает свою эрекцию к моему заду. Отклоняясь назад, я кладу голову ему на плечо, он же руками скользит к моему животу, а затем поднимается к груди, чтобы сжать ее ладонями через платье.

Мне неловко от того, что соски уже затвердели. Когда он большими пальцами надавливает на них сквозь ткань, я издаю стон.

– Мне нужно видеть тебя, – настойчивые слова вторглись в мое ухо, становясь причиной моей дрожи.

Умелыми пальцами он находит молнию на платье. Он медленно расстегивает ее, и сопровождающий этот процесс эротический звук нарушает тишину комнаты.

Когда он доходит до низа, то перемещает руки обратно на мои плечи, пальцами проскальзывает под бретельки и сдвигает их в стороны.

Мое дыхание настолько шумное, что может показаться, будто к моим губам подведен микрофон.

Платье соскальзывает с моего тела, Каррик руками следует за ним, спускаясь вниз. Когда ткань складками располагается у моих ног, он шепчет:

– Андресса...

Я оборачиваюсь через плечо, прикусывая губу. Одного взгляда в его глаза почти достаточно, чтобы поставить меня на колени.

Я медленно разворачиваюсь к нему. Наблюдаю за тем, как расширяются его глаза, когда он взглядом путешествует по мне.

– Охренительно... – Его дыхание становится хриплым, наши взгляды встречаются.

Я думала, что его взгляд раньше был внимательным, но это было ничто в сравнении с тем, что происходит сейчас. Из моих легких вышибает весь воздух.

– Красный теперь официально мой любимый цвет. – Кончиками пальцев он дотрагивается до края моего лифчика. – Я счастливейший мерзавец на планете. Боже, Андресса, я ни разу в жизни не видел ничего тебе подобного.

Его слова оставили след внутри меня.

Возвращаясь к тому, на чем мы остановились, я прижимаюсь к нему и оставляю на его губах возбуждающий поцелуй.

– Тогда тебе стоит использовать меня по полной.

В его глазах промелькнуло нечто, что я не смогла распознать, но оно исчезло так же быстро, как и появилось.

Пальцами он запутался в моих волосах.

– О-ох, я планирую сделать с тобой много всего.

– Аналогично. А теперь раздевайся. Моя очередь посмотреть на тебя.

Его губ касается ухмылка, в которой читается знание. От делает шаг от меня, открывая лучший вид. Он развязывает галстук-бабочку, пальцами продвигаясь к пуговицам на рубашке, и одновременно пальцами ног помогает снять себе обувь.

Я только вынимаю ноги из туфель на каблуке, когда слышу его сиплый голос:

– Оставайся в туфлях.

Между ног у меня недвусмысленно запульсировало.

Каррик снимает рубашку с уверенностью, которой может обладать лишь мужчина с лицом, как у него, и, мать господня... я сорвала джек-пот.

Никогда в жизни не видела мужчину с таким телом.

Брюки низко сидят на его стройных бедрах. Взглядом я дюйм за дюймом пожираю гладкую золотистую кожу и вижу один, два, три, четыре, пять... да, шесть кубиков пресса, и благодарю небеса! У него выделены мышцы косого пресса, образующие букву V. У меня возникает ощущение, словно мне стоит сделать фото, чтобы я могла посмотреть его позже, когда останусь одна.

Он начинает расстегивать молнию, и в его позе по-прежнему читается уверенность. Однако если бы я выглядела как он, то была бы самым уверенным мерзавцем на планете.

Звук расстегивающейся молнии мучительно медлительный. Я кусаю губу в предвкушении.

Он отпускает и роняет брюки.

Моя челюсть падает на пол.

Святой... член.

Он большой, широкий в объёме и стоит так, словно молится. Я почувствовала, что должна опуститься на колени и просить пощады.

– Нравится, что ты видишь?

Снова прикусывая губу, я закатываю глаза. На его лице сексуальнейшая усмешка из всех, что я видела в своей жизни. Пульсация у меня между ног достигает колоссальных масштабов.

Я наклоняю голову набок.

– Работает ли это так же хорошо, как и выглядит?

Ухмылка отражается в его глазах, он приподнимает бровь.

– Лучше.

Следующее, что я осознаю, это то, что нахожусь в его руках, и он целует меня сильно и жестко, его язык переплетается с моим. Руками он хватается за задницу и приподнимает вверх. Ногами я обхватываю его талию.

Когда я с Карриком, я не чувствую себя такой уж высокой. Он такой мужественный, чертовски уверенный во всем, за что берется, и из-за этого я чувствую себя невероятно женственной.

Но самое пугающее, это то, насколько восприимчивой он делает меня.

Каким-то образом мы оказываемся в кровати: я лежу на спине, а Каррик решительно устроился между моих ног.

Наш поцелуй становится более жестким, граничащим с агрессивностью. Я это списала на напряжение, что нарастало между нами все эти недели.

Руками он приспускает чашки моего бюстгалтера, большими пальцами начинает тереть мои чувствительные соски. Я тяжело вздыхаю, бедрами ударяюсь о его бедра, проявляя желание.

По-видимому, наслаждаясь моей реакцией, он отрывает свой рот от моего, оставляя меня задыхаться, и поцелуями прокладывает дорожку вниз к моей только что обнаженной им груди.

Когда он губами захватывает мой сосок, я вся взрываюсь.

– Тебе нравится это? – спрашивает он хрипло.

Мой ответ похож на что-то между стоном и хныканьем.

Затем он встает на ноги.

Я бросаю взгляд на него, стоящего там и выражающего величественное великолепие.

Руками он обхватывает мои лодыжки и задирает ноги вверх. Пальцами проводит по моей коже, скользящим движением снимает с меня туфлю и бросает ее на пол. Целует мою ступню, и это вызывает трепет у меня внизу живота. Затем он снимает вторую туфлю и бросает ее через плечо.

Нависая надо мной, он пальцами подцепляет край моих трусиков и всматривается в мои глаза.

– Ты готова для меня, Андресса?

– Да, – шепот срывается с моих губ с придыханием.

Когда он спускает мои трусики, я приподнимаю бедра, чтобы помочь ему.

Я снимаю лифчик, не в силах больше ждать этого от него, и бросаю его себе за спину.

Я сразу же понимаю, что он впервые видит мою оголенную грудь, потому что в его глазах появляется блеск, словно за моей спиной кто-то чиркнул спичкой. Затем он издает грубо звучащий рык, и вот тогда все принимает немного сумасшедший оборот. Он возвращается на меня, придавливая к кровати, и целует с невероятной мощью, в это же время рукой мнет грудь и щипает соски с идеально выверенной силой. Другой рукой он скользит между нашими телами.

Я практически вне себя, когда он пальцами трогает меня в первый раз.

– Черт... – хрипло говорит он. – Ты такая мокрая.

Я бы должна была чувствовать смущение, но этого не произошло. С ним я чувствую... все. Абсолютно все, чего не должна бы.

– Я вроде как хочу тебя... сильно, – признаюсь я шепотом.

Когда наши взгляды встречаются, в его глазах я вижу похоть.

– Я вроде как тоже хочу тебя. Ты и понятия не имеешь, насколько сильно.

Приподнимая голову, я целую его в губы, а рукой тянусь вниз и обхватываю его обнаженный член – делаю именно то, чего так хотела. По ощущениям он обжигающе горячий.

Он делает тяжелый вдох.

– Судя по тому, что я чувствую, я бы сказала, что ты хочешь меня очень, охренительно сильно, – хрипло шепчу я, говоря у его рта.

Я чувствую его усмешку в ответ.

– И собираюсь взять тебя очень, охренительно сильно. – Он вставляет палец в меня и толкает его внутрь до тех пор, пока не касается меня основанием ладони.

Мои ноги стыдливо раздвигаются, я хнычу, и он начинает трахать меня своим пальцем, большим пальцем потирая мой клитор.

– Боже, да, – стону я, когда начинаю извиваться всем телом, чувствуя его напряжение, стремясь к потрясающему оргазму, который, я знаю, Каррик скоро подарит мне.

– Ты такая охренительно сексуальная. И это правда, малышка. Боже, я собираюсь трахать твое упругое тело до предела всю ночь напролет, – говорит он хрипло.

По этому поводу у меня нет никаких сомнений. Каррик Райан может быть быстрым на треках, но держу пари, что в постели он не такой торопливый.

Зарываясь пальцами в волосы на его голове, я сжимаю их, и он спускается обратно к моему соску, сильно посасывая его.

Через мое тело проходят волны, предшествующие оргазму, и они стремятся все ниже.

– Да!

– Ты близко, Андресса?

– Да, ох, Боже, да. Не останавливайся... – молю я.

И тогда он вытаскивает свой палец из меня, оставляя меня опустошенной.

– Querorra é essa? – кричу я. Да, это было на португальском. Со мной иногда такое происходит, когда я выхожу из себя.

– Что ты только что сказала? – Его голос низкий и рычащий, из-за чего я вся дрожу.

– Я сказала: "Какого хера?" Когда я по-английски просила не останавливаться, ты каким-то образом услышал это на другом языке? – пропыхтела я, раздраженная.

Он громко и гортанно рассмеялся.

– Андресса, я остановился, потому что хочу быть в тебе, когда ты кончишь в первый раз. Я хочу ощутить твой оргазм, а не увидеть его.

В первый раз? А их будет больше?

– И ты можешь говорить мне свои бразильские ругательства, пока я буду трахать тебя как следует.

Мой рот открывается от изумления. Он такой... неандерталец! Но, боже... такой горячий.

Каррик тянется к прикроватной тумбочке и из ящика достает презерватив. Я стараюсь не думать о том, как много презервативов из этой упаковки уже было использовано с другими женщинами.

Он надевает резинку за рекордное время и возвращается ко мне, прижимая меня к постели, удерживая мои руки над моей головой. Без единого слова он вонзается в меня.

Я задыхаюсь от наполненности им, у меня внизу все натягивается вокруг него.

Он останавливается, все его тело неподвижно, а глаза закрыты, как будто ему больно.

– Иисусе... ты такая чертовски тугая.

Его глаза открываются, от одного взгляда в них мое дыхание сбивается, а сердце начинает колотиться.

– Как давно на самом деле это было? – Он уже знает, что моя речь "я сказала, что у меня не было отношений два года, а не то, что у меня не было вообще никого", прозвучавшая на приеме, оказалась чушью.

Я закрываю глаза.

– Некоторое время... но недостаточно для того, чтобы вернуться обратно в ряды девственниц. Может ты просто действительно большой. – На моих губах расплывается улыбка, когда я приподнимаю ноги и обхватываю ими его спину.

Чувствую, как сквозь меня проходит вибрация от его легкого смеха.

– Тут мне нечего возразить, малышка. Но скажи мне, сколько? Я хочу знать. – Он обрушивает свои губы на мои, заставляя меня хныкать от желания.

Я открываю глаза, чтобы посмотреть на него, по моим щекам расплзается румянец. Я не разговариваю о бывших партнерах с нынешними, и уж точно не тогда, когда нынешний парень находится во мне.

– Полтора года или около того.

– Как такое вообще возможно? – Потряс он головой от недоверия. – Не то чтобы я жаловался.

Я пожимаю плечами, смотря в сторону.

– Честно говоря, не знаю. Просто, наверно, как-то не было никого, с кем я бы хотела переспать.

После этих слов на его лице появляется самодовольная улыбка.

– Пока не появился я. – Он подталкивает свои бедра к моим и толкает свой член глубже в меня.

Сдерживая стон, я играючи шлепаю его по руке.

– Мы всю ночь будем говорить о моих сексуальных похождениях? Или ты все же будешь трахать меня?

Наклоняя свое лицо к моему, он целует меня, прикусывая мою нижнюю губу зубами. Облизывая ее, он прогоняет боль прочь.

– Ох, я определенно собираюсь оттрахать тебя. – Он выходит из меня, а затем сильно вколачивается, но потом снова останавливается.

Освобождая мои руки, он располагает локти по бокам от моей головы, пальцами вплетаясь в мои волосы. Он пристально смотрит мне в глаза, и выражение его лица меняется. Внезапно у меня возникает ощущение падения.

– Адреса, это... с тобой... Это намного лучше, чем я мог себе представить.

У меня сперло дыхание, я чувствую себя застигнутой врасплох. Я закрываю глаза.

– Просто... трахай меня, Каррик... прошу.

– Открой глаза.

Как только я подчиняюсь, он выходит из меня, а затем снова погружается внутрь, и все это время не разрывает нашего зрительного контакта.

– Это то, чего ты хочешь?

– Да, – стону я.

Он сильнее вплетается пальцами в мои волосы, когда начинает трахать меня, вдавливаясь в меня, прижимая к постели своим телом.

– Еще... сильнее, – умоляю я.

Наклоняя голову, он целует меня со всем отчаянием, которое, не сомневаюсь, я чувствую, когда он выходит из меня и вколачивается обратно, давая мне именно то, чего я хочу.

Затем он становится на колени, берет мои ноги и ставит их по разные стороны от своего тела. Наклоняет мои бедра и начинает входить в меня снова, и в этот раз его толчки медленнее. Пальцами он находит клитор и начинает дразнить его.

– Каррик... – стону я.

– Да, малышка. – Его голос чувственный и хриплый, а ритм его движений идет по нарастающей, когда он входит в меня уверенными толчками.

Затем, без предупреждения, я кончаю, выкрикивая его имя. Это словно дублирующие друг друга взрывы, рикошетом отлетающие один от другого, нескончаемые, создающие самый ошеломительный оргазм из всех, что я когда-либо испытывала.

– Иисусе...

Я моргаю, распахивая глаза, реагируя на интонацию в голосе Каррика. Его глаза устремлены на меня и наполнены тем, что, как мне кажется, похоже на благоговение.

– Что? – шепчу я робко. Я была слишком громкой? Я знаю, что иногда не контролирую свой голос.

– Ничего. – Он качает головой, быстро моргая. – Ты просто... я никогда... не испытывал ничего подобного прежде.

Внезапно у меня возникает ощущение, словно кто-то давит мне на грудь.

Я кладу на нее руку, преодолевая эту боль.

Прижимаясь ко мне, он снова целует меня, проникновенно, своим языком переплетаясь с моим.

Затем Каррик отрывается от моих губ и меняет мою позицию, поднимая меня наверх. Он откидывается назад, принимая сидячее положение, и сажает меня к себе на колени, прижимая меня спиной к своей груди, размещая мои ноги по бокам от его ног.

И делает он все это, не вытаскивая свой член из меня. Этот мужчина чертов маг.

– Трахай меня, – бормочет он мне в ухо, а руками в это время скользит по моему телу, чтобы ладонями обхватить грудь. Он начинает дразнить мои соски, нежно подергивая их.

Я отклоняю голову назад, жажда наполняет меня. Хватаясь за его руки в поисках поддержки, я поднимаюсь на колени, чувствуя, как легко во мне скользит его член, и затем сажусь обратно, вбирая его в себя.

– Черт. Да, именно так, – рычит он, сильнее сжимая мою грудь.

Вдохновленная тем, как действую на него, я начинаю скакать на нем, как долбаная порно-звезда. Ладно, может с порно-звездой я переборщила, но я прекрасно делаю свое дело, если можно так выразиться, да и Каррик, кажется, наслаждается, судя по пылким восхваляющим словам, что он продолжает стонать мне в ухо.

Руками он скользит по внутренней части моих бедер, пальцами снова добираясь до клитора, но я слишком чувствительна после невероятного оргазма, что испытала пару минут назад.

Я прижимаю свои руки к его, останавливая Каррика.

– Каррик, но, я не могу опять...

– Ш-ш-ш, – предупреждает он мою реплику. – Ты можешь, и ты это сделаешь. Я хочу чувствовать, как ты кончаешь еще раз.

Он такой охрененно сексуальный, когда властвует надо мной таким образом, что я даже

не смею возражать. Я просто убираю свои руки от его, и позволяю ему творить свою магию.

И кто бы мог подумать? За рекордное время я возвращаюсь к прежнему состоянию, выбираясь из пропасти, взбираясь к небесам.

– Каррик... – хнычу я. Мне нужно сдвинуть ноги вместе, чтобы хоть как-то освободиться от скопившегося в них напряжения, но при этом сделать это так, чтобы Каррик не останавливался.

Без предупреждения я была поднята им и спиной брошена на кровать. Затем Каррик оказывается у меня между ног, ртом лаская мою киску.

– О мой Бог, – выкрикиваю я, руками хватаясь за волосы на его голове.

Он толкает свой язык туда, где мгновение тому назад был его член. Затем посасывает клитор, за секунды доводя меня до оргазма второй раз за ночь, после чего я кричу его имя и остаюсь обессилено валяться в постели.

Он приподнимает мое тело, руками упираясь в кровать, и парит надо мной.

Я смотрю на него, изумляясь.

Его губы блестят из-за моих соков, в глазах тьма, а кожа его лица подтянутая. Он выглядит, как мужчина, который едва держит себя под контролем, плавно ускользящим прочь. Языком он пробегает по своей нижней губе, пробуя меня на вкус. Это самая эротичная вещь, которую я видела.

Я приподнимаю бедра, приближая их к его бедрам, давая Каррику знать, что хочу чувствовать его в себе. Честно говоря, я не хочу, чтобы он когда-либо выходил.

Хватаясь за мои бедра, он заталкивает свой великолепный член в меня, загоняя его внутрь до самого предела. Он сдвигает руки с бедер на мою задницу, наклоня меня под таким углом, чтобы было возможно скользнуть еще глубже.

Я наблюдаю за тем, как он увлеченно трахает меня, и осознаю, насколько на самом деле он красив, особенно сейчас, когда достиг момента, где больше нет чувств, и единственное значение имеет лишь достижение оргазма. Чисто животный трах.

– Черт! Адресса... – проговаривает он мое имя, а его тело содрогается. На его щеки выпирают вены, а глаза закрыты, словно все происходящее для него уж слишком, когда он кончает в меня.

Когда он получает оргазм, то, тяжело дыша, опускает голову мне на плечо. Мы оба липкие от пота, отчаянно пытаемся восстановить наше дыхание.

О мой бог, у меня только что был секс с Карриком! Горячий, жаркий секс... и он был невероятный!

Поднимая голову с моего плеча, он берет мое лицо ладонями и целует.

– Мне нужно пойти помыться, – бормочет он.

Я медленно киваю, и тогда он выскользывает из меня, из-за чего я чувствую себя странно пустой.

Я наблюдаю, как он идет в ванную, наслаждаясь видом его подтянутой задницы, и удивляюсь, когда замечаю, что у Каррика на спине есть татуировка. Действительно огромная татуировка в виде падшего ангела.

Может, вот кто он – мой падший ангел.

Нет! Прекрати так думать. Каррик тебе никто, и никогда не станет твоим.

Как только дверь ванной закрывается, я закрываю лицо руками и издаю приглушенный писк.

Дерьмо собачье! У меня только что был потрясающий секс с Карриком, как у порно-

звезд, только лучше!

Ладненько, глубокий вдох... успокойся. Он вернется с минуты на минуту.

Я слышу, как из ванной раздается звук бегущей воды. Убирая руки от лица, я смотрю в потолок, вынуждая себя выровнять дыхание.

Адреналин постепенно сходит на нет. Я повторяю те слова у себя в голове снова.

У меня был секс с Карриком.

Ох, боже. Я переспала с пилотом. С тем, на которого работаю.

У меня был секс с другом.

Все мои обещания, данные самой себе, я нарушила самым разгромным способом.

И что теперь будет?

До того, как паника успевает развиться должным образом, дверь ванной открывается и в проеме показывается Каррик.

Я сажусь. Прижимаю колени к груди и обхватываю их руками.

Каррик бросает на меня мягкий взгляд.

Я чувствую эту мягкость глубоко внутри как нежную ласку, и это пугает меня до чертиков.

Вижу полотенце в его руке.

– Я подумал, ты тоже можешь захотеть помыться, – поясняет он, идя к кровати.

– Спасибо.

Я тянусь к полотенцу, но вместо того, чтобы отдать его мне, он одной рукой нежно раздвигает мои ноги, а второй прижимает полотенце ко мне.

Черт подери. Неудивительно, что так много женщин хотят остаться с ним, если он заботится о них таким же образом – не считая очевидной сексуальности Каррика, великолепного секса с ним и оргазмов, что он доставляет, конечно же.

Все парни, с которыми я спала, отворачивались и засыпали через секунду после сделанного дела, оставляя меня заботиться о себе самой.

Я смотрю ему в лицо, пока он вытирает меня. Как длинные ресницы касаются его скул, когда он моргает. В его изумительные глаза, цвет которых состоит из множества синих и голубых оттенков. Он идеален.

Внезапно Каррик смотрит вверх, ловя мой взгляд, чем заставляет мои щеки покраснеть. Удерживая мой взгляд, он придвигается ко мне и прижимается к моим губам нежным поцелуем.

Мое сердце замирает. Глупое сердце.

Он бросает полотенце на прикроватный столик и забирается в постель рядом со мной. Он обхватывает меня своими длинными ногами, обнимает и целует в плечо.

Сейчас я чувствую себя немного неловко. То есть, он ведет себя действительно мило и все прочее, но я не уверена, как следует поступить. Безусловно, у меня до этого был секс на один раз, но никогда с другом... на которого я работаю, и которого вижу каждые несколько часов.

Должна ли я уйти?

Да, наверно должна уйти. Каррик не повторяется, и в первую очередь мне не следовало этого делать, неважно, насколько изумительно это было. И у него завтра гонка. Ему нужен отдых.

Обернувшись, расположив подбородок на своем плече, я смотрю на него.

– Мне стоит уйти. Дать тебе поспать. У тебя завтра гонка.

Он хмурится.

– Нет, останься, – он глотает воздух. – Я правда хочу, чтобы ты осталась.

Я прикусываю губу, испуганная тем, как сильно хочу остаться с ним. Мне правда не следует... но, кажется, я не хочу бороться с тем, чего хочу, противопоставляя желанию размышления о том, что правильно на данный момент.

– Ладно, – улыбаюсь я нежно.

Его глаза наполняются теплотой.

Я двигаюсь, чтобы он смог вытащить одеяло. Забираюсь под покрывало. Каррик ложится рядом, прижимая меня к себе, и заключает в объятия. Он убирает волосы с моего лба, зачесывая их назад.

Это так интимно.

Я знаю, чем мы только что занимались, и все равно называю этот жест интимным, просто каким-то образом в нем содержится гораздо больше смысла, чем в горячем сексе.

– Я не знала, что у тебя есть тату, – говорю я, пытаюсь изменить направление моих мыслей.

– Ага.

– Когда ты сделал ее?

– Через неделю после подписания контракта с Формулой-1. Это был мой подарок самому себе.

– Контракт с самым молодым гонщиком. Я бы подумала, что ты купишь себе дом или что-то экстравагантное типа него.

– Тогда в моих мыслях покупка дома стояла на последнем месте, – улыбается он.

– Ну да, полагаю, вечеринки и женщины тогда были на переднем плане. – Как, впрочем, и сейчас.

Улыбка сходит с его лица, и он смотрит в сторону.

– Что-то в этом роде. В любом случае, я не был самым молодым гонщиком. Я был того же возраста, что и Уильям Вульф, когда тот подписал свой контракт с Ф-1.

Услышав имя моего отца, произнесенное устами Каррика, я вздрогнула, и вспомнила, почему не должна находиться в этой постели. Мое сердце начало колотиться.

– Эй, ты в порядке? – Пальцами он касается моей щеки.

– Нормально, – я выдавливаю улыбку, пытаюсь уговорить стремительно бьющееся сердце. – Можно посмотреть на твою татуировку? – Мне нужно, чтобы он перестал трогать меня, прекратил смотреть на меня таким взглядом. Это слишком.

– Конечно. – Каррик перекачивается на живот, и я широко расставляю ноги, чтобы сесть на него.

Это падший ангел. Склоненный к земле мужчина с низко опущенной головой и заслоняющими его тело крыльями. Прямо над ним есть надпись, тянущаяся через всю спину, охватывая лопатки.

БОЛЬ ВРЕМЕННА. ПОБЕДА ВЕЧНА.

Красиво.

Пальцем я черчу дорожку по этим словам.

– Она красивая, Каррик. – Как и ты.

Он отрывает голову от подушки и смотрит на меня через плечо, усмехаясь.

– Никогда не говори мужчине, что его татуировка красивая, малышка. Говори ему, что она крутая, но никак не красивая.

- Прости, – смеюсь я. – Она невероятно крутая, – я делаю свой голос грубым, чтобы звучать, как мужчина. – Это самая крутецкая татуха, что я только видела.
- Крутецкая? – Он приподнимает бровь.
- Есть такое слово, – ухмыляюсь я. – Ну, во всяком случае, в моем мире есть.
- Ты сумасшедшая, – смеется он, заставляя меня улыбаться. Он вытягивает руку назад, хватая меня за талию и делает сильный рывок. Я падаю с его тела на матрас, ложась рядом с ним. Приподнимаясь, он притягивает меня к себе, и маневром затаскивает под себя. Он берет мое лицо в ладони.
- Но мне правда-правда нравится сумасшедший мир Андрессы Амаро, очень.
- Мои разум и сердце вступают в противоречие, вызывая панику, которая проносится через меня, но я все это проглатываю, как только он целует меня. В тот самый миг, когда его язык скользит по моему, все вокруг исчезает, кроме него самого.
- Он целует меня будто бы вечность. Нежно и чутко. И я не хочу, чтобы он когда-либо останавливался.
- Когда он все-таки останавливается, поднимая свое лицо над моим, он устремляет на меня такой взгляд, что у меня начинает болеть душа.
- Я не могу влюбиться в него. Не могу.
- Мне стоит поспать, если я хочу завтра выиграть, – говорит он, подавляя зевоту.
- Само собой, – мой голос дрожит. Если он и заметил, то ничего не сказал.
- Он тянется надо мной и выключает свет. Затем притягивает меня к себе. Подминая меня под себя, он переплетает свои ноги с моими. Целует в лоб.
- Спокойной ночи, малышка, – бормочет он, его голос уже звучит сонно.
- Спокойной, – шепчу я, а мои глаза все еще широко раскрыты.

Глава 13

Барселона, Испания

Для начала я проснулась. Все еще темно, но уже брезжит рассвет. И меня обнимает теплое упругое тело.

Каррик.

Я в его постели.

И у нас был секс.

Удивительный, горячий секс.

Картина прошлой ночи проносится перед моим мысленным взором, вызывая трепет в моем интимном местечке. Но вместе с трепетом и образами прошлой ночи, когда шампанское выветрилось и взбушевавшиеся гормоны утихли, явилась смесь сожаления и беспокойства.

Я переспала с Карриком.

Гонщиком.

Я нарушила свое основное правило.

Черт. Черт. Черт.

Не могу поверить, что сделала это. Ладно, поверить-то могу... но вы понимаете, о чем я.

И хуже всего, что я чувствую то, чего не должна чувствовать. А именно: удовольствие от ощущения его тела на моем и желание никогда не уходить.

Жажда большего. Желание к нему. Снова и снова.

Ох, боже.

Нельзя думать в таком ключе. Будто Каррик когда-то хотел бы быть со мной в продолжительных отношениях. Он парень типа "поматросил и бросил". Но дело во мне, что я чувствую к нему. Вот в чем проблема. Мне нельзя влюбляться в него.

А прямо сейчас в его руках уж слишком комфортно. Время уходить.

Со всей осторожностью я вытаскиваю свою ногу, зажатую между его ног. Задерживая дыхание, я пережидаю, чтобы убедиться, что не разбудила его. Уверившись, что он все еще спит, я поднимаю его руку и выскользываю из постели, словно какой-то ниндзя.

Смотря на него сверху вниз, я сопротивлялась порыву убрать упавшие на его лоб волосы.

Он прекрасен.

И мне на самом деле надо выметаться отсюда к чертовой матери.

Я делаю шаг по направлению от кровати, пытаюсь быть настолько тихой, насколько это по-человечески возможно, на цыпочках хожу туда-сюда, собирая свою повсюду разбросанную одежду.

Беру ее с собой, иду в гостиную, и бесшумно и быстро одеваюсь.

Вспоминаю, что мой клатч до сих пор находится в кармане пиджака Каррика, который я нахожу в прихожей, где мы оставили его прошлой ночью, когда я в спешке стремилась избавиться Каррика от него, и возвращаю сумочку себе.

Воспоминания о прошлой ночи заполнили мой разум. Каррик, целующий меня везде, трогающий меня... как сильно я хотела его. Мое тело стало изнемогать от желания вернуться к нему, обнять его, обвить его ногами и никогда не отпускать.

Это было бы так легко: снять платье, пойти туда, скользнуть обратно в его объятия, и

подождать его пробуждения, чтобы увидеть, что же будет.

Но я не могу.

Так что я вешаю его пиджак на крючок. Взяв клатч и туфли в руки, я тихонечко покидаю номер.

Направляюсь к лифту. Отель мертвый. Проверяю время на телефоне — три минуты седьмого утра.

Когда лифт прибывает, я захожу в пустую кабину и нажимаю на кнопку с цифрой моего этажа.

Босиком мягкой поступью иду по коридору к своему номеру, вознося благодарения за отсутствие очевидцев, вставляю ключ-карту в проем в двери и пытаюсь быть бесшумной настолько, насколько это возможно, лишь бы не разбудить Петру. Но звук разблокировки двери в тишине звучит слишком громко.

Аккуратно закрывая за собой дверь, я пересекаю комнату и ставлю туфли на пол у входа. Ключ-карту и клатч кладу на комод.

— Учитывая, что вернулась домой ты с восходом солнца, я так понимаю, что ночь была стоящей?

— Иисусе! — От звука голоса Петры у меня чуть сердце не ушло в пятки. — Ты напугала меня до усрачки! — Мое сердце колотится как у долбаного загнанного зверя.

Смеясь, она включает лампу, моментально ослепляя нас обеих, и затем перекачивается на постели, разворачиваясь ко мне лицом.

— Итак, ты трахнула Каррика? — На ее лице красуется самодовольнейшая ухмылка.

Садясь на край своей кровати, я пальцами ног зарываюсь в ковер, и пожимаю плечами в ничего не значащем жесте.

— О-о-оу. Ну ты даешь, детка. Выкладывай. Мне нужно что-то, что бы сделало это утро приятнее. Я хреново провела прошлую ночь.

— Почему? Что произошло? — Я поднимаю голову и хмурюсь, ведь знаю, что прошлой ночью она отдыхала с парнями.

— Ох, ничего особого, — отмахнулась она. — Просто без тебя там было дерьмово, да и Робби вел себя как кретин, как и всегда.

От осознания того, что она считает, будто мое присутствие могло бы улучшить ее ночное времяпрепровождение, я засияла.

— Ты ведь знаешь, что нравишься Робби, так? — усмехаюсь я.

— Что? Робби? Нет, не нравлюсь... нравлюсь? — Она встречается с моим насмешливым взглядом.

— Конечно же нравишься. Это очевидно по тому, как он смотрит на тебя все время опьяненным взглядом.

Она хмыкает.

— Тогда почему он ведет себя со мной как мудака?

— Потому что... он мужчина, — беспомощно пожимаю я плечами. У меня нет ни единого понятия, почему мужчины ведут себя так, как ведут.

— Кстати, говоря о странном поведении мужчин — хорошая диверсионная тактика с Робби, хвалю — Каррик. Колись. Мне нужны детали.

С выдохом я выпаливаю:

— Да, у меня был с ним секс.

— Я так изнала, что ты не сможешь противиться ему! Он крут? Я слышала, что он

трахается, словно порно-звезда.

Господи, это именно так. Но я не говорю этого. Я смотрю вниз на свои симпатично покрашенные ногти на ногах.

— О мой бог. Он был плох? — В ее голосе слышится ужас. Ее глаза широко раскрыты, а рукой она со шлепком закрывает рот.

— Нет, — говорю я торопливо. — Он был... великолепен. Невероятен. — Несравнимый ни с чем, что я знала прежде.— Просто... кажется, я совершила ошибку, когда переспала с ним.

— Почему? — Она поднимается со своей кровати и садится рядом со мной. — Он после этого всего был засранцем?

— Нет, вовсе нет. Вообще-то он был очень милым, просто я.... — Я выдыхаю и потираю лицо.

— Ты волнуешься о том, что потеряешь работу?

Мои глаза расширяются от шока, когда я слышу ее слова, беспокойство вышибает из меня весь воздух.

— Ну, вот теперь беспокоюсь. Думаешь, я потеряю работу, раз переспала с ним?

— Нет, — говорит она быстро. — Эми потеряла работу лишь потому, что история получила огласку в прессе, и с момента проблем с Ричем и Шарлоттой прошло слишком мало времени. Ты ни в коем случае не потеряешь работу. Джон не допустит этого.

— Да, наверно, — вздыхаю я.

— Итак, в чем же дело тогда? То есть, к чему вы пришли, как решили поступить?

— Эм... ну, мы вообще-то не то чтобы к чему-то пришли. После случившегося он попросил меня остаться, и мы заснули вместе. Затем я проснулась, а Каррик еще спал, так что... я вроде как... ушла.

— О мой бог! Ты втихаря сбежала! — загоготала она. — Тогда это все меняет! Женщина сбегает от Каррика. Обычно в роли кидалы он.

Я бросаю на нее взгляд.

— Как думаешь, он разозлится?

— Ха, он... Каррик, — она сказала его имя так, словно это все объясняет. — Но... он попросил тебя остаться уже после того, как у вас был секс? — Ее голос стал звучать удивленно и любознательно.

— М-м-м-м. — Я начинаю жевать ноготь на большом пальце.

Петра шлепает меня по руке, чтобы остановить.

Я смотрю на нее и снова выдыхаю.

— Я сказала ему, что ухажу, чтобы он мог выспаться, но он ответил, что хочет, чтобы я осталась, и я согласилась.

— Ого...

— Что?

— Ну, исходя из того, что я слышала, Каррик не просит девушек остаться на ночь. Как правило, он выталкивает их за дверь через секунду после того, как кончит.

— Мило, — бормочу я.

Но со мной он не был таким. Вообще-то, он был милым.

— Думаешь, ты нравишься ему?

Я посылаю ей взгляд.

Думаю ли я так?

Даже если я ему нравлюсь, это ничего не меняет.

— Ха, не в этом смысле. То есть, естественно, он хотел трахнуть меня, но, исключая это, мы друзья. Скорее всего он был милым лишь потому, что я работаю на него.

— Он не был милым с Эми и Шарлоттой.

— Ну да, но они не работали в его команде. Я слежу за тем, чтобы его болид был на ходу. Может, он думал, будто я могу повредить тормоза, если он будет вести себя со мной как ублюдок, — усмехаюсь я, но сама не верю в то, что говорю. Честно говоря, я не знаю, что чувствую. От одного лишь разговора с Петрой на эту тему я смущаюсь и вся трясусь.

Петра ухмыляется.

— Сомневаюсь, что причина в этом. Не знаю. С тобой он другой. Я вижу, как он смотрит на тебя. Энди, ты действительно можешь нравиться ему.

— Нет, — я возмущенно качаю головой. — Каррик не запал на меня в этом смысле. Он просто хотел меня трахнуть.

Где-то с минуту она смотрит на меня сияющими глазами, но потом свет в ее взгляде меркнет.

— Да, наверное, ты права. Это всего-то я и мои романтические бредни об укрощении плохих парней. Я увлеклась. Обожаю хорошие любовные истории. Но ты права. Каррик не из тех, кто вступает в отношения.

И это правда. Я сама всячески подталкивала ее в этом направлении. Тогда почему слышать это из ее уст так неприятно?

— Так ты думаешь, он будет вне себя из-за того, что я слиняла втихаря?

— Ха, он будет в порядке. Парни не расстраиваются по поводу подобных моментов. Это мы, женщины, сходим с ума, если просыпаемся, а мужчины рядом-то и нет. Мы к сексу относимся более эмоционально, чем они — ну, ты исключение.

— Эй! — Я игриво толкаю ее, вызывая ее смех. — Что это должно значить?

— Я имею в виду, ты та самая, что сбежала от Каррика. Все женщины, с которыми он спит, как правило, проводят с ним все отпущенное им время, цепляясь за надежду на то, что он предложит им нечто большее.

— Ну, значит, я не такая, как те женщины. Я знаю, кто такой Каррик, и чем была прошлая ночь. В любом случае, я не завожу отношения с гонщиками. — Я поднимаюсь с кровати и достаю телефон из клатча. — Я собираюсь принять душ и потом пойти на трассу.

— Здорово. Тогда я еще посплю, пока ты будешь в душе. Разбуди меня, когда выйдешь, чтобы я пошла после тебя. Я должна приготовить и подать еду богатым и противным. — Она поднимается с моей кровати и забирается в свою.

Я достаю ожерелье из косметички и несу его с собой в ванную комнату. Закрываю дверь и включаю свет.

Делаю душ горячим. Опускаю сидение туалета, сажусь на него и смотрю на ожерелье в моих руках.

Я могу осознавать, что значила эта ночь, или понимать, что именно я ушла от Каррика, но не чувствую себя от этого так легко, как показываю Петре.

Это повлияло на меня. На самом деле я за всю свою жизнь не ощущала такого влияния чего-либо... или кого-либо на меня.

Закрывая глаза, я вижу только его. Я все еще могу чувствовать его запах на моей коже, его прикосновения ко мне.

Я просто хочу...

Чего? Чего я хочу?

Каррика?

Я практически рассмеялась в голос над собой.

Я о стольком мечтаю с момента, как Каррик ворвался в мою жизнь. Чтобы он не был пилотом. Чтобы я могла обладать им.

Необходимо это прекратить.

Делая глубокий вдох, я успокаиваюсь и провожу пальцем по телефону, чтобы разблокировать его.

Использую Гугл: в поисковую строку вбиваю запрос: несчастный случай Уильям Вульф. Фотографии с изображениями аварии, в которой разбился мой отец, заполняют экран.

Как по сердцу ножом. Я начинаю задыхаться. Но мне необходимо посмотреть эти фотографии. Мне нужно напоминание, почему я не могу быть с Карриком. Он живет опасной жизнью, я не могу снова потерять того, кого люблю.

Не могу рисковать.

Необходимо положить конец всё растущим чувствам к Каррику.

Я не могу влюбляться в него. Потому что ни к чему хорошему это не приведет.

Несмотря на все, я надеваю ожерелье и ступаю под душ.

После того, как помылась и оделась, я оставляю Петру собираться самой и украдкой покидаю отель, боясь столкнуться с Карриком. Я пропускаю здешний завтрак и отправляюсь на трассу, останавливая свой выбор на поджаристом бейгле, который беру в магазинчике рядом с отелем.

Просто я еще не готова встретиться с Карриком лицом к лицу. Это будет неловкая ситуация, и не представляю, как с этим справиться, так как пока... я не справляюсь. Я избегаю встречи.

И довольно-таки успешно. Я все утро прячусь в гараже. Обычно Каррик не спускается сюда до начала гонки, так что я в безопасности. Я даже не смею отлучиться в уборную, учитывая, что рискую столкнуться там с ним.

Я веду себя глупо. Я знаю, что не могу избежать его вечно, но мне нужно время разобраться в своих мыслях, прежде чем увидеться с ним.

Я под болидом, провожу последнюю проверку, когда слышу его голос.

Я замираю. Днище болида исчезает из моего поля зрения, потому что перед глазами стоят заполнившие весь обзор картины произошедшего прошлой ночью, заставляя мое тело ожить.

Я слышу, как он и дядя Джон обсуждают проблемы, возникшие с болидом на вчерашней тренировочной сессии. Дело было в чрезмерном заносе на поворотах. Это первое, что я исправила, придя сюда сегодня утром.

— Все улажено. — Голос дяди Джона становится все ближе.

Это значит, что Каррик тоже приближается. Дерьмо.

— Энди произвела починку. Она была здесь, работая над этим с самого раннего утра, — говорит дядя.

— А сейчас она здесь?

Есть что-то в голосе Каррика такое, что я не могу расшифровать, но его прекрасный ирландский акцент отзывается в моей самой интимной части тела, заставляя меня дрожать.

Его голос трогает меня так же, как и прошлой ночью его руки. Его руки на мне... он во

мне...

О, боже. Сконцентрируйся, Энди. Никаких мыслей о сексе с Карриком.

Осознавая, что мужчина, стоящий у моих ног, признает меня, учитывая, что он видел меня голой, я надеваю маску непоколебимости и выталкиваю себя из-под болида.

Черт.

Он выглядит... превосходно. Несправедливо горячо.

Почему он выглядит так охренительно хорошо?

Это лишь все усложняет. Не то чтобы гипотетическая уродливость Каррика упростила бы ситуацию, ведь он по-прежнему оставался бы собой, а это то, что мне нравится больше всего — Каррик хорош не только внешне, но и по своей сути.

Ох, Иисусе. Прекрати. Прекрати сейчас же.

И не успеваю я опомниться, как воспеваю волнительность его голубых глаз.

Которые в этот самый момент сверкают, когда их взгляд устремлен на меня. На его лице непроницаемое выражение. Его волосы цвета грязный блонд в абсолютном беспорядке, словно он и не прикасался к ним с тех пор, как покинул кровать — ту самую, которую он делил со мной.

И теперь я не могу перестать думать обо мне и Каррике в постели.

Его наготу. Его гладкой загорелой коже. Этих шести кубиках. Этом огромном чл....

— Доброе утро, — говорит он, возвращая меня в чувство. Брови его приподняты, а в глазах мерцание, в значении которого невозможно ошибиться.

Он знает, где витают мои мысли.

Я незамедлительно вспыхиваю. Скрывая это, я бормочу:

— Доброе утро, — и поднимаюсь на ноги...

Мне нужно собраться, и побыстрее. В противном случае дядя Джон сразу же раскусит меня. Я веду себя так, что с тем же успехом могу написать о том, что у нас с Карриком был секс, перманентным маркером у себя на лице.

Я могу сделать это. Могу быть взрослой и вести себя так, словно ничего такого не произошло, ведь на самом деле это так. Просто теперь я знаю, как Каррик выглядит голым. И все.

О, господи.

— Твой болид готов. — Я сквозь усилие поднимаю глаза, и когда наши взгляды встречаются, я чувствую удар. Делая глубокий вдох, я глотаю. — У тебя не будет проблем. Теперь он работает исправно.

— Джон, есть минутка? — Это зовет Бен.

— Конечно. Я найду тебя перед гонкой. — Дядя Джон хлопает Каррика по плечу. Он идет к Бену, который находится на другой стороне гаража, оставляя нас с Карриком наедине.

Я наблюдаю за дядей. Когда я возвращаю взгляд к Каррику, то вижу, что он все еще смотрит на меня, но уже более напряженно.

Из-за этого мое сердце ускоряет свой ритм, а в мой живот безжалостно вторгается атакующий рой бабочек. Мне становится жарко, и назрел сильнейший порыв сбежать прочь.

— Итак, да... мне лучше, эм...

Я начинаю пятиться, но Каррик следует за мной.

— Адресса, — его голос звучит низко, — мы можем поговорить?

Как зрелому взрослому человеку, мне следует сказать: "Да, конечно, мы можем поговорить".

Печально, но сейчас я не чувствую себя зрелой, почему и веду себя как совершеннейшее дитя.

Я бормочу:

— Э... Сейчас не могу. Мне нужно, эм... помыть руки.

Я поднимаю испачканные руки в качестве доказательства, и прежде чем он успевает сказать хоть слово, я несусь оттуда так, словно моя задница в огне.

Сердце практически вырывается из груди к тому моменту, как я добираюсь до уборной.

Я останавливаюсь у раковины, мои руки трясутся.

Иисусе, какого черта со мной не так? Почему я не могу просто поговорить с ним?

Потому что ты боишься того, что он скажет.

Он скажет именно то, что должно быть сказано: прошлая ночь была одноразовым развлечением. Вот что мне следует сказать. Потому что так оно и было, и ничего больше.

Даже если бы я не была той, кто я есть, и могла бы быть с ним, это Каррик. У него не бывает подружек в отношениях. Он предпочитает одноразовый секс.

Я тру место в области груди, где возникло странное ощущение, заставившее меня дышать с трудом, чем лишь сильнее пачкаю рабочий комбинезон.

Бросаю взгляд на свое отражение в зеркале.

Мне нужно вести себя соответственно возрасту и поговорить с ним. Я взрослая женщина. Я могу завести разговор с женщиной, с которым прошлой ночью у меня был секс.

Мне неизбежно придется покончить с этим, чтобы мы с Карриком могли вернуться к нашим нормальным взаимоотношениям. Что бы это ни значило.

Решив, что поговорю с ним в следующий раз как увижу, я выдавливаю немного мыла на руки с чувством, что у меня есть новая цель. Я поворачиваю кран с горячей водой и отдраиваю свои руки от грязи. Как только я хватаюсь за бумажное полотенце, в моем кармане пиликает телефон, возвещая о пришедшем сообщении.

Вытираю руки, выбрасываю полотенце в урну, и достаю телефон из кармана комбинезона.

Каррик.

Сердце начинает биться сильнее.

К: Я не знаю, что за херь сейчас была, но нам нужно поговорить —сейчас же. Комната гонщиков. Две минуты.

Пальцы трясутся, когда я печатаю ответ.

Я: Ладно.

Снова смотрю на свое отражение в зеркале, пытаюсь набраться смелости. Я произношу приободряющее напутствие.

— Ты можешь. Это будет просто. Каррик игрок. Он опытен в сексе на одну ночь. Вы оба взрослые люди. Ты можешь сделать это.

Делаю глубокий вдох. Покидаю уборную и иду в комнату Каррика.

Еще один глубокий вдох, прежде чем постучать в дверь.

— Войди, — слышится его грубый голос с другой стороны.

Руки дрожат, я делаю шаг внутрь, прежде чем закрыть за собой дверь.

Каррик прислонился к окну, руки его скрещены на груди, глаза не выражают ничего.

— Привет, — говорю я, мой голос звучит пискляво.

— Какого хрена происходит, Адресса?

— Что ты имеешь в виду?

— Я о том, — он перестает держать руки скрещенными, а сам выпрямляется, — что, во-первых, я проснулся в пустой постели. Спускаюсь в гараж, потому что нам нужно поговорить о прошлой ночи, а ты ведешь себя так, словно у меня какая-то гребаная смертельная болезнь, и убегаешь со всех ног.

— Я не убегала. Мне нужно было...

— Помыть руки. Ага, ты говорила. — Пальцами он потирает лоб, в его глазах проскальзывает нетерпение. — Не дури меня. Я знаю, когда меня избегают.

— Я не избегаю тебя. — Врушка. Вот лгунья.

Он одаривает меня взглядом, а затем вздыхает. Он поднимает руки, располагает их на затылке, и отклоняет голову так, что его глаза устремлены в потолок.

Я вижу, как изгибаются и напрягаются мышцы на его руках, и моментально вспоминаю, какими эти руки прошлой ночью были на мне — как эти руки напрягались рядом с моей головой, когда он был во мне. Эти вспышки воспоминаний оставили неприятное ощущение в моей груди.

— Я думал, мы прекрасно провели время прошлой ночью, — его голос смягчился, стал нежнее, взгляд снова устремился на меня, а руки упали и повисли по бокам от его тела.

Внезапно я почувствовала себя незащищенной. Я обхватываю себя руками и смотрю мимо него в окно, на городское небо за его спиной.

— Мы действительно отлично провели время...

— Но?

— Но... — я выдыхаю. — То была прошлая ночь... ну, а это сегодняшний день.

— Что это значит?

— Я имею в виду... Я не знаю, Каррик. — Опуская руки, я беспомощно пожимаю плечами. — Полагаю, это значит, что прошлая ночь прошла, и мы возвращаемся к тому, что у нас было.

Нечто, похожее на неверие, проскользнуло в его глазах.

— Ты отшиваешь меня.

— Я не отшиваю тебя. Просто... мы переспали, это было великолепно, но... это была прошлая ночь, а сегодня есть сегодня.

— Ну, продолжай.

Он не упрощает задачу, и я не понимаю, почему. Я думала, он захочет этого. Честно говоря, мне казалось, что он скажет это раньше меня.

Рукой я провожу по заплетенным волосам, запуская в них пальцы.

— Что ты хочешь услышать?

— Говори, что собиралась.

— Тебе нужно, чтобы я сказала это вслух?

— Да, именно так.

— Почему ты так поступаешь?

Он пожимает плечами и это выводит меня из себя.

— Хорошо. Прошлая ночь была одноразовым развлечением, которое не должно повториться. — Это прозвучало грубее, чем я того хотела. В его глазах я вижу вспышку чего-то, до ужаса напоминающего боль, из-за чего я почувствовала себя сукой. — У нас обоих были правила, которые нужно было нарушить, и мы сделали это прошлой ночью. В любом случае, ты не похож на того, кто заинтересован в отношениях, а я не связываюсь с гонщиками.

Боже, но как бы я хотела этого. Правда, на самом деле хотела бы быть с тобой.

Он смотрит на меня так, будто не узнает. И сейчас я с ним согласна. Я тоже не узнаю себя. Я не из тех девушек, которые говорят подобные слова.

Каррик тяжело выдыхает, его взгляд устремлен в потолок.

— Итак, что происходит?

— Не понимаю, о чем ты.

Его глаза встречаются с моими, брови его нахмурены.

— Чего тут непонятного? Какого хера происходит? — четко проговаривает он каждое слово.

Точно могу сказать, он становится все злее.

От этого я съеживаюсь.

— Ну... наверно мы снова будем друзьями.

Он недоверчиво смеется.

— Ты загоняешь меня во френд-зону?

Я раздражаюсь и хмурюсь.

— Мы всегда в первую очередь друзья, Каррик.

Раздается глухой смех.

— Поверить не могу, что выслушиваю речь "давай останемся друзьями".

— Это не так.

— Нет? — Он устремляет на меня пристальный взгляд. Затем смотрит в сторону, руками хватается за спинку кресла перед ним, крепко ее сжимает и опускает глаза в пол.

Прежде, чем он снова поднимает взгляд на меня, проходит вечность. И лучше бы он этого не делал, потому что взгляд его стал холодным. Из его глаз исчезла вся теплота, которую я пробуждала, и к которой привыкла, ее сменило нечто безжалостное.

— И что будет, если я скажу, что не хочу быть твоим другом?

Меня сразил резкий удар, в самый центр груди, оставляя меня задыхаться.

Мысль о том, чтобы не быть с ним друзьями... невыносима. За такой короткий промежуток времени он для меня стал слишком важным.

— Каррик...

— Отвечай на гребаный вопрос, — его голос твердый и решительный.

Я не знаю, что говорить. В горле встал ком. Я нервно верчу руками перед собой.

Пытаюсь найти слова, но ничего не выходит.

Все, что заполняет мою голову, это вероятность никогда больше не быть близкой с ним... никогда не иметь возможности пообщаться с ним.

Я даже никогда не учитывала такой вариант развития событий.

Сглатываю страх и разлепляю пересохшие губы.

— Тогда... я буду уважать твое желание. — И проведу остаток жизни, скучая по тебе.

— Конечно же будешь, — голос его отдает горечью.

Я запуталась и не понимаю, что происходит.

— Господи, Каррик, неужели для тебя так невыносимо, что не ты первый сказал, что эта ночь была одноразовой? Я задела твое эго или что? Потому что если дело в этом, тогда я с радостью выйду отсюда и вернусь обратно, чтобы мы могли начать сначала. И тогда ты сможешь произнести речь про секс на один раз. — Я сделаю что угодно, лишь бы мы вернулись к нашим прежним взаимоотношениям.

— Да, дело именно в этом — ты задела мое охеревшее эго, — огрызается он.

— Просто... я не понимаю тебя! — Внутри меня закипает гнев. Я практически вне себя от злости. — Ты все время трахаешься с женщинами. Почему же этот случай делаешь каким-то особенным?

Что-то в нем изменилось, и когда я заметила это, Каррик закрыл глаза, отгораживаясь от меня.

— Я и не делаю. Неважно, Андресса. Все кончено. — Он разворачивается и уходит от меня в направлении окна.

— Кончено? — Паника хлещет меня по лицу. — Каррик, я не могу из-за этого потерять работу. — Слова слетают с языка раньше, чем я успеваю остановиться и понять, что сказала отвратительные вещи, но было слишком поздно.

Я даже не представляю, почему именно эти слова первыми вырвались из моего рта, почему интерпретировала сказанное им именно так, ведь больше всего я боюсь потерять его. У него первостепенное значение в моей жизни.

Он поворачивается ко мне, выражение его лица стало ожесточенным. Живот скрутило оттого, насколько мне стало плохо.

— Ого... — Он горько смеется. — Я и не думал, какого низкого ты мнения обо мне.

— Это не так. Просто... то есть... — Я перебираю слова, пытаюсь исправить свою ошибку.

Он поднимает руку, останавливая меня.

— У тебя все еще есть твоя работа. Вопреки популярному мнению, у меня все же есть некоторые принципы. — Он поворачивается ко мне спиной. — Закрой дверь с другой стороны.

— Каррик... — Я делаю шаг по направлению к нему. — Я не пыталась быть сукой. Просто, понимаешь... Эми и Шарлотта — они обе потеряли работу, потому что переспали с тобой. — Почему я не могу заткнуться? Я делаю только хуже, но предложения все выходят и выходят.

Его спина стала негибкой. Он медленно разворачивается ко мне, и его взгляд будто бы обдаёт меня жидким азотом, потому что от него я превращаюсь в лед.

Он смотрит на меня так... словно на самом деле ненавидит меня.

Я чувствую, как задыхаюсь.

Его челюсть сжата так сильно, что кажется, будто вот-вот начнет дробиться от напряжения.

— Убирайся отсюда нахер, Андресса. Сейчас же, — предупреждает он меня спокойным голосом, что гораздо хуже, чем если бы он кричал на меня.

Прикусывая губу, чтобы не заплакать, я поворачиваюсь к двери. Трясущейся рукой берусь за ручку и дергаю ее, чтобы открыть. Выskalзываю из комнаты, закрываю дверь, и прислоняюсь к стене.

Тело дрожит, сердце колотится.

О боже. Кажется, я только что совершила огромную ошибку.

Мой живот втягивается. Я рукой хватаюсь за него, когда рыдания достигают горла и одновременно второй рукой прикрываю рот. Но не могу остановить слезы. И вытираю их тыльной стороной ладони.

Поверить не могу, что наговорила ему таких ужасных вещей. Мне нужно все исправить, но я знаю, что на данный момент он не станет меня слушать. Он слишком зол, да и к тому же я наверняка наговорю еще какой-нибудь ахинеи.

Быстро моргая и успокаивая дыхание, я затапливаю эмоции за мысленный стальной капкан, думая разобраться с этим позже.

Я дам Каррику успокоиться и поговорю с ним после гонки. Все будет в порядке. У нас все будет хорошо.

Сейчас же у меня есть работа, которую нужно выполнять, и я могу быть для него куда лучшим другом, убедившись, что его болид идеально подготовлен к гонке. Вот что важно сейчас.

Делая глубокий вдох, я расправляю плечи и иду вниз по лестнице в гараж.

Когда приходит время гонки, Каррик спускается в гараж, но даже не смотрит в мою сторону, так что я и не пытаюсь заговорить с ним. Сейчас не время, не перед гонкой.

Он уходит из гаража и направляется к трассе пообщаться с прессой.

Как только с интервью покончено, стайка стройных моделей и грид-герл, нанимаемых для держания зонтиков над головами гонщиков и просто для украшения мероприятия в целом, облепляют его со всех сторон, а он упивается вниманием. Это красивые девушки, одетые в микроскопические шорты и футболки с растянутыми на их пышной груди рекламными нашивками.

Видение его с этими девицами напрягает. Одна чрезвычайно красивая блондинка проскользнула поближе к нему, создавая между ним и остальными пространство. Она всем телом прижимается к его боку, кладет ему на грудь свою руку, тем самым завладевая его безраздельным вниманием.

Меня поражает настолько сильная вспышка ревности, что это шокирует меня до глубины души.

Понадобилось какое-то время, чтобы до меня дошло, что я беспокойно сжимаю и разжимаю руки.

Я пытаюсь дышать, преодолевая боль, хочу отвести взгляд, но не могу. Не могу перестать смотреть на разворачивающуюся передо мной сцену.

Он флиртует с ней, кладет руку на ее плечо, наматывает ее волосы на свой палец, пока она говорит ему что-то.

Я закрываю глаза, моргая очень медленно. Когда я открываю глаза, то вижу, что Каррик смотрит прямо на меня.

Во взгляде, обращенном ко мне, нет ничего, словно он смотрит сквозь меня. Будто я больше для него не существую.

Это ранит даже больше, чем я предполагала. Мое сердце разбито.

Затем, отвергнув меня взглядом, он смотрит на эту девушку, улыбаясь ей его фирменной флиртующей улыбкой, когда она обращается к нему. Убирая ее волосы в сторону, он наклоняется и говорит что-то ей на ухо.

Я могу лишь представить, что он говорит — хотя, беру слова обратно. Не хочу даже представлять.

Она робко улыбается ему, а рукой двигается от его груди все ниже.

Живот болезненно скрутило. Я прижимаю к нему руку, пытаюсь сдерживаться.

И когда я улавливаю движение его руки, направленное к заднице девицы, то понимаю, что увидела достаточно.

Отрывая взгляд от этой сцены, я бормочу дяде Джону, что ухожу в уборную, и сразу же несусь туда со всех ног, задерживая дыхание и удерживая слезы, что так и норовят брызнуть

из глаз.

Запираясь в кабинке, я опускаю сидение туалета, сажусь и лишь тогда даю волю глупым слезам, стекающим по моим щекам.

Я знаю, что смешно. Все происходит так, как и должно.

Видеть его с другой женщиной больно, и это нормально, безусловно. Просто... я не ожидала увидеть его с другой женщиной так быстро.

Хотя, с другой стороны, я говорю о Каррике Райане. Он не скучает подолгу.

И это к лучшему. Видеть его с ней, как он увлечен ею — это именно то напоминание о том, кто он такой, это мне и нужно.

Игрок.

Гонщик.

Мужчина не для меня.

Однако я все еще сижу здесь, прячусь в кабинке туалета, пока не дойду до состояния понимания того, что не разражусь рыданиями при виде Каррика, лапающего очередную женщину.

К моменту моего возвращения в гараж гонка уже началась. Я и не осознавала, что отсутствовала так долго.

— Где тебя, черт побери, носило? — прошипел Бен, подойдя ко мне.

— Прости. Я себя неважно чувствую — Я прижимаю руку к животу, изображая недомогание. Это не абсолютная ложь. Я паршиво себя чувствую с тех пор, как увидела Каррика, тискающего ту девушку.

Глаза Бена мгновенно обратились к моему лицу.

— Ты выглядишь немного болезненно. Тебе нужно вернуться в отель?

— Нет, я уже в порядке. — Я выдавливаю улыбку и затем обращаю свое внимание на монитор, чтобы посмотреть гонку.

Каррик финиширует четвертым.

Этот финиш одновременно не оправдавший надежд и удививший своим исходом, учитывая его заезд во время квалификации в первый день. Пересекать линию на позиции ниже третьей не в его стиле. Такого прежде никогда не случалось.

И на какой-то момент меня затошнило от мысли, не я ли виновата в этом. Может, наша ссора перед гонкой сбивала его концентрацию.

Думая в таком ключе, я еще больше начинаю ненавидеть себя за то, что наговорила ему.

Когда Каррик въехал в бокс, я решила поговорить с ним, но он вылез из болида без единой реплики кому-либо. Он отправился прочь, поднимаясь по лестнице в комнаты гонщиков.

Я только собираюсь последовать за ним, когда вижу идущего вверх Оуэна.

Тогда я погружаюсь в работу и не вижу Каррика до конца дня.

Позже, когда я возвращаюсь в отель после подготовки болида к перевозке, первым делом я иду не к себе в номер, чтобы помыться, а к нему. Нам необходимо уладить творящееся между нами безобразие и вернуть нашу дружбу к тому, какой она была, потому что я не могу потерять его. Он стал для меня слишком важен, чтобы потерять его.

Я добираюсь до его номера и обнаруживаю дверь открытой, внутри же находится хозяйничающая горничная.

— Каррик Райан? — спрашиваю я у женщины. — Мужчина, который жил здесь? —

поясняю я, видя непонимание на ее лице.

— Он выехал, мэм, — отвечает она мне на ломанном английском.

Он уехал.

Мое сердце упало, в этот миг я осознала, что может быть у нас с Карриком ничего не будет в порядке. Может статься, что прошлая ночь была последним моментом моей близости к нему.

Когда я иду от его номера, внутри расплзается тягучее отвратительное ощущение опустошенности, разрушающее меня по кусочку. Я ненавижу себя чуточку сильнее.

Монте-Карло, Монако

Я НЕ ВИДЕЛА КАРРИКА ПОЧТИ ДВЕ НЕДЕЛИ. Когда он покинул Барселону, отправился домой в Англию.

Я знаю это лишь потому, что тем же вечером после ужина наконец сдалась и спросила дядю Джона, что стряслось с Карриком после гонки. Он сказал, что у Каррика было паршивое настроение из-за того, что тот финишировал четвертым, и он улетел домой первым же рейсом.

На следующий день после отбытия Каррика я вместе с остальной командой отправилась в Монте-Карло, и с тех пор я здесь.

Мне довольно тяжело находиться в Монте-Карло. Когда я подписывала контракт с «Райбелл», я не рассматривала перспективу приезда сюда. Именно здесь четырнадцать лет назад моя жизнь изменилась навсегда.

Именно на трассе Монте-Карло случился роковой несчастный случай.

Здесь умер мой отец.

Дядя Джон не устает спрашивать, в порядке ли я. Перед полетом он даже предлагал пропустить эту гонку. Говорил, что я могу поменять билет и отправиться обратно в Англию. Это мило с его стороны, но я знаю, что если бы поступила так, это вызвало бы вопросы, а мне не нравятся вопросы. И если я собираюсь строить карьеру в мире Формулы-1, то не смогу постоянно избегать это место. Лучше пережить это и двигаться дальше.

Потому я здесь.

Чем дальше я нахожусь здесь, тем мне становится легче, но наверняка в день гонки все будет совсем иначе.

Когда я впервые пришла на трек, я была одна, и это было... больно.

Особенно болезненно было увидеть статую, воздвигнутую в честь моего отца на площади Казино.

Я долго стояла там и просто смотрела, размышляя о том, какой была бы моя жизнь, если бы мой папа был жив.

И думала я о подобном вовсе не потому, что моя жизнь ужасна, ведь у меня прекрасная жизнь. Моя мама делала все лучшее, что могла, когда мы остались без папы, но все эти четырнадцать лет эта потеря больше была похожа на зияющую дыру в моем сердце.

Это лишнее напоминание, почему Каррик никогда не сможет стать "тем самым" для меня.

Мама переживает из-за того, что я здесь. Она звонит каждый день по два раза, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

Я знаю, что она тяжело переносит мое нахождение здесь. Ведь из-за этого плохие воспоминания выходят на поверхность.

Я старалась занимать себя. Когда я не работаю, то живу жизнью обычного туриста и по вечерам тусуюсь и развлекаюсь с ребятами.

Четверг, гоночные дни начинаются завтра. Каррик прибыл сегодня, не то чтобы я его видела. Просто слышала, что он должен был быть здесь сегодня, а так как уже вечер, то он должен быть тут.

Я не знаю, что сейчас между нами.

Я ничего от него не слышала, хотя не сказала бы, что искала встреч. Я практически сломалась и написала ему извинения через пару дней после его отправления в Англию. Я переполнена эмоциями из-за прилета сюда, да и просто соскучилась по разговорам с ним. Я написала целую поэму, но затем струсилa перед самой отправкой и все стерла.

Знаю, что момент, когда я столкнусь с ним, приближается все быстрее, и страшусь этого.

Больше всего боюсь, что он будет меня игнорировать, ведь знаю, что это ранит сильнее прочего.

Из всего перечисленного ясно, почему я в баре с командой, и выпиваю для храбрости на случай, если увижу Каррика.

Мы в баре «Паттая», из которого открывается вид на гавань. Очень милое местечко. Мы сидим снаружи, и я потягиваю из стакана местное пиво, общаясь с Беном. Петра еще не прибыла в Монако. У жены ее брата вчера начались преждевременные роды, раньше запланированной даты на шесть недель, так что она перенесла полет. Она захотела остаться и убедиться, что с ребенком все хорошо. К счастью, все прошло как надо, и Петра теперь гордо может называться тетей мальчика, у которого пока нет имени.

Она смогла достать билет только на вечерний рейс, так что прилетит несколько позже. Уже не могу дождаться ее. Несмотря на то, что парни отличные, честно говоря, мне не хватает ее компании.

— Только что написал Каррик, спросил, где мы, — проинформировал меня Бен. Он устремил взгляд в телефон и стал печатать, предположительно отвечая Каррику.

— Он здесь? — Мой голос прозвучал немного сдавленно. Я замаскировала это кашлем.

— Ага, идет к нам. — Он кладет телефон на стол.

Паника схватила меня за горло и с силой сжала. Я делаю несколько успокаивающих глотков пива.

Я справлюсь. Все будет в порядке.

Мне нужно время, потому я извиняюсь и отхожу в уборную. Когда я возвращаюсь, Каррика все еще нет.

Я на грани, нервы сдают. Не могу сидеть спокойно на стуле. Я вне себя от волнения, верчу головой каждые пару минут в поисках намека на его появление. Мне просто нужно увидеть его, чтобы понять, что между нами происходит.

Прошло немало времени с тех пор, как Бен отправил сообщение Каррику, потому я начинаю думать, что он вовсе не придет. Но затем я слышу, как Робби начинает свистеть и улюлюкать, и остальные парни присоединяются к нему и понимаю, что Каррик пришел.

Живот наполнен порхающими бабочками, как и голова, отчего я чувствую легкое головокружение.

Будь беззаботной, Энди. Беззаботной...

Пытаясь вести себя как ни в чем ни бывало, я бросаю взгляд через плечо на Каррика.

И чувствую, словно мне по лицу врезали кирпичом.

Он идет к нам с держащей его под руку девушкой. Симпатичной и высокой, может с меня ростом, модельной внешности девушкой с длинными каштановыми волосами.

Бабочки превращаются в пыль, и я чувствую себя опустошенной.

Поверить не могу, что он выбрал и привел сюда случайную девицу.

Еще бы он так не сделал. Это же Каррик.

Глубокий вдох. Это не имеет значения.

Не мое дело, что он делает и с кем. Все, что меня заботит, это возвращение наших прежних дружественных отношений.

Так же?

Сжимая губы, я поворачиваюсь обратно к столу. Хватаю телефон и смотрю на него так, словно читаю что-то действительно интересное.

— Здорово, — говорит Каррик за моей спиной.

Его голос, этот ирландский говор, который я не слышала почти две недели, отзывается во мне дрожью.

Я подавляю чувства и заталкиваю их куда подальше.

Учитывая, что обращается он ко всему столу, а не конкретно ко мне, я не оборачиваюсь, хоть и нечетко бормочу слово: "Привет".

Некоторые из ребят встают, чтобы пожать ему руку, и Бен среди них.

— Возьму тебе выпить, — говорит Бен.

— Ха. Не парься. Я возьму. Что пьете?

— Пиво, — отвечает Бен.

— Возьмешь мне "Космо", малыш? — спрашивает девушка.

Малыш?

У нее приятный английский акцент, милый и пафосный. Не то что мой гребаный английский вперемешку с бразильским.

— Конечно, малышка.

Малышка?

Воспоминания обо мне с Карриком в его постели, когда он обнимал меня всем телом и сонным голосом бормотал "Спокойной, малышка" отозвались дикой болью.

Для людей, которые только что встретились, они на удивление скоро начали давать друг другу нежные прозвища.

Или может быть они встретились не только что.

Эта мысль стремительно переменяла мое ощущение опустошенности на чувство недомогания. Настоящего недомогания.

— Давай я достану тебе стул, — предложил Бен.

По всей видимости, он обращается к этой девушке.

Он находит стул и ставит его рядом со мной.

Спасибо, Бен.

Уголкем глаза я вижу, как она садится с грацией газели. Она одета в короткую юбку, которая задирается вверх, оголяя ее длинные стройные ноги еще больше.

Я смотрю вниз на мои ноги и благодарю маму за то, что ее гены передались мне, и мою интуицию за то, что я хотя бы надела джинсовые шорты, чтобы продемонстрировать их длину — не то чтобы это было соревнованием. Да и к тому же я и близко не выгляжу как она. Она оделась для вечерней вылазки, подобрав наряд из короткой юбки, крошечного топа с бретелькой через шею и туфлями на высоких каблуках. И все это от именитых дизайнеров, не то что у меня: недорогие джинсовые шорты, шлепанцы и красная футболка с надписью "Geek" на груди.

(Geek - по-русски гик, ботаник, заучка.)

Боже, я ботан.

Вообще-то, единственное, что сейчас говорит в мою пользу — это мои ноги и волосы.

Они распухли и выглядят красиво.

С каких это пор я стала думать о том, как выгляжу, и сравнивать себя с другой женщиной?

С тех пор, как появился Каррик.

— Что пьют остальные? — спрашивает Каррик.

Ему выкрикивают множество заказов с выпивкой, в основном пиво.

— Я помогу тебе у бара, — смеясь, предлагает Бен.

Я чувствую руку — его руку — на плече и застываю.

— А ты? — спрашивает Каррик низким голосом.

Откидывая голову назад, я бросаю на него взгляд с абсолютно непроницаемым выражением лица.

— Что я?

Что-то промелькнуло в его глазах, но исчезло до того, как я успела понять, что это было.

— Выпивка. Могу я тебе взять что-то?

— Нет. У меня есть. Спасибо, — указываю я ему на свое пиво на столе.

Он смотрит на меня мгновение.

— Ладно. — Он резко кивает и уходит.

Не в силах контролировать себя, я выслеживаю его у бара.

Браня себя за то, что пялюсь, я быстро осматриваю стол, чтобы убедиться, что никто не заметил, как я смотрела на него. Затем расслабляюсь. Ну, насколько это возможно рядом с Карриком и его девицей.

Я чувствую, что ее присутствие подобно кошмарному зуду.

Я знаю, что неприкрыто игнорирую ее, а мама воспитывала меня совсем не так.

Она всегда говорит: "Если женщина не может уважать другую женщину, то как мы можем ожидать, чтобы мужчины уважали нас?".

Относись к людям так, как ты бы хотела, чтобы они относились к тебе, Энди.

Будучи в модельном бизнесе, мама постоянно сталкивалась со стервозными женщинами, и это научило ее быть другой, чему она и научила меня.

Но сейчас я веду себя, как одна из тех сучек, и сама себе не нравлюсь.

Итак, даже если общаться с девушкой Каррика самое последнее из того, что мне хотелось бы делать, я заставляю себя быть любезной, убираю телефон в карман и разворачиваюсь к ней.

Видеть так близко, насколько она хороша, еще хуже.

Соберись, Энди. Она тебе ничего не сделала и не заслужила твоего к ней стервозного отношения. У тебя разногласия с Карриком, не с ней.

— Привет, — говорю я, улыбаясь.

Поворачивая ко мне голову, она одаривает меня пустым взглядом.

— Э, привет. — Затем она отворачивается и достает из сумки телефон.

Ладненько... Это было немного странно. Может она стеснительная.

Я цепляюсь за мысли в голове, чтобы сказать что-то еще.

— Итак, ты в Монако на отдыхе или только ради гонки?

Она отрывает взгляд от телефона, чтобы снова посмотреть на меня. Она смеряет меня взглядом, в котором читается мысль о моей недоразвитости.

— Эм, и то, и другое.

Игнорируя ее этот взгляд, я снова улыбаюсь и продолжаю:

— Круто. Так, когда ты прибыла?

Она громко вздыхает, выражая недовольство тем, что я достаю ее.

— В полдень с Карриком.

Она прибыла с Карриком из Лондона?

У меня возникло чувство, словно грудь ударило током дефибриллятора. Я подпрыгиваю на стуле и выдыхаю со свистом, когда говорю следующие слова:

— Вы прилетели с Карриком? Из Англии? На самолете? Вместе? — Знаю, это звучит немного странно, но мне плевать.

— Разве я только что не сказала это? — Она устремляет на меня резкий взгляд. — Естественно, я прилетела с Карриком. Я его девушка. Он практически умолял меня полететь, не в силах вынести разлуку. Так что я сказала: "Какого черта? У меня есть пара выходных дней, так почему бы и нет?" — Она поднимает руку и изучает свои ногти.

Его девушка? Такое чувство, будто мне врезали по лицу.

Как долго она его девушка? Не знала, что у Каррика есть девушка. Были ли они вместе, когда он спал со мной?

Что-то незнакомое, твердое и холодное обосновалось у меня в животе.

Я беру пиво и делаю большие глотки, чтобы отвлечься от рвотного позыва, ну или желания закричать.

Я только закончила пить и сразу же услышала от соседки хриплый звук, похожий на выражение отвращения.

— Фу, не понимаю, как такое можно пить.

Я поднимаю глаза на нее и вижу, что она смотрит на пиво так, словно это крысиный яд.

— Пиво?

— Да, оно такое... противное. Мне становится плохо, даже когда оно просто стоит рядом со мной. — Она морщит нос.

У меня внезапно появилось сильное желание ударить ее.

Хватит с меня этого уважения к другим женщинам, это уже слишком для меня.

Только я поставила бокал на стол, как она заговорила:

— Итак, а ты кто такая вообще? То есть, почему ты здесь? Ты чья-то девушка или как? — Она машет рукой, указывая на моих друзей за столом.

— Нет! — Я смеюсь, качая головой. — Я работаю на «Райбел». — По ее реакции я понимаю, что она понятия не имеет, о чем я, потому проясняю. — Я работаю на Каррика.

Это привлекает ее внимание, потому что я вижу, как ее взгляд становится настороженнее, и она начинает оценивать меня уже по-новому. Я довольно привлекательная, и если до этого она не рассматривала меня как претендентку на внимание Каррика, то теперь видела во мне соперницу, что и стало причиной ее нелюбви ко мне.

Я захотела ей сказать не беспокоиться по этому поводу. Я ей точно не соперница. Каррик толком и не разговаривает со мной, чего уж рассуждать об остальном.

Я вижу, как она решается задать мне вопрос, но тут с напитками подходят Каррик и Бен, прерывая нашу беседу.

— Сиенна, держи, — протягивает Бен ей причудливо выглядящий коктейль.

Так вот как зовут девушку Каррика — Сиенна.

— Спасибо, — отвечает она приторно сладким голосом.

Как только все получили свои напитки, Каррик взял стул и поставил его рядом с Сиенной, после чего сделал глоток пива. То, что он пьет пиво, вызывает улыбку на моих

губах, ведь я знаю, как его девушка ненавидит этот напиток.

Девушка. Это слово превращает мои внутренности в пыль.

Когда я отвожу взгляд от Каррика, то вижу, что Сиенна смотрит на меня.

Она знает, что я пялилась на него.

Чувствуя себя неудобно, я говорю первое, что приходит на ум.

— Чем занимаешься, Сиенна?

Она смотрит на меня в недоумении.

— Я в "Бриллиантовых крошках".

"Бриллиантовые крошки"?

— Прости. Я не знаю, что это, — я неловко улыбаюсь.

Слышу замаскированный смех и почти уверена, что это смеется Каррик, но сложно понять точно, ведь я вижу лишь его затылок, потому что он отвернулся и общается с Робби.

Сиенна звуками выражает абсолютное отвращение и кривит лицо.

— Ты не знаешь, кто мы такие? Как такое вообще возможно?

Прямо сейчас я чувствую себя какой-то тупицей, будто я обязана знать, кто такие "Бриллиантовые крошки".

— "Бриллиантовые крошки" — это женская группа из Англии, — любезно информирует меня Бен. — Они достаточно популярные.

— Мы не "достаточно" популярные. — Она пальцами показывает кавычки, говоря слово "достаточно".

Я ненавижу эти "воздушные кавычки".

— Мы самая популярная группа в Англии, — громко поправляет она его.

— Ладно... — бубнит Бен, прежде чем сделать глоток пива.

Я смущенно улыбаюсь.

— Прости, что не знала, кто ты... кто вы такие. Я недавно вернулась в Англию. Последние четырнадцать лет я жила в Бразилии. И я не то чтобы в восторге от музыки вроде твоей.

— Музыка вроде моей? — Она приподнимает идеально выщипанную бровь. — Я предполагаю, ты имеешь в виду хорошей музыки?

— Ага, типа того, — бормочу я, прежде чем взять пиво и сделать глоток.

Я снова улавливаю смех, и, судя по трясущимся плечам Каррика, я точно уверена, что исходит он от него. Сиенна будто бы не замечает этого. И я знаю, что это неправильно, но мне нравится, что я все еще могу заставить его улыбаться, даже если посредством насмешки над его девушкой.

Но затем я чувствую озлобленность. Потому говорю:

— Я послушаю твои песни. Уверена, они отличные. — И на самом деле я имею в виду, что предпочту иголкой выколоть себе глаза, чем прослушать твои песни.

Комплимент сработал, ее лицо расслабилось.

— Ты сказала, что работаешь на Каррика. Чем конкретно ты занимаешься? Ты его служанка или как?

Служанка? Мы в девятнадцатом веке?

Бен взрывается смехом рядом со мной. Мне приходится сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

Я ожидаю, что и Каррик засмеется, но, к моему удивлению, этого не происходит.

— Нет, я уж точно, черт побери, не его служанка, — восклицаю я, привнося долю

юмора в ответ.

Каррик поворачивается ко мне и ловит мой взгляд. Он смотрит на меня как раньше — словно я его друг, словно значу для него что-то — и от этого так чертовски хреново, ведь я знаю, что он так больше не считает.

Игнорируя боль в груди, я возвращаю взгляд на Сиенну.

— Я механик, — говорю я ей.

— Ты механик? — Ее лицо аж перекосило, и на нем читалось не что иное как омерзение.

Серьезно, вы бы подумали, что я только что призналась ей, что я серийный убийца. Ну или что я зарабатываю на жизнь, подтирая Каррику зад.

— Но разве это не мужская работа?

— Зависит от того, кого ты спрашиваешь.

— Хмм... ну да, полагаю... присматриваясь к тебе сейчас, я вижу, что ты как раз одета для мужской работы. — Она осматривает меня с ног до головы. — У тебя подходящее строение и очень... — она машет рукой на меня, — мускулистая энергетика.

Мускулистая энергетика? Подходящее строение? Какого хера? У меня тот же размер, что и у нее!

Серьезно, кем себя эта краля возомнила?

Мне плевать, что она участница знаменитейшей поп-группы в Англии. Она злобная. Она может быть симпатичной снаружи, но совершенно ясно, что внутри она уродливая, и мне это стало понятно меньше, чем за десять минут нахождения в ее компании.

Я и раньше встречала противных девушек, но она стерва каких поискать. Я в жизни не встречала никого настолько конфликтного.

Тело напрягается, руки сжимаются в кулаки, и я уже готова раскрыть рот и поведать поп-принцесске, что я думаю о ней на самом деле, когда Бен обнимает меня за плечи и притягивает поближе к себе.

— Тише, — шепчет он мне на ухо.

Я смотрю на него и вижу его успокаивающую улыбку.

— Она того не стоит.

— Да, — выдыхаю я. — Ты прав.

Ослабляя объятие, но оставляя руку на моих плечах, он наклоняется вперед и громко говорит:

— Вообще-то, Сиенна, Энди наш лучший механик. Она лучше всех нас вместе взятых. Я не работал с более талантливым механиком. Честно говоря, я и не знаю, что бы команда без нее делала.

Я знаю, что он это говорит, чтобы быть милым и вступить за меня, но неожиданно это срабатывает, потому что я чувствую себя в сто раз лучше, чем момент тому назад. И прямо сейчас я почти что люблю Бена.

Улыбаясь ему, я говорю:

— Ты пьян? Потому что похоже на то, будто ты сделал мне комплимент.

В его глазах читается улыбка.

— Я все время делаю тебе комплименты. Просто ты не слушаешь.

— Оу, — усмехаюсь я, затем наклоняюсь к нему и шепчу. — Ты хороший друг, Бен.

Он пожимает плечами и тихо говорит:

— Я не могу дать нашему лучшему механику быть уволенной лишь потому, что ее

достала последняя пассия Каррика.

Мягко смеясь, я легонько похлопываю его по руке, которая все еще покоится на моих плечах.

Бен убирает руку с моих плеч, я разворачиваюсь к столу взять пиво, но замираю под гневным взглядом Каррика. Его челюсть настолько напряжена, что создается впечатление, будто она вот-вот расколется.

Затем без предупреждения гнев в его глазах превращается в нечто совершенно иное, заставляющее мое тело гореть. Мне приходится стиснуть бедра сильнее, чтобы сдержать внезапно возникшее болезненное ощущение, но я чувствую, как тело оживает, стоит только воспоминаниям о нашей единственной ночи пронестись в моей голове.

Возвращаясь в чувство и понимая, что за столом полно людей, я разрываю наш зрительный контакт. Затем я ловлю, мечущийся от меня к Каррику, взгляд Сиенны и осознаю, что она видела то, что сейчас происходило между нами.

Она хмурится, словно думает над чем-то.

И затем я вижу, как на ее лице возникает понимание. Она знает, что мы с Карриком переспали.

Черт.

У меня в животе возникает неприятное ощущение.

Она крутанулась на своем сидении и повернулась лицом ко мне.

— Так, говоришь, тебя зовут Энди? — спрашивает она с издевательской интонацией.

— Да... — отвечаю я осторожно.

— Энди... — проговаривает она злобно своим певучим голосом. — Энди, у которой мужская работа и мужское имя. Может тебе стоит довести дело до конца и сменить пол, ведь менять-то нужно не так и много!

Она звонко смеется, словно это самое смешное, что она когда-либо слышала. Она окидывает взглядом сидящих за столом, ожидая, что остальные будут веселиться с ней. Но что она упустила, так это то, что за столом сидят мои друзья, а не ее. И никто не смеется.

— Сиенна, — сердито обращается к ней Каррик.

— Что? Это была просто шутка! Вы не понимаете шуток? — она издает неловкий смешок.

Боже, я так чертовски устала от этого всего, что уже даже не смешно.

— Конечно же, это была шутка. — Я отодвигаюсь на стуле, встаю, со спинки снимаю курточку и надеваю ее. — Как и твое лицо. Но вот в чем дело, Сиенна, я могла бы поменять свою вагину на член, но, к несчастью для тебя, ты не сможешь исправить свое уродство. — Бросая быстрый взгляд на людей за столом, я игнорирую Каррика и Сиенну с открытым ртом, и говорю остальным прощальные слова. — Увидимся завтра. — Затем я разворачиваюсь на пятках и начинаю уходить прочь.

Слышу, как Каррик произносит мое имя, но пропускаю это мимо ушей, передвигая ногами так быстро, как только могу.

— Иисусе, Адресса. Ты можешь притормозить? — Он наконец заговорил со мной. Он хватает меня за руку, вынуждая остановиться.

— Что? — Я вырываю свою руку. Моя кожа все еще горит в том месте, где он ее коснулся.

— Ты в порядке?

— Нормально.

Я отворачиваюсь и продолжаю идти.

— Господи, просто... подожди!

Вздыхая, я возвращаюсь обратно, упираюсь руками в бедра.

— Чего ты хочешь, Каррик?

— Я... —Его глаза устремлены в землю под ногами. Он выглядит неуверенным. Затем поднимает взгляд на меня и его уверенность возвращается к нему. — Куда направляешься?

— В отель.

Разве ты этого не знал? Маленькая мисс поп-принцесска приближается в ее милых туфельках на каблуках.

— Каррик! — кричит она его имя так, словно бьет хлыстом. — Куда ты, черт побери, собрался?

Он поворачивается к ней и награждает таким взглядом, что даже я содрогаюсь. Seriously, его взгляд мог бы усмирить медведя. Я не удивлена тому, что она отшатнулась, потому что сама бы наверняка отреагировала так же, видя степень злости, что исходит от него.

— Я убеждаюсь, что Андресса в порядке. — Его голос подобен граниту. — Так что возвращайся за стол и постарайся больше не оскорблять моих друзей до моего возвращения.

Друзей? Ах, теперь я его друг.

— Ай! Ну и ладно! — Она возводит руки к небу, разворачивается на каблуках и дефилирует назад в направлении бара.

Как только она уходит, я поворачиваюсь и начинаю идти.

Цель — обратиться подальше от Каррика.

План — поймать такси и отправиться в кровать.

И возможно поплакать.

Каррик идет рядом со мной, подстраиваясь под мой шаг.

— Ты что делаешь? — смотрю я на него со злостью.

— Еду с тобой.

— Ну, я возвращаюсь в отель и потом отправляюсь прямо в кровать, и ты абсолютно точно не приглашен.

Он хрипло усмехается и мне приходится сильно постараться, чтобы на моих губах не появилась улыбка.

Из одной из колонок, мимо которой мы проходим, начинает играть песня "Habits" Туве Ло и Хиппи Саботаж.

Мне нравится эта песня. Текст. Просто иногда... я мечтаю уметь заглушать боль.

Откуда ни возмись, на меня внезапно наваливаются усталость и грусть. Настоящая грусть.

Обнимая себя руками, я тихо произношу:

— Возвращайся в бар, Каррик. Я справлюсь самостоятельно.

— Андресса, я знаю, что ты считаешь меня тотальным ублюдком, но я ни за что не отпущу тебя одну так поздно. С тобой может случиться что угодно.

— Будто тебе не все равно. — И я сразу же жалею о сказанном.

Он хватает меня за руку. Заставляет остановиться и становится передо мной. Слишком близко. Я практически могу попробовать его лосьон после бриться языком, могу чувствовать тепло его дыхания у моего лица.

Он все еще держит меня за руку, обжигая прикосновением снаружи и проникая им до

глубины души.

Мне необходимо, чтобы он прекратил трогать меня... и никогда не прекращал.

Я настолько запуталась, что мне больно физически.

— Само собой, мне не все равно, — говорит он тихо. — Ты... — он обрывает себя.

Потирая лоб запястьем свободной руки, он делает шаг назад.

Отпускает мою руку, и из-за образовавшегося пространства я испытываю гораздо больше, чем простое облегчение.

— Ты мой друг, Андресса, — говорит он смиренно.

Я не знаю, с чем он смирился.

Я приглушенно смеюсь.

— Едва ли мы друзья.

На его лице возникает напряженное выражение, и я вижу, как у него от злости шевелятся желваки.

Остерегаясь очередной ссоры, я обхожу его и продолжаю идти.

Мгновение спустя он снова идет рядом со мной, но не говорит ни слова и воцаряется тишина.

— Как поживаешь? — наконец мягко спрашивает он.

Я смотрю вперед.

— Хорошо. А ты?

— Так же.

Мы снова погрузились в кошмарную тишину. Эта неловкая тишина разбивает сердце. С момента нашего знакомства у нас с Карриком никогда не возникало проблем с нахождением тем для разговоров.

Теперь же все иначе.

Я слышу шум за нашими спинами. Бросая взгляд через плечо в надежде, что там не поп-принцесска, я вижу мужчину. И сейчас я вспоминаю, что этого же мужчину видела ошибающимся у бара. Также я припоминаю, что он топтался неподалеку, когда Каррик только нагнал меня. Просто в гневе я не заостряла на этом внимание.

Я заметила его лишь потому, что он крупный, и сейчас в порту в темноте он кажется еще больше и несколько угрожающе.

— Каррик... Знаю, что это может прозвучать несколько бредово, но за нами похоже следят. — Я откидываю голову назад, указывая на огромного парня за нами.

Каррик смотрит назад и усмехается.

— Не беспокойся. Он мой телохранитель. Папа нанял мне охрану на время, пока я буду здесь. Ну, знаешь, Монте-Карло, сумасшедшие гонки, да и в моем случае...

— Дело в тебе, — улыбаюсь я.

— Ага, — снова смеется он. — Да и вся эта пресса будет еще более настырной из-за Сиенны. — И он замолкает.

Все светлое, что я сейчас чувствовала, уничтожено.

Он выдыхает.

— Прости за то, как она говорила с тобой.

— Это не твоя вина, — пожимаю я плечами. Она сама по себе абсолютная сука.

— Да, но она со мной. И она не имела никакого права так разговаривать с тобой. Больше этого не повторится.

Мне плевать, как она общалась со мной. Мне не плевать, что она здесь с тобой.

Ненавижу то, что она здесь с тобой.

Естественно, я не говорю этого. Я просто пожимаю плечами.

— Не имеет значения.

— Когда это относится к тебе, все имеет значение.

Его слова вышибают воздух из моих легких.

Я хочу знать, что это значит. Но не знаю.

Господи, я так облажалась.

Опуская подбородок, я смотрю себе под ноги.

— Сколько ты ее знаешь?

— Недолго.

Он хотя бы не знал ее до нашей ночи. И я даже не знаю, чувствовать себя лучше или хуже от этой информации.

— Я встретил ее, когда вернулся в Англию.

Когда ты оставил Барселону и меня позади.

— Ясно.

— Я не приглашал ее сюда.

— Хм-м-м-м.

— Она вроде как сама себя пригласила, и отец был там, когда она говорила что-то о прилете. Он решил, что она привлечет прессу в хорошем смысле — ну, что я с одной женщиной.

Он смеется, но звучит это неестественно. Вообще-то мне не нравится все, что он рассказывает.

— И... полагаю, мне остается просто смириться.

Я смотрю на него опустошенным взглядом.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Он выпускает воздух и убирает руки в карманы джинс.

— Я не знаю. — Он приподнимает плечи, выглядя беспомощно.

Мы достигаем главной дороги, и удача оказывается на моей стороне, потому что я вижу приближающееся такси с включенным сигналом о том, что машина свободна. Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

Такси подъезжает, и я тянусь к двери, но притормаживаю.

В течение последних двух недель я хотела извиниться перед Карриком за то, что наговорила ему, и это может быть моим единственным шансом.

Сердце начинает колотиться в груди, а пальцы трясутся, когда я оборачиваюсь к нему.

— Каррик... То, что я говорила в Барселоне о моей работе, Эми и Шарлоте... мне не следовало этого говорить. Это были паршивые слова.

— Ты не сказала ничего, что не было бы правдой.

— Ну, все равно... Прости. — Я мягко выдыхаю. — Хуже всего, что я не знаю, почему сказала все это, потому что на переднем плане на тот момент у меня было совсем другое. — Не потерять тебя.

Хватаюсь за ручку, чтобы не сболтнуть лишнего. Неважно что, не думаю, что какие-либо слова смогут вернуть нас к взаимоотношениям, что были у нас до той ночи.

— В любом случае, спасибо, что проводил меня. Полагаю, увидимся завтра. — Я забираюсь в такси, закрываю за собой дверь, и оставляю Каррика стоять все там же на улице.

Монте-Карло, Монако

ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО ИЗБЕГАЮ КАРРИКА и его поп-принцесску, я не поспусоваться в пятничный вечер, даже несмотря на мольбы Петры. Я настояла на своем и осталась в отеле с обслуживанием номеров в компании Джейсона Борна. У меня как раз было настроение для боевиков.

(Джейсон Борн — главный герой серии фильмов-боевиков, роль Борна в которых исполняет Мэтт Дэймон.)

Когда все вернулись, я узнала, что не зря не пошла, потому что Каррик и его поп-принцесска были там. Петра выказывала неприязнь к Сиенне чисто из-за того, что та доставала меня. Но Петра рассказала, что с ней Сиенна вела себя нормально — немногосо высокомерно, но и близко не так, как со мной.

Похоже, ее исключительное отношение она приберегла для меня. Ну, или она учла то, что говорил ей Каррик.

Петра сказала, что Каррик едва ли общался с Сиенной, предпочитая пить с парнями. Также она рассказала, что он оттащил ее в сторону и спросил, где я. Говорила, что он выглядел разочарованным, когда услышал, что я не приду. Она слегка приврала обо мне, сделав меня прихворавшей, чтобы ему не показалось, будто я не явилась лишь из-за него.

Понимаете? Вот почему я люблю эту девочку.

Вчера я практически не виделась с Карриком. Я была занята работой и не видела его, пока не пришло время для квалификации. Я пожелала ему удачи и передала шлем. На этом и ограничился наш контакт.

Мне ненавистно такое положение вещей между нами. Я не знаю, как все вернуть к прежнему состоянию, потому решаю просто перестать стараться.

Это к лучшему.

Я отсчитываю минуты до конца этого уикенда, чтобы иметь возможность убраться подальше от них обоих.

Но гораздо больше мне хочется, чтобы побыстрее закончился этот день.

День гонки — день, которого я боюсь с самого приезда.

Прошлой ночью мы с Петрой нехило оторвались. Она не могла принять мой отказ относительно отдыха две ночи подряд, да и к тому же выяснилось, что Каррик был на каких-то спонсорских мероприятиях. У гонщиков подобных мероприятий, которые нужно посещать в течение всего гоночного сезона, хватает с лихвой.

Тогда мы с Петрой пошли выпить по паре бокалов с парнями, а затем ушли развлекаться без них, устраивая своеобразный девичник.

И судя по невероятной головной боли, сухости во рту и страдающему после подъема телу, мы повеселились на славу.

— У-у-у-у, — стону я, переворачиваясь, и в голове возникает ощущение сверления пневматическим перфоратором. Я приоткрываю глаза, в которых, похоже, не осталось влаги, и сразу же закрываю их, щурясь от проникающего сквозь веки луча света.

С кровати Петры слышится такой же стон умирающего.

— Черт, — бормочет она. — Я умираю. На самом деле умираю.

— И я. И виню в этом тебя, — ворчу я. — Это день гонки. У меня язык словно наждачка, я

не могу ясно видеть.

– Мы зальем в тебя кофе, и ты будешь в порядке.

Я поворачиваю голову на подушке и смотрю на нее. Господи, как же больно.

– Чтобы справиться, мне понадобится галлон кофе. – Я показываю на свою голову.

– Жирная еда и кофе сотворят с тобой чудо.

– Фу, не говори о жареной еде! – Я прикрываю рот рукой, чувствуя тошноту. – Я больше никогда не пойду с тобой пить, – говорю я сквозь пальцы.

– Эй, не вини меня. Это была твоя идея – пить самбуку.

– Самбуку? – Я смотрю на нее изумленно.

– Ага.

Картины прошлой ночи начали возвращаться ко мне: как мы пьем шоты, поем в караоке, танцуем на столе.

Ох, твою мать.

– О, боже... – выдыхаю я. – Я вела себя как засранка?

– Немного, – усмехается она. – Но и я тоже, так что ты не одинока, и не похоже, чтобы там был кто-то из наших знакомых. Но ты прекрасно проводила время, твой разум очистился от мыслей о «ты знаешь ком» и поп-принцесске.

– Да, наверно, – бормочу я.

– Слушай, Энди. – Она поворачивается набок, оказываясь ко мне лицом. – Я знаю, что то, что было между вами с Карриком, ты считаешь сексом на одну ночь... но я тут думаю, а что, если ты говоришь это лишь потому, что знаешь, кого он из себя представляет, а не потому, что хочешь так говорить. Ведь тебя довольно сильно задевает то, что он здесь с ней.

– Меня это не задевает даже самую малость.

– Ты вчера спряталась за деревом, лишь бы не разговаривать с ними.

– Ты видела это? – съежилась я.

– Ага, видела.

Я выпускаю воздух.

– Просто... конечно, он мне нравится, но я знаю, что мы никогда не смогли бы быть вместе. Но даже зная все это...

– Все равно больно видеть его с другой женщиной.

– Да, – выдыхаю я и тру высушенные глаза.

– Почему вы с ним никогда не смогли бы быть вместе?

– Потому что он мужчина-шлюха.

Она усмехается.

– Ну, не знаю. Судя по тому, как вы проводили время, и что ты мне рассказывала о его поведении тогда... может, он хотел от тебя большего.

– Сомневаюсь. Независимо от этого, я не связываюсь с пилотами. – Я перекатываюсь на спину и смотрю в потолок.

– Почему?

– Ну, вот так.

Она выдыхает.

– Мне ты можешь сказать, ты же знаешь. Ты можешь доверять мне. Я никому не скажу. Знаю, ты можешь думать, будто я сплетница, но действительно важное я могу держать в секрете.

Я устремляю на нее взгляд и внезапно понимаю, что для меня настал редкий момент

истины.

– На Формуле-1 я потеряла кое-кого, кого любила. Он умер на трассе из-за несчастного случая.

– Мне жаль, Энди.

– Это было давно. – Пожимаю я плечами так, словно это не важно, хотя это важнее всего.

– По этой причине ты работаешь на Ф1? Чтобы чувствовать себя ближе к этому человеку?

Петра гораздо проникательнее, чем я полагала.

– Отчасти. Я изучала инженерию в университете, чтобы научиться создавать более совершенные двигатели. Люди все время ходят на гонки, но я хочу быть способной помочь сделать болид максимально безопасным к моменту, когда он выедет на трек. К тому же, я занимаюсь этим, потому что люблю свою работу. Машины – это все, чем я когда-либо интересовалась. Я выросла, не вытаскивая головы из-под капота, – усмехаюсь я, и в этом смешке слышится оттенок печали. – Наверное, быть здесь, заниматься всем этим и правда делает меня ближе к моему отцу.

Свою ошибку я осознаю незамедлительно и застываю, чувствуя холод.

– Погиб твой отец?

Паникуя, я бросаю на нее взгляд, понимая, что не могу дышать.

– Все в порядке, Энди, – заверяет она меня успокаивающим голосом. – Я никому ничего не скажу. Но почему ты держишь это в секрете?

Я делаю долгий выдох и затем поворачиваюсь к ней.

– Я держу это в секрете, потому что мой отец это... то есть был... Уильям Вульф.

– Ох. – Она выглядит ошеломленной. – Ого. Черт. Энди... почему ты не говорила мне? Но, стой... – Она качает головой, словно ей все становится все ясно. – Разве он... твой отец... разве он... умер... не здесь, в Монако?

– Именно. – Я ложусь на спину, смотрю в потолок. Чувствую, как на глазах появляются слезы и делаю глубокий вдох, чтобы удержать их.

– Иисусе... Энди. Какого хера ты не сказала мне? Я и представить не могу, как ты через все это проходишь, особенно сегодня, в день гонок, и к тому же мирясь с дерьмом Каррика и Сиенны.

– Я просто не хотела, чтобы люди думали, что дядя Джон дал мне работу только из-за моего отца, так что предпочитаю держать это в себе.

– Хм-м-м.... кажется, я могу это понять.

Я снова смотрю на нее.

– Петра, только дядя Джон знает, что Уильям мой отец, и я хочу, чтобы так и было дальше.

– Ты можешь мне доверять. Все сказанное тобой остается здесь. – Она тесно сжимает губы и делает жест, словно закрывает рот на замок и выбрасывает ключ в неизвестном направлении.

– Я ценю это, – мягко улыбаюсь я ей.

– Должна сказать, теперь, когда ты мне рассказала, твой пунктик "не встречаюсь с гонщиками" приобрел для меня смысл.

Я выдыхаю.

– Когда видишь, как на трассе умирает твой отец и потом наблюдаешь, как твоя мама

проходит через боль утраты... – Я поворачиваю голову в ее сторону и смотрю на нее. – Для себя я такого не хочу.

– Но тебе нравится Каррик... верно?

– Ну да, он мне нравится. Но ничего не выйдет.

– Я понимаю, учитывая, что случилось с твоим отцом... но Каррик не твой отец, Энди. Наши взгляды встречаются.

– Но он такой. За исключением его потансунства – мой отец тоже отчасти был таким, пока не встретил мою маму – Каррик являет собой все, что было в моем отце. И именно это все говорят о Каррике. Он следующий Вульф. Все, что касается Каррика: от его ранней карьеры в Формуле-1 до его безрассудного и легкомысленного способа вождения... есть дохрена всего, в чем Каррик и мой отец похожи.

– Но это не значит, что ему предначертана та же судьба.

Я ежусь от ее выбора слов.

– Господи... прости. Я неправильно выразилась.

– Нет, все в порядке. Обычно я нормально справляюсь со всем этим. То есть, прошло четырнадцать лет. Но сегодняшний день для меня странный, вот и все. Я более чувствительная, чем обычно.

Недолгий момент тишины.

Затем она говорит:

– С Карриком сегодня все будет хорошо. Ты же знаешь это, так?

Я закрываю глаза и выдыхаю.

– Да.

– Слушай, я здесь в роли адвоката дьявола, но кристально ясно, что ты переживаешь, когда Каррик участвует в гонке, и он тебе нравится, так что с ним ты или нет, ты все равно беспокоишься, верно?

Я открываю глаза и смотрю на нее.

– Это так, но есть разница между беспокойством за друга и переживанием за парня, или и того хуже – за того, кого ты любишь.

Она долго не отрывает от меня взгляд. Я вижу, как в ее голове крутятся шестеренки.

Ложась на спину, она кладет руки под голову.

– Как думаешь, поп-принцесска будет сегодня на треке?

– Это день гонки, так что я бы ждала ее.

Сиенна ни разу не была на трассе с момента, как прибыла в Монако, что было для меня идеальным раскладом, потому что это прекрасное место, чтобы прятаться.

– Она такая сука, – бормочет Петра.

Улыбка касается моих губ, и я ложусь на бок, поворачиваясь к ней лицом.

– Ты же знаешь, что не должна ненавидеть ее только из-за того, что она не нравится мне.

Она хмурится, рассердившись на мои слова.

– Она мне не нравится, потому что она стервозно ведет себя по отношению к тебе, и потому, что ее музыка дерьмо.

Я смеюсь над выражением ее лица.

– Я ценю твою поддержку.

Я падаю на спину. Поднимаю руки к лицу и смотрю на них. Они грубые и сухие. Я кривлюсь.

Готова поспорить, что руки Сиенны красивые и мягкие.

Гр-р. Мне нужно прекратить сравнивать себя с ней.

Давая этим мыслям покинуть мою голову, я говорю:

– Интересно, почему он с ней. Ну, то есть, Сиенна красивая, но чертова злока.

Петра громко смеется.

– Он не с ней, Энди. Он просто трахает ее. Прости. – Она делает гримасу, видя мучение на моем лице. – Но, серьезно, ты должна видеть это.

– Видеть, что?

Она садится на кровати и руками обхватывает колени, я разворачиваюсь на бок и подпираю голову рукой, упираясь локтем в постель.

– Во-первых: продолжительные взгляды, что Каррик бросает на тебя, когда думает, что никто не видит, а во-вторых: ты на самом деле присматривалась к Сиенне?

– Он не бросает на меня продолжительные взгляды. – Я показываю Петре язык. – И да, к несчастью, я видела ее.

– И ты не замечаешь этого?

– Чего? – раздражаюсь я.

– Как вы похожи.

– Я не выгляжу как она! Боже! Спасибо большое! – оскорбляюсь я.

Конечно, Сиенна красивая, но она настолько уродлива внутри, что это портит ее внешний вид, и я никоим образом не похожа на кого-то вроде нее.

Петра издает звук недовольства, качая головой.

– Я не имею в виду, что ты мега-сука. Я говорю о том, что вы невероятно похожи.

– Да ладно, Петра. Во мне нет ничего примечательного. У меня каштановые волосы, карие глаза и оливковая кожа.

Она закатывает глаза.

– Конечно в тебе нет ничего примечательного с твоими километровыми ногами, телом супермодели и потрясающим лицом. При том, что я ненавижу стервозную Сиенну, я признаю, что она красивая, как и ты. У нее точь-в-точь те же параметры, что и у тебя.

– Как и у миллиона других девушек.

– Ну да, конечно, ведь все женщины выглядят, как супермодели. – Она вытягивает свои ноги, показывая, что они короче моих, чем заставляет меня рассмеяться.

– Только подумай. Каррик возвращается в Англию взбешенный не на шутку из-за того, что ты его отшила, и потом возвращается обратно, привозя с собой практически копию тебя. Совпадение? Я думаю, нет. – Она пальцем стучит по своей голове.

– Может такие просто в его вкусе, – протестую я.

– Единственные, кто был во вкусе Каррика – это симпатяжки с вагиной, готовой для дела. Но теперь я начинаю думать, что сейчас в его вкусе один единственный человек – Энди Амаро.

– А я думаю, что ты, скорее всего, еще пьяна, – я показываю ей средний палец.

Громко смеясь, она показывает мне язык.

– Отрицай, если хочешь, но глубоко внутри ты знаешь, что в моих словах есть смысл. – Спуская ноги с кровати, она встает. – Так, я в душ.

Я наблюдаю, как она исчезает в ванной. Затем натягиваю одеяло на голову и пытаюсь не думать о ее последних словах, но, к сожалению, они плавают вокруг, вгрызаясь в мой мозг, как маленькие акулы.

Через три часа, спустя гору круассанов и кофе, я все еще чувствую себя дерьмово.

Хотя мое настроение уже было фиговым из-за похмелья, мамин звонок перед завтраком оставил на мне эмоциональный отпечаток. Сегодня может и не дата смерти моего отца, но эта конкретная гонка для нас всегда будет сложной.

Когда мы с Петрой выходили из отеля, я и так чувствовала себя расклеившейся, так еще и стала свидетелем поцелуя Каррика и поп-принцесски прямо у входа.

Видеть его с ней чертовски больно, словно кто-то пробивался сквозь грудную клетку и выжимал жизнь из самого сердца. Сегодня видеть подобное еще труднее, потому что я совершенно выбита из колеи.

Но язык его тела будто бы говорил о его отстраненности. Как будто ему некомфортно целоваться с ней на публике. Он держит свои руки на ее предплечьях, а не обнимает ее, и он не кажется притягивающим ее к себе поближе, скорее пытающимся оттолкнуть ее прочь. Не то чтобы я изучала их или все утро провела за детальным изучением их пары под микроскопом в моей голове, но это бросалось в глаза.

Что я вообще знаю? Возможно, я вижу именно то, что мне нужно видеть в данный момент.

Должно быть, Сиенна ему действительно нравится, независимо от того, что он говорил об отношениях с ней для публики. Каррик не из тех, кто делает то, чего ему не хочется.

На следующее утро после того инцидента в баре Бен рассказал мне, что когда Каррик вернулся в бар, у него с Сиенной случилась серьезная ссора. Очевидно, он отчитывал ее за то, как она общалась со мной. Бен рассказал, что Сиенна пыталась сгладить ситуацию, говоря Каррику, что тот делает много шума из ничего. Тогда Каррик сказал ей, что если она не умеет себя вести, то может к херам уматывать домой. Бен рассказал, что она начала плакать прямо перед всеми ними, причитая о том, что ей жаль, и что она извинится передо мной – чего я жду до сих пор. Бен сказал, что все это было действительно неловко, и что Сиенна с Карриком вскоре после этого ушли.

Вероятно, для того, чтобы заняться примирительным сексом.

Гр-р! Пора прекращать пытаться себя подобными мыслями. Если не перестану, то сведу себя с ума.

– Пенни за твои мысли? – раздается из-за спины голос Петры.

Я кручусь на табурете с колесиками, чтобы увидеть ее, держащую в руках чашку, из которой идет пар.

– Я принесла тебе кофе.

Это вызывает улыбку на моем лице.

– Я говорила тебе, какая ты потрясающая?

– Я потрясающая, – соглашается она. – И так как я невероятно потрясающая, я подумала, что тебе не помешает приободриться после тяжелого утра. Ну, знаешь... – И из-за спины она достает огромный шоколадный маффин.

– Ах, беру свои слова назад. Ты не потрясающая. Ты шикарная. – Я тянусь и забираю у нее кофе и маффин. Чашку ставлю на стол, а сладость держу в руке.

– К тому же, я подумала, что тебе стоит знать, что поп-принцесска здесь, – говорит она мне тихо.

Даже подозревая, что Сиенна скорее всего будет здесь в день гонки, я молила богов, чтобы она не появлялась. Я не в силах сегодня наблюдать очередные публичные сцены или

проявления.

Ворча про себя, я откусываю огромный кусок от маффина.

Ох, шоколад божественно мягкий. Ничто с ним не сравнится.

– Где она? – спрашиваю я с набитым ртом.

– Наверху, и – сюрприз-сюрприз – ведет себя, как сука. Она говорила со мной так, словно я кусок дерьма только потому, что ей в чай я добавила полу-обезжиренное молоко вместо обезжиренного. О мой бог, какой кошмар! – И талантливо изображает драматизм.

Я смеюсь.

– Я должна была плюнуть в него, корова.

Кивая, я кусаю маффин.

– Это так вкусно, – бормочу я. – Хочешь? – предлагаю я ей.

– Нет, спасибо. Тебе он нужнее. Просто не поднимайся наверх, если не хочешь натолкнуться на нее, хорошо? Не думаю, что она спустится сюда.

– Боже, да, она бы не хотела оказаться в окружении низменных механиков. – Я прижимаю руку ко рту, когда вижу, как из него летят крошки, часть которых попадает в Петру. – Ох, господи! Прости! – Я фыркаю и смеюсь сквозь руку, пытаюсь удержать маффин внутри.

– Ты отвратительна, – ухмыляется Петра, очищая топ от крошек. – У тебя шоколад на щеке, бродяга.

Я тру щеку рукой.

– Все? – я поворачиваюсь щекой к ней.

Она бросает быстрый взгляд.

– Да, все хорошо. Только посмотришь в зеркало, когда закончишь с ним, ладно?

Я показываю ей большой палец и откусываю еще кусок.

– Так мы идем сегодня вечером куда-то? – спрашивает она, опираясь о стол.

– Э... не знаю. Скорее всего нет. Я все еще восстанавливаюсь после вчерашнего.

– Это ты сейчас так говоришь, но когда Каррик выиграет гонку, ты захочешь отпраздновать. – Она опускает голову, когда понимает, что именно сказала.

Я поднимаю руку, останавливая ее извинения, и улыбаюсь, успокаивая ее.

– Ты права. Вероятно, мне не помешает развеяться. И будет приятно отпраздновать победу Каррика.

– Молодчина! Ну, мне лучше подняться наверх. Увидимся позже.

Разворачиваясь к своему столу, я кладу на него наполовину съеденный маффин и делаю глоток кофе, вытирая рот.

– Эй, а я получу кофе? – Это Робби зовет Петру.

– Прости, у меня лишь две руки, и они обе были заняты. – Она подмигивает мне и уходит.

– Слышала о таких штуках, как подносы?

– Слышал о таких штуках, как ноги? Используй их, если хочешь чего-то. Ты знаешь, где я. – Подпрыгнув, она разворачивается и взбегает вверх по лестнице.

– Что у тебя есть такого, чего нет у меня? Кроме очевидного, – говорит Робби, взглядом скользя по своей промежности.

Боже, сегодня он ведет себя как абсолютный мудака. Обычно я могу мириться с его чудаковатостью, но сегодня у меня нет сил быть к нему терпимой.

– Не знаю, Робби. Может того, что называют индивидуальностью? – Я отворачиваюсь,

но чувствую незавершенность. Я завелась и подозреваю, что весь стресс и накопившаяся внутри меня печаль жаждала вырваться наружу, чтобы обрушиться на него.

Я разворачиваюсь на табурете обратно.

– Знаешь, если тебе так сильно хочется поиметь Петру, тогда почему бы не перестать вести себя все время как придурок и для разнообразия побыть милым? Она могла бы заинтересоваться тобой.

Его лицо краснеет. Я смутила его.

Дело в том, что если вы смущаете мужчину перед другими мужчинами, то он будет бить в ответ, и удары будут грязными.

– Ты имеешь в виду, как ты сделала с Карриком? Не думай, что мы все не знаем, что ты полировала его член. А потом он послал тебя к херам куда подальше, вот ты и стала такой взвинченной язвой.

Чувствую, как в горле встал ком, а глаза начинает щипать.

Не плачь. Не смей, мать твою, плакать, Энди Амаро.

А что я могу сказать? Он еще как прав.

– Какого хера происходит?

Я смотрю туда, откуда раздается жесткий голос Каррика. Он стоит внизу лестницы и выглядит злым. Нет, не так. Он выглядит так, словно он в ярости.

Сначала я подумала, что он говорит со мной, но затем увидела его взгляд, сосредоточенный на Робби.

– Ничего, – заикаясь, отвечает Робби. – Мы просто...

– Не носи херню. Я слышал, что за гребаное дерьмо ты говорил. Дерьмо вроде этого доведет тебя до крупных проблем. – Каррик смерчем пронесется к доске объявлений, срывает оттуда листок, и даже не обращает внимания на упавшую на пол булавку.

Я застыла на своем табурете. Он до сих пор не посмотрел на меня.

Мне становится интересно, моя ли очередь следующая, но он начинает уходить, и я перестаю задерживать дыхание.

Быстрое втягивание воздуха заставляет Каррика остановиться у начала лестницы и развернуться к нам. Он шагает к Робби с яростной решимостью.

Я замираю в шоке, не уверенная, что делать. С остальными ребятами то же самое. Полагаю, Робби думает так же. Мы не знаем, что будет происходить дальше.

Когда Каррик останавливается в дюйме от лица Робби и сжимает руки в кулаки, я вздрагиваю, боясь того, что он собирается ударить Робби.

Робби отступает на один шаг.

– Ты надоедливый, мелкий мудака, Робби, и я по горло сыт твоим дерьмом. Собирай манатки и уматывай отсюда. Ты уволен.

– Ч-что? – с трудом выдавливает из себя Робби.

Каррик делает очередной угрожающий шаг вперед, не оставляя пространства между ними.

– Ты глухой настолько же, насколько и тупой? Я сказал, ты уволен, так что катись отсюда на хер! – Затем он разворачивается на пятках и стремительно несется из гаража.

Наступила кошмарная тишина.

С широко раскрытыми глазами я смотрю на Робби, который просто стоит, шокированный до черта.

Тогда я приступаю к действиям. Спрыгнув с крутящегося табурета, я бегу через гараж,

добираясь до лестницы. Затем начинаю быстро по ней подниматься.

– Каррик! – кричу я ему в спину, когда он уже почти на последней ступеньке.

Он останавливается и медленно поворачивается ко мне.

Я делаю еще пару шагов, уменьшая расстояние между нами.

– Прощу, пересмотри увольнение Робби. Он может быть придурком время от времени, но на самом деле это моя вина. Честно, это я начала. Я завела его, когда влезла не в свое дело. Я была сукой, а он огрызался в ответ. Если кто и должен быть уволен, то только я.

Он долго смотрит на меня, у него напряженное выражение лица, брови сведены на переносице.

Затем я вижу на его лицо расслабление, что-то теплое мелькает в его глазах.

Он качает головой.

– Робби оскорбил тебя на глазах у всех. А ты после всего этого бежишь ко мне просить о помощи для него, предлагая взамен свое рабочее место?

Я сделала шаг вперед, поднявшись на ступеньку.

– Я никогда не была умной. – Я приподнимаю уголок губ в полуулыбке.

Подобие улыбки касается его глаз, а затем он снова становится серьезным.

– Еще раз так заговорит с тобой и пойдет прочь.

Я выдыхаю.

– Не заговорит. Спасибо.

Наши взгляды встречаются, и воздух между нами внезапно становится густым и наэлектризованным.

Я вижу, как это возникает в его глазах в тот же самый миг, когда и в моих – воспоминания о Барселоне. Я в его руках... он во мне.

Он делает пару шагов вниз, приближаясь ко мне. Все это время он не отрывает от меня глаз. Мой желудок переворачивается, как какой-то акробат.

Он останавливается в шаге от меня.

Мое сердце начинает вырываться из груди.

– Я скучаю по тебе. – Его голос такой низкий, настолько наполненный смыслом, что он крепко западает мне в душу.

Я делаю движение губами, выдыхая, чтобы начать говорить...

– Карр!

Я бледнею от звука голоса Сиенны.

Каррик поднимает взгляд к потолку и выражает досаду.

Момент испорчен.

Я делаю шаг вниз по направлению от него.

– Мне стоит отпустить тебя. И мне нужно вернуться и известить Робби о том, что у него пока еще есть работа.

Каррик смотрит на меня долгую секунду и затем резко кивает. Он поворачивается, и уходит, переступая через две ступеньки.

– Вот ты где, – слышу голос Сиенны. – Мне становится одиноко без тебя.

Я перестаю слушать и сбегая по лестнице, и все это время мое сердце колотится как бешеное.

"Я скучаю по тебе".

Когда я возвращаюсь в гараж, Робби все еще там и по-прежнему выглядит контуженным. Несколько пар глаз поднимаются на меня, в том числе и Робби.

Я подхожу к нему.

– Все в порядке. У тебя все еще есть работа.

Он расслабленно выдыхает.

– Черт подери... спасибо, Энди. – Он рукой проводит по своим волосам. – Слушай... мне правда жаль, что я все это наговорил.

– Не парься, – отмахиваюсь я. – Мне тоже жаль. Мне не стоило говорить этого о Петре – Ей я тоже задолжала извинение.

– Ну, все равно. Ты спасла мою задницу, так что первый напиток сегодня за мной, ладно? – Он поднимает кулак.

– Ладно, – отвечаю я, ударяя по его кулаку своим.

Для меня это напряженная гонка, особенно когда у Каррика пробивает шину и он останавливается на пит-стопе. Ребята быстро производят замену и возвращают его на трассу.

Но после этого я не могу оторвать взгляд от экранов. Остаток гонки я на нервах.

Петра отвлекается от дел на кухне и спускается посмотреть гонку вместе со мной. Мне нужно сделать перерыв, мне необходимо в уборную, но я слишком боюсь двинуться, ведь мало ли что может случиться.

Затем мне становится плохо, мне хочется, чтобы я тогда сказала Каррику, что тоже соскучилась. Хочу, чтобы у нас все было в порядке, чтобы мы вернулись к тому, что у нас было до Барселоны. И тогда в голове начинают проигрываться все самые ужасные сценарии, в каждом из которых я необратимо теряю его.

Внезапно я чувствую жар, комната начинает кружиться.

– Эй, ты в порядке? – Петра прикасается к моему плечу.

Я поворачиваюсь лицом к ней.

После единственного взгляда на меня она говорит:

– Вставай. Давай выведем тебя отсюда. – Она ведет меня из гаража, взяв под руку.

Вместо того, чтобы отвести меня в уборную, она ведет меня в комнату Каррика. Удивительно, но от нахождения среди его вещей мне становится немного лучше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она сажает меня и дает попить воды.

– Спасибо. – Я пальцами обхватываю пластиковый стакан и делаю глоток прохладной жидкости. – Я не знаю, что произошло. Я просто почувствовала себя несколько странно.

Я не уточняю тот факт, что воспоминания об аварии моего отца перетекли в видение о том, как Каррик умирает точно таким же образом.

Раздается стук в дверь, затем она открывается и на пороге появляется дядя Джон.

Его взгляд следует от Петры ко мне.

– Я видел, как ты ушла. Все нормально?

– Да. Все хорошо. – Я улыбаюсь, чтобы успокоить его.

Он снова смотрит на Петру. Я знаю, что он остерегается сказать что-то в ее присутствии.

– Петра знает... об отце, дядя Джон. Я рассказала ей этим утром.

– Хорошо. – Он кивает. – Наконец хоть кто-то здесь это узнал. – Он улыбается мне. – Я не могу остаться. Мне нужно вернуться. Я просто хотел проверить, все ли с тобой в порядке.

– Спасибо, дядя Джон.

Я останавливаю его, когда он приоткрывает дверь.

– Как там справляется Каррик?

Он поворачивается ко мне.

– Действительно хорошо. – Его улыбка делается шире. – Он по-прежнему лидирует.

Это заставляет меня улыбнуться.

Я остаюсь с Петрой в комнате Каррика еще на несколько минут, пока не чувствую себя пришедшей в норму, и затем мы спускаемся досмотреть остаток гонки.

Я все еще напряжена. Но, во всяком случае, я не выхожу из себя.

Каррик финиширует первым.

Когда я вижу въезжающим его в гараж, я испытываю колоссальное облегчение. И знание того, что он выиграл в Монако, и понимание грандиозности этого события для него превращает мое облегчение в эйфорию.

Он снимает шлем и огнеупорную балаклаву, выбирается из болида, и видно, что его волосы прилизаны к голове. У него на лице счастливейшая улыбка. Он выглядит таким невероятно прекрасным, что мое сердце переполняется чувствами.

Наши взгляды встречаются, и он ухмыляется мне.

Я кричу ему: “Поздравляю” сквозь гул и вопли нашей команды, когда те празднуют и набрасываются на него с радостными возгласами.

Но его глаза не отрываются от меня, и когда он начинает идти в моем направлении, отталкивая ребят в стороны, мое сердце начинает биться сильнее, а живот наполняет рой бабочек.

Потом я слышу жуткий визг и поворачиваю голову, чтобы увидеть Сиенну, бегущую через весь гараж. Она бросается на Каррика, запрыгивает на него и обхватывает его талию длинными ногами. Руками она обвивает его шею и с силой вжимается в его рот с всепоглощающим поцелуем.

Неспособная смотреть на это, я отворачиваюсь. Моргаю, борясь с жжением в глазах, и тихо покидаю гараж.

Монте-Карло, Монако

— ХОРОШО ПРОВОДИШЬ ВРЕМЯ? — спрашивает Петра, нетвердо держась на ногах.

Она стоит передо мной с выпивкой в руке и выглядит слегка пьяной. Ну, мы все навеселе. Мы в баре «Ля Раскасс», расположенном у знаменитого поворота трассы Формулы-1, в который Каррик вошел как профессионал, которым и является, и увез домой награду.

Все мы празднуем победу. Без Каррика. Ему пришлось посетить запланированное спонсорское мероприятие. Его отец и дядя Джон тоже там. Как и Сиенна.

Но этим вечером я о них не думаю. Я отдыхаю и хорошо провожу время с друзьями.

Я испытала облегчение, когда узнала, что Каррика здесь не будет, так как не хотела быть вынужденной проводить время с ним и его поп-принцесской. Теперь же, отдыхая и развлекаясь, я понимаю, что скучаю по нему. Это странно — праздновать его победу без него.

— Хорошо, — улыбаюсь я Петре.

Затем к нам подходит несколько шатающийся Бен и обнимает нас обеих.

— Девочки, как насчет того, чтобы выпить?

— У меня есть. — Я показываю ему наполовину полный стакан. Сегодня я собираюсь держаться, набирать обороты постепенно, ведь знаю, что эта ночь обещает быть долгой, а я и так уже чувствую себя несколько подвыпившей.

— Я буду, и Энди тоже, — информирует Петра Бена.

Бен стреляет в меня вопросительным взглядом. Краем глаза я смотрю на Петру и вижу ее выражение лица "ты возьмешь себе еще выпить".

— Ладно. Кажется, я буду еще.

Я опрокидываю тот стакан с выпивкой, что в моей руке, и вздрагиваю от жжения. Я пью двойную водку с лимонадом, из чего следует, что постепенное набиравание оборотов идет коту под хвост.

Петра радостно вскрикивает и хлопает в ладоши, когда я ставлю пустой стакан на ближайший стол.

Я следую за ними к бару.

— Итак, что будем? — спрашивает Бен.

— Шоты! — кричит Петра.

Я бросаю взгляд на ухмыляющегося Бена, и он пожимает плечами.

— Кажется, мы пьем шоты, — бормочу я.

Но мои слова никого не волновали, ведь Петра уже облокотилась на барную стойку и захватила внимание бармена, заказывая нам выпивку.

Я честно не знаю, как ей это удастся. Помещение переполнено людьми, но стоит Петре приблизиться к бару, как ее незамедлительно обслуживают. Мне же все время приходится стоять здесь подобно растению, годами ожидая, пока меня обслужат.

Мне нужно раскрыть ее секрет вызывания барменов.

— Итак, как дела? — Бен толкает меня плечом.

— Вообще или сегодня? — усмехаюсь я.

— И то и другое.

— Отлично.

Его взгляд задерживается на моем лице слишком надолго, словно он пытается прочитать меня. И должно быть он что-то увидел, потому что спросил:

— Ты уверена?

— Конечно, уверена, — выдавливаю я нервный смешок.

— Просто... тот утренний случай с Робби, и что он наговорил о тебе и Каррике.

Я застываю. Затем возвращаю себя к реальности.

— Это не имеет значения, — равнодушно пожимаю я плечами. — Сейчас все в порядке.

Бен мягко кивает головой.

— Это было здорово с твоей стороны, что ты утрясла все с Карриком, чтобы Робби сохранил свою работу.

Я снова пожимаю плечами и отвожу глаза.

— Было бы несправедливо, если бы Робби потерял работу из-за такой глупости.

— Да, ты права, но не у каждого были бы яйца обратиться к Каррику и поговорить с ним, как это сделала ты. Это было круто с твоей стороны, Энди. Ты хороший человек.

На моем лице растягивается широкая улыбка.

— Мне действительно нужно проводить больше времени с пьяным Беном. От него я всегда получаю самые лучшие комплименты.

Посмеиваясь, он качает головой, и затем его взгляд становится серьезным.

— Но он ведь был прав, не так ли?

— Кто? — я смотрю на него в смятении.

— Робби.

Улыбка соскальзывает с моего лица. Я почти уверена, что и красок на моем лице также не осталось.

— Не во всем. — Лицо Бена проясняется. — Но между нами кое-что происходит.

Происходило.

— Слушай, ты не обязана рассказывать, — продолжает он.

И хорошо. Потому что мысль о том, чтобы говорить сейчас об этом, выводит меня из себя. Я все еще прихожу в себя, избавляясь от шока из-за того, что Бен заговорил об этом.

— Просто хочу, чтобы ты знала: я думаю, что Каррик придурок, раз дал тебе ускользнуть. И если тебе нужен будет друг, чтобы поговорить... я в твоём распоряжении. — Он хлопает рукой по моему предплечью.

Но это же я, и я не хочу, чтобы Бен думал о Каррике плохо, потому что Каррик вообще-то не делал того, что на него вешает Бен. Каррик не давал мне ускользнуть. Что мы сделали, так это занялись сексом и в процессе разрушили нашу дружбу, мы оба виноваты, и теперь мы на странном этапе: он-то движется дальше, чего не скажешь обо мне, хотя я и знаю, что должна.

Ну ладно, это уже только моя вина.

— Спасибо, — я прочищаю горло, в котором что-то будто бы застряло. — Но все не так, как ты думаешь.

— Не так? — хмурится он. — То есть, если я скажу тебе, что Каррик с Сиенной в нагрузку только что вошли в дверь, для тебя это не создаст никаких проблем?

Задерживая дыхание, я сжимаю губы в форме глупой улыбки и качаю головой.

— Нет. Никаких проблем.

— Хорошо, потому что он только вошел в дверь вместе с Сиенной.

Твою мать.

Поворачивая голову, я смотрю через плечо через толпу людей и вижу Каррика. Невозможно не заметить его. Он выделяется везде, куда бы ни пошел.

В своем смокинге он выглядит роскошно, верхняя пуговица рубашки расстегнута, а галстук-бабочка потерялся по пути. Пряди его волос, уложенные в свойственном ему небрежном стиле, падают ему на лоб. Его голубые глаза блестят под светом огней, когда он останавливается и начинает общаться с каким-то фанатом гонок.

Сердце колотится и глухо стучит в моей груди. Бух-бух-бух.

Мне нужно взять себя в руки, потому что я начинаю походить на втрескавшегося подростка. Я только довожу себя до того, что начинаю чувствовать себя отвратительно из-за этих пьяных мыслей.

— Ты точно в порядке? — раздается в моем ухе голос Бена. — Потому что мы можем сбежать, пока они не добрались сюда, если хочешь.

Я поворачиваюсь и смотрю на него, улыбаясь его замечанию.

— Все хорошо. Но спасибо тебе за то, что ты такой потрясающий.

Он подмигивает мне и затем улыбается.

Я знаю, что он видит мое вранье, и ценю, что он не выговаривает мне за это.

Моя маска начинает соскальзывать и мне нужно вернуть ее на место раньше, чем Каррик тоже увидит это.

— Вот вы где. — Петра протягивает мне нечто похожее на "Егербомб" и затем вручает Бену то же самое.

(Егербомб — шот, в состав которого входит ликер "Егермайстер" и энергетик.)

— Это "Егербомб"? — спрашиваю я.

— Ага. И после этого ты выпьешь еще один, так что дергай, девочка.

Ладненько...

Если быть предельно честной, то теперь я готова к этому шоту. Мне нужно мужество, одобренное алкоголем, чтобы вынести присутствие Сиенны, сколько бы оно ни продлилось.

— На счет три... — говорит Петра.

Я подношу рюмку к губам еще до начала отсчета и выпиваю ее залпом.

— Черт! — выдыхаю я огненный воздух, с силой ставя рюмку на барную стойку.

Петра смотрит на меня взглядом, который я могу идентифицировать только как восторженный.

— Молодчина! — Поднимая руку, она дает мне пять. — Давай, Бенни, нам надо наверстывать.

Они оба опрокидывают их "Егери". Когда они выдыхают, обжигающий воздух, то не стесняются в выражениях. Я смеюсь над ними, чувствуя себя уже немного легче.

Я только выпиваю второй шот и уже через секунду чувствую, что Каррик рядом со мной. В настоящее время ему ничего не нужно говорить, чтобы я его заметила. Я просто чувствую его присутствие, как если бы он прикоснулся ко мне.

Благо, после "Егерей" общая обстановка начинала выглядеть во много крат лучше. Так что, думаю, я могу справиться с ним и его поп-принцесской.

Затем я действительно чувствую его. Рукой он нежно касается моей талии. Я застываю и затем мое тело оживает. Воспоминания о его руках на моей голой коже в номере отеля Барселоны заполнили мой разум.

— Привет, — раздаётся его глубокий голос в моем ухе, вызывая проносащиеся по моему телу мурашки.

Разворачиваясь, я смотрю на него, обожая ощущение его рук на мне, и они остаются на мне, перемещаясь с талии на спину, вызывая еще больше мурашек в тех местах, где им вообще-то не следовало бы быть.

Он устремляет на меня взгляд своих голубых глаз, и я чувствую трепет в груди. Он такой красивый.

Ненавижу это.

— Привет, — улыбаюсь я.

Я оглядываюсь вокруг в поисках Сиенны, но нигде ее не вижу. Может ее увел кто-то из местных — но я принимаю желаемое за действительное.

— Кстати, поздравляю с победой. Ты был великолепен. Действительно изумителен. То, как ты вписался в поворот на последнем круге — потрясающе! — Я ухмыляюсь, как безумная, и размахиваю руками, словно дирижер. Мне нужно держать себя в руках.

Вот что делает с человеком слишком большое количество алкоголя. Оно превращает меня в еще большую идиотку, чем я уже есть.

— Спасибо. — Он улыбается, и улыбка затрагивает его глаза. Затем он наклоняет свою голову к моей. — Я потерял тебя тогда. Я хотел отпраздновать победу с моим лучшим... — он делает паузу на миг, думая над выбором слов. Затем он говорит: — механиком. В одну минуту ты была там, а в следующую тебя уже нет. Куда ты делась?

Я сбежала, потому что не могла вынести вида Сиенны на тебе.

И от этой мысли меня как окатило водой, погасив весь огонь.

Чувствую, что моя улыбка испаряется, потому вынуждена приложить усилия, чтобы вернуть ее обратно.

— Прости за это. Мне пришлось убежать по делам. — Лгунья. Вот врушка.

— Ну да. — Он кивает, не отводя от меня глаз, и мне начинает казаться, что я беззащитна перед ним, словно он может видеть меня насквозь, невзирая на мой бред, как до этого делал Бен. — Может, мы выпьем сегодня в честь праздника?

— Конечно. — На моем лице снова широкая улыбка.

Затем я вижу, как он взглядом делает то, что делал раньше: осматривает меня с ног до головы, заставляя возбудиться, раздевает меня глазами. В последний раз он так делал в Барселоне. От этого я становлюсь слабой и нуждающейся в том, чего получить не могу.

Ртом он тянется к моему уху.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь. — Прошептанное им слова ласкают мою кожу, вызывая легкое головокружение.

— Где Сиенна? — Это словно рефлекс, но мне определенно нужен этот удар, чтобы вернуться в настоящее и понять, где я.

На секунду в его взгляде возникает нечто сродни раздражению. Он убирает руки с моего тела и делает шаг назад.

— В уборной.

— Каррик, хочешь выпить? — Это Бен.

Он поворачивает подбородок в направлении Бена. Лишь потом он отводит взгляд, и я наконец могу дышать впервые с того момента, как он прибыл.

— Пиво было бы чудесным вариантом. Спасибо, приятель.

Осознавая, что я стою лицом к Каррику и спиной к Бену и Петре, я разворачиваюсь

лицом к ним, становясь сбоку от Каррика.

Петра устремляет на меня свой взгляд в тот же миг, как я разворачиваюсь. Она смотрит на меня с беспокойством, так что я отвечаю ей успокаивающей улыбкой.

— Не знала, что ты собирался прийти. Думала, что ты застрянешь на той скучной вечеринке, — говорит Петра Каррику.

— Ага, так и было, и было гораздо хуже, чем скучно, так что я улизнул, чтобы прийти и потусить с вами, ребята.

— Ну еще бы. Мы же интереснее, чем кучка заносчивых богачей. Без обид. — Она ухмыляется, когда соображает, что сказала, хотя больше это похоже на оскал.

Каррик богатый, но он далеко не скучный.

Он самый интересный человек из всех, кого я встречала.

Боже, снова я о том же.

— Все в порядке. И ты права. Здешние люди намного интереснее.

Глубина его голоса вынудила посмотреть на него и обнаружить, что он смотрит прямо на меня.

Во рту пересыхает.

— Итак, как ты узнал, где мы? — спрашиваю я, увлажняя губы языком.

Что-то проскальзывает в его глазах. Это уж очень похоже на похоть, но так как я все отрицаю, то притворюсь, что ничего такого не было.

— Бен говорил мне, куда вы собираетесь пойти.

— О, да? — Я скольжу взглядом к Бену, но он отворачивается, пытаюсь сделать так, чтобы на баре приняли его заказ.

— Адресса. — Рукой Каррик дотрагивается до моей поясницы, возвращая мое внимание к нему. Его взгляд выглядит сосредоточенным и серьезным. — Мы можем поговорить? Есть кое-что...

— Господи, я уж думала, что никогда не вернусь к тебе! Здесь народу битком. Почему мы здесь? Вечеринка, на которой мы были, намного лучше.

Раздражающий голос Сиенны отдает звоном в моих ушах, словно сигнал тревоги.

Я отступаю от Каррика, отчего его рука свободно повисает у его бедра, оставляя стыть то место на моем теле, где он только что меня касался.

— Возьмешь мне выпить, Карр? Мне понадобится огромная порция, чтобы перенести нахождение здесь на протяжении всей ночи. — Она драматично выдыхает.

Через меня проносится раздражение. По тому, как она себя ведет, вы можете подумать, будто это дешевый, подвальный, сомнительный бар. Но это очень хорошее место — отсюда и невероятная теснота и большое количество людей.

Прикусывая язык, чтобы не сказать ей проваливать туда, откуда явилась, я поворачиваюсь к ней.

Она выглядит действительно привлекательно в черном кружевном платье по колена, которое, кажется, стоит больше, чем весь мой гардероб вместе взятый. Это если принимать во внимание то, что оно уж слишком кружевное и довольно плохо прикрывает ее прелести, но ее это совсем не парит.

Сейчас она выглядит намного симпатичнее меня. Ненавижу это.

Но могу с этим справиться. Я сильная женщина, относящаяся к другим женщинам с уважением.

Убирая свое негативное к ней отношение подальше, я заставляю себя быть вежливой и

улыбаюсь.

— Привет, Сиенна.

Она смотрит на меня пустым взглядом и отвечает ничего не выражающим голосом:

— Прекрасно. Ты здесь. — Затем она закатывает глаза.

Ладненько... кажется, разговор с Карриком не произвел на нее эффекта.

Боже, я бы с радостью врезала ей по лицу, лишь разок, но, само собой, я не стану этого делать.

Так что, проглатывая все это, я натягиваю улыбку.

— Я здесь. И сейчас я уйду. В уборную. Как и всегда, было приятно увидеть тебя.

Я собираюсь убить ее с помощью теории о доброте. Я буду крута, если это сработает.

Шутка... вроде как.

Я направляюсь к Петре, которая сверлит Сиенну озлобленным взглядом.

— В уборную, — говорю я, кивая головой в сторону дамской комнаты.

— Идем. — Она берет меня под руку. — Скоро вернемся, Бенни. — Она хлопает его по плечу, когда мы уходим.

К моменту, когда мы доходим до уборной, я понимаю, что мне уже действительно туда нужно.

Когда я заканчиваю, то выхожу из кабинки. Петра стоит у раковины, поправляет помаду, смотрясь в зеркало. Вижу, как она осторожно смотрит на меня, пока я мою руки, но ничего не говорит.

Я смотрю в зеркало, оценивая свой внешний вид. Сегодня я в юбке. Это миленькая черная легкая юбка из струящегося материала, которую я приобрела, когда мы с Петрой ходили на шоппинг. К ней я надела симпатичный черный блестящий топ на бретельках и туфли серебристого цвета. Мои волосы лежат свободными волнами.

Я выгляжу прелестно. Ну, не так прелестно, как поп-принцесска, но все же.

Я выпускаю воздух.

— Ты в порядке? — спрашивает Петра.

— Все прекрасно! — Я посылаю ей улыбку, затем из клатча достаю блеск и начинаю наносить его на губы.

Я улыбаюсь фальшивой улыбкой и говорю:

— Все прекрасно. — Было недавно.

— Я не знала, что Каррик и его мега-сука придут сегодня. — Она скривилась.

Это вынуждает меня развернуться к ней лицом.

— Не твоя вина, что они здесь. И я тоже не знала, что они придут. Но в этом нет ничего такого. — Я пожимаю плечами, словно мне плевать, тогда как мы обе знаем, как дела обстоят на самом деле. — Я справлюсь с этим. — Я поворачиваюсь обратно к зеркалу, чтобы закончить наносить блеск для губ. — В любом случае, я покончила со всей этой белибердой с Карриком и Сиенной.

Я сжимаю губы вместе с чмокающим звуком. Затем крышкой закрываю блеск и убираю его в клатч.

— Ну конечно же. — Она смотрит на меня с недоверием. — Ты говоришь со мной, Энди, а не с Беном. Тебе не нужно вешать лапшу на уши мне. Если не хочешь проводить ночь в обществе Каррика и его мега-суки, мы без проблем можем пойти в другое место. У тебя сегодня был трудный день, а я не в настроении собирать тебя по кусочкам после нападок бесталанной огромной занозы в заднице.

Я шумно выдыхаю и смеюсь вслух над ее откровенным и точным описанием Сиенны.

Вчера я уступила нездоровому любопытству и прослушала одну из последних песен "Бриллиантовых крошек". Не в моем вкусе, но я понимаю, почему они популярны. Главная солистка очень талантливая. Исходя из вышесказанного, Сиенна в группе определено лишь для количества, чтобы создать красивое число. Петра настояла на том, чтобы я прослушала их живое выступление, ну, знаете, чтобы поиздеваться надо мной. Честно сказать, Сиенна не может спеть ни строчки, и я это говорю не потому, что я стерва. Она правда не может.

— Ладненько... — выдыхаю я, уступая. — Но я могу остаться и быть в порядке, обещаю. Мне нужно преодолеть свою глупую симпатию к Каррику или чем бы оно ни было, и чтобы это сделать, мне нужно находиться рядом с ним и ней.

Она долго смотрит на меня с наклоненной набок головой.

— Что? — Я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Это же не просто симпатия, так?

— А что? — Я нервно смеюсь. — Конечно же симпатия. Чем же еще это может быть?

— Любовь? Если не любовь, то это нечто определено на пути к тому, чтобы стать ею.

— Я не влюблена в Каррика! — насмехаюсь я.

Не влюблена же?

Нет... точно нет.

Она упирает руки в бока.

— Энди, я не долго тебя знаю, но я хороша в чтении людей, и ты сама можешь даже не осознавать этого, но ты влюблена в него.

Я громко смеюсь, потому что не знаю, что мне еще остается.

Я не влюблена в Каррика. Определено нет.

Я поднимаю клатч, запикиваю его подмышку и порываюсь покинуть уборную и завершить этот разговор.

— Если бы Каррик не был гонщиком, ты была бы с ним?

Воспоминания отбросили меня в тот момент в Барселоне, когда мы с Карриком танцевали на вечере, и он спросил у меня практически то же самое, только в несколько ином контексте.

Выдыхая, я бедром прислоняюсь к раковине.

— Может быть.

Она повторяет за мной.

— Мне кажется, что это определено "да".

— Ты теперь экстрасенс? — Я улыбаюсь, чтобы не звучать стервозно.

Но она ничего не отвечает.

Я безрадостно выдыхаю.

— Ладно, хорошо. Да, может, я бы рискнула быть с Карриком, если бы он был нормальным парнем. Но он не обычный парень. Он рискует своей жизнью каждый раз, как забирается в болид и выезжает на эти трассы. И это не относится к тому, с чем я могу жить. Но на самом деле все это чисто теоретически, потому что Каррик —пилот, и вообще-то не увлечен мной. Конечно, он хотел трахнуть меня, и, думаю, он бы сделал это снова, дай я ему шанс, если бы он не был с Сиенной, но он с ней, и он совершенно точно не хочет отношений со мной.

— О мой бог! — Она взмахивает руками вверх. — Энди, я обожаю тебя. Правда. Но ты самый запутавшийся человек из всех, кого я встречала.

— Спасибо!

— Серьезно, если ты выйдешь отсюда и скажешь Каррику бросить мега-суку и быть с тобой, он сделает это в мгновение ока. За гребаную секунду. Как ты можешь не видеть этого?

Разворачиваясь к зеркалу, пальцами я хватаюсь за край раковины и пытаюсь контролировать свои эмоции. Я смотрю на отражение Петры в зеркале.

— Потому что, если бы я была ему важна, он бы не пришел сюда с Сиенной. Потому что ты так не поступаешь, если тебе кто-то важен. И определенно не так показываешь свое безразличие к кому-то. — На последних словах я срываюсь.

— Ты отшила его, Энди! Каррик из тех, кого не отшивают. Ты серьезно задела его гордость и это его способ расплаты. Я не говорю, что это правильно, но это очевидная причина тому, почему он привел ее сюда. Он притащил Сиенну, пытаясь показать тебе, что ему плевать, когда ясно как день, что это не так.

Это правда? Потому что Каррик привел Сиенну сюда?

Нет. И думать так будет чистым самолюбием с моей стороны. Я не настолько важна для него.

— Я так не думаю, и даже если он привел ее сюда по этой причине, это не имеет значения, потому что...

— Он гонщик и ты не можешь быть с ним! Мне нужно запомнить это. Просто... — Она выдыхает со свистом. — Вам, ребятам, было бы здорово вместе. Я просто хочу, чтобы ты смогла увидеть это. — Поворачиваясь, чтобы взять свой клатч с широкой раковины, она произносит завершающие слова. — Я просто желаю, чтобы для тебя все сложилось иначе. Ты заслуживаешь быть счастливой.

Я тоже хочу этого.

— Как и ты. — Я беру ее под руку и делаю нечто вроде полу-объятия.

— Знаешь, что тебе нужно сделать? Стряхнуть с себя все это, как всегда говорит нам Тэйлор Свифт. Стряхни с себя все это дерьмо, связанное с Карриком и Сиенной. От этого тебе станет в миллион раз лучше.

(Имеется ввиду песня Taylor Swift "Shakeitoff".)

Я начинаю смеяться, когда Петра хватается меня за руки и начинает их трясти и качать. Затем она начинает шевелить и раскачиваться телом, отчего я смеюсь еще сильнее и присоединяюсь к ней.

— Сработало?

— Вообще-то да, — усмехаюсь я ей.

— Круто. Тогда тащим наши горячие попки обратно и проверим обстановку. Можешь забыть о Каррике. И, кажется, сегодня ночью мне нужно подцепить какого-нибудь симпатичного француза, чтобы горячо оторваться по-французски.

— Существует стиль секса "по-французски"?

— Мне откуда знать. — Она пожимает плечами. — Но они изобрели потрясающий поцелуй, так что ставлю на то, что трахаются они так же хорошо, если не лучше.

Смеясь, я беру ее под руку и даю отвести себя обратно к бару.

Монте-Карло, Монако

— Выпьем? — спрашивает меня Петра, говоря в ухо, когда мы возвращаемся в гущу толпы.

Я киваю в ответ.

Мы направляемся туда, где оставили Бена и Каррика. Мое сердце начинает ускорять ритм, когда мы доходим, и я испытываю сильное облегчение, обнаруживая, что их нет.

— Интересно, где Бен? — задает вопрос Петра.

— Должно быть, с парнями. — Я втискиваюсь в маленькое пространство у бара, пытаюсь сделать заказ.

Петра становится на цыпочки и осматривается вокруг.

— Ага, да, вон он. Он снаружи в зоне отдыха с остальными ребятами.

Разворачивая голову, я смотрю в сторону, куда она указывает пальцем. Я вижу парней: кто-то из них сидит вокруг небольшого столика, кто-то стоит рядом.

К сожалению, Сиенна там же, сидит к нам спиной, общается с одним из парней, работающих на пит-стопе. Каррик стоит лицом к нам, разговаривает с Беном.

Создается впечатление, будто он услышал, как я мысленно произнесла его имя, потому что его взгляд устремился в моем направлении, и тогда я отворачиваюсь обратно к бару, надеясь заполучить внимание бармена.

— Почему бы тебе не пойти к ним? — говорю я Петре, находящейся за моим плечом. — Нет смысла нам обеим стоять здесь и ждать. Могут пройти годы. Я скоро подойду с напитками. Можешь пойти и пообщаться с Робби, — дразню я ее.

Я рассказала Петре, что наговорила Робби во время нашей перебранки. Она восприняла это нормально, и я была рада этому, потому что расстраивать ее — это последнее, что я хотела бы сделать.

— Может и пойду. — Она показывает мне язык. — Я может быть даже отмету план снять француза, если Робби хоть раз поведет себя, как нормальный человек.

Я смеюсь, качая головой.

— Вперед. — Я игриво подталкиваю я.

Наблюдая за тем, как она лавирует в толпе, пробивая себе путь, я поворачиваюсь обратно к бару и, вздыхая, сокрушаюсь по поводу того, что оба бармена находятся на другой стороне барной стойки.

Должно быть ди-джей только что включил музыку и из колонок заиграла песня “I Need Your Love” Келвина Хериса.

Невозможно не танцевать под эту песню, так что я обнаруживаю, что двигаюсь в ритм, одновременно подпевая слова.

Я чувствую, как кто-то прижимается ко мне сбоку. Разворачивая голову, я вижу, стоящего рядом со мной Леандро Сильву.

Черт побери!

Леандро Сильва гоняется за одну из лучших команд Формулы-1. Он гениален и рассматривался как номер один до тех пор, пока не появился Каррик и не сдвинул его с первого места. Ходят слухи, что у них взаимная антипатия друг к другу.

Я достаточно долго восхищалась вождением Леандро. Он один из самых почитаемых мною пилотов, чему также поспособствовало его бразильское происхождение, не то чтобы я подвержена предрасположениям. Я всегда хотела встретиться с ним. Конечно, я видела его на трассе, но не смогла набраться мужества и представиться лично.

Интересно, что он здесь делает.

— Привет. — Он улыбается мне соблазнительной и чарующей улыбкой, и на его щеках появляются сексуальные ямочки.

Мой бог.

Замечала ли я, что Леандро красавчик? Настоящий красавец. Не лучше Каррика. Просто другой. У Каррика волосы цвета "грязный блонд", у Леандро же черные. У Каррика глаза голубые, у Леандро же глаза темные, как сама ночь. Также у Каррика золотистая кожа, а у Леандро она оливковая.

Ладненько, кажется, вы нарисовали картинку.

— Привет. — Я пытаюсь улыбнуться, но получается скорее оскал, и на моем лице отражается смущение. Наверно потому, что я начинаю походить на идиотку, западающую на знаменитостей.

Просто... Я смотрела гонки с участием этого парня по телевизору с момента, как мне исполнилось шестнадцать! В Бразилии, на своей родине, он герой.

— Ты Энди Амаро, верно?

Он знает мое имя!

Постойте-ка... он знает мое имя?

— Откуда ты знаешь мое имя? — Это прозвучало несколько более резко, чем я предполагала, так что я наклоняю голову, будто любопытствуя, чтобы сгладить момент.

Он широко улыбается.

— Ты знаменита. Знаешь это?

— Нет, — я кривлю лицо. — Знаменита чем?

Он наклоняется ко мне. Внезапно мы оказываемся слишком близко друг к другу для двух людей, что только что познакомились. Так близко, что я могу увидеть, что посередине его глаза имеют оттенок коричневого шоколада, и могу почувствовать запах его мускусного лосьона после бритья. Да и сказать для справедливости, у барной стойки не то чтобы много гостевых номеров.

— В Формуле-1 не так уж и много механиков-женщин, особенно таких красивых, как ты.

Мои щеки покраснели.

А что? Я девушка, а Леандро Сильва только что назвал меня красивой. Он потрясающий гонщик и горячий парень старше меня — ну, говоря "старше меня", я имею в виду, что ему тридцать — так что это естественно, что я покраснела.

— Прости, совсем забылся. Думаю, ты знаешь, кто я, но можешь и не знать. Я Леандр Сильва. — Он протягивает свою руку и пожимает мою.

— Конечно, я знаю, кто ты, — говорю я, и мое лицо вспыхивает, когда моя рука скользит в его.

Его руки теплая и жесткая. И я чувствую какую-то искру. Но ничего и близко похожего на то, что я ощутила при прикосновении Каррика.

Забирая у него свою руку, я поворачиваюсь к бару.

— Итак, я слышал, что ты прибыла из Бразилии. Ну, наполовину бразильянка. И

наполовину англичанка, верно?

Я смотрю на него, и на моих губах растягивается улыбка.

— Ты знаешь обо мне слишком много.

Он пожимает плечами, улыбка затрагивает его глаза.

— Когда я считаю кого-то интересным, то считаю своей обязанностью выяснить об этом человеке все что могу.

Он флиртует со мной?

Не секрет, что Леандро нравятся женщины. Он серийный любовник, но в числе его пассий всегда модели и актрисы. Определенно не женщины-механики.

И не знаю, почему — может из-за "Егербомб" или из-за переживаний по поводу Каррика и Сиенны и сжирающей меня ревности — но я прильнула к нему и заговорила, флиртуя.

— И ты решил, что я интересна?

В его глазах бесспорно появился огонь.

— Очень. И давненько хотел с тобой познакомиться.

Не знаю зачем, но я бросаю взгляд на Каррика. И когда вижу, что он даже не смотрит сюда, а общается с Беном, то выхожу из себя, что еще больше разжигает мое желание флиртовать.

Я снова смотрю на Леандро, обращая к нему все свое внимание.

— Я тоже довольно давно хотела с тобой познакомиться. Я восторгаюсь твоим стилем вождения. Я видела все гонки с твоим участием.

Ладненько, это было тупо. Меня определено не стоит допускать к разговорам с мужчинами.

Но, к моему удивлению, это, кажется, сработало, и он приблизился ко мне еще ближе.

— Ты фанатка?

— М-м-м-м.

— Тогда почему ты работаешь на Райана, когда совершенно очевидно, что должна работать на меня?

Опираясь одной рукой на барную стойку, я пожимаю одним плечом, приподнимая уголок губ.

— Потому что он предложил мне работу, а ты нет.

— Как глупо с моей стороны.

— Я знаю. — Я прикусываю нижнюю губу.

Он поднял руку, убрал волосы с моего плеча и ртом прижался к моему уху.

— Я могу и дальше находиться здесь, но мне интересно, не хотела бы ты уйти отсюда и пойти на вечеринку со мной?

Я отклоняю голову назад и смотрю ему прямо в глаза.

— Вечеринка — это шифр, означающий твой номер в отеле? — Я приподнимаю бровь.

Он смеется глубоким горловым смехом. Это заставляет меня улыбнуться.

— Нет, это шифр, означающий вечеринку. Но если хочешь, можем отправиться в номер, никаких проблем.

Ого! Ладненько. Все происходит слишком быстро, и я потихоньку теряю голову.

Меня определено нельзя подпускать к мужчинам, чтобы флиртовать с ними, особенно если я делаю это лишь для того, чтобы взбесить кое-кого другого, и это даже не работает.

Господи, я такая глупая.

Делая шаг назад, чтобы создать между нами хоть какое-то пространство, я говорю:

— Думаю, нам нужно немного притормозить. Чтобы хотя бы подумать о том, чтобы переспать с мужчиной, мне нужно знать его несколько дольше, чем пять минут.

Пару часов минимум.

Ладненько, не говори это.

Я разворачиваюсь обратно к бару и облакачиваюсь на него.

— Да и к тому же я не связываюсь с гонщиками. — Я подпираю подбородок рукой и ухмыляюсь ему.

Он усмехается.

— Ага, я слышал.

Это заставляет меня выпрямиться.

— Слышал? От кого?

— Райан. — Он наклоняет голову в направлении, где стоит Каррик. — Я спрашивал его о тебе и после того, как он не слишком вежливо сказал мне, что ты под запретом, проинформировал о том, что ты не встречаешься с гонщиками, так что я только потеряю время.

Я стреляю взглядом в Каррика. И в этот раз он смотрит прямо на меня и выглядит взбешенным.

И хорошо, потому что я сама очень сильно зла. Кем он себя, черт подери, возомнил, чтобы предупреждать Леандро держаться от меня подальше?

— Поверить не могу, что он сделал это, — сержусь я.

— Райана можно понять, если бы ты работала на меня, я бы сделал то же самое. Я бы точно хотел придержать тебя только для себя.

Что-то зажгло во мне.

Решение принято.

Я фокусирую взгляд на Леандро.

— Просто для ясности, я не собираюсь спать с тобой, но если твое предложение уйти отсюда и отправиться на вечеринку еще действует, то тогда я ловлю тебя на слове.

— Ты пойдешь со мной, просто чтобы побесить Райана?

— Отчасти, — признаюсь я. — Это проблема?

— Нет. Вообще не проблема. — Он ухмыляется, в уголках его глаз возникают морщинки.

— Круто. Ну, тогда дай мне минутку, чтобы поставить в известность своих друзей, что я ухожу, и я вернусь.

Когда я пробираюсь через толпу к Петре, во мне клокочет гнев.

Кем Каррик, черт его подери, себя возомнил? Он предупредил Леандро держаться от меня подальше! У него нет такого права!

Поверить не могу, что он зачленоблокировал меня!

Он может спать с кем угодно — с раздражающей гребаной поп-курвой — а мне нельзя?!

Пошел он. Ублюдок.

Ну, не то чтобы я собиралась заняться сексом с Леандро, но Каррик-то этого не знает. Да, знаю, это по-детски, но сейчас я не чувствую себя зрелой, и моя основная цель взбесить Каррика.

— Эй. — Я стучу Петру по плечу, перетягивая ее внимание на себя от Майка, одного из парней Нико из пит-стопа.

Вот вам и разговор с Робби, который на данный момент сидит на стуле с хмурым выражением лица и пьет пинту пива.

— Эй, где моя выпивка? — жалуется она, видя мои пустые руки.

— Ох, прости. Я забыла, — говорю я отвлеченно. — Но угадай, кого я сейчас встретила у бара?

— Мэтт Дэймон?

— Нет. А что? Он здесь? — Я кручу головой по сторонам. Нет ничего необычного в том, чтобы увидеть отдыхающую знаменитость во время Гран-При.

— Нет! — смеется она. — Просто это моя мечта — встретить Мэтта Дэймона в баре. Или мне стоит назвать это сексуальной фантазией?

— Ладно, СМИ. В общем, это Леандро Сильва, — как можно театральнее говорю я его имя.

(СМИ - Слишком много информации от англ. TMI - TooMuchInformation.)

— Леандро здесь? — Теперь она крутит головой по сторонам, как это недавно делала я. Я вижу, когда она замечает его, потому что ее глаза начинают сверкать. — Боже, он чертовски горяч, — говорит она со странным стоном, которые немного пугают меня.

Страхивая эти мысли, я говорю:

— Ага, и он только что пригласил меня пойти с ним на вечеринку.

Ее глаза расширяются.

— Серьезно? Ты же пойдешь, правда? Пожалуйста, скажи мне, что пойдешь!

Глаза сами по себе начинают выискивать Каррика. Он не смотрит на меня, но могу сказать, что он прислушивается к нашему разговору, судя по тому, что его подбородок повернут в нашем направлении.

— Я сказала ему "да"... — Беру Петру под локоть, чтобы увести ее от любопытных ушей. — Но теперь я не уверена, — шепчу я.

Честно говоря, мой гнев и уверенность ослабевают, когда я говорю тут с Петрой всего в паре шагов от Каррика.

— Что? — Она в ужасе. — Почему нет? — Затем она бросает взгляд в направлении Каррика и возвращает его на меня.

Она награждает меня неодобрительным взглядом.

— Просто, думаю... может это будет ошибкой уйти с Леандро, — тихо говорю я ей.

— С чего бы? Это не то же самое, что ты идешь с ним заниматься сексом, ты же идешь с ним на вечеринку.

— Но я согласилась по неправильной причине, — шепчу я. — Я сказала "да" только после того, как Леандро рассказал мне, что Каррик предупреждал его держаться от меня подальше.

— Чего... — Ее рот открывается, превращаясь в букву О. — Ты дуришь меня?

На ее крик несколько парней обернулись в нашу сторону, и Каррик в их числе.

— Пет... — предостерегаю я ее, глазами вскользь встречаясь с любопытным взглядом Каррика.

— Дерьмо. Прости. — Рукой она закрывает рот и говорит сквозь пальцы. — Он серьезно это сделал? — шепчет она.

— Ага, на полном серьезе сделал это, и это вывело меня из себя. И тогда-то я и сказала "да" на приглашение Леандро, но я собираюсь идти по неправильной причине.

Она убирает руку ото рта и кладет ее мне на плечо.

— Энди, если бы ты собиралась в отместку трахнуть с Леандро — что я бы обязательно рекомендовала тебе сделать, если бы ты не была собой— боже, я бы сказала тебе мстительно трахаться с этим горячим бразильцем до тех пор, пока не пропадет способность ходить. Но так как ты — это ты, и я знаю, что ты будешь себя истязать за подобное годами, то я говорю "нет" любым потрахушкам. Но я говорю огромное жирное "да" на то, чтобы ты пошла и потусила с ним.

— Но что, если он попытается меня поцеловать?

— Тогда зацелуй его лицо!

Я смотрю на нее взглядом, выражающем нечто между недовольством и пониманием шутки.

— Ладно, — говорит она примирительно. — Скажем, он попытается поцеловать тебя, а ты этого не захочешь, тогда оттолкни его и скажи "нет, спасибо". А если честно, милая, ты слишком много думаешь. Просто развлекайся с этим горячим взрослым мужчиной.

Я прикусываю губу, сомневаясь.

— Слушай, хочешь, я пойду с тобой? Буду буфером?

— Ты это сделаешь? — обрадовалась я. Я такая трусиха.

— Конечно. Смена обстановки сейчас не помешает, и я уверена, что у Леандро есть парочка горячих друзей на этой вечеринке.

Я заметила в ее тоне голоса нотки расстройств.

— Петра, все в порядке?

— Да, все чудесно. — Она улыбается, и эта улыбка такая же вымученная, как и у меня всю ночь.

Я устремляю на нее взгляд, которым показываю, что она меня не убедила.

— Уверена?

Она бросает быстрый взгляд в направлении Робби. Затем снова смотрит на меня, приклеивая на лицо сияющую улыбку.

— Уверенна, все чудесно.

Она определенно не в порядке, но я не собираюсь давить на нее. Она расскажет мне, когда будет готова.

— Спасибо. — Рукой я обнимаю ее за плечи, немного стискивая. — Ты же знаешь, что ты лучший друг женского пола, который у меня когда-либо был, так?

— Я твой единственный друг женского пола за всю твою жизнь.

— Правда.

Я хитро ей улыбаюсь, и она смеется.

Она тянется мимо Бена и хватает свой клатч со стола.

— Ладно, парни, мы любим и покидаем вас. Увидимся завтра.

— Куда вы идете? — Это Каррик, и смотрит он не на Петру. Он смотрит на меня.

Я открываю рот, но ничего, кроме воздуха, оттуда не выходит.

К счастью, Петра заметила мое колебание и отвечает за меня:

— Леандро Сильва пригласил Энди на вечеринку, так что мы идем туда.

Его глаза расширяются, в них возникает яростный блеск.

Чувствуя дискомфорт, я отвожу глаза и смотрю в пол. Я даже не смею сейчас смотреть на Сиенну.

— Отшиваете нас ради команды соперников? — Бен драматично прижимает руку к груди. — Это больно.

— Прости, Бенни, ты знаешь, я люблю тебя, но девушка ни в коем случае не может отказаться от возможности потусоваться ночью с Леандро Сильвой. — Петра посылает ему улыбку.

Оттаскивая меня за руку, Петра ведет меня в толпу, возвращаясь к бару, где ожидает Леандро.

Мы прошли половину пути, когда я почувствовала, как кто-то схватил меня за руку, чтобы остановить.

Каррик.

Я теряю опору, которой была Петра. Она смотрит через плечо.

Видя рядом со мной Каррика, она кивает головой в направлении бара.

— Я пойду представлюсь Леандро. Скоро увидимся.

Я улыбаюсь ей вымученной улыбкой и затем наблюдаю за тем, как она уходит.

Сердце колотится, когда я поворачиваюсь лицом к Каррику.

— Чего ты хочешь? — мои слова прозвучали резко.

Сквозь маску самообладания на его лице проскальзывает выражение боли, но это не останавливает его то того, чтобы спросить следующее:

— Ты на самом деле уходишь с Сильвой?

— Чтобы отправиться на вечеринку, да.

— Он дурной человек, Андресса.

— Со мной он нормальный. — Я складываю руки на груди.

— Он игрок. Он использует женщин для секса, а затем избавляется от них, как от мусора.

— Как и ты.

Вздыхая, он качает головой.

— Но мы говорим не обо мне. Просто... — Он сжимает переносицу большим и указательным пальцами.

Опуская руку, он смотрит на меня, и я не могу сказать, жалость или грусть в его глазах сейчас.

— Просто я не хочу видеть, как тебе делают больно. Сильва использует тебя, чтобы подобраться ко мне, пытается вывести меня из эмоционального равновесия перед следующей гонкой, потому что сегодня я его победил. Вот так он действует.

Ладненько, это было жалко.

Он думает, что я могу заинтересовать мужчину только тогда, когда тот хочет вывести Каррика из себя перед следующей гонкой.

Гребаный придурковатый ублюдок.

—Ого!— смеюсь я с недоверием. — Итак, ты говоришь мне, что он использует меня, чтобы достать тебя? Ты хоть представляешь, как это, блядь, надменно звучит? Знаешь, что, Каррик? Пошел ты!

Я разворачиваюсь на каблуках, готовая без колебаний уйти от него прочь, но он хватает меня за запястье, прекращая мое сопротивление.

— Просто, блядь, подожди, — рычит он.

— Нет. Убери от меня свои руки.

Вместо того, чтобы сделать так, как я его прошу, он прижимает меня к себе, и мое тело вспыхивает от возбуждения. Другой рукой он держит мою спину, пальцами прижимаясь к коже, удерживая меня на месте. Ощущение его твердого тела, прижатого к моему,

болезненно знакомое. И глубоко внутри меня возникает жажда.

Сердце вырывается из груди, ладони начинают потеть. Потому что, больше всего на свете я хочу ощутить прикосновение его кожи к моей. Каждый оголенный дюйм его тела. Я хочу лизать, целовать и вкушать всего его.

— Я не хочу, чтобы ты шла с ним, — его голос низкий и хриплый.

И это стало последней каплей.

— Ага, хорошо, а я не хотела, чтобы ты приводил сюда Сиенну, но мы не всегда получаем то, чего хотим. — Слова вылетают прежде, чем я могу их остановить.

Мне не стоило говорить это. Я только что сказала ему, что я чувствую, только окольным путем.

Черт. Черт. Черт.

Мне определенно нужно уходить от него —сейчас же.

Мои молитвы будто бы были услышаны: я вижу идущую к нам разгневанную Сиенну. И если быть честной, она вправе быть злой. Каррик прижимается ко мне после того, как покинул ее, чтобы попытаться остановить меня и не дать уйти с Леандро.

Я бы тоже была зла.

Вообще-то, я зла. Я в ярости.

Он здесь с Сиенной. Он не должен вести себя со мной вот так. К этому случаю определенно подходит "И рыбку съесть, и косточкой не подавиться".

Ну, сегодня он не поест эту рыбку. Или когда-либо еще.

С меня хватит.

— Кстати, говоря о твоей девушке, она приближается и не выглядит счастливой.

Он ничего не говорит. Он просто смотрит на меня так, словно не слышит, что я говорю.

— Ты слышишь меня, Каррик? Сиенна идет сюда, так что отпусти меня.

Но он не отпускает. Он просто продолжает смотреть мне в глаза, и я решаю начать вырываться.

— Каррик, пожалуйста, тебе нужно отпустить меня, — шепотом говорю я, и в словах слышится мольба.

Внезапно он убирает руки, будто я шокировала его. В его глазах паника, которую я не могу понять.

Без единого слова я убираюсь оттуда, проталкиваясь через толпу к бару.

— Все нормально? — спрашивает Петра, как только я подхожу к ней и Леандро, и осматривает меня с беспокойством.

— Идеально. — Я натягиваю на лицо улыбку, пытаюсь игнорировать мчащийся по моим венам адреналин.

Затем я поворачиваюсь к Леандро и говорю:

— Готов идти?

— Более чем готов, — улыбается он.

Он кладет руку мне на поясницу и выводит из бара.

И я даже ни разу не оборачиваюсь назад.

Монте-Карло, Монако

—О МОЙ БОГ! Я не могла поверить своим глазам, когда тот парень поднялся на барную стойку и начал раздеваться! — Петра смеется, когда мы выбираемся из такси.

— Это было безумством! — смеюсь я. — Но у него определенно тело стриптизера.

— Да ладно?! — Петра ухмыляется мне, устремляя на меня взгляд.

Два часа ночи, и мы только что вернулись с вечеринки, на которую нас повел Леандро.

Когда мы приехали туда, мы познакомились с механиками Леандро. Они все прекрасные ребята. Мы с Петрой чудесно провели время. И Леандро был изумителен. Я так смеялась рядом с ним. Он такой уморительный. Он все время рассказывал шутки и смешил меня без устали. И, знаете, я ни разу не подумала о том, каким сложным этот день был для меня. Или о Каррике. В противовес словам Каррика о нем, Леандро не подкатил ко мне ни разу. Он был настоящим джентльменом.

Но все равно оставил мне свой номер и попросил позвонить ему.

Я могла бы, но только как другу, и ничего больше. Он горячий и веселый, но просто это не будет хорошей идеей.

Было здорово пойти развлечься и не думать о передрягах с Карриком.

Но теперь я вернулась в отель и осознаю, что он где-то с Сиенной, вероятнее всего, в постели.

Гр-р. Боже.

Итак, да, я снова возвращаюсь к истязанию самой себя мыслями о нем.

Закончится это когда-нибудь? Я лишь желаю, чтобы я могла соскрести мои к нему чувства, чтобы освободиться от этих ощущений.

Думаю, мне просто нужна дистанция, и я надеюсь достичь этого в Канаде. Конечно, Каррик будет там, но он будет занят тренировками. У меня будет время, чтобы привести голову в порядок.

Мы с Петрой ковыляем через пустую вестибюль, и нас встречает менеджер ночной смены, которому мы шаловливо машем руками.

Я громко зеваю, более чем готовая упасть в свою кровать и накрыть голову подушкой, когда Петра внезапно застывает.

— Энди... — бормочет она тихо.

— Хм-м?

— Каррик вон там у бара.

Я поднимаю глаза и вижу его, сидящим у бара отеля, в его руке стакан с янтарной жидкостью, который он держит в воздухе. Его взгляд устремлен на меня. Его волосы взъерошены, словно он зарывался рукой в них всю ночь. Он все еще в смокинге. Ну, пиджака на нем нет, а рукава рубашки закатаны, но он все еще выглядит красивым, как и всегда. Но что удерживает мое внимание, так это его выражение лица. Он выглядит потерянным, злым и расслабленным одновременно. Дьявольская комбинация.

Кровь прилила к ушам и сердце внезапно ускорило ритм, и я вдруг поняла, что трезвею.

— Иди поговори с ним, — подталкивает меня Петра.

— Зачем?

Она смотрит на меня.

— Потому что совершенно ясно, что он ждет тебя.

Я морщю лоб в замешательстве. Не вижу тут ничего ясного.

— Более чем сомневаюсь, — бормочу я.

— Иисусе, Энди, ты глупейшая из умнейших людей, что я встречала. Просто поговори с ним. — Она подталкивает меня в его направлении. — Увидимся наверху. — Она бросила меня и пошла к лифту.

Делаю глубокий вдох. Затем иду к Каррику на нетвердых ногах.

Его глаза все время устремлены на меня, отчего я чувствую себя обнаженной и уязвимой, и потому закрываю грудь руками в попытке защититься от него.

Когда я подхожу ближе, то слышу мягкий звук играющей песни “DoIWannaKnow?” группы Arctic Monkeys. Подойдя и остановившись у бара в нескольких шагах от места, где сидит Каррик, я вижу, что музыка раздается из его телефона, который лежит на барной стойке перед ним рядом с наполовину пустой бутылкой Джеймсона.

В баре пусто, если не считать нас, да и он, по всей видимости, должен быть закрыт, и все же Каррик сидит здесь и пьет.

Догадываюсь, что тебе позволено делать что угодно, когда ты — Каррик Райан.

— Привет, — говорю я мягко.

Он приглушает музыку на телефоне.

— Привет. — Он долго выдыхает. — Итак, ты хорошо провела ночь? — Тон его голоса жесткий и резкий, что незамедлительно заставляет меня ощетиниться.

Заведенная этим, я отвечаю ему с чрезмерным энтузиазмом.

— Хорошо. Было великолепно. Я повеселилась что надо.

Вижу, как резко напряглись мышцы его челюсти. Поднося стакан к губам, он делает долгий глоток.

Я знаю, что мой ответ вызвал у него раздражение, и вместо того, чтобы мне стало лучше, я почувствовала себя жутко.

— Ты вернулся только что? — спрашиваю я, облачиваясь на бар. Кладу свой клатч на его поверхность. Располагаю руки на холодном мраморе и соединяю их вместе.

— Нет, — отвечает он натянуто. — Я вернулся пару часов назад.

— Что же ты делаешь здесь внизу один? Не можешь заснуть?

— Типа того. — Он осушает стакан и тут же снова наполняет его.

Застывая, я наклоняю голову и осторожно изучаю его.

Каррик любит выпить, как и любой другой человек, но прежде я никогда не видела его таким. Он пьет Джеймсон так, словно это вода.

Очевидно, что он зол на что-то, и совершенно очевидно, что дело во мне. Он взбешен из-за того, что я ушла с Леандро.

Мне стоит злиться на то, как он себя ведет, потому что у него нет права гневаться, но я не злюсь. Мне грустно.

Мне ненавистно, что мы все еще на этом этапе, все еще ругаемся. Я хочу, чтобы все просто было хорошо.

— Каррик... ты в порядке? — Я стараюсь говорить мягко и нежно.

— Я, блядь, превосходно.

Ладненько...

Рукой я провожу по своим волосам, и делаю успокаивающий вдох.

— Слушай, я знаю, что ты зол на меня, и догадываюсь, что это из-за того, что я ушла на вечеринку с Леандро.

Я встречаюсь с его яростным взглядом. Я замечаю, насколько они красные и налитые кровью, и насколько уставшим Каррик выглядит.

— Не знаю, Андресса. Так вот, в чем дело? Там было что-то такое, из-за чего я должен прийти в бешенство? Прошу, расскажи мне. Потому что я умираю от гребаного желания услышать, как великолепно ты провела ночь с Сильвой.

Гр-р-р-р.

Гнев во мне достиг степени кататонии. Он был настроен на ссору с момента, как я пришла сюда. Ну, теперь он получит то, к чему стремился.

— Какого черта с тобой происходит? Ты закатываешь истерику потому, что я пошла на вечеринку с одним из твоих гоночных соперников? В этом дело?

— Я не закатываю истерику. Я вышел из себя, потому что предупредил... — Он замолк на полуслове.

— Ты что? — Я делаю шаг к нему. — Предупредил Леандро держаться от меня подальше. Ага, я знаю. Он сказал мне.

Он устремил на меня раздраженный взгляд.

— Сильва гребаный мудака, которому нужно научиться держать рот на замке.

— "Сильва гребаный мудака." Боже! Ты слышишь себя? Ты похож на ребенка! Единственный мудака здесь — это ты! Предупреждать его о том, чтобы он держался от меня подальше. Мы где? В школе? У тебя не было права так поступать!

Он прокручивается на табурете у бара, чтобы оказаться ко мне лицом, и ногами задевает пол. Его глаза расширены и в них невероятная злость.

— У меня было право! Точно такое же, как и когда я просил тебя не идти на долбаную вечеринку с ним, но ты все равно пошла! Ты это сделала, чтобы взбесить меня? Потому что если это так, то у тебя это вышло охеренно! — говоря последние слова, он уже рычит на меня.

Я делаю шаг назад и на какой-то миг понимаю, что колеблюсь. Затем мой атакующий настрой вернулся обратно.

— Я пошла, потому что могу! Я вольна делать все, что пожелаю! Мне не нужно спрашивать у тебя! Я не твоя!

Я едва успеваю понять, что происходит, когда он набрасывается на меня. Хватает меня за волосы на затылке, зарывается в них пальцами и затем прижимается своими губами к моим, жестко.

Я колеблюсь всего миллисекунду, прежде чем отвечаю на поцелуй. Стон наслаждения вырывается из моего горла, когда наши языки сплетаются вместе. Я чувствую вкус виски на его языке, чувствую отчаяние в его поцелуе, который отправляет меня в головокружительный полет и зажигает свет внутри меня, который, я не уверена, что смогу погасить. Или захочу гасить.

Но мне придется, потому что он с другой.

Боже, что я делаю? Я не такая. Я так не поступаю.

Я отталкиваю его прочь, используя всю свою силу воли. Качаясь, пячусь, и тяжело дышу, прижимая к губам тыльную сторону ладони. Я все еще могу чувствовать его там.

— Поверить не могу, что ты сделал это, — шепчу я, ненавидя себя за то, что дала этому случиться... за то, как сильно хотела этого... его.

– Это было необходимо. Ты нуждалась в том, чтобы я поцеловал тебя, как и я нуждался в этом. И все еще нуждаюсь, черт подери. – Хищный блеск в его глазах распалил меня и привел в ярость.

– Не уверена, что твоя подружка согласилась бы, – огрызаюсь я в ответ.

– Она мне не подружка.

– Нет? Ну, это не то, что она говорит всем, кто ее слушает, и она здесь, спит в твоей постели, так что я бы сказала, что она очень близка к тому, чтобы быть твоей подружкой!

Он закрывает глаза, его челюсть сжата в очевидном выражении раздражения.

– Я скажу это еще один гребаный раз. Она не моя девушка. – Он открывает глаза и пригвождает меня своим взглядом. – И никогда ею не была, и кем бы она, нахрен, не являлась, больше это не так, потому что я все закончил.

Ох.

От этого я делаю шаг назад.

– Закончил? Почему?

Выдыхая, он смотрит в пол. Когда он поднимает глаза наверх, наши взгляды встречаются, и я вижу явное смущение.

– Из-за тебя.

Сердце пропускает удар.

– Меня?

– Да... тебя. – Он смотрит на меня глазами, полными нежности, которая трогает меня, как горячие ласки. – Сиенна была ошибкой, которая зашла слишком далеко, и я осознал это сегодня ночью в «Ля Раскасс»... когда ты сказала о ней и о том, что она пришла туда.

Чертово ох!

Я знаю, к чему он клонит, так что пытаюсь отвлечь его от того, что он собирается сказать, ведь уверена, что не готова к этому.

– Сиенна в порядке?

Он приподнимает брови. Он знает, что мне совершенно плевать, в порядке она или нет. Но все равно отвечает.

– Уверен, у нее все хорошо. Не то чтобы она заботилась обо мне. Сиенна хотела быть со мной только из-за того, кем я являюсь, моей представительности, и того, что я мог ей дать – внимание и заметность за пределами Англии. Она гораздо больше расстроена из-за того, что потеряла все это, а не меня.

Как он может так думать? Как кто-то может обладать Карриком и после, потеряв его, легко восстановиться? Это невозможно.

Я не смогла – в связи с этим я там, где я есть.

Я делаю шаг ему навстречу.

– Ты в порядке?

Он поднимает глаза на меня, удерживая мой взгляд.

– Нет. Но не по той причине, о которой ты думаешь.

– И о какой причине я думаю? – В голосе нервозность и сумбурность. Как и в голове.

– Что я здесь внизу потому, что топлю печаль по Сиенне. Но ты ошибаешься. Мне начхать на нее. Я использовал ее так же, как и она использовала меня. – Он проводит рукой по волосам и опускает глаза в пол в расстроенных чувствах. – Я здесь внизу, потому что мне нужно было увидеть тебя. Необходимо было знать, что ты вернулась назад, а не пошла с ним... в отель.

В его взгляде боль, которая похожа на отражение моей.

– Ты знаешь, я бы так не поступила, – говорю я мягко.

Он поднимает взгляд и прожигает меня им.

– Только мысль о том, как он касается тебя... – Он кладет руку себе на затылок и треплет волосы.

– Ничего не было, Каррик. Мы веселились. Он дал мне свой номер и просил позвонить, вот и все.

Он хмурится, на лице выражение тревоги.

– И... ты собираешься позвонить ему?

– Нет.

– Почему?

Я делаю еще один крошечный шаг по направлению к нему. Словно меня притягивало к нему невидимой нитью.

– Потому что я не хочу его.

Агония исчезла из его взгляда, и вместо нее его наполнило тепло.

– Чего ты хочешь, Андресса?

Тебя.

Мои слова пропитаны паникой.

– Каррик... Я...

Воздух между нами стал вязким, слишком плотным, и я не могу правильно дышать. Я в смятении. Я знаю, что правильно, что мне следует сказать, но я не могу найти в себе силы, чтобы поступить как должно.

В моих мыслях только он.

Он затуманил мой взор, как пар затягивает зеркало, и не имеет значения, сколько ты очищаешь его, ведь все вернется к первоначальному состоянию.

Он тянется ко мне, руками хватая за запястья и притягивает к себе, чему я не противлюсь.

Своим лбом он прижимается к моему, ладонями обхватывает мое лицо, и я чувствую умиротворение, какого не чувствовала с тех пор, как мы были в Барселоне.

– Прямо перед тем, как ты покинула бар с Сильвой, когда ты говорила, что не хочешь видеть там Сиенну, я уже тогда знал, что облажался. – Он гладит мою щеку большим пальцем. – В Барселоне ты была такой равнодушной. Когда стояла там и говорила о том, что это лишь одноразовый секс, я поверил тебе, и это было охеренно больно. И я решил, что ты должна думать, что мне абсолютно плевать. Тогда я дал ей прийти, потому что хотел, чтобы ты думала, будто я отпустил ситуацию, оставил тебя в прошлом... но это не так.

Не знаю, отчего, но вместо облегчения я испытываю гнев.

– То есть ты привез другую женщину, чтобы показать, как тебе плевать на меня, хотя это не так. Охрененная логика, Каррик.

Я вырываюсь из его объятий, но он хватает меня прежде, чем я успеваю убраться прочь. С силой дергая меня к себе, он прижимает меня спиной к своей груди, одной рукой обхватывает талию, другой же обнимает за грудь. Сердце бьется о ребра.

– Я никогда и не был гребаным гением, – шипит он, его губы находятся у моего уха. – Знаешь ли ты, как сложно быть рядом с тобой и не иметь возможности прикоснуться к тебе так, как я того хочу. Это сводит меня с ума.

– Итак, ты трахаешь Сиенну, чтобы чувствовать себя лучше. Мило.

– Прости. Я облажался, мне жаль. Ты отвергла меня, и я... паршиво отреагировал.

Лбом он прижимается к моему затылку. Я могу чувствовать его дыхание, которое касается волос на моей шее, и этим сводит меня с ума.

– Знаешь, о чем я думал каждый раз, когда трахал ее?

– Нет! И знать не хочу! – Я задыхаюсь, из глаз брызгают горячие слезы.

Я пытаюсь сопротивляться и вырваться на свободу, но безуспешно. Он держит меня слишком крепко.

– О тебе. Я думал о тебе каждый раз. Я представлял, что это ты. И, да, я знаю, как смешотворно это звучит, но вовсе не значит, что это неправда. Я не могу выбросить тебя из головы. И, знаешь, что самое худшее?

В его голосе возникло нечто волнующее, тон стал серьезным, почему я и решила повернуть голову, чтобы увидеть выражение его лица, которое было замогильным. От этого защемило сердце.

– Это то, что ты даже не хочешь быть здесь. – Он пальцем стучит по его голове. – Единственная девушка, которую я хочу, не хочет меня.

Меня будто поезд сбил.

– Каррик, я хочу тебя. Просто не могу...

Остальные мои слова были проглочены из-за его поцелуя.

– Не нужно... – бормочет он мне в губы. – Я не хочу сейчас слышать эти «не могу». Я хочу слышать только желание. – Пальцами он проскальзывает в мои волосы, оттягивая мою голову назад так, чтобы я смотрела прямо ему в глаза. – Просто скажи мне, что хочешь меня.

Я хочу его.

Мое сердце трепещет от желания, что я чувствую к нему.

Желание, которое я всегда чувствую по отношению к нему.

Желание, которое я непрерывно пытаюсь похоронить.

Но сегодня я не могу его зарыть.

Закрывая глаза, я выдыхаю:

– Я хочу тебя.

Он обрушивает свои губы на мои и собирает мои волосы в кулак. Я разворачиваюсь в его руках, грудью прижимаясь к его груди и руками обнимаю его за шею, когда он целует меня самым мучительным и чувственным поцелуем их всех, что у меня когда-либо были.

– Мне необходимо быть в тебе, – говорит он, часто и тяжело дыша у моего рта.

Я открываю глаза, чтобы обнаружить на себе его взгляд, наполненный грубым желанием обладать и мечущим в меня сексуальные чары. И я дала им овладеть мной.

– Да.

Слово едва успело слететь с моих губ, как я уже двигаюсь, будучи затаскиваемой в бар. Толкая меня в дверной проем, он затягивает меня внутрь, и я обнаруживаю, что мы находимся на пустынном лестничном пролете.

После этого все происходит довольно быстро.

Каррик своим ртом накрывает мой, толкая меня к двери. Его руки повсюду, словно ему недостаточно тех прикосновений, что есть. И с моими руками то же самое.

Я абсолютно отчаянная.

Мое тело тоскует по тому, чтобы чувствовать его, вкушать его, когда на меня накатывают воспоминания, как великолепно ощущать его внутри себя.

Затем моя юбка была поднята наверх, оголяя бедра, а трусики сорваны единственным

рывком за резинку. Каррик вводит свой палец в меня. Я скулю от удовольствия и откидываю голову назад, прижимаясь ею к двери.

Я потеряна, утоплена в чувственности.

– Всегда такая мокрая для меня, – рычит он.

Встречаясь с его взглядом, я обхватываю его член через брюки.

– Всегда такой твердый для меня.

Он толкается в мою руку.

– С момента, как увидел тебя.

Жажда проносится через меня.

Наклоняясь, он засасывает мою нижнюю губу, медленно делая пальцем возвратно-поступательные движение.

– Скажи мне трахнуть тебя, Адресса.

Я настолько на грани, что мое тело трясется, томясь от желания ощутить его внутри. Мне плевать, что я на лестничном пролете в отеле. Плевать, что кто-то может войти и поймать нас. Плевать, что мне не следует делать этого.

Меня заботит лишь нужда ощутить Каррика внутри себя, чтобы испытать то, что может дать мне только он. Как никто прежде.

Я прихватываю его нижнюю губу зубами, обожая его реакцию на это действие.

– Трахни меня, Каррик.

В его глазах разгорается пламя желания. Он вытаскивает свой палец из меня и кладет себе в рот и, обсасывая его, пробует меня, заставляя меня чувствовать головокружение от похоти.

Удерживая зрительный контакт, он достает из кармана презерватив. Расстегивает брюки и спускает их с бедер вниз достаточно для того, чтобы его член оказался на свободе. Он зубами разрывает упаковку и раскатывает резинку на своей эрекции.

Его взгляд не оторвался от меня ни на мгновение.

Затем руками он хватает меня за бедра и приподнимает в воздух. Он раздвигает мои ноги и толкается в меня.

– Ааххх, – стону я и закрываю глаза, переполненная чувствами.

С глухим стуком я ударяюсь головой о дверь, когда он начинает трахать меня, с каждым толчком становясь жестче и интенсивнее.

Губами исследуя мою шею, он двигается к моему рту и отчаянно меня целует.

– Черт. Я так сильно скучал по этому... по тебе. – Его частое и отрывистое дыхание перемешивается с моим.

Я тоже соскучилась по тебе.

– Боже, Каррик... Я...

– Кончи для меня. Мне нужно почувствовать, как ты сужаешься вокруг моего члена. Дай это мне.

Он двигает руками между нашими телами, затем пальцами трет мой клитор.

Мои разум и тело выходят из-под контроля, его яички и член ударяются о мои чувствительные места. Потом я взрываюсь, разрываясь на мелкие кусочки, кончая жестко и быстро.

– Черт... Адресса, – рычит он, прижимаясь своим лбом к моему, удерживая мой взгляд.

Я чувствую, как его член начинает дергаться во мне, а его тело становится

напряженным. И я с восхищением, похожим на наваждение, наблюдаю за тем, как через его красивые глаза проходят волны наслаждения. Это такой значительный момент, что я чувствую, как влюбляюсь.

Я влюбляюсь.

Как бы я хотела остаться здесь навечно. Остаться в этом моменте вместе с ним и никогда не уходить. Запереть момент... его... сохранить его.

Я хочу его. И не только на один день. Навсегда.

Затем реальность обрушивается на меня, сражает, как цунами, и я осознаю, что делаю.

Желаю того, чего не могу иметь.

Возвращение с небес на землю выбивает из меня весь воздух, словно моя грудь треснула под давлением.

Каррик прижимается к моим губам нежным поцелуем, возвращая мое внимание к нему.

– Останься со мной. – Он двигается от моей щеки к уху мягкими и ласковыми поцелуями, руками обхватывает мою шею. – Я сниму для нас номер.

– Где? Рядом с тем, в котором поселились вы с Сиенной. – Паршиво было говорить это, и я тотчас же жалею.

Отдергиваясь, он грубо смотрит на меня, из-за чего я чувствую себя еще хуже.

Я едва могу смотреть ему в глаза.

– Я не могу остаться с тобой. – Чувствую, как страх разрастается во мне, словно монстр, готовящийся выйти из шкафа.

Я позволила себе быть с Карриком эгоистичной, получать от него, чего хочется мне, не оглядываясь на него, и не думая о последствиях. Не стоило мне так поступать. Это неправильно. Я знаю, что не могу обладать им, а еще у меня снова был секс с ним.

Я соблазнила его. Я не из тех, кто так делает. Я не вступаю в отношения с кем-либо, кому не смогу посвятить себя всю хотя бы ненадолго.

Я не могу уделить Каррику хотя бы часть своего времени. Я неподходящий для него человек.

Не хочу ранить его – это последнее, чего я вообще могла бы хотеть – но не знаю, что мне остается.

Боже, мне ненавистно то, какой слабой я становлюсь рядом с ним.

И знание всего этого, понимание, как я облажалась с ним, доводит мое паническое состояние до высшего предела, и худшее в этом всем то, что когда я подвержена панике, я становлюсь совершенно другим человеком, не собой.

– Не делай этого, Андресса...

Он ладонью пытается коснуться моей щеки, вернуть мое лицо в объятия его рук, но я делаю то, что у меня получается лучше всего, когда я не знаю, как себя вести, особенно с Карриком. Я отталкиваю его от себя – буквально.

Он отшатывается назад, ускользая от меня, и я чрезвычайно сильно ощущаю потерю. Будто он забирает частичку меня с собой, когда уходит.

Он натягивает брюки и застегивает их. Его движения резкие и пропитаны подавляемым гневом.

Пристыженная, я отодвигаюсь, спускаю юбку вниз, обратно на бедра, и разглаживаю ее. Нагибаясь, я с пола поднимаю уничтоженные трусики и зажимаю их в руке.

– Поверить не могу, что ты снова это делаешь, – говорит он так низко, так хрипло, что я застываю.

Я поднимаю свой взгляд к его глазам и мне тяжело видеть там то, что я вижу.

– Я ничего не делаю.

Отрицание – это мой лучший друг и худший враг.

– Просто, блядь, не надо. – Он останавливает меня рукой, его губы изгибаются в пренебрежении. – Ты делаешь абсолютно то же самое, что и в Барселоне, за исключением лишь того, что сейчас я бодрствую, чтобы быть свидетелем.

В моих глазах плещется стыд.

– Я... сожалею. Просто... – Я сомневаюсь, застреваю на словах, которые разносят меня на части. Слова, которые причинят ему боль. – Прости, – шепчу я. – Но... я не могу делать это... с тобой.

– Делать что конкретно? – шипит он яростно.

Я снова смотрю ему в глаза. В конце концов, я должна ему хотя бы это.

– Не могу... – Я втягиваю воздух, чтобы собраться. – Я не могу дать тебе больше того, что сейчас произошло.

Он смеется отрывистым, резким, грубым смехом, но в его глазах я вижу боль, и это разбивает меня на осколки.

– Это, блядь, невероятно!

Меня пронизывает, взявшийся из неоткуда, гнев.

– Чего именно ты хочешь от меня? – кричу я.

В его глазах читается ярость. Разозленный, он делает шаг ко мне, заставляя меня пятиться.

– Разве это не ясно? Мне нужна ты! – Опуская взгляд, он шумно выдыхает. – Мне просто нужна... ты.

Так много мыслей и чувств поразили меня одновременно: страх, восторг, паника, желание, смущение, жажда.

Но превалирующим, доминирующим чувством, которое я всегда испытываю рядом с Карриком, является страх. Глубоко укоренившийся, темный страх.

И, как всегда, вместе со страхом прибыла паника, а паника всегда у руля.

– Мне жаль. – Мои губы трясутся. – Я не могу быть с тобой. Просто... ты для меня слишком большой риск, чтобы я пошла на него.

Смотрю на его лицо. Никогда не хочу видеть этот взгляд у любого другого человека, пока я живу.

Он смеется печальным, горьким смехом.

– Знаешь, я бы правда хотел знать, что это значит.

Наши взгляды встречаются и мучение, что я вижу, разбивает меня на части.

– С момента, как я встретил тебя, Адресса, я думал, что ты сильная, возможно сильнейший человек из всех, кого я когда-либо встречал, и это восхищало меня. – Он выдыхает, сомневаясь. – Но я понял кое-что. – Он приблизился ко мне, стал лицом к лицу.

Я всасываю воздух от вида абсолютной тьмы в его глазах, чувствуя, как она окружает меня.

– Ты не сильная. Ты гребаная трусиха. С меня хватит.

Обходя меня стороной, он дергает дверную ручку и уходит, оставляя меня со звуком закрывающейся двери, раскатывающимся эхом по лестничному пролету и глубоко внутри у меня в голове.

«Ты гребаная трусиха.»

Трусиха.

Он прав. Это так.

Я прислоняюсь к стене за моей спиной, чувствуя, будто меня подстрелили.

Боль невыносима. Я чувствую, как мое сердце раскалывается, разбивается вдребезги о безжалостный ледяной осколок в моей груди.

Иронично, полагаю, что я всегда была напугана Карриком, страшилась хотеть его, боялась своих к нему чувств и держалась подальше из страха остаться с разбитым сердцем.

Но все вышло наоборот, я разрушила все своими силами.

И у меня есть чувство, что все исправить уже никак нельзя.

Шпильберг, Австрия

КОГДА КАРРИК СКАЗАЛ, ЧТО ЭТО КОНЕЦ, это было всерьез.

Адресса Амаро больше для него не существует. Если она в помещении, то он покидает его.

Она невидима для него.

Энди же, его механик... ну, она на грани существования.

У трека он отдает ей указания, когда это необходимо, ну а в остальное время игнорирует.

Я уверена почти на все сто процентов, что это очевидно для всех, но они ничего не говорят, и я ценю это. Догадываюсь, что это благодаря Петре, которая наложила запрет на разговоры. На следующий день дядя Джон заметил, что у Каррика ко мне паршивое отношение, отчего я подняла брови, ведь это означало, что скоро он будет задавать вопросы. И я не жду момента, когда это произойдет.

Я знаю, люди самостоятельно выдвигают версии того, почему Каррик возненавидел меня. Возможно, они даже на правильном пути. Но пока я предпочитаю жить в состоянии отрицания, думая, что все в порядке, когда хуже уже некуда.

В первую неделю нашего пребывания в Канаде Каррик редко находился поблизости, но когда был... это было кошмарно.

Когда я впервые увидела его после ночи в Монако, он посмотрел на меня так, словно ненавидит. Это было больно. Вообще-то, это еще мягко сказано. Это было мучительно.

Мне некого винить, кроме самой себя, но это не делает боль менее ощутимой.

Я физически ощущаю, как скучаю по нему. Он был моим лучшим другом. Теперь это не так, и я не знаю, как справиться с этим.

Но зная, как плохо я себя чувствую на данный момент, понимаю, насколько все было бы хуже, если бы я сделала шаг ему навстречу и потеряла его в будущем.

Я знаю, что приняла верное решение — и для себя, и для него.

Пока же я живу с постоянным чувством агонии, ожидая, когда все образуется.

Вот только... не похоже, чтобы что-то становилось лучше.

Все становится только хуже, во всяком случае, для меня. За прошедшую неделю в Австрии Каррик перешел от состояния озлобленности по отношению ко мне к равнодушию.

Как по щелчку выключателя.

Так что вместо того, чтобы все время злиться на меня, он выглядит просто индифферентным, словно у него больше нет причин гневаться.

Сейчас, когда он узнал меня, я больше не получаю взглядов, наполненных ненавистью. В его глазах лишь апатия.

И это разбивает мне сердце.

Когда он злился на меня, я хотя бы знала, это потому, что часть его все еще небезразлична ко мне, и я держалась за это. Даже понимая, что ничего не заслуживаю, я цеплялась за эти взгляды, надеясь выпутаться.

Но теперь этого нет, и я чувствую опустошенность, пребывая в ожидании, когда боль станет не такой сильной.

Не могу сказать, сколько раз слова готовы были сорваться с кончика моего языка, когда я стояла рядом с дядей Джоном, желая сделать признание. Но жестокая, садистская часть меня не позволяла мне сделать этого, ведь я не вынесу разлуки с Карриком.

Да, я знаю, как это глупо, но ситуация такова, каковой она является, и я застряла в этом состоянии до тех пор, пока Каррик не уволит меня, либо пока у меня не случится нервный срыв, на что уже похоже мое нынешнее положение.

Если ни один из этих пунктов не воплотится в жизнь, тогда я буду обречена колесить на созданном мною же поезде страданий еще пять месяцев, пока не закончится сезон, и я буду вынуждена оставить его позади, разве что не решу помучить себя еще и не вернуться на следующий сезон.

Я грустная, жалкая и слабая. Я знаю это. Просто на данный момент я не понимаю, как изменить себя и свои чувства.

Знаю, что Петра расстроена из-за меня и моих взаимоотношений с Карриком — ну или их отсутствия, в зависимости от ситуации. Она не понимает, почему я не могу быть с ним. Она все такая же потрясающая подруга, поддерживает меня, но в ее глазах я могу видеть, что она не принимает это. С ее точки зрения все просто: если какой-то человек важен тебе, значит ты с ним.

Знаю, она пыталась понять меня и войти в мое положение, но не была способна до конца осознать, что я чувствую, разве что сама бы прошла через то, через что пришлось пройти мне. Так что, когда я с ней, то веду себя так, словно у меня все хорошо, словно я отпустила прошлое. Слезы же я оставляю до времен, когда останусь наедине с собой, принимая душ, просто все стало несколько сложным, чтобы я могла бороться.

Когда той ночью, после секса с Карриком, я вернулась в номер, Петра не спала, дожидаясь меня. Я бросила на нее лишь один взгляд и разразилась рыданиями. После того, как она дала выплакаться на ее плече, она сказала, что мне стоит рассказать ему обо всем: об отце, о чувствах, и почему я не могу быть с ним.

Но я не могу. Потому что если я так поступлю, то знаю, что он уговорит меня. И какое-то время все будет великолепно... но это лишь вопрос времени, когда я буду наблюдать за гонкой, и на трассе с ним что-нибудь случится. Это надорвет меня. Я взбешусь и в конечном итоге раню его только сильнее, чем сейчас. Я знаю, что недостаточно сильная, чтобы остаться на длительный срок.

Я трусиха. Как он и сказал.

Это одна из причин, почему я в нынешнем положении. Ладно, лишь наименьшая причина, главной же является то, что я не могу упустить шанс снова быть ближе к нему — и когда я говорю "к нему", я имею в виду своего отца.

Я слышала о выставке винтажных машин, которую организует какой-то богач, и в числе прочих старых болидов и гоночных машин умерших знаменитостей там будет выставлена машина моего отца.

Я хорошо работала, чтобы отпроситься на сегодняшний ужин. Дядя Джон позвал меня вместе с ним как "плюс один", и я знаю, что Каррик тоже идет. Он не хотел бы, чтобы я пошла туда, так что я пытаюсь упростить все для него настолько, насколько это возможно.

Интересно, кто у Каррика будет "плюс один".

Это больше не Сиенна. Я видела, что она продала одному из изданий свою историю о ее разбитом сердце после того, как Каррик бросил ее. Но после нее — или мне стоит сказать, после меня — я не слышала, чтобы он был с кем-то еще. Это не значит, что он не был. По

прошлому опыту знаю, что ничто не заставит Каррика сдерживаться долго.

Итак, я здесь, прохожу на выставку через большие стеклянные двери. На входе протягиваю женщине билет. Она вручает мне буклет с деталями выставки, и я продвигаюсь внутрь.

Как только я прохожу через главную дверь, я вижу помещение, битком набитое людьми. Стоящий у двери официант в костюме дает мне приветственный бокал шампанского, и я принимаю его с благодарностью. Немного жидкой смелости.

Знаю, что это звучит немного ненормально: я нервничаю из-за того, что вижу машины — но эти машины олицетворяют и содержат в себе большую часть лучших воспоминаний обо мне и отце. Так что от мысли, что я вижу их, меня слегка трясет.

Я не видела его машину с тех пор, как мама продала ее на благотворительном аукционе прямо перед тем, как покинуть Англию и перебраться в Бразилию. Тогда я была так зла на нее. Все остальное я могла бы отпустить, но это же была наша машина. В этой машине он отвез их на первое свидание, на ней укатил их прочь от церкви, где они женились, на ней же отвез меня в школу в первый день занятий. Он всегда, когда мог, отвозил меня на ней обратно, просто чтобы поводить.

Он любил эту машину. Он притащил ее в виде развалюхи и восстановил. Эта машина была его продолжением, продолжением нашей семьи, была всем, что он олицетворял.

У меня заняло много времени на осознание, почему мама избавилась от нее. Она бы служила постоянным напоминанием всего, что она потеряла.

И после встречи с Карриком, обретя его в своей жизни даже на малый промежуток, понимание стало еще более ясным.

Я смотрю в буклет, выискивая машину отца. Остальные тоже хочу увидеть, но ее мне нужно увидеть в первую очередь.

Она в центре выставки. Похоже, она один из важнейших экспонатов.

Я складываю буклет и убираю его в сумку. Затем опрокидываю бокал шампанского. Отдаю пустой бокал официанту и благодарю его. Делаю глубокий вдох и направляюсь к машине моего отца.

Я бросаю взгляды на машины, мимо которых прохожу, подмечая, к которым из них вернусь, чтобы уделить больше внимания, но мое внимание сконцентрировано на Ягуаре XK120 MRoadster, который я вижу на подиуме впереди.

(Jaguar XK120 MRoadster выпускалась с 1948 по 1954 годы, ее стоимость колеблется от 3,5 миллионов рублей до 7 млн.)

С каждым следующим шагом сердце бьется все сильнее.

В ней ничего не меняли. Она выглядит в точности так же, как и изначально. Руль отделан и окрашен в ярко-красный цвет, чтобы соответствовать красной обшивке кузова и красным кожаным сидениям.

Она выглядит так, словно ее не касались с того самого дня, как она покинула нашу семью.

Приближаясь к ней, я прижимаю руку к колотящемуся сердцу.

Перед подиумом стоит объявление с просьбой не трогать машину. На другом, находящемся рядом, детально описывается история машины, а на самом верху написано имя моего отца. Там кратко написано о том, как он восстанавливал машину и как затем владел ею до самой смерти в 2001 году. Потом она была приобретена на аукционе и с тех пор представляется в данной коллекции.

Делаю шаг ближе к машине. Я могу чувствовать запах свежего воска, исходящего от краски. Я быстро оглядываюсь вокруг, проверить, смотрит ли кто-нибудь, и затем пальцами нежно прикасаюсь к ней. Воспоминания о последнем разе, когда я находилась внутри нее, вернулись ко мне, словно это было лишь вчера.

— Давай же, папа. Быстрее! — сказала я сквозь звук проносающегося через мои волосы ветра. — Ты водишь, как старый пенсионер!

— Я еду семьдесят, — смеется он.

(70 миль в час — почти 113 км/ч.)

— Как я и сказала, водишь как пенсионер. Как номер один в мире гонок может ехать так медленно? Seriously, как ты снова и снова выигрываешь? — Я заводила его, чтобы устроить все по-моему. Я знала, как обыграть все так, чтобы получить то, чего хочу. Он был таким простаком, мой отец.

Он скользнул по мне взглядом и ухмыльнулся.

Я любила его улыбку. Было в ней всегда что-то, что говорило мне, как сильно он любил меня.

— Прекрасно, — обиделся он немного. — Только не говори своей матери, что я снова гнал, когда ты была в машине, иначе она открутит мою гадостную голову. — Он быстро исправляется. — Открутит мне голову, если выяснит.

Я захихикала над его промахом.

— Мой рот на замке.

Я сделала жест рукой, словно поворачиваю ключ и выбрасываю его из машины, чем заставила его усмехнуться.

— Seriously, я не понимаю, почему мама ненавидит, когда ты едешь быстро, почему так сильно переживает. Это твоя работа, ради всего святого.

— И именно поэтому ей это не нравится.

Я смотрю на него насмешливым взглядом.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Она переживает, потому что любит меня.

— Я не переживаю.

Он мягко засмеялся, прежде чем снова посмотреть на дорогу.

— Вы это воспринимаете по-разному. Однажды, когда ты будешь взрослой женщиной, и у тебя будет свой мужчина — лучше всего, когда я буду дряхлым, слепым и глухим — тогда ты поймешь.

— Фу! Боже, папа! — Я завизжала, толкая его в руку, вызывая тем самым его громкий смех. — У меня никогда не будет парня, — говорю я ему раздраженно, складывая руки на груди. — Парни идиоты.

Он снова посмотрел на меня, напрягая брови.

— Этот паренек Патрик все еще доставляет тебе неприятности?

Фу, Патрик Веббер, отрава моего существования. Seriously, парень задирает меня все время. Постоянно говорил о моем высоком росте, называя меня верзилкой, и говорил, что я похожа на мальчишку лишь потому, что увлечена машинами. Честно говоря, в один из таких дней я собиралась врезать прямо по его идеальному носу.

— Ничего, с чем бы я не смогла справиться, — пожалала плечами я.

— Ну, если это будет слишком, скажи мне, и я с ним разберусь, ладно? — Папа приподнял мой подбородок пальцем.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Хорошо, папочка.

Он вернул взгляд на дорогу.

— Пап?

— Хм-м?

— Я просто... Я хочу, чтобы ты знал, что я не переживаю, как мама, потому что знаю, что ты лучший гонщик в целом мире. Не потому, что не люблю тебя.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Затем дотянулся до меня и положил руку на мое плечо, притягивая меня к себе. Он поцеловал меня в макушку.

— Я знаю, малыш. Я тоже люблю тебя. И ты права. Я лучший гонщик в мире. — Я могла слышать ухмылку в его голосе. — Итак, разгоним мы эту детку до максимума или как? — спросил он, отпуская меня, чтобы вернуться на пустой участок проселочной дороги.

— Максимальная скорость! — закричала я, смеясь и поднимая руки в воздух, будто была на американских горках.

Он разразился хохотом, ногой давя на газ.

— Кричи, если хочешь быстрее, Энди.

— Знаешь, предполагается, что ты не должна дотрагиваться до машины.

Я вырвалась из воспоминаний от звука голоса Каррика. Я отдернула руку от машины и развернулась к нему.

Когда я смотрю ему в лицо, мое сердце бьется с бешеным ритмом. Вижу, что брови Каррика изогнуты, выражая обеспокоенность и понимаю, что мои щеки мокрые от слез.

Отворачиваясь от него, я быстро руками утираю слезы с лица.

— Эй, ты в порядке? — Его голос мягкий, заботливый. Он делает шаг ко мне и протягивает руку, но затем останавливается, прежде чем коснуться меня, как будто ловит себя самого.

— Нормально. — Я вымучиваю сияющую улыбку.

— Ты не выглядишь нормально.

— Ну, это так. Все великолепно. — Я повышаю голос. Знаю, что он звучит неестественно, но не знаю, что еще делать.

Потому что я не объясню ему, из-за чего я только что плакала, стоя у машины Уильяма Вульфа.

Вижу, как его взгляд смещается на машину моего отца, а затем возвращается ко мне. Я вижу, как работает его мозг.

Не сопоставляй факты. Не делай выводы.

— Я думала, ты будешь на сегодняшнем ужине? — Я быстро меняю тему разговора.

Он долго смотрит на меня. К счастью, он решает отпустить мысль.

— Я должен был пойти, но потом услышал о сегодняшней выставке, потому улизнул. Отправил отца одного.

Он собирался идти с отцом. Облегчение, что я почувствовала, чрезвычайно пугает.

— Он разозлился?

Он пожал плечами, улыбка затронула его губы.

— Немного, но я пренебрег им, чтобы пойти на выставку машин, а не тусоваться, так что он не может быть так уж зол.

Он дерзко ухмыляется, отчего сердце в груди бьется сильнее.

И из-за этого я делаю шаг назад.

— Ну, сожалею. Я не знала, что ты придешь. Если бы знала, то не пришла бы. — Я не знаю, насколько это правдиво. Я должна была прийти, потому что мне нужно было увидеть машину отца. Я просто должна была прийти, когда узнала, что его здесь не будет.

— Ого, — сказал он со скепсисом в голосе и горечью в глазах. — Я знал, что у нас сейчас все странно, но ты настолько меня ненавидишь?

Мои глаза расширились от шока.

— Нет. Я не ненавижу тебя. Конечно же, нет. И «странно» мягко сказано, Каррик. Ты едва можешь находиться в том же помещении, что и я. Когда я сказала, что не пришла бы, то имела в виду, что только ради тебя. Я знаю, что тебе достаточно сложно видеть меня даже на работе.

— Иисусе... Андресса. — Он трет лоб пальцами и делает шаг ко мне. — Это не... просто... черт. — На меня устремлен его серьезный взгляд. — Я, правда, чертовски извиняюсь за то, как вел себя в последнее время. Как изводил тебя... Я был настоящим подонком.

Я обняла себя руками, защищаясь.

— Тебе не за что извиняться. Это мне нужно извиниться.

Он качает головой.

— Думаю, в последнее время мы оба, так или иначе, ошибались. Просто... Я не слишком хорошо справился с отказом. — Он провел рукой по волосам, выглядя смущенно. — Когда меня отшивают, я веду себя, как настоящий придурок.

— Знаю. Ты уже говорил мне это в Китае, помнишь?

— Ага, и тогда я тоже вел себя как придурок. Неудивительно, что ты не хочешь меня.

Я опускаю голову.

— Каррик... Я...

— Прости. Представь, что я не говорил этого и не казался самым большим, хреновым неудачником на планете. Вообще-то, можем ли мы забыть обо всем и начать сначала?

— Начать сначала? — Я насупила брови.

— Да. Будто мы встретились впервые. Забыть обо всем, что было, и начать по новой.

— Ох. — Я не хочу забывать ни одного момента, связанного с ним. Даже если они плохие. — Зачем? — спрашиваю я тихо.

Он делает еще один шаг ко мне. Расстояние между нами минимальное. Я могу почувствовать запах его лосьона после бритья... чувствовать его. Мое тело начинает изнемогать от жажды.

— Потому что я осознал, что предпочту, чтобы ты была в моей жизни... чем чтобы тебя не было совсем. — Он выдыхает воздух, смотря на меня с надеждой. — Так, что скажешь?

Даже несмотря на то, что его желание стереть наше прошлое, словно оно ничего не значит, причиняет мне жгучую боль, я знаю, что не имею права испытывать ее. И не могу отказаться от шанса вновь обрести его в своей жизни.

Я протягиваю руку.

— Привет, я Энди Амаро.

Он бросает взгляд на мою руку, улыбка затрагивает его глаза. Когда он пожимает мою руку, я чувствую знакомые искры, которые всегда возникают при его прикосновениях, но в этот раз я чувствую боль настолько глубоко, что она прожигает мои кости.

Каким-то образом я умудряюсь взять себя в руки.

— Каррик Райан, — говорит он. — Приятно познакомиться, Энди.

— Вообще-то, зови меня Андресса, — улыбаюсь я. — Парень, которого я знала, лучший

парень на свете, всегда настаивал на том, чтобы называть меня полным именем.

В его взгляде появляется легкий блеск.

– Звучит так, словно он смысленный парень.

– Это так.

– Ладно, значит Андресса.

Забирая свою руку, он поворачивается к машине моего отца. Впервые присмотревшись к ней, он издает тихий свист.

– Ого, машина Уильяма Вульфа. Слышал о ней, но никогда не видел в реальности.

Чертовски роскошная. Она еще на ходу? Ты знаешь?

– Не думаю. – Я с грустью качаю головой. – Они обычно убирают двигатели, чтобы оставлять их в первоначальном виде.

– Досадно. Такая машина должна быть на дороге.

– Знаю. Это такое расточительство— просто стоять без дела, не использоваться. Ему бы было это ненавистно.

Взгляд Каррика возвращается ко мне, в его глазах вопрос.

И я осознала, что ляпнула. Дерьмо.

– То есть, мне кажется, что ему было бы это ненавистно, потому что ни один гонщик не хотел бы видеть свою машину, стоящую без дела, не используемую по назначению, так ведь?

– Я занервничала, потому скрестила руки на груди.

– Так. – Он возвращает взгляд на машину и пристально смотрит на нее. – Это также твоя любимая машина, верно? Ягуар XK120 MRoadster.

Он вспомнил.

– Да, – отвечаю я медленно.

– Хм-м-м, – мычит он.

Хм-м-м. Что это значит?

Его взгляд застыл на машине, а я потихоньку начинала поддаваться панике. Обеспокоилась тем, что он может соединить детали воедино.

Так что я решила, что самое время для моего ухода, и, на самом деле, мне стоит оставить его с ней. Я не хочу, чтобы это зашло слишком далеко, разрушило почву, что мы только что обрели.

Отступая назад, я говорю:

– Что ж... Осмотрюсь вокруг. Здорово было повидаться... и, ну, ты знаешь, утрясти все. – Я улыбаюсь. – Думаю, увидимся позже.

– Андресса, – зовет он меня.

Мое тело напряжено и стремится к нему.

Когда я разворачиваюсь, он уже движется ко мне.

– Ты... – Он делает паузу, взъерошивая волосы рукой. Он выглядит нервничающим, что странно, потому что Каррик никогда не нервничает. – Ты не против, если я пойду с тобой?

Я задерживаю дыхание, когда сердце подскакивает к горлу.

Я знаю, что сказала, будто не хочу заходить слишком далеко, но он спрашивает, может ли быть рядом со мной, и мы в совершенно иной обстановке.

– Конечно, не против. – Я сжимаю губы в искренней улыбке и, когда вижу, как на его лице появляется выражение расслабленности и улыбка, свойственная только ему, то просто игнорирую бешеный стук моего сердца.

Бедфордшир, Англия

Я В СВОЕЙ КВАРТИРЕ, наконец-то дома. Мы вернулись на Гран-пр Великобритании, который начнется через пару недель. В Англию мы прибыли вчера в полдень, и теперь у меня есть пять свободных от работы дней, прежде чем я вернусь к «Райбелл».

Четыре дня из пяти я собираюсь выспаться. Все эти переезды, работа до поздней ночи и вечеринки довели меня.

Я видела Каррика в ночь накануне нашего возвращения домой. Я была в баре отеля. Петра уже ушла, а Каррик как раз вернулся в отель. Он увидел меня, подошел и присоединился, сев рядом, и мы выпивали в баре вместе. Мне приходилось заставлять себя прекратить вспоминать о прошлом разе, когда мы были вместе в баре отеля.

Было непросто стереть эти воспоминания.

Но именно это я и пыталась сделать, как он и просил. И у нас все в порядке.

Есть ли у меня все еще чувства к нему?

Да.

Я по-прежнему хочу сорвать одежду с его тела каждый раз, как вижу?

Безусловно.

Но это никуда нас не приведет. Так что я фокусируюсь на том факте, что мы общаемся, и я счастлива снова обрести его в своей жизни, даже если между нами есть чувство неловкости.

Иногда мы словно топчемся на месте, будто пытаюсь выяснить, как вести себя друг с другом.

И как будто он знает, что я думаю о нем, потому что экран моего телефона загорается, и на нем написано его имя.

– Привет, – отвечаю я.

– Привет. – Ирландские переливы его голоса посылают волну ниже экватора, заставляя что-то перевернуться в животе. – Как дела?

– Хорошо. А у тебя?

– Да хорошо. Слушай, мне стало интересно, не занята ли сегодня ты в полдень. Просто я... у меня есть кое-что, что я хочу показать тебе.

– Звучит зловеще. Но, да, конечно, я свободна.

– Правда?

– Почему ты так удивлен? – смеюсь я.

– Не знаю. Я думал, что ты можешь быть занята, ну или что-то типа того.

– Единственное, чем я сейчас занята, это плиткой шоколада.

– Какого шоколада?

– «Гэлэкси», конечно. – Я улыбаюсь.

Он издает стонущий звук, и от этого у меня на самом деле загнулись пальцы на ногах.

– Хочешь миг уединения с моей плиткой шоколада? Я могу положить ее на телефон, если хочешь. У меня есть ФейсТайм.

(FaceTime это разработанная компанией Apple технология видеозвонков с помощью веб-камеры, благодаря чему

общение может осуществляться как по Скайпу.)

Он отрывисто смеется.

– Неа, я в порядке.

– Итак, что за штуковину ты хочешь мне показать?

– Увидишь.

– Эй, да ладно! Ты не можешь оставить меня в подвешенном состоянии. Просто скажи.

– Тебе не придется ждать долго. Я буду примерно через полчаса, чтобы забрать тебя.

– Тогда скажешь, когда увидимся.

– Нет, – смеется он. – Тридцать минут, Амаро. Будь готова к выходу.

Бросаю взгляд вниз и смотрю на себя, одетую в пижаму, даже не принявшей душ.

– Вообще-то, можешь быть через сорок минут? Мне нужно одеться.

– Прошу, не говори, что ты сейчас голая.

– Нет! – вспыхиваю я.

– Спасибо, блядь. Мне бы пришлось ехать быстрее, если бы это было так.

– Эй! – отчитываю я его игриво, удовлетворенная тем, что мы преодолели неловкость и вернулись к тому, с чего начинали.

– Сорок минут и ни секундой позже.

Затем он отключается, и я соскакиваю с дивана, устремляясь в душ.

Я уже одета в облегающие джинсы и футболку, волосы распущенные и почти высохшие, растираю бальзам по губам, когда слышу гудок машины.

Подхожу к окну и, открыв его, вижу припаркованную перед входом греховно соблазнительную красную Ламборгини.

Каррик выглядывает из окна, ухмыляясь мне.

— Две минуты, — сообщаю я ему.

Носясь по квартире, я беру куртку, сумку и телефон. Хватаю плитку шоколада, которую купила вчера, когда думала о Каррике, и запикиваю ее в сумку.

Выхожу из квартиры, запираю ее и бегу вниз по лестнице, покидая дом.

— Милая машина, — со свистом говорю я, ходя вокруг его машины, чтобы получше рассмотреть ее.

Это издание Авантадор LP 700-4 Пирелли Эдишн с черной матовой крышей и капотом, под которым вы можете видеть двигательный механизм. По бокам черной крыши идут тонкие красные линии, связывающие машину с брендом «Пирелли». Она совершенно новая и таких экземпляров не так много.

— Как долго она будет у тебя? — спрашиваю я, скользя рукой по роскошному кожаному сидению.

— Недолго.

Я знаю, что они были анонсированы в начале года и начало продаж прогнозировалось на лето, но не буду удивлена, если у него первый экземпляр. Он же Каррик Райан. Это мечта каждого концерна, независимо от уровня бренда, чтобы он повсюду ездил на их новейшей машине.

— Она прекрасна. — Я провожу рукой по линии корпуса.

— Да, это так.

То, каким тоном он это сказал, заставило меня повернуть голову в его сторону. Он смотрит на меня. Нет, он пристально смотрит на меня.

Я нервно сглатываю и начинаю мямлить:

— Двенадцатицилиндровый движок, шесть с половиной литров, производит шестьсот девяносто лошадиных сил, семиступенчатая автоматическая коробка передач, передняя подвеска и полноприводная трансмиссия, верно? Ставлю на то, что управлять ею подобно мечте.

(На данный момент примерная стоимость Lamborghini Aventador LP 700-4 Pirelli Edition от 350 тысяч долларов, т.е. от 20 млн. руб., цены не указаны в связи с тем, что издание лимитированное и поступило в продажу только в начале лета 2015 года, хотя предзаказ можно было сделать в декабре 2014.)

Он улыбается мне и у него опьяненный взгляд.

— Верно.

— Она разгоняется до ста километров за две целых и девять десятых секунд, так ведь? Максимальная скорость триста пятьдесят в час?

— М-м-м.

— Ты уже разгонял ее до максимальной отметки?

— Нет, у меня не было времени вывезти ее на трассу.

— Круто. Ну, я буду рада быть там, когда ты сделаешь это. — Затем я быстро обеспокоилась, что, может быть, переступила черту. — Ну, знаешь, если буду где-то рядом.

— Мы можем обкатать ее на этой неделе, если хочешь.

— Правда? — сияю я.

— Правда.

— Ура! — Я хлопаю в ладоши, и он смеется надо мной.

— Как ты можешь быть такой девочкой и такой охренительно осведомленной о машинах?

— Я просто потрясающая. Что еще сказать? — Я пожимаю плечами, ухмыляясь.

Он снова пристально смотрит на меня и мне становится жарко.

— Я взяла тебе кое-что, — объявляю я слишком громко, возвращая нас к реальности. Я лезу в сумку и вытаскиваю новую плитку шоколада «Гэлэкси Куки Крамбл».

— Черт, там же...

— Печенье? Ага. Не пробовал раньше?

— Нет, и мне интересно, какого черта. — Его глаза светятся, как у маленького ребенка.

— Говорил ли я тебе в последнее время, какая ты чудесная?

— В последнее время нет, — отвечаю я и отдаю ему шоколад.

Он разрывает упаковку и, отламывая кусок, кладет его в рот. Затем он начинает издавать стонущие звуки, от которых я начинаю ерзать на сидении.

Может быть давать ему шоколадку не было такой уж хорошей идеей. В данный момент я завидую плитке сласти «Гэлэкси».

— Черт... как хорошо. Хочешь? — предлагает он мне с набитым шоколадом ртом.

— Нет, с меня хватит. Спасибо. Не хотелось бы лишать тебя ни кусочка.

— Прости, — ухмыляется он. — Это только между мной и «Гэлэкси». У нас все довольно серьезно.

— Очевидно. — Я улыбаюсь ему дразнящей улыбкой и обожаю ту улыбку, что он возвращает мне в ответ.

— Тогда поехали, — говорит он, кладя шоколад по центру приборной панели. — Двигаем.

Он заводит машину и, дав на педаль газа, с ревом едет вниз по улице.

Через тридцать минут после того, как мы уехали от меня, мы оказываемся в тихой деревеньке Рэдклайв, и Каррик съезжает с городской дороги на подъездную, ведущую к металлическим воротам.

Нажимает на клаксон на руле, ворота открываются, и тогда мы едем по длинной извилистой подъездной аллее. В конце этой аллеи находится огромный дом в Эдвардианском стиле, и я могу только предположить, сколькими акрами земли он окружен.

— Ого, — говорю я, смотря через лобовое стекло. — Он твой?

— Ага. Родной дом.

Он останавливается у входа и выбирается из машины, так что я следую его примеру.

Я немного нервничаю из-за того, что он привез меня в свой дом, удивляясь тому, зачем он это сделал.

— Дом я покажу тебе чуть позже, но то, для чего я тебя сюда привез, находится в гараже.

Я иду с Карриком к огромной пристройке, которая расположена сбоку дома. Он достает крошечный пульт из кармана куртки и открывает одну из дверей гаража.

Мы заходим внутрь, и я оказываюсь в сконструированном для особых целей гараже — или мне стоит сказать в выставочном зале.

Я ошеломлена тем, сколькими машинами он обладает. Их, должно быть, минимум тридцать, и еще полно пространства для еще большего количества. В основном это классические машины, и есть парочка современных.

— Ого, Каррик. Это потрясающе. Я знала, что ты коллекционер, но... ого... — Это место похоже на воплотившуюся в жизнь мою мечту.

— Спасибо. У меня есть практически все машины, что я хочу, за исключением некоторых. Но та, которую я хочу показать тебе, стоит в конце. Ее доставили только этим утром.

Я иду за ним, глазами пробегаясь по каждой из машин, мимо которых мы проходим — классический Мини Купер, Додж Вайпер...

— Вот она.

Я разворачиваюсь на звук его голоса, отрывая взгляд от желтой Ламборджини Миура 1960-го года и....

О, мой бог.

Сердце ударяется о грудную клетку.

— Это... — Я делаю шаг ближе, мои руки трясутся.

— Машина Уильяма Вульфа? Да.

Я резко поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Ты купил ее?

Поверить не могу, что он сделал это. Зачем он сделал это?

Глупая часть меня с надеждой желала того, чтобы это было ради меня, что он каким-то образом понял значимость этой машины для меня.

— Я не украл ее. Не беспокойся. — Он ухмыляется, убирая руки в карманы. — Это грызло меня — то, что ты сказала о ее нахождении там, не будучи использованной по назначению, и как Уильям Вульф хотел бы, чтобы ею управляли. Так что я связался с

владельцем и сказал ему, что хочу ее.

— И он просто согласился?

— Не совсем так. Пришлось поугovarивать.

— Как сильно?

— Очень, плюс VIP-пропуск на пять лет на Гран-при.

— Ого. Дорогостоящие уговоры.

— Капля в океане. — Он пожимает плечами и обходит машину, направляясь к ее передней части.

Иногда я забываю, сколько денег у него есть в распоряжении.

Я подхожу ближе к машине, чтобы прикоснуться к ней кончиками дрожащих пальцев.

— Можно?

— Конечно.

Дотягиваясь, я открываю дверь. Затем, делая глубокий вдох, я скольжу на водительское сидение.

Я пытаюсь не вести себя странно, но это сложно.

Для меня это горький и сладостный момент.

Закрывая глаза, я кладу руки на руль, обвивая вокруг него пальцы.

Чувствую, как машина колышется. Открываю глаза и вижу, что Каррик забирается на пассажирское сидение рядом со мной.

— Ты счастлива, что я купил ее?

Гораздо больше, чем счастлива.

На глаза наворачиваются слезы. Я отгоняю их прочь.

Растягивая губы в улыбке, я говорю:

— Конечно, я счастлива за тебя, и счастлива, что эта машина больше не будет стоять на месте, как украшение.

Он смотрит на меня, словно взвешивая в уме что-то.

— Хорошо, потому что мне нужна твоя помощь, чтобы вернуть ее на дорогу. Если ты хочешь этого, хочешь?

Хочу ли я этого? А небо синее?

— Правда? — Внезапно я чувствую, что мне нечем дышать.

— Ага. Но будет много работы. Тотальный ремонт, так как она пустая. Возьмешься ли ты за это?

— Возьмусь. — Моя улыбка такая широкая, что практически разрывает лицо.

Каррик возвращает мне улыбку.

— Я буду платить тебе текущую ставку, само собой.

Что?

Я пялюсь на него так, словно он выжил из ума.

— Я не хочу, чтобы ты платил мне.

— Адресса, здесь много работы. Я не дам тебе работать за бесплатно.

— Не думаю, что ты понимаешь.

Он действительно не понимал, и в этот момент часть меня желала того, чтобы он знал. Боже, я душу продам за то, чтобы вернуть эту машину на дорогу. И я бы все отдала, чтобы управлял ею Каррик.

Но веду себя низко.

— Работать с такой машиной для меня подобно развлечению, как для других девушек

день в спа-салоне.

Он качает головой, смеясь.

— Андресса, ты не похожа ни на одну из девушек, что я знаю.

Я наклоняю голову, сужая глаза.

— В хорошем или плохом смысле?

— В самом лучшем. — Его слова полны смысла.

Я ловлю и удерживаю его взгляд. Воздух между нами искрится, и внезапно я чувствую все.

Кровь ударяет в уши, пульс ускоряется.

Воспоминания о нем и обо мне вместе... о нем во мне... проносятся у меня в голове, возбуждая меня, заставляя желать.

Каррик отводит взгляд, разрушая момент. Он прочищает горло.

Мне нужно сказать что-то, чтобы вернуть нас к тому, на чем мы остановились. Я не могу снова все испортить, ведь я только обрела его.

— Итак, никаких разговоров о деньгах. Я займусь этим, потому что хочу.

Он возвращает свой взгляд на меня.

— Если это то, чего ты хочешь.

— Хорошо. — Я мягко улыбаюсь и, выдыхая, возвращаю руки на руль. — Так, когда мы начинаем?

— Сейчас, если ты хочешь? — Он открывает дверь и выбирается из машины. — Ты можешь помочь мне составить список того, что нам понадобится. Я закажу все это и тогда мы приступим.

Выходя из машины, я говорю:

— Тогда начнем.

Букингемшир, Англия

ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ДНЯ я безостановочно занимаюсь машиной моего отца вместе с Карриком. Я практически очутилась дома.

Возвращать машину моего отца к жизни вместе с Карриком великолепно.

Несмотря на то, что это великолепно, это одновременно сложно, и не только потому, что я работаю над машиной отца. Несмотря на то, что для меня процесс сопряжен с эмоциями, я пыталась похоронить эти чувства. Я лишь молюсь, чтобы слезы не брызнули из глаз, когда впервые услышу ревущий мотор.

В дополнение ко всему, сложно просто находиться рядом с Карриком. Я словно бомба замедленного действия. Время от времени руки изнывают от желания прикоснуться к нему, а я уже на грани из-за накопившегося внутри меня сексуального напряжения, и уверена, что близка к тому, чтобы внезапно распалиться.

Но сводит меня с ума не только сексуальное напряжение.

Также мои к нему чувства. Это разрывает меня больше всего.

Нахождение в такой близости от Каррика в эти несколько последних дней вынесли на первый план все, что я так старалась скрыть.

Мои чувства к нему лишь возросли. Теперь они насыщеннее и сильнее, и их сложнее игнорировать.

Намного проще было представить, что я не хотела его, что не схожу по нему с ума, когда мы просто путешествовали с командой, или когда он был зол на меня, или когда мы танцевали друг с другом, пытаюсь выстроить мост, возвращающий нас к дружбе.

Но все время быть в непосредственной близости к нему.. все идет к той черте, когда это станет невыносимо.

И вместо того, чтобы ощутить облегчение в связи с тем, что мы практически закончили работать с машиной моего отца — ну, машиной Каррика — чтобы я могла создать между нами дистанцию, я обнаруживаю, что хочу вытравливать любое возможное расстояние как можно дольше, чтобы только находиться рядом с ним — отсюда и два с половиной часа копаний с подгонкой моторчика стеклоочистителя.

Два с половиной чертовых часа на работу, на выполнение которой требуется максимум час.

Просто... я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я хочу быть рядом с ним все время.

Я хочу его. Хотела бы я знать, как мне этого достичь.

Но все мои желания бесполезны. Каррик все это отпустил. Я для него в прошлом. Могу сказать... чувствовать это по тому, как он стоит передо мной. Это отображается в языке его тела. Больше нет случайных прикосновений. Он держится от меня на дружественном расстоянии.

Кроме того мимолетного момента в машине, он демонстрирует полное отсутствие признаков тех чувств, что испытывал ко мне прежде.

Он вежлив, мы все так же шутим друг с другом, но чувство, которое всегда исходило от него, которое говорило мне, что он видел меня другими глазами, ушло.

Я знаю, что он видит во мне только друга. Я знаю, что это именно то, чего я хотела,

когда говорила себе, что необходимо прекратить его стремление обладать мной, чтобы я сама могла перестать жаждать его. Но когда это стало реальностью, я испытываю ненависть. Это ранит чертовски больно.

И сейчас все, чего я хочу, это чтобы он видел меня той, которой считал раньше. Смотрел на меня, как прежде. Хочу, чтобы он хотел меня, как хотел до этого... как сейчас хочу его я. И то, что он больше так меня не хочет, ранит с невообразимой силой.

— Как продвигается дело? — Голос Каррика раздается из-за моей спины.

Я дергаюсь, останавливая свои мысли и прекращая мычать под музыку, раздающуюся из колонок радио.

Делаю последний поворот, вкручивая последний шуруп.

— Ага, все сделано.

Разворачиваясь, я вижу, что он держит два кофе в руках. Благодарственно улыбаюсь ему. Кладу отвертку в ящик для инструментов и вытираю грязные руки тряпкой. После бросаю ее на верстак и забираю кофе.

— Спасибо.

Он опирается на верстак.

— Итак... мы почти закончили.

Уголки моих губ опустились вниз, так что я делаю глоток, чтобы скрыть это.

— Ага, почти закончили. Нужен лишь стартерный двигатель, и мы покончим с этим.

— Он будет доставлен завтра. Я знаю, что ты возвращаешься на работу... так что сам могу его прикрепить, если хочешь.

— О, да? Хорошо, конечно. — Я пытаюсь спрятать разочарование за улыбкой.

Каррик наблюдает за мной. Опуская взгляд, он делает глоток кофе. Прижимая чашку к груди, он говорит:

— Приедешь завтра, когда освободишься от работы? Я подожду, прежде чем заводить ее. Я подумал, нам следует вывезти ее вместе.

Это меня радует.

— Конечно. Я попытаюсь вырваться пораньше и отправлюсь сразу сюда.

— Круто. — Он улыбается мне и делает очередной глоток кофе.

Воздух между нами кажется напряженным, и я не совсем понимаю, почему. Может я тому причиной, ведь чувствую грусть от одной только мысли, что мое времяпрепровождение с ним здесь подходит к концу.

Я делаю глоток кофе, когда из колонок начинает раздаваться песня Дэвида Гетта "Dangerous".

Эта песня играла в гараже, когда я впервые встретила Каррика.

Внезапно я чувствую энергию в помещении. Чистую наэлектризованность.

Поднимаю глаза на Каррика и вижу, что он уже смотрит на меня. В его глазах нечто глубокое и сильное, и от этого в моем животе что-то переворачивается, а колени подкашиваются.

— Эта песня... она играла, когда мы встретились впервые. — Его голос низкий и полон значения.

Словно он читает мои мысли.

Поверить не могу, что он вспомнил.

— Ты... помнишь? — Слова выходят с придыханием и свистом.

— Я помню все.

Делая глубокий вдох, я опускаю взгляд.

Я чувствую, как меня разрушает каждое чувство, что я испытываю к нему. Чувства, которые у меня есть с тех пор, как я повернула голову и увидела его, стоящим в гараже «Райбелл». Чувства, которые становились лишь сильнее.

Росли и превращались в нечто настолько большое, что я больше не могла это не замечать.

Все, что я могу сейчас видеть — это он.

Я поднимаю глаза и встречаюсь со взглядом Каррика. Взглядом, который практически убивает меня.

Я начинаю трястись вплоть до костей.

Не произнеся ни слова, он ставит кофе и медленно идет ко мне, не отрывая своих глаз от моих.

Я парализована. Даже если бы не была, я бы не пошевелинулась. Мне необходимо, чтобы он ко мне приблизился, я в этом нуждаюсь больше, чем в воздухе.

Забирая чашку из моей руки, он ставит ее в сторону. Затем поднимает свою руку и убирает прядь волос с моего лица.

Я всасываю воздух. Мое тело оживает от его прикосновения.

— Что ты делаешь? — Мой голос дрожит.

— Беру то, что хочу... что мое.

Он кладет ладонь на мое лицо, кончиком большого пальца пробегает по моей нижней губе, посылая волну трепетания через мое тело.

— Я так больше не могу, Андресса. Я думал, что смогу справиться с тем, чтобы просто быть тебе другом, но не могу. Я устал притворяться, притворяться, что не чувствую то, что чувствую. Я хочу тебя, и это никуда не девается. И я знаю, ты чувствуешь то же самое. Я могу видеть это в твоих глазах... чувствовать в твоём теле. — Он опускает руку на изгиб моей талии. — Мне надоело игнорировать неизбежное.

Он мягким поцелуем прижимается к уголку моих губ, и я задыхаюсь.

— Ты моя. Ты моя с того самого момента, как я увидел тебя. И я определенно твой. Итак, я здесь говорю тебе, чего хочу сегодня и каждый последующий день. Я не просто схожу с ума по тебе, это настолько сильное чувство, что я просто свихнусь, если не буду с тобой. Итак, что бы ни останавливало тебя от того, чтобы быть со мной, чего, мы оба знаем, ты хочешь, борись с этим, малышка, потому что я не могу быть без тебя больше ни единого мгновения.

— Я... — Голова кружится, во рту пересохло. Мое тело и сердце вопят о стремлении к нему, но здравомыслие пытается прорваться сквозь все это.

Но его слова проникают через мою практически разрушенную стену. То, что я чувствую к нему, никогда не пройдет, неважно, сколько бы я ни боролась.

Тогда все внезапно стало так просто.

Мне нужно попытаться быть с ним. Если не попробую, то буду жалеть до конца своих дней.

Смотря ему в глаза, я прижимаю ладонь к его груди. Обожаю то, как закрываются его глаза от ощущения моего прикосновения. Биение его сердца такое сильное под моей рукой.

— Я хочу тебя, — шепчу я.

Он открывает глаза и глубоко в них я вижу какое-то движение.

— Ты хочешь трахнуть меня? Или быть со мной? Потому что я не приемлю одно без

другого. Я не могу просто трахать тебя, а потом потерять, Андресса. Мне нужна ты. Вся ты.
— Мне нужен ты. Я больше не хочу убегать. — И только тогда я осознаю, что плачу.
Каррик с волнением смотрит, как слеза стекает вниз по моей щеке. Он вытирает ее большим пальцем.

Я могу чувствовать, как его тело дрожит под моей рукой.

И в этот момент я понимаю, насколько глубоки его чувства ко мне, и хочу, чтобы он знал, что и я испытываю то же самое.

— Я схожу по тебе с ума, — шепчу я. — Я хочу быть с тобой... всего тебя... если ты примешь меня?

Мои слова возымели над ним какой-то эффект.

В следующее мгновение я понимаю, что он целует меня и говорит:

— Боже, ты все, чего я, блядь, хочу. Все, чего я когда-либо хотел.

Я теряюсь в его поцелуе, прижимаясь своим телом к его, руками обнимая его за шею. Он крепко держит меня, жадно давя на мой рот, словно никогда не хочет меня отпускать.

И я не хочу отпускать его никогда, но есть кое-что, что мне нужно рассказать ему... мои страхи, почему я веду себя так, как веду. Мне необходимо рассказать ему о моем отце, чтобы он до конца осознал, во что ввязывается.

— Каррик, стой... — Я тяжело дышу ему в губы. — Прежде чем мы сделаем это, есть кое-что, что мне нужно сказать тебе...

— Нет, — рычит он в мой рот, прерывая меня. — Больше никаких разговоров. Можем поговорить позже, а сейчас мне нужно быть в тебе. Это может подождать.

Как будто я могу спорить с этим.

— Хорошо, — шепчу я. — Ладно.

Затем мы целуем друг друга сильно и отчаянно, как два изголодавшихся человека.

Полагаю, нам сильно недоставало друг друга.

Каррик начинает стягивать мою одежду, расстегивая оставшиеся замки на моем комбинезоне, едва сдерживаясь от нетерпения. Спуская комбез по ногам, я отталкиваю его носком обуви прочь, и остаюсь в джинсовых шортах и майке.

Я срываю одежду с Каррика с тем же неистовством, снимая его спецовку. Он снимает обувь и затем сдергивает одежду с ног с нетерпением, заставляющим меня улыбнуться.

Руками я тянусь к его джинсам. В тот же самый миг его руки оказываются на моих шортах, расстегивая пуговицу, после чего те сваливаются вниз по моим ногам. На протяжении всего этого времени мы отчаянно целуем друг друга — в губы, щеки, шеи, плечи и куда только можем.

Затем он приподнимает меня, я обхватываю его ногами, и он сажает меня на верстак. Он снимает с меня майку через голову. Обхватывает руками мою грудь в лифчике, трет большими пальцами уже затвердевшие соски, а я в это время дышу с трудом.

— Ты влажная для меня, Андресса?

Прикусывая губу, я смотрю ему в глаза.

— Да.

Протягивая руки за мою спину, он расстегивает лифчик. Снимая его, он бросает бюстгальтер на пол. Кладет руки на мою грудь, сжимает ее, опускает голову и ртом ловит сосок.

— Да. — Я откидываю голову назад, скуля от отчаяния и жажды.

Руками беру его за голову и прижимаю к себе, когда он начинает лизать и сосать сосок,

нежно массируя вторую грудь рукой.

Затем поцелуями он поднимается от моей груди ко рту. Хватает за волосы и целует жестче. В том, как он владеет моим ртом, присутствует практически неистовая настойчивость.

И это грандиозное рвение дает мне понять, как сильно он хочет меня.

После того, как он прикусывает мою нижнюю губу, он облизывает место укуса. Руками он давит на мою спину, пальцами впиваясь в кожу, и прижимает меня к себе, упираясь своей эрекцией в меня, заставляя желать его только сильнее.

— Мне необходимо трахнуть тебя, и это будет жесткая поездка, малышка, потому что я был без тебя слишком долго. Но потом я отведу тебя в мою постель, и мы растянем удовольствие. Хорошо?

Эм... как будто я скажу "нет".

Скользя рукой между нами, я через боксеры хватаю его за член и аккуратно сжимаю его.

— Трахни меня сейчас же. Я хочу тебя — жестко.

В его глазах вспыхнул огонь, словно перед ними зажгли спичку. Он срывает с себя футболку. Затем засовывает пальцы под резинку боксеров, спускает их вниз по бедрам, после чего дает им свободно упасть на пол.

Я жадно смотрю на его член. От нетерпения прикусываю губу.

— Продолжай так смотреть на меня и все закончится за считанные секунды.

Ухмыляясь, я поднимаю глаза на его лицо.

— Мне плевать, как долго это будет. Меня заботит только то, чтобы ты оказался во мне, предпочтительно в следующие три секунды.

Он снимает с меня трусики. Затем становится рядом, своей эрекцией упираясь в мою влажную плоть.

— Иисусе, ты так хороша, — рычит он, захватывая мой рот.

Поцелуй становится нежным, но мы оба так отчаянно нуждаемся друг в друге, что скоро снова словно набрасываемся друг на друга.

Пальцами я давлю на его ягодицы, пытаюсь приблизить его настолько, насколько это возможно. Одна рука Каррика находится на моей груди, второй же он спускается южнее. Большим пальцем давит на мой клитор, а другим пальцем проникает в меня, когда другой рукой одновременно щипает меня за сосок.

Сквозь меня проносится такой сильный заряд наслаждения, что я могу кончить сразу же.

— Боже! Мне нужно, чтобы ты вошел в меня! — кричу я.

Напрягшись от жажды, он вытаскивает из меня свой палец. Затем я вижу, как на его лице появляется выражение, похожее на озарение.

— Чтоб тебя!.. — огрызается он.

— Я вообще-то не против.

Он смотрит на меня, и я ухмыляюсь.

Рукой касаясь моего лица, он говорит:

— У меня здесь нет презервативов. Они в моем кошельке, который находится в доме, на кухонном столе.

Ох.

Он смотрит на меня мгновение.

— Хочешь... я схожу и возьму их?

Я знаю, о чем он спрашивает. И знаю, что определенно не хочу, чтобы он сейчас уходил. Ни на секунду. Мы можем пойти в его дом вместе, но я не хочу ждать. Я хочу его ощутить внутри себя сейчас же.

— Ты хочешь пойти за ними? — спрашиваю я мягко.

Нечто собственническое возникает в его взгляде. Удерживая мой взгляд, он качает головой.

— Я просто хочу быть в тебе.

— Я на таблетках, — говорю я тихо.

Рукой он скользит по моим волосам. Убирая резинку, пальцами он запутывается в моих локонах.

— Я чист, малышка. Я проверялся, и с тех пор, как у нас с тобой был секс, у меня больше никого не было.

Я вспыхиваю от воспоминаний, как он поднимает и прижимает меня к двери на лестничной площадке в отеле.

— И у меня. Никого, кроме тебя.

Беря меня за руку, он прижимает ее к своей груди.

— Малышка, вся эта хрень в прошлом, ошибки, что я совершал...

— Не надо... — Я опускаю глаза, прерывая зрительный контакт, мыслями уносясь к вещам, о которых думать не хочу.

Он берет мое лицо руками, заставляя меня посмотреть ему в глаза.

— Всегда была только ты. С момента, как увидел тебя, всегда была только ты, Адресса.

— Возьми меня, — шепчу я. — Сделай меня своей.

Убирая руки от моего лица, он берет свой член и водит им по моей влажности.

Мое тело начинает молить о нем, и я ритмично двигаю бедрами.

Он медленно входит в меня, и я задыхаюсь от ощущения его обнаженного горячего естества, от темноты и властности в его глазах.

Я с восхищением наблюдаю, как напрягается его лицо, как сжимается его челюсть, пока он входит в меня всей своей длиной.

— Адресса... Иисусе, ощущения феноменальные. — Своими бедрами он упирается в мои и снова берет мое лицо в свои руки. — Ты моя, малышка, и всегда будешь моей.

— Да, — выдыхаю я.

Его поцелуй страстный, глубокий.

Ногами я обвиваю его бедра, ногтями впиваюсь в его напряженную спину, побуждая его двигаться, и он угождает мне.

Каррик трахает меня на его верстаке, жестко и отчаянно. Приникая друг к другу, жадно наслаждаясь один другим, мы получаем то, в чем нуждаемся.

И проходит не много времени, когда я, взрываясь, кончаю.

— Черт... — рычит он, прежде чем сильно укусить меня за плечо. — Черт, малышка, я кончаю.

Я чувствую, как во мне дергается его член, когда он кончает, покрывая меня внутри его освобождением.

Ого. Жаркий секс в гараже с Карриком.

Нам определенно стоит сделать это снова — и скоро.

Его голова покоится на моем плече, и его дыхание глубокое и тяжелое. Руками я

пробегаю по его спине, двигаясь к волосам.

Он поднимает голову, и в его глазах я вижу проскальзывающую тревогу.

Я знаю, о чем он думает. Он беспокоится, что я снова уйду. Я ненавижу саму себя за то, что поступала с ним так прежде.

Хватая его за пряди, я притягиваю его лицо к своему и целую его сильно и отчаянно. В этот поцелуй я вкладываю все свои чувства, лгну к нему так, словно от этого зависит моя жизнь. Потому что в каком-то смысле это так.

— Я твоя, Каррик, — шепчу я ему в губы. — Я твоя, и я остаюсь, если ты того хочешь.

Отклоняя голову назад, он смотрит прямо на меня.

— Ты никуда не пойдешь, потому что я даже наполовину не закончил с тобой, и не уверен, что когда-то закончу.

Его слова пронимают меня до глубины души.

Руками взяв меня под ягодицами, он снимает меня с верстака, и начинает пересекать гараж, а его член все еще уютно расположен во мне.

— Куда ты меня ведешь?

— В душ, а затем в кровать, чтобы оттрахать тебя снова. И в этот раз я буду тебя смаковать, растягивая наслаждение.

Ого. Ладненько. С этим я смирюсь.

И только тогда до меня доходит, что это значит. В его кровать, а значит нам нужно выйти наружу.

О мой бог, он несет меня на улицу, а я голая, как и он, и его наполовину эрегированный член все еще во мне!

— Каррик! Нет! Мы не можем выйти. Мы голые!

— И что? — ухмыляется он. — Я живу в милях от любых населенных мест. Мы одни, малышка. Не беспокойся. — Он оставляет на моих губах сладкий поцелуй.

Толчком он открывает дверь, делает шаг наружу, выходя на полуденный теплый воздух, и я чувствую касание легкого ветра к моей коже.

Визжа, я руками обхватываю его шею, пряча лицо во впадине между плечом и головой.

— Поверить не могу, что ты делаешь это!

Он взрывается смехом.

— Уж поверь и привыкай. Потому что я собираюсь трахать тебя часто, в любое время, когда желание заполнит мои мысли, независимо от того, где мы будем.

Он шлепает меня по попе, заставляя тяжело дышать. Тогда я легонько прикусываю кожу его шеи, получая в ответ глубокий смех, который вибрациями проходит через мое тело.

Он проходит лужайку и ступает на тропинку, ведущую к двери кухни.

Как только мы оказываемся внутри, из меня вырывается выдох облегчения.

Пройдя в дом, он, неся меня, поднимается по лестнице.

За прошедшую неделю я часто бывала в доме Каррика, но никогда не была наверху.

Он проходит по лестничному пролету и заходит в комнату с открытыми дверями. В его спальню. Я бросаю быстрый взгляд вокруг, прежде чем он относит меня в его ванную комнату, и вижу милую большую кровать по центру очень мужественного помещения.

Он открывает дверь в душевую кабину. Поворачивает ручку и по мне ударяют брызги холодной воды, отчего я визжу.

Он разворачивается, пряча меня от ледяных струй, и прижимает к холодной стене из плитки.

— Она станет горячей через секунду.

Затем он захватывает мой рот поцелуем, и внезапно я чувствую жар.

Я чувствую, как внутри меня твердеет его член.

— Снова? — Я смотрю на него.

— Всегда.

Затем он двигается, прижимая меня к стенке душевой кабины, трахая жестко и сильно, и это великолепные и невероятные ощущения.

Он подводит меня к грани и кончает вместе со мной.

— Что ты делаешь со мной? — говорит он с придыханием, пристально смотря на меня с изумлением.

Я рукой дотрагиваюсь до его лица.

— То же самое, что ты делаешь со мной, — шепчу я.

Своим лбом он прижимается к моему, закрывает глаза и рычит.

— Я должен был растягивать удовольствие, когда принесу тебя сюда. Ты превращаешь меня в животное.

Я мягко смеюсь.

— Я рада, что со мной ты словно животное. И есть полно времени, чтобы замедлить темп.

Он открывает глаза.

— Да, это так. Все время мира. — Он целует меня, после чего опускает на ноги, наконец отпуская.

Делая шаг под струи воды, он тянет меня за собой, и мы принимаем душ вместе.

Я мою тело Каррика. А он моет мое. Затем он наблюдает за тем, как я мою волосы, используя его шампунь. Он просто стоит, опершись о стену из плитки, его тело блестит от капель воды, летящих от меня, когда я смываю средство для мытья волос.

— Что? — Я робко улыбаюсь, выжимая влагу из волос.

— Ничего. Просто рад, что ты здесь... что мы здесь.

От этого на моих губах расплывается улыбка.

— Да, и я тоже.

Выключая воду, Каррик берет меня за руку и выводит из кабины. Протягивает мне полотенце, которое достал с полки, другое берет себе и оборачивает его вокруг своей талии. Своим полотенцем я выжимаю волосы, и лишь потом оборачиваю его вокруг тела.

Я смотрю на него какое-то мгновение. Влажная, золотистого оттенка кожа, мокрые волосы — боже, он сногшибателен. И он мой.

— Что? — усмехается он.

— Просто люблюсь твоим горячим телом, — ухмыляюсь я.

— Любишься всем, чем захочешь. — Он роняет свое полотенце и срывает мое с меня.

Он поднимает меня, заставляя визжать. Я заметила, что ему нравится заботиться обо мне, и у меня нет абсолютно никаких возражений.

Он стягивает пуховое одеяло с кровати и кладет меня на мягкий матрас. Забирается на нее, оказываясь рядом со мной. Притягивает меня к себе — переплетая ноги с моими, а руками обнимая за талию — он прижимается лицом к моей шее и целует меня.

— Останешься на ночь? — Его губы двигаются, касаясь моей кожи.

Я отклоняю голову назад, чтобы видеть его лицо.

— Как будто ты дал бы мне уйти. — Я улыбаюсь.

Ответ заставляет его улыбнуться, и он прижимается ко мне сильнее.

— Я скоро покормлю тебя. Я просто хочу немного полежать, прижимая тебя к себе.

— Меня все устраивает, потому что я хочу быть прижатой к тебе.

Мы лежим в тишине, пропитанной удовольствием, я пальцами вожу по его спине, пишу наши имена, и довольно скоро слышу, как дыхание Каррика начинает становиться размеренным.

Он, наверное, измотан сексом.

Затем на меня накатывает умиротворение, которого я не чувствовала уже довольно давно, и тогда медленно закрываю глаза.

Когда я просыпаюсь, снаружи уже темно, комнату освещает слабый свет. Когда я повернула голову, то обнаружила Каррика уже бодрствующим, лежащим на подушке рядом со мной и наблюдающим за мной.

— Привет. — Я улыбаюсь, потягиваясь руками. — Давно проснулся?

— Какое-то время назад.

— Ты должен был разбудить меня.

— Ты была уставшей.

Затем в его глазах я увидела тревогу.

— Каррик... все в порядке? — Мой голос слегка дрожит.

— Все в порядке. — Он убирает прядь волос мне за ухо. — Ты все еще здесь, значит все хорошо.

Ты все еще здесь.

Все еще.

Он думал, что я сбегу. Даже после того, что я сказала в гараже, он по-прежнему думал, что я уйду.

И за то, что он так думает, винить мне некого, кроме самой себя. Сейчас ему от меня нужно подтверждение и успокоение, и я дам ему это.

Поворачиваясь всем телом, я кладу голову ему на грудь.

— Ты думал, что я проснусь и уйду?

Он мягко пожимает плечами, но я вижу, как что-то промелькнуло в его глазах.

— Я не уйду. И я прошу простить меня за те глупости, что я совершала в прошлом — отталкивала тебя после секса, бросала тебя, за все это. — Прижимаясь к нему, я прижимаюсь к его губам нежным поцелуем. — Я здесь, и я никуда не денусь.

Он притягивает меня ближе, перебрасывает мою ногу через его бедро, и лбом прижимается к моему лбу.

— Я гребаный тупица. Я знаю. Просто я не хотел проснуться и обнаружить, что тебя нет. И потом, я был напуган тем, что ты проснешься и осознаешь, что допустила ошибку, и уйдешь.

— Ты не тупица. У тебя была веская причина так думать, и мне жаль. Я не могу изменить прошлое. Но обещаю, что поговорю с тобой, объясню, что чувствую, почему веду себя именно так.

— Ты имеешь в виду — невменяемо?

Я грустно смеюсь.

— Ага, невменяемо.

Отодвигаясь назад, я кладу голову на подушку, чтобы видеть его.

— Есть кое-что, что мне нужно рассказать тебе о себе.

— Ладно. — Он смотрит на меня с беспокойством.

— Ничего плохого, связанного с нами. — Теперь, когда я собираюсь рассказать это, возникает ощущение, что я собираюсь сказать нечто грандиозное. — Это не нечто критическое. Просто это то, о чем я тебе не говорила, и тебе стоит это знать. То есть, я не говорила об этом никому здесь — ну, кроме Петры. Знает она и дядя Джон, но он знал это всегда, потому что...

Рукой он прикасается к моей руке.

— Адресса, все хорошо. Ты можешь сказать мне.

Глубокий вдох. Один. Два. Три.

— Мой отец Уильям Вульф.

Я ожидала, что он будет удивлен, но это не так.

Пристально смотря на меня, он кивает один раз.

— Ага, я знаю.

— Знаешь? — Воздух со свистом наполняет мои легкие, а брови сходятся на переносице в выражении сосредоточения. — Как ты узнал?

Его щеки покрылись легким румянцем, и он прикусил губу. Если бы я не была так встревожена, то тоже укусила бы его за губу, ведь выглядит он невыносимо сексуально.

Он выдыхает, прежде чем заговорить.

— Когда я увидел тебя на выставке машин, смотрящей на его машину и плачущей, я знал, что в этом что-то кроется, и потом эта мысль грызла меня изнутри. Я знал, что машина важна для тебя. Просто не знал почему — потому и купил ее.

Мою грудь стянуло от переполненности эмоциям. Беря его руку, я целую ее. Его лицо светится от чувств ко мне. Кладя ладонь на мою щеку, он целует меня в губы.

Оставляя руку на моем лице, он гладит мою кожу большим пальцем.

— Мне было необходимо заполучить эту машину несмотря ни на что, так что я позвонил владельцу и уговорил его продать ее мне. Когда сделка была совершена, я закончил говорить с ним по телефону и приступил к изучению машины, находя о ней все больше информации типа того, что мне нужно сделать, чтобы снова вернуть ее на дорогу. Эта машина ни в коем случае не должна была просто стоять у меня в гараже — не после того, что ты мне сказала. И, честно говоря, это был хороший повод для того, чтобы ты была рядом со мной, чтобы снова проводить с тобой время.

Пока я искал информацию о машине, я наткнулся на фотографию твоего отца с этой машиной. Он стоял перед ней вместе со своей женой... и тогда я понял. Я вспомнил фотографию твоей мамы, которую ты показывала мне в Куала-Лумпур. Конечно, она выглядела моложе, но я словно смотрел на тебя. Я заглянул на страничку твоего отца в Вики, и там было все. Супруга: Катя Амаро-Вульф. Ребенок: Адресса Вульф. Не нужно быть гением, чтобы понять, что ты его дочь, малышка. Я должен был понять это раньше из-за дяди Джона. Я знал, что он работал на Уильяма, и что они были хорошими друзьями. Просто я... — Каррик потер лицо рукой. — Я не понимаю, почему ты не говорила мне. Почему держала это в секрете?

Я выдыхаю.

— Потому что не хотела, чтобы люди думали, что дядя Джон дал мне работу лишь из-за того, кем был мой отец, ведь дядя был его лучшим другом.

— Никто бы так не подумал.

Я награждаю его взглядом.

— Они бы точно думали так. Я вполне привлекательная женщина механик...

— Вполне привлекательная? — Он приподнимает бровь. — Я склоняюсь к тому, что ты самая красивая женщина, которую я только встречал в жизни. Я глазам своим поверить не мог, когда впервые увидел тебя, наклонившейся над моей машиной, с этими длиннющими ногами и сексуальной задницей. — Он сжимает мою ягодицу. — Иисусе, я почти кончил в штаны. Сексуальнейший вид на свете, малышка.

Смеясь, я легонько шлепаю его по груди.

— Если бы все знали, кем был мой отец, они бы думали, что это единственная причина, по которой я здесь. Я просто хотела показать людям, чего стою до того, как они узнают, что я его дочь.

— Ты показала себя более, чем достаточно. Ты гениально выполняешь свою работу. — Рукой он скользит по моей ягодице и продвигается к внутренней части бедра. — Ты же осознаешь, что теперь, когда ты моя, я никогда не отпущу тебя, понимаешь? Из гаража или постели. Тебе придется остаться навечно.

Навечно.

Я игнорирую волну страха, что проносится у меня в груди.

— Это как раз по мне. — Я улыбаюсь.

Пальцами я пробегаю по его накаченным рукам и начинаю гладить их, обожая, как он вздрагивает под моими прикосновениями.

— Из-за твоего отца, из-за того, что с ним случилось... поэтому ты не хотела быть со мной?

Это пробуждает воспоминания. Эмоции переполняют меня, а рука застывает.

— Я не... Просто я не хочу снова потерять человека, который важен для меня.

— Ты не потеряешь меня, Андресса. — Кончиками пальцем он приподнимает мой подбородок так, чтобы я смотрела ему в глаза. — Я никуда не денусь.

— Ты не можешь этого обещать. — Мой голос звучит надломлено.

— Не могу, думаю, никто не может. Но все изменилось, сейчас ездить безопаснее, чем когда ты потеряла своего отца.

Каррик едет на скорости, близкой в тремстам семидесяти пяти километрам в час. В этом нет ничего безопасного.

— Просто... то, что я чувствую к тебе, Каррик... это пугает меня. Вот почему я пыталась держаться от тебя подальше так долго, как могла. Когда я думала о том, чтобы потерять тебя... мною завладевала паника, и я знаю, что в этом нет никакого смысла, но страх потерять тебя заставлял меня бежать.

— Больше никаких побегов, малышка.

Он сладко целует меня в лоб. Из-за этого на моих глазах выступают слезы.

— Ты тоже пугаешь меня. — Его губы касаются моей кожи. — Я никогда и ни с кем не был так близок за всю мою жизнь. То, что я чувствую к тебе... это за пределами всего мне известного. Но мы можем сделать это, потому что нам суждено быть вместе.

Он обнимает меня и крепко сжимает в своих руках, я же пытаюсь игнорировать тоненький слабый голосок, доносящийся из глубин моего сознания, говорящий мне о том, что это лишь вопрос времени, когда страх снова возьмет верх.

Букингемшир, Англия

Я ПРОСНУЛАСЬ, ПОЧУВСТВОВАВ КАРРИКА. От ощущения его тела на моем, рта, прижимающегося к моим губам нежным, сладким поцелуем.

Я со стоном уступаю, раскрывая губы, и он углубляет поцелуй, языком проскальзывая в мой рот, немедленно оживляя меня.

В теле ощущается сладостная боль, которая бывает только после грандиозного количества секса, но несмотря на это, с ним я готова к большему.

Прошлой ночью Каррик заказал нам ужин. Это была пицца, которую мы съели в гостинице. Также мы начали смотреть фильм, но я не смогла бы рассказать о нем ни единой детали, потому что увидела только первые десять минут или что-то около того. Мы снова набросились друг на друга на его диване, что закончилось тем, что он нагнул меня над кофейным столиком и взял сзади.

Как только мы отдышались и убрались, Каррик намекнул, что надо бы вернуться в постель, к чему я уже была готова — уставшая после такого количества секса. И мы снова занялись им на лестнице, прежде чем подняться по ней. Очевидно, я была не такой уж уставшей.

Он взял меня прямо на ступеньках. Я и не подозревала, что возможен секс вроде того, что был у нас на лестнице, но совершенно ясно, что возможен.

Я практически уверена, что у меня есть ожоги от ковра на заднице, коленях и локтях. Как будто мне не плевать.

Мы занимаемся сексом, как озабоченные подростки, и мне это нравится. Секс с Карриком не похож ни на что из того, что у меня было.

Он вертит меня, как хочет, и берет в самых разнообразных позах. Я пытаюсь не думать о том, как он стал таким опытным в занятии сексом в стольких позициях.

Вместо этого я фокусируюсь на его невообразимо ненасытном сексуальном аппетите по отношению ко мне. И о том, что по отношению к нему я испытываю то же самое.

Мы не можем в досталь насладиться друг другом. Я никогда не была такой с другими парнями.

Но Каррик необычный парень.

Его поцелуй становится легче, давая мне вдохнуть, и я открываю глаза.

— Это мой будильник? Потому что я серьезно могу привыкнуть к нему, ожидая каждое утро. — Вытягивая руки, я обвиваю ими его шею.

— Ну, тогда привыкай, потому что я намерен будить тебя таким образом каждый день. — Еще один поцелуй. — Просто ты выглядишь так чертовски сексуально. Ничего не могу с собой поделать. — Рукой он скользит вниз по моему бедру, переходя к его внутренней части.

— Который час? — спрашиваю я, видя, что уже светает, и зная, что мне необходимо быть на работе.

— Рано. А теперь тихо, и дай мне снова поцеловать тебя.

Я покладисто тянусь своим ртом к нему, и он с радостью заполучает его.

До того момента, когда все становится жарким и основательным, проходит не так уж много времени. Каррик начинает прокладывать дорожку из поцелуев вниз по моему телу.

Прижимаясь более долгим поцелуем к низу моего живота, он начинает языком лизать дорожку вниз.

Раздвигая мои ноги, он ложится между них и овладевает мной ртом.

— Ох! — Мои бедра дергаются от ощущения его языка на мне, пальцами я хватаюсь за простыни.

— Боже, ты такая приятная на вкус, — рычит он напротив моей плоти, и вибрации его голоса поражают все мои интимные точки.

Он входит в меня языком, и я не могу ничего поделывать, кроме как ритмично двигаться у его лица.

Когда он языком пробегает по моему клитору, я головой вжимаюсь в подушку. Он с энтузиазмом начинает лизать бугорок, вводя в меня сначала один палец, а затем и второй, и после этого начинает меня ими трахать.

— Да, — стону я. — Боже, Каррик, да... вот так. — Когда я чувствую нечто, проносщееся через мое тело, то кончиками пальцев ног впиваюсь в кровать, а мышцы на ногах напрягаются. Затем кольцо замыкается. И я кричу его имя, спиной выгибаясь на кровати.

Когда все проходит, я ослабленная падаю обратно на матрас, тогда он приподнимает меня, захватывая мой рот поцелуем. Мой вкус на его губах заводит меня только сильнее.

Он готовится к тому, чтобы войти в меня, и я хочу этого, но сначала...

Отталкивая его от себя, я переворачиваю его на спину и взбираюсь на него сверху.

— Поскачешь на мне, ковбойша? — Он ухмыляется и шлепает меня по попе.

Его глаза настолько полны огня и жажды, что волна возбуждения проносится через меня, и направляется прямо к моей влажности.

Я прикусываю губу.

— Может, но сначала... — Я даю словам затихнуть, когда двигаюсь к низу его тела, готовясь взять его в рот.

Поверить не могу, что это первый раз, когда я попробую его. Я так долго хотела этого. Но в спальне он всегда берет все под свой контроль, так что я позволяю ему вести.

Но теперь моя очередь.

Становясь на колени между его ног, я беру его член в руку. Обвивая его пальцами, я двигаю рукой вниз и вверх. Он так сексуально шипит, что все внутри меня отзывается на этот звук.

Облизывая губы, я опускаю голову и скольжу его членом в мой рот.

— Ох, черт... — рычит он, рукой хватаясь за мои волосы. — Так хорошо. Иисусе, твои губы вокруг моего члена... ты не представляешь, как часто я представлял это. Но это даже лучше, чем я мог думать.

Желая продолжать ублажать его, я выравниваю язык, и принимаю его длину максимально глубоко, пока его эрекция не упирается в стенки моего горла.

— Боже, черт. Да, именно так, Адресса.

Я начинаю сосать жестче, скользя ртом по его члену вверх и вниз, принимая его все глубже с каждым следующим разом. Я обожаю его горячие грязные похвалы, срывающиеся с его губ, то, как он тянет меня за волосы, когда трахает мой рот.

— Малышка, черт... ах, тебе нужно остановиться, или я кончу. — Он дергает меня за волосы, отрывая мою голову от его члена.

— Ну вроде как в этом и есть весь смысл, — надуваю я губы.

— В другой раз. Прямо сейчас я хочу трахнуть тебя.

Он начинает двигаться, чтобы изменить позицию, но я останавливаю его, рукой упираясь в его грудь.

— Нет. Оставайся на месте. Как сейчас и лежишь. — Я устраиваюсь на его бедрах, располагая свои ноги по сторонам от его, широко их раздвигая так, чтобы его член упирался в меня.

Он рычит.

— Всегда такая чертовски влажная для меня. Ты и не представляешь, как это заводит меня.

Через меня проносится жажда.

Поднимаясь на колени, я беру его член в руку и двигаю его к моей киске. Медленно сажусь на его длину. От чувства наполненности им я с силой всасываю воздух. А звук его рычания говорит мне о том, что ему сейчас так же хорошо, как и мне.

Я начинаю двигаться вверх и вниз, скачу на нем. Он быстро хватает меня за бедра, пальцами вцепляясь в кожу.

Зная, что у меня не так много времени до момента, когда он кончит, я начинаю скакать интенсивнее. Мои руки расположены на его животе, но я ни за что не могу ухватиться для поддержки.

Он предлагает свои руки. Принимая их, я переплетаю свои пальцы с его.

Через короткий промежуток времени он принимает сидячее положение, прижимаясь своей грудью к моей.

Я отпускаю его руки и хватаюсь за плечи. Его руки на моей спине, он взял контроль на себя, поднимая меня и опуская на свой член, ускоряя темп.

— Так хорошо, — стону я.

— Да, малышка. Мне нужно, чтобы ты кончила для меня.

Трение почти что слишком сильное, чтобы выносить его. Мое тело изнурено, и в тот же миг я взрываюсь, сжимаясь вокруг него.

Мы смотрим друг на друга, когда я кончаю, не в силах отвести взгляд. Я больше никогда не хочу отводить от него взгляд. И меня сражает то чувство, которое накатывало на меня прежде, но в этот раз гораздо сильнее, оно растекается по моим венам, вызывая головокружение...

Я люблю его.

Я влюблена в него.

Ох, боже.

Прежде чем я могу разобраться в своих мыслях, меня отбрасывает назад.

Каррик сверху, своим телом пригвождает мое. Локтями он давит на мои предплечья, удерживая их на месте, а руками обрамляет мое лицо.

Он двигается вперед и назад уверенными жесткими толчками, и я поднимаю ноги, оборачивая их вокруг него, вынуждая входить его глубже.

Его лицо напряжено. Его глаза потемнели от настойчивости и жажды. То, как он смотрит на меня, вкладывая во взгляд нечто более значительное, нежели прежде, заставляет меня прекратить дышать.

— Андресса... — рычит он мое имя, словно молится. — Черт, малышка...

Затем, как будто для него это уже слишком, он закрывает глаза. Своим ртом он накрывает мой, разрывая связь между нами, позволяя мне дышать.

Его тело напрягается, дрожит, и я чувствую, как во мне дергается его член, наполняя меня его теплотой.

Мы лежим какое-то мгновение, даря друг другу нежные поцелуи, прижимаясь к коже в тех местах, до которых можем дотянуться.

Затем он скатывается с меня, забирая меня с собой так, чтобы моя голова покоилась на его плече, и обнимает меня одной рукой.

— Это было... — Он звучит потерянно и благоговейно, и я чувствую то же самое.

— Не выразить словами. — Я наклоняю голову, чтобы смотреть на него.

— Не ходи сегодня на работу. — Пальцем он касается моей нижней губы, вода по ней скользящим движением. — Оставайся со мной.

— Я хочу... но не хочу подводить дядю Джона.

— Ты не подводишь его. Ты берешь день по болезни, как делают девяносто процентов населения. Технически, если смотреть с другой стороны, ты работаешь на меня, и я тебе говорю, что ты можешь прогулять работу.

— Ты даешь мне прогулять лишь потому, что получаешь от этого выгоду.

— Правда. — Он складывает губы бантиком и приподнимает бровь, делая свое лицо максимально привлекательным. — Но я прослежу, чтобы и ты не осталась обделенной.

Я смеюсь, обдумывая его предложение.

— Этим утром привезут запчасти для машины твоего отца. Мы можем приладить их и вывезти машину на дорогу вместе.

И он уломал меня. Я была на восемьдесят процентов уверена, что останусь лишь ради ощущения его горячего тела под моими руками, но если я могу быть здесь, чтобы завершить починку машины моего отца...

— Ты знаешь, как уговорить меня.

— Конечно, знаю. Если бы не знал, ты бы не была голой в моей постели прямо сейчас.

Я приподнимаю бровь.

— При условии, что это заняло какое-то время, — добавляет он. — Но, в конце концов, мы же здесь.

— Это точно. — Я улыбаюсь и целую его.

Возвращаясь назад в воспоминания, я вспоминаю, что мой телефон в гараже. Я оставила его там вчера. И если мне нужно позвонить и сказать больно, то необходимо достать его.

— Ух, я оставила телефон в гараже. Мне нужно позвонить дяде Джону и дать ему знать, что меня сегодня не будет.

— Используй мой.

— Ага, да! — Я смеюсь, но резко останавливаюсь, когда вижу не особо счастливый взгляд Каррика. — Что не так?

— Ты не хочешь, чтобы Джон знал, что мы вместе?

— Я этого не говорила. Но если я позвоню ему с твоего телефона, он моментально поймет, что я отпрашиваюсь не по болезни, а потому, что слишком занята тобой и постелью. И я бы предпочла, чтобы мой дядя не знал интимных подробностей моей жизни.

— Но ты собираешься рассказать ему, что мы вместе?

— Если это то, чего ты хочешь.

— Я этого хочу.

— А ты скажешь своему отцу и Пирсу?

Он смотрит на меня озадаченным взглядом.

— Конечно. Я буду рассказывать об этом любому, кто, блядь, станет слушать, что мы вместе. Что я с самой сексуальной девушкой на всем свете.

Я закатываю глаза в ответ на его шутливую фразу, но втайне обожаю ее.

— Не думаешь, что на работе это будет странно?

— Малышка, я практически уверен, что на работе, по меньшей мере, все знают, что мы переспали. По тому, как мы вели себя друг с другом на протяжении несколькими последних недель. — Выползая из-под меня, он встает с кровати. Подойдя к комоду, он достает из него пару пижамных темно-серых штанов на завязках и надевает их. — Мой отец даже спросил меня об этом на днях. Спросил, что происходит с тобой и мной.

Ложась на бок, я подпираю себя, упираясь в кровать локтем.

— И что ты сказал ему?

— Что я взбешен из-за того, что ты не станешь спать со мной. — Он ухмыляется.

— Ты не мог этого сказать! — Резко вдыхаю я.

— Что еще мне было сказать? — Он подходит и садится на кровать. — Что я чертовски страдал из-за того, что ты не хотела меня? Я не настолько откровенен со своим отцом, малышка.

Мои глаза закрываются, уголки губ опускаются вниз.

— Эй. — Он приподнимает мой подбородок пальцами.

Я снова смотрю на него.

— Не кори себя. Все это дерьмо в прошлом. Мы здесь, и у нас все хорошо. — Он заправляет прядь моих волос за ухо.

— Нет, у нас все гораздо лучше, чем просто хорошо. У нас все замечательно. — Рукой я скольжу к его шее, обнимая его. Притягиваю его к себе, своими губами соприкасаясь с его, и целую его.

— Хочешь, чтобы я принес твой телефон? — спрашивает он между поцелуями.

— Принесешь? — Я приоткрываю веки, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Для тебя я бы сделал все что угодно. — Он подмигивает мне, после чего поднимается с постели. — Скоро вернусь.

Я наблюдаю за тем, как его горячая задница покидает комнату. Нуждаясь в походе в ванную комнату, я поднимаюсь с кровати и иду в туалет.

После того, как закончила, я чувствую урчание в желудке, умирая от желания выпить кофе, потому решаю встретить Каррика внизу.

Я хватаю его рабочую футболку "Райбелл" и боксеры, что носила вчера, когда мы ели пиццу, ведь вся моя одежда все еще разбросана по всему его гаражу. Надеюсь, он захватит ее, когда возьмет мой телефон.

Я спускаюсь по лестнице и направляюсь на кухню. Я только занялась варкой кофе и закинула хлеб в тостер, а Каррик уже объявился с телефоном, моей одеждой и коробкой в руках.

— Как только я вышел наружу, появился парень из доставки. Вот и стартер. — Он ставит коробку на кухонную столешницу, куда также кладет и мою одежду, телефон же протягивает мне в руки.

— Рано он, — комментирую я.

— Ага. Ох, ты делаешь кофе и тосты. Ты лучшая девушка на свете. — Он целует меня в щеку, когда проходит мимо.

Я замираю на какое-то мгновение, удивляясь тому, что услышала, как он называет меня

своей девушкой. Затем, расслабившись, я даю этой информации просочиться в мое сознание.

Я его девушка. А он мой парень.

Звучу так, словно я все еще в старших классах.

— Ты хочешь джем, "Нутеллу" или арахисовое масло на свой тост? — спрашивает он меня, стоя у холодильника.

— Эм... "Нутеллу".

— Хороший выбор. — Он подходит с банкой "Нутеллы" и ставит ее на кухонную столешницу передо мной.

— Мне стоит позвонить дяде Джону и дать ему знать, что я не приду.

— Звони. Я закончу с завтраком.

Взяв телефон, я иду в холл. Вижу несколько сообщений от мамы, Петры и Бена, а также один пропущенный звонок от дяди Джона.

Проводя пальцем по экрану, я перезваниваю ему.

— Я звонил тебе вчера. Надеялся поужинать с тобой. — Раздался голос дяди из динамика.

— Прости. Я была с другом. — Я решила не вдаваться в подробности. Не могу же я рассказать ему все сейчас, когда сказываюсь больной. — Потому я и звоню. Кажется, прошлой ночью я съела что-то, что подкосило меня, и я паршиво себя чувствую. Живот болит. — Вообще-то, я даже прижала руку к низу живота, будто он мог видеть меня.

— Ты в порядке? Нужно, чтобы я приехал и позаботился о тебе?

— Нет. — Мой голос прозвучал неестественно высоко, так что пришлось контролировать его. — Нет, все будет нормально. Думаю, мне просто нужно выспаться. Завтра я уже буду в полном порядке.

— Ну, не торопись. Приходи, когда почувствуешь себя лучше.

— Ладно. Спасибо, дядя Джон.

— Позвоню тебе позже, проверю, как у тебя дела. Выздоровливай, малая.

Попрощаясь, я закончила разговор. Затем отвечаю на мамины сообщения. Если не отвечу, она начнет сходить с ума.

Затем я возвращаюсь на кухню.

Каррик уже сварил кофе и приготовил тосты, разложив все для меня на барной стойке. Сам он жует свой тост и читает что-то в своем телефоне.

Увидев меня, он опускает его.

— Порядок? — улыбается он.

— Ага, порядок. — Я сажусь на высокий табурет. — Чувствую себя хреново от того, что вру ему, но если это значит, что я проведу день с тобой, то оно того стоит.

Этими словами я зарабатываю улыбку, от которой останавливается сердце.

Когда мы позавтракали, чашки и тарелки загрузила в посудомоечную машину я, потому что Каррик приготовил завтрак.

Душ мы принимали вместе, но мылись дольше, чем должны были, так как Каррик наклонил меня так, чтобы я руками упиралась в плиточную стену, и взял сзади.

Наконец мы спустились в гараж, где я надела рабочий комбинезон поверх другой футболки Каррика и его боксеров. Из-за того, что моя одежда испачкана, я запикиваю ее в стиральную машину Каррика, чтобы у меня хотя бы была чистая одежда, в которой я смогу отправиться домой.

Каррику, кажется, нравится смотреть на меня в его одежде. Честно говоря, мне нравится

носить его вещи. Нравится вдыхать его запах.

Стартерный мотор мы установили меньше, чем за час. Быстрая и легкая работа, когда мы выполняем ее оба. Но по большей части установкой я даю заниматься Каррику. Я вроде как счастлива сидеть позади и наблюдать за его сладкой задницей, когда он нагибается над машиной.

— Серьезно, я чувствую себя куском мяса, когда ты похотливо пялишься на меня оттуда. — Его голос раздается из-под капота машины.

— Добро пожаловать в мой мир. И, серьезно, ты жалуешься? Я думала, тебе нравится быть обожаемым женщинами.

Он поднимает голову и смотрит на меня.

— Нравится. — Выбираясь из-под машины, он подходит ко мне, своими грязными руками скользит по моей талии, закрытой комбинезоном. — Но только одной женщиной. — Он целует меня в кончик носа.

— Неплохо отвертелся.

— Думаю, да. — Он ухмыляется.

— Как она? — Я киваю в сторону машины.

— Все готово. — Он улыбается.

Я чувствую легкую дрожь в груди.

— Готова испытать ее на дороге? Посмотреть, стоит ли она того тяжелого труда, который мы проделали?

Мой взгляд возвращается к его привлекательному лицу.

— Думаю, стоит, даже если машина не тронется с места. — Я улыбаюсь, имея в виду меня и его, то время, что мы провели вместе, занимаясь машиной, все то, что связало нас.

— Определенно стоит. — Он трет свой носом о мой, а затем нежно целует.

Делая шаг назад, он достает ключ от машины из комбинезона и протягивает его мне.

— Дерзай. Заведи ее, малышка.

Я следую за ним к машине. Открываю дверь у водительского сидения и забираюсь внутрь.

Он с тихим щелчком закрывает капот и садится на пассажирское сидение рядом со мной.

Я мгновение смотрю на ключ в моей руке и затем вставляю его в зажигание. Бросаю взгляд на Каррика, и он смотрит на меня, подбадривая.

Делая глубокий вдох, я поворачиваю ключ. Машина слегка пыхтит, пока вся механика пытается взаимодействовать, притираясь и приспособляясь к другим запчастям.

Отпускаю зажигание, жду несколько секунд, а затем включаю его снова, и в этот раз она оживает.

Я сияю лучезарной улыбкой, смотря на Каррика.

— Она работает! Поверить не могу, что она работает!

— Я могу. Ты можешь починить все, за что ни возьмешься.

Но не себя. Я не могу починить надломленность в себе.

Я прикусываю губу, чувствуя, как дрожу.

— Я заставил тебя расчувствоваться? — спрашивает он.

— Немного. — Из глаз текут слезы. Я вытираю их.

— Ну, я могу сделать либо лучше, либо хуже. — Он тянется к бардачку и достает оттуда какие-то бумаги. Протягивает их мне, вынуждая принять.

— Что это? — спрашиваю я, забирая их.

— Если моя девушка не знает, как выглядит техпаспорт, мне следует обеспокоиться.

Я слышу нотки нервозности в его голосе, и глазами начинаю сканировать бумаги.

Черт подери...

— Каррик... я... ты...

— Она твоя.

— Нет. — Я едва дышу. — Каррик... это слишком... ты не можешь...

— Могу и делаю. — Поворачиваясь на сидении, он берет мое лицо в свои руки. — Я купил ее для тебя. Она принадлежит тебе. Это то, чего хотел бы твой отец.

Я закрываю глаза, часто моргая, а по щекам катятся слезы. От эмоций в горле встал ком.

— Мне нравится, что ты делаешь... но это так много денег. Я вроде как не могу принять от тебя такую сумму.

— Она без права передачи. Документы оформлены. Все легально и закреплено. Единственный способ избавиться от этой машины — это продать ее, но не думаю, что ты так поступишь. — Он смотрит на меня победным взглядом.

Я должна быть зла на него за то, что он делает... тратит так много денег на меня. Но как я могу злиться на такого красивого мужчину, который для меня делает такие красивые вещи?

— Каррик... я... — Люблю тебя. — Гораздо больше, чем просто схожу по тебе с ума. — Затем я целую его, вкладывая в поцелуй все чувства.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, тяжело дыша, он прижимается своим лбом к моему.

— Я действительно хочу тебя прямо сейчас, но думаю, что трахать тебя в машине твоего отца будет несколько жутковато.

— Не несколько жутковато. Абсолютно кошмарно.

Он усмехается.

— Ну, давай обкатаем ее, посмотрим, как она поведет себя. Затем возвращаемся сюда, и остаток для я провожу в тебе, трахая тебя в каждой комнате моего дома и, вероятно, в саду.

Ухмыляясь ему, я отвечаю:

— Звучит идеально.

Будапешт, Венгрия

СПРАВЕДЛИВО СКАЗАТЬ, что за последние пару недель мы с Карриком стал невероятно близки. В личных отношениях мы достигли того уровня, которого, мне казалось, я никогда не буду способна достичь с мужчиной вообще.

Мы часто находимся рядом друг с другом, разделяемся только тогда, когда я работаю, а он тренируется.

Каррик хотел, чтобы я прекратила делить комнату с Петрой и просто осталась с ним, но мне показалось, что мне следует сохранить некоторую независимость от него. Его это не осчастливило, но я настояла.

Оставаться в его номере вместе с ним было похоже на сожителство, а я не хочу торопить события. Но даже если мои вещи могут оставаться в номере, занимаемом мной и Петрой, я все равно каждую ночь провожу в постели Каррика. Держаться от него хотя бы на каком-то расстоянии довольно сложная задача, так что нахождение моей одежды и принадлежностей в другом номере является единственным способом создать видимость того, что мы движемся постепенно.

Все знают, что мы вместе. Каррик настоял на этом. Он рассказал отцу и Пирсу, а я рассказала дяде Джону, и, вопреки моим ожиданиям, он не был удивлен. Само собой, я рассказала Петре, и она просто взорвалась от восторга. От Бена я получила: "Давно, черт бь вас побрал, пора".

Очевидно, сексуальное напряжение между мной и Карриком убивало остальных.

Каррик взял Гран-при в Британии. Для него это было грандиозным явлением. Победить дома — всегда знаменательно.

Также он взял победу в Германии.

Я гордилась им. Но на Гран-при в Англии я осознала, как тяжело мне будет строить отношения с Карриком. Когда я наблюдала за его гонкой на мониторе, на меня нахлынула самая настоящая паническая атака.

Она взялась из ниоткуда. К счастью, я была в чувстве достаточно, чтобы отправиться в уборную до того, как кто-нибудь смог бы увидеть.

Каррику я об этом не рассказала. Он так радовался победе, что я просто не хотела портить ему настроение, потому ничего и не сказала. В Германии это случилось снова.

Теперь мы в Будапеште, и до гонки несколько дней. Сказать, что я тревожусь, это ничего не сказать.

Мне нужно найти способ справиться с этим. Он всегда будет заниматься гонками, и даже если я с ним, ничего не изменится. Мне все время придется наблюдать. Мне нужно научиться справляться.

— Я нормально выгляжу? — спрашиваю я Каррика.

Мы в моем номере. Он лежит в моей постели и выглядит потрясающе: одет с темные джинсы и футболку, смотрит телевизор, пока я одеваюсь.

Петра ушла поужинать с ребятами. Мы с Карриком идем ужинать с его отцом.

Это была идея Оуэна.

Я переживаю. Я знаю, что не нравлюсь Оуэну.

— Ты выглядишь прекрасно. — Каррик поднимается с кровати и подходит ко мне. Кладет руки на мою талию, стоя за моей спиной, и смотрит на меня через отражение зеркала. — Ты всегда выглядишь прекрасно.

Я одета в симпатичное, длинной по колено, платье в цветочек без рукавов, а обута в золотистые сандалии, что купила, когда мы ходили шопиться с Петрой. Ее помощь в покупке всех этих девчачьих вещей неоценима.

Прикусывая губу, я отвечаю на его взгляд.

— Я просто хочу произвести хорошее впечатление. Я хочу понравиться ему.

— Ты ему нравишься. — Он усмехается. Чувствую, как он грудью прижимается к моей спине.

Я приподнимаю бровь.

— Нравишься, — повторяет он. — Думает, что ты хорошо на меня влияешь.

— Он думает, что я отвлекаю тебя.

— Но ведь ты отвлекаешь меня. Ты плохая... плохая отвлекающая Андресса. — Языком он проводит по моей шее, продвигаясь к уху. Он щипает мочку уха зубами, и от этого по моему телу бегут мурашки.

— Я плохая, да?

— Ммммм... ты очень, очень плохая.

Руками он скользит на мой живот. Затем обхватывает грудь и большими пальцами трет уже затвердевшие соски. В мою чувствительную зону выстреливает заряд возбуждения.

— И я бы показал, насколько ты плохая, если бы прямо сейчас нам не нужно было идти на ужин.

Разворачиваясь в его объятиях, я приподнимаю уголок губ.

— Мы можем отменить ужин и остаться здесь. Я дам тебе наказать меня за то, какая я плохая. — Приподнимая руки, я сжимаю запястья вместе, принимая самый невинный вид.

Это привлекает его внимание. В его глазах я вижу проблеск похотливости, а у своего бедра чувствую упирающееся в меня доказательство.

— Черт, вот теперь он встал. — Он бросает взгляд на часы и рычит. — Мы уже опаздываем, так что я не могу трахнуть тебя по-быстрому. — Сжимая мой подбородок одной рукой, он жестко меня целует, языком проскальзывая в мой рот, заставляя меня рычать. — Когда мы вернемся, я привяжу тебя к моей постели и покажу тебе, насколько плохим могу быть я.

Отпуская меня, от двигается назад с его самым горячим взглядом, заставляющим мое лоно трепетать.

— А теперь давай покончим с этим ужином, чтобы мы могли вернуться назад, и я смог бы оттрахать тебя до потери пульса.

Чувствуя жар между ног, я решаю завести его еще сильнее, потому что не собираюсь мучиться одна.

— Ах да, просто, чтобы ты знал, на мне нет белья. — Я одариваю его дерзким взглядом, когда прохожу мимо, и хватаю клатч с туалетного столика.

Эту заманчивую информацию я собиралась сохранить на потом, но не смогла ничего с собой поделать.

— Прощу, скажи мне, что ты шутишь. — Он снова грудью прижимается к моей спине, вынуждая меня остановиться, и руками поднимает мое платье, чтобы обнаружить меня обнаженной и готовой для него. — Иисусе, ты не шутишь, — рычит он, лбом упираясь в мое

плечо.

— Просто подумай, насколько проще будет заполучить меня. — Я стреляю глазами, смотря на него, когда он поднимает голову.

— Боже, это ужин обещает быть очень долгим, если я буду знать, что ты сидишь рядом со мной обнаженная. Не удивляйся, если я выдерну тебя в уборную и трахну прямо там.

Мо глаза расширяются.

— Ты не посмеешь! Не в то время, пока мы с твоим отцом.

— Разве не посмею? — Он приподнимает бровь. Затем шлепает меня по заднице и отходит назад. И, открывая дверь, говорит:

— После тебя.

Мы встречаемся с Оуэном в "Костес". Это любимый ресторан Каррика в Будапеште. А так как мы остановились в отеле "Четыре сезона", то находимся от него недалеко, потому отправились с Карриком пешком.

Мы прибыли в ресторан первыми.

Когда приехал Оуэн, мы уже были на месте и заказали напитки.

— Я не опоздал?

— Нет, ты вовремя, — отвечает Каррик.

— Энди, рад тебя видеть.

Оуэн наклоняется над столом, чтобы поцеловать меня в щеку, так что я приподнимаюсь ему навстречу.

Он садится напротив меня. Беря свое меню, он делает заказ, обращаясь к официантке.

— Итак, как прошел день? — спрашивает он Каррика.

— Хорошо. Утром я тренировался. Затем повез Андрессу прокатиться по Цепному мосту, после чего мы отправились ознакомиться с некоторыми достопримечательностями.

(Мост Сеченьи, цепной мост— подвесной мост через реку Дунай, соединяющий две исторических части Будапешта — Буду и Пешт.)

— Да? Какими?

— Съездили к Базилике святого Иштвана, а также посетили мемориал "Туфли на набережной Дуная", — отвечаю я.

(Памятник воздвигнут в 2005 году в память о жертвах Холокоста. На берегу Дуная из чугуна отлито 60 пар женской, мужской и детской обуви. Во время Второй Мировой Войны евреев увозили на баржах в неизвестном направлении, чтобы расстрелять, а перед этим приказывали им снимать обувь и оставлять ее на берегу, чтобы затем использовать по своим нуждам.)

— О, да, я был на набережной Дуная. Нашел мемориал невыносимо трогательным.

— Да, это так.

Официантка вернулась с нашими напитками.

Я беру меню и начинаю знакомиться с предлагаемыми блюдами.

— Что порекомендуешь? — спрашиваю Каррика.

— Мясо теленка. Я обычно заказываю его.

— Но... разве это не ребенок коровы? — хмурюсь я.

— Ага.

— Иисусе, я не буду есть ребенка коровы. — Я кривлю лицо от отвращения. — Вместо этого закажу стейк.

Каррик взрывается смехом.

— Ты не станешь есть детей коров, но согласишься на взрослых? Где логика, малышка?

— Но они же дети! — Я активно жестикулирую. — Это неправильно!

— Но есть их мамочек нормально?

Черт. Он подловил меня.

— Ладно. Я буду речных раков.

— А если это их детишки?

Мерзавец.

Глаза Каррика полны веселья. Даже Оуэн смеется, отбросив голову назад.

Я смотрю на Каррика, сузив глаза, затем мой взгляд возвращается к меню, быстро его сканируя.

— Я буду равиоли со шпинатом. — Я захопываю меню, выпячивая губу.

— Эй, малышка, я просто дразню тебя. Заказывай стейк.

— Нет, как ни странно, сейчас я его не хочу.

— Не дуйся. — Большим и указательным пальцами он одергивает мои дрожащие губы.

Как будто я могу злиться на него.

— Я не дуюсь. Обещаю. — Я мягко улыбаюсь. — Равиоли хороший выбор.

Он мне в ответ улыбается с такой теплотой, что возникает ощущение, будто моя кожа укрыта ею, как если бы меня осветило солнце. Он закидывает свою руку за спинку моего стула.

Когда я поворачиваю свое лицо, то вижу, что Оуэн наблюдает за нами с нескрываемым интересом.

От этого я задаюсь вопросом, всегда ли Каррик такой ласковый с женщинами перед его отцом. Оуэн не выглядит удивленным, так что может я и права.

Затем в голове возникают мысли о том, вел ли он так себя с Сиенной, и мне внезапно становится плохо.

Я рада, когда передо мной появляется бокал вина. Я делаю долгий глоток.

— Вы готовы заказать? — спрашивает официантка.

Каррик ухмыляется мне.

— Да, готовы.

Мы делаем заказ и возвращаемся к спокойной беседе.

Оуэн спрашивает меня о семье, и я с помощью Каррика изящно уклоняюсь от любых расспросов о моем отце. Затем Оуэн спрашивает меня о времени, когда я работала на гонках серийных автомобилей. Кажется, ему действительно интересно.

И я расслабляюсь. Может в этом и был смысл. Отвлечь жертву, а потом напасть на нее, чтобы убить, когда та совершенно не будет этого ожидать.

— Мне нужно отойти в уборную, — говорит мне Каррик со злобным блеском в глазах.

Если он думает, что я покину этот стол, чтобы присоединиться к нему, то ему следует подумать еще раз.

Не то чтобы я отрицательно относилась к сексу с Карриком в общественном туалете. Я отношусь к этому отрицательно, пока мы ужинаем с его отцом.

— Ладно. — Я мило ему улыбаюсь. — Не задерживайся.

Он игриво сужает глаза, а затем удивляет меня тем, что рукой берет меня за подбородок и нежно целует в губы.

— Скоро вернусь.

Я наблюдаю за тем, как он уходит, а ощущение его поцелуя все еще остается на моих

губах. Затем я поворачиваюсь обратно к столу.

Оуэн наблюдает за мной. И что-то в выражении его лица изменилось. Оно стало жестче. В области желудка образовалось нехорошее предчувствие.

— Ты нравишься ему. Сильно.

— Я рада этому. Он мне тоже сильно нравится. — Я улыбаюсь, но улыбка получается вымученной.

Оуэн наклоняется вперед, локтями опираясь о стол.

— Знаешь ли ты, что мать Каррика оставила его, когда он был еще мальчиком?

— Да, он рассказывал мне.

Он выглядит удивленным.

— Ну так из-за того, что она ушла, он не может с легкостью довериться людям. Он не попускает их близко. Особенно женщин. Оттуда и его образ жизни, его перебежки от одной женщины к другой. До тех пор, пока не появилась ты. По каким-то причинам ты отличаешься от остальных. Он доверяет тебе. Он подпустил тебя к себе. И я этому очень рад — честно говоря, испытываю облегчение — потому что все, чего я хочу для него, это чтобы он остановился на одной единственной хорошей женщине. А ты милая, Энди. Ты не такая, как прочие девушки. Ты умная и красивая, но...

И вот оно. "Но", которого я ждала.

— Я вижу в тебе то, что было в моей бывшей жене. У тебя тот же самый взгляд, который всегда был у нее — взгляд беглянки. Ее взгляд был обусловлен мыслями о том, что в жизни она может достичь гораздо большего, чем если останется со мной и с Карриком. Она всегда стремилась к большему и лучшему, бежала туда, где, ей казалось, она может этого достичь. Но у тебя... — Он качает головой, смотря на меня оценивающе. — У тебя взгляд такой, словно ты предпочитаешь бежать не к чему-то, а от чего-то.

Я почувствовала головокружение. Он может видеть меня насквозь, и на данный момент я чувствую себя беззащитнее, чем когда-либо.

— Оуэн...

Он поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Полагаю, я знаю, что ты собираешься сказать, и тебе не нужно этого делать. Все, чего я прошу, это если ты не уверена, что сможешь построить с Карриком длительные отношения, оставить его прямо сейчас. Разбей его сердце, пока он еще способен это пережить, а не годы спустя, когда будет слишком поздно, когда он будет не в силах что-то исправить.

Ощущение такое, словно он только что ударил меня под дых. Я борюсь за воздух.

И что мне говорить?

Что он прав. Что каждый раз, когда я смотрю гонку с участием Каррика, мой страх растет по экспоненте. Что вскоре в один из дней он возьмет надо мной верх, и я сбегу от Каррика.

Что, просыпаясь каждое утро, я смотрю в лицо Каррику и осознаю, насколько я слаба. Осознавая, что однажды я причиню ему боль и не буду способна остановить себя.

Что я знаю, что недостаточно хороша для Каррика и никогда не буду.

— Все в порядке? — Каррик стоит у столика.

Я стремительно убираю все эмоции с лица и натягиваю улыбку, прежде чем посмотреть на него. Я сочиняю на месте.

— Конечно. Твой отец рассказывает забавные истории из твоего детства.

— Ох, боже, — рычит Каррик, падая в свой стул. — Что ты рассказал ей, чтобы я быстро смог исправить нанесенный тобой ущерб?

— Ничего плохо, сынок. — Оуэн бросает на меня взгляд. — Ничего, о чем тебе пришлось бы беспокоиться.

Я поднимаю бокал вина и осушаю его.

Остаток ужина проходит для меня словно в тумане. Я присоединяюсь к беседе, когда это нужно, и смеюсь в правильных местах, но все, что занимает и грызет мой мозг, это слова Оуэна.

Мы только что закончили с десертом, и я более чем готова уйти.

— Останетесь на кофе? — спрашивает Оуэн. — Или на бренди после ужина?

— С меня хватит, — отвечаю я.

— Каррик? — спрашивает Оуэн.

Я смотрю на него, когда он не отвечает на вопрос своего отца сразу же. Он пристально смотрит на меня, и я вижу это в его глазах. Он знает, что я не на сто процентов искренняя.

— Ты устала? — спрашивает он меня.

— Немного. Но ты можешь остаться и выпить. Я не возражаю.

Он смотрит на меня несколько долгих секунд. По его голубым глазам видно, что он взвешивает что-то в уме. Он отрывает взгляд от меня и смотрит на своего отца.

— Нет, достаточно. Спасибо, па.

Обожаю, когда он так делает: опускает второй слог и называет отца просто "па". Это так мило.

— Полагаю, сейчас мы направимся в отель. — Каррик зовет официантку, чтобы попросить счет.

— Я оплачу этот, сынок. — Его отец поднимает руку, когда Каррик тянется за кошельком.

— Хорошо. Спасибо, па.

Оуэн единственный человек, которому Каррик позволяет заплатить за что-то. Наверно это фишка отца и сына.

Как только счет оплачен, я поднимаюсь со стула. Каррик помогает мне надеть пальто.

— Поедешь в отель с нами? — спрашивает Каррик Оуэна, когда мы покидаем ресторан.

— Нет, у меня есть кое-какие дела. — Он кивает в направлении ожидающей его машины. — Но увидимся завтра.

— Ладно.

— Энди, было мило провести с тобой время вне рабочей обстановки. — Оуэн целует меня в щеку.

— Да, мне тоже. — Моя улыбка натянута.

Как только мы начинаем идти, Каррик рукой обнимает меня за плечи, а я свою кладу ему на спину. Свободной рукой он держит мою руку, переплетая свои пальцы с моими, и прижимает наши руки к своему бедру.

— Уверен, что у отца в каждой стране, в которую мы отправляемся, есть пассия — либо это, либо у него проблемы с азартными играми. — Он улыбается самому себе.

— Что тебя заставляет так говорить?

— А в каждой стране, по крайней мере в одну из ночей, он просто исчезает с фразой "есть кое-какие дела" без дальнейших объяснений.

— Был ли у него кто-то всерьез... после твоей мамы?

— Пока я был ребенком, не было никого — никого, о ком бы я знал. Когда я стал немного старше, была парочка девиц, но он всегда сфокусирован на моей гоночной карьере.

— Он сильно тебя любит.

— Да, это так. Иногда даже слишком сильно. Думаю, это из-за того, что он чувствует себя обязанным отдуваться за уход матери.

— Ты не можешь винить его за это.

— Знаю.

— Моя мама такая же, — говорю я ему. — После отца... она, бывает, слишком опекает меня.

— Как она справляется с тем, что ты далеко, путешествуешь по миру?

— Потихоньку ей становится проще. — Я мягко смеюсь.

— Как насчет того, что ты встречаешься со мной — гонщиком? Что она думает об этом?

Вообще-то раньше он никогда особенно не интересовался мнением моей матери о нем. Догадываюсь, что это в нем разжег его отец этим вечером.

— Она счастлива, если счастлива я.

Честно говоря, она не так много говорила, когда я рассказала ей обо мне и Каррике. Думаю, это по большей части связано с его репутацией. И отчасти с тем, чем он занимается в жизни.

— А ты счастлива?

Я широко улыбаюсь.

— Очень.

Он наклоняется ко мне и целует.

— И я тоже. Как никогда прежде.

Я беру ту его руку, что обнимает меня за плечи и тяну ее к своим губам, чтобы поцеловать. Я теснее прижимаюсь к его боку.

Пока мы идем, я слышу мягкие звуки начинающей играть песни Эда Ширана “Thinking Out Loud”, раздающейся из колонок в ресторане через дорогу, перед которым этим дивным вечером сидят и ужинают люди.

— Обожаю эту песню, — бормочу я.

Вынуждая меня остановиться, Каррик говорит:

— Потанцуешь со мной?

Я осматриваюсь вокруг.

— Эм, здесь?

— Да, здесь. Я хочу потанцевать с моей девочкой под звездами. — Жестом он указывает на ясное ночное небо.

Затем он закручивает меня в своих руках так, что я оказываюсь к нему лицом.

— Ты не можешь отрицать, что мусорный бак добавляет некой романтичности ситуации.

— О, да, грязный мусор... так сексуально. — Я начинаю смеяться, обожая то, как он смеется надо мной.

— Заткнись и танцуй со мной. Ты убиваешь момент.

— Ладно. — Я уступаю, давая ему двигать нас под музыку. Но я чувствую себя несколько смущенно и глупо. Я бросаю взгляд на ресторан через дорогу. - Люди пялятся, — шепчу я.

— Так позволь им паяльничать. Мне плевать, потому что я не смотрю на них. Я смотрю только на тебя.

Это заставляет меня посмотреть на него. Он смотрит на меня так, как и всегда — с такой пронзительностью во взгляде, что я чувствую ее отголоски глубоко в сердце, чувствую, как она проникает в те места, в которых он уже прочно обосновался.

— Что, если кто-то узнает тебя? — спрашиваю я, пытаюсь приземлить себя и не потеряться в нем окончательно.

Но тогда он говорит:

— Тогда они увидят меня, танцующим с моей девочкой, по которой я схожу с ума. — Он прекращает танцевать, в его взгляде серьезность. — И я, малышка, абсолютно, чертовски, до умопомрачения без ума от тебя.

И ощущение приземленности возносится к звездам вместе с моим сердцем. Прильнув к нему, своим лбом я прижимаюсь к его, и закрываю глаза, несмотря на глубину моих чувств.

— Я тоже без ума от тебя.

И я остаюсь с ним, танцуя на улице Будапешта, пока песня не затихает, осознавая, что время, которое я провожу с ним, стремительно подходит к концу, и не понимая, как остановить то, к чему все идет.

Марина Бэй, Сингапур

Я ПРИЖИМАЮ КОНЧИКИ ПАЛЬЦЕВ к холодному стеклу окна, через которое смотрю на освещенную городскую трассу «Марина Бей», где завтра у Каррика будет гонка.

Сейчас поздно. Каррик спит в постели, а я боюсь.

Мои страхи растут все сильнее с каждой следующей гонкой. Ото дня ко дню я сражаюсь за сон. Мысли спуганы. И кажется, будто переживания не отпускают меня из-за того, что время от гонки до гонки проходит слишком быстро.

Я вымотана, истощена и в смятении.

И здесь, в Сингапуре, ощущения хуже всего. Я правда стараюсь изо всех сил, и не знаю, почему так происходит — может, потому, что гонка уже завтра в девять вечера. Не то чтобы в Сингапуре была плохая трасса. Просто темнота, даже несмотря на освещение, создает помеху для ясного обзора.

От мыслей о завтрашнем дне, как Каррик забирается в его болид и выезжает на трек... я чувствую тошноту.

Каррик знает о моем беспокойстве с тех пор, как мы вместе. Он знает, как я переживала конкретно из-за этой гонки. Просто не знает, до какой степени.

Он не знает о панических атаках.

И я не хочу разбирать с ним свои страхи детально, потому что он ничего не может сделать или сказать, чтобы помочь мне. Мое состояние улучшится только в единственном случае — если он не отправится на гонку, а этому не бывать.

Во-первых, потому что он не может остановиться. И, во-вторых, я бы никогда не попросила его об этом, и не только потому, что знаю, каким будет его ответ.

Гонки — это сущность Каррика. Ими насыщен воздух, которым он дышит, и пропитана кровь, что течет в его венах.

И хотя я знаю все это и знаю, кто он такой, это не уменьшает моих страхов.

Мои опасения просачиваются во все, чем я занимаюсь. Я более чем тщательно осматриваю его болид, гораздо придирчивее, чем делала это прежде. Если раньше при проверке безопасности машины я была просто активна и энергична, то сейчас я одержима. Я перепроверяю все по три или четыре раза. Настолько скрупулезно и дотошно, что Бен начинает делать мне замечания.

Каждый раз, когда Каррик выезжает на трассу, я не дышу до тех пор, пока он не возвращается в сохранности.

Так вот как мама чувствовала себя каждый раз, когда папа участвовал в гонке?

Все эти годы быть с ним, одолеваемой волнениями о том, что какая-то гонка может стать последней.

Как в итоге и стало.

Лбом я прижимаюсь к прохладному стеклу, пытаюсь уговорить безостановочно носящиеся в моей голове мысли.

— Что ты делаешь, малышка?

Звук хриплого сонного голоса Каррика застает меня врасплох, заморозив мои мышцы.

Заставляя себя расслабиться, я поворачиваюсь к нему.

— Не могу заснуть.

Он пересекает расстояние между нами. Теплыми руками скользит по моим предплечьям и сжимает мои плечи.

— Беспокоишься из-за завтрашней гонки?

— Немного.

Так сильно, что едва могу дышать. Я не могу посмотреть ему в лицо, опасаясь, что он увидит правду в моих глазах.

Беря мое лицо в свои руки, он отклоняет мою голову назад, вынуждая посмотреть на него.

— Все будет в порядке. — Он доносит смысл фразы решительным взглядом. — Со мной все будет в порядке. — И прижимается к моим губам утешающим поцелуем.

Я чувствую выступающие слезы. Остановливая их, я обнимаю его за шею и крепко держу.

— Прости, что разбудила тебя, — бормочу я напротив его рта.

Он отклоняется.

— Не разбудила. Меня разбудило холодное пустое место в постели, где должна была лежать ты. Мне не нравится тянуться к тебе и не находить тебя.

— Прости. Возвращайся в кровать. Тебе нужно отдохнуть перед завтрашним днем. Я приду через пару минут.

— Нет, мне нужна ты. — Его руки скользят на мою спину. Сдвигая трусики грубыми пальцами, ладонями он хватает мои голые ягодицы и снова завладевает моим ртом, но в этот раз напористее.

Я знаю, чего он хочет. Я тоже этого хочу. Я всегда хочу его. И в последнее время даже сильнее и отчаяннее из страха, что каждый раз может быть последним.

Тело Каррика прижимает меня к стеклу. Когда поцелуй становится глубже, я чувствую упирающуюся в мой живот эрекцию, посылающую пронизывающие меня сверкающие молнии желания.

Он отрывается от моего рта и стягивает с меня трусики. Прижимает меня спиной к беспощадно охлаждающему кожу окну. Большим пальцем трет мой сосок, заставляя меня задыхаться и стонать ему в рот.

Затем поцелуями он движется ниже, к подбородку, шее, груди; прежде чем опуститься на колени, он запечатлевает поцелуи на каждой вершине. Смотря на меня в темноте, он рукой скользит под мое бедро. Приподнимая мою ногу, он располагает ее на своем плече. Разделяя мои складки пальцами, он прижимается ко мне ртом.

Когда его горячий язык упивается мной, я с тяжелым вдохом погружаюсь в его волосы пальцами. Я смотрю вниз, на его голову между моих ног, на него, ублажающего меня, и теснее прижимаюсь к его рту.

Я люблю его. До боли. И не могу сказать ему. Потому что если скажу, то все станет реальным, и если я потеряю его...

Все становится слишком сложным, чтобы выносить это.

Я закрываю глаза на страх, любовь и смятение, и фокусируюсь на ощущениях, что он дарит мне прямо сейчас. Он предлагает мне бегство на небеса.

Затем его язык касается меня в нужном месте, и я разлетаюсь на кусочки у его рта.

Он поднимается на ноги без единого слова. Пальцами я вцепляюсь в резинку в его пижамных штанах. Я тяну их вниз по его бедрам, давая им упасть на пол.

Он делает шаг, переступая через них, и пинает штаны в сторону. Приподнимая мои ноги, он оборачивает их вокруг своих бедер. Затем скользит вперед, толкаясь в меня.

— Каррик... — бормочу я, сдавливая его плечи руками, когда откидываю голову назад, к стеклу.

Не отрывая взгляда, он целует меня практически отчаянно, переплетая свой язык с моим, и берет меня прямо там, где каждый может увидеть нас.

Сам секс чувственный и проникновенный... невообразимо проникновенный. Мы не разговариваем. В окружающей нас тьме слышится лишь наше прерывистое дыхание.

Я дрожу, когда достигаю своего второго оргазма, и мое тело тесно сжимается вокруг его.

Когда он вдальбливается в меня и наполняет всем, чем обладает, с его губ рычанием срывается мое имя.

Запыхавшись, своим лбом он прижимается к моему, и его дыхание смешивается с моим.

— В моем будущем нет ни единого мгновения, в котором я не видел бы тебя. — Он произносит эти слова шепотом, пальцами запутываясь в моих волосах.

Я душу свои эмоции, неспособная говорить.

А даже если бы могла говорить, что бы я сказала? «Не планируй свою жизнь со мной. Да, я хочу этого, но не вижу ее так, как ты. Я борюсь изо дня в день, но не знаю, окажусь ли в конце концов достаточно сильной, чтобы остаться.»

Я не могу.

И тогда, как истинная трусиха, я ничего не говорю и молчу о своей слабости. Обнимая его за шею, я прижимаюсь к нему лицом.

Приподнимая мои ноги, Каррик оборачивает их вокруг своей талии и относит меня обратно в постель.

Все еще находясь во мне, он нежно кладет меня на кровать и располагает свою голову у меня на груди, где и лежит всю оставшуюся ночь.

Марина Бей, Сингапур

— Я ДОЛЖНА БЫТЬ ТАМ, проводить последние проверки.

— Малышка, расслабься, Бен и Робби уже сделали это. Болид в порядке. Он более чем готов. Здесь ты полезнее. — Он со спины обнимает меня за талию. Его подбородок покоится на моем плече, и он смотрит в окно перед нами. — Мне нравится перед гонкой быть с тобой. Ты мой новый предгоночный ритуал.

Его слова должны были подарить ощущение тепла и безопасности, но не вышло. Ничто не могло пройти сквозь выстраивающуюся внутри меня стену страха.

Я пытаюсь скрыть от Каррика, что весь день вся на нервах. Не хочу сбить его концентрацию. Не хочу, чтобы он беспокоился обо мне. Я хочу, чтобы он сфокусировался на гонке.

Я весь день не могу есть. К тому же еле заснула ночью. Когда Каррик отнес меня в постель, я просто лежала и наблюдала за тем, как он спит на мне. Пока я пальцами зарывалась в его волосы, мое тело деревенело под его весом, но я не смела пошевелиться просто потому, что не хотела. Я боялась, что это могла быть моя последняя ночь с ним, и мне нужно было быть к нему близко настолько, насколько это возможно. Мне было необходимо обнимать его.

Я так страшилась того, что эта гонка отберет его у меня.

Я знаю, что нелогична. Но ничего не могу поделать. Это не поддается контролю.

Хотела бы я быть другой. Быть сильной ради него.

Когда все стало настолько плохо?

Когда я влюбилась в него.

Мои страхи возрастают, увеличиваются, словно монстр. И я еле сдерживаю порыв сказать ему, чтобы он не уходил. А оставался со мной навечно. И никогда не покидал меня.

Каждая следующая гонка переносится мной хуже предыдущей, и мне интересно, когда я достигну апогея, и если достигну, то смогу ли справиться с ситуацией. Сейчас она кажется едва терпимой.

Мне кажется, я на краю обрыва, смотрю вниз на скалистое дно и у меня нет другого выхода, кроме как упасть.

— Малышка... поговори со мной.

Мои мысли возвращаются к нему.

— О чем? — Я пытаюсь сделать голос ровным и спокойным.

— Почему ты замкнутая, и твое тело напряжено, несмотря на то, что я тебя обнимаю?

Я поворачиваю голову и смотрю на него.

— Просто я немного нервничаю... из-за гонки.

— Я уже говорил, что тебе не о чем беспокоиться. Ты сотни раз видела мои гонки.

— Вообще-то не сотни. И тогда ты не был самым важным человеком в моей жизни. — Слова сами сорвались с моих губ. Неправильно было говорить это, но по многим другим причинам именно эта фраза и была правильной.

Его глаза наполняются теплом и чувством ко мне, которое, я знаю, сильно. Только не знаю, насколько.

Каррик не говорил, что любит меня.

И несмотря на то, что я хочу, чтобы он любил меня, часть меня — коротая трусит — не хочет этого. Если он любит, то это только усложнит все.

— Ты же знаешь, что это взаимно? Ты на первом месте моего списка... не то чтобы он был длинным. Ну, вообще-то, в нем только ты и мой отец.

Он улыбается, поворачивая меня в своих руках лицом к нему. Большим пальцем я провожу по уголку его улыбки, и он игриво ловит его зубами.

— Мне нравится, что ты переживаешь за меня, но ты же помнишь, кто я, верно? Я Каррик Райан, лучший гонщик в мире. Все эти гоночные передрыги я знаю от и до, малышка. Я приду первым, и мы отпразднуем мою победу в постели, где я оттрахаю тебя всеми возможными способами.

Я вымучиваю улыбку.

— Только возможными?

— Вот это моя девочка. — Он касается моих губ своими. — Боже, я охренеть как обожаю тебя, Андресса.

И я люблю тебя, Каррик.

Прежде чем я могу ответить, раздается стук в дверь.

— Время. — В проеме двери появляется голова Бена.

— Иду. — Каррик целует меня еще раз.

На его языке я чувствую вкус его традиционного предгоночного шоколада «Гэлэкси», и по какой-то причине в моем горле застревают слезы, вновь поднимая во мне волну отчаяния.

Пальцами стискивая его гоночный костюм, я сильнее прижимаюсь к его рту, требуя от него большего.

Давая мне то, в чем я нуждаюсь, он обнимает меня и притягивает к себе еще ближе. Он целует меня так, словно это первый и последний раз.

Прошу, вернись ко мне.

Отрываясь от меня с тяжелым дыханием, я вижу в его глазах пламенное желание. Губами он прижимается к моему лбу и бормочет слова в мою кожу.

— Обожаю до одури, малышка.

Скользя своей рукой по моей, он хватается за шлем, и мы вместе покидаем его номер, следуя в гараж за Беном.

Каррик натягивает балаклаву и надевает шлем. Он подмигивает мне, прежде чем опустить визор. Затем он забирается в кокпит. Бен пристегивает ремни безопасности. Руль выровнен.

Он готов.

Возвращайся.

Перед тем, как отправиться на прогревочный круг, он поворачивает ко мне голову. Стучит по шлему двумя пальцами и выезжает из гаража на трек.

И я делаю шаг назад, чтобы наблюдать за ним по мониторам.

Я сама себя накручиваю. Ни с кем не могу говорить. Пару раз Петра и Бен пытались завязать со мной разговор о гонке, но мой взгляд все время был сосредоточен на мониторах, а изо рта в ответ вылетало всего пару слов бессмысленного бормотания.

Мои глаза сухие и уже болят, потому что я жутко боюсь моргнуть, а то вдруг чего-нибудь пропущу.

Я не могу упустить ни единой мелочи.

Каррик ведет хорошо... очень хорошо. Но он еще не останавливался для смены резины, и это начинает меня беспокоить. Ему скоро понадобится смениться. Ведь он управляет болидом очень жестко.

На данный момент он мчится по прямой и стремительно приближается к повороту. Прямо перед ним идет замыкающий, и я знаю, что Каррик раздражен, он хочет проехать. Я вижу это по его агрессивной манере вождения болидом. Мне не нужно быть у контрольной панели, чтобы знать, что Каррик проклинает другого пилота. Я могу слышать голос Оуэна, говорящего ему успокоиться.

(Замыкающий пилот — это гонщик, который отстал от остальных на круг и находится на последней позиции.)

Я бросаю взволнованный взгляд в направлении Оуэна, но глаза возвращаются обратно к мониторам, где я вижу, как стюард машет замыкающему синим флагом, сигнализируя тому, что он должен пропустить Каррика вперед.

(Синий флаг показывается пилотам, к которым приближается быстрее соперник, обгоняющий их на круг.)

Флаг поднимается. Хвала господу.

Они почти добрались до поворота, когда флаг взмыл ввысь, и я ожидала, что замыкающий замедлится и отъедет в сторону, чтобы пропустить Каррика.

Но он не замедлялся.

Разве он не видел флаг?

И затем я вижу, как это случается за долю секунды до самого события.

Другой пилот оказывается слишком самоуверенным и недостаточно замедляется для входа в поворот. Задними колесами он уходит в занос как раз в тот момент, когда Каррик обходит его сзади, чтобы прорваться мимо. Хвостовую часть замыкающего заносит прямо на полосу Каррика. Она врывается в переднюю часть болида Каррика, отчего машина кругами несется через всю трассу и впечатывается в стену.

Нет!

Крик застревает у меня в горле.

Я хочу бежать к нему, но замираю на месте. Мои глаза расширяются от страха, руки закрывают рот, и я отчаянно всматриваюсь в мониторы в поисках намека на движения в кокпите. Я вижу, как обломки его болида разлетаются по трассе, и стюард карабкается по решетке, чтобы добраться до него.

Вокруг тишина. Слышно только Оуэна. Его истеричный голос зовет Каррика, просит того отчитаться, что с ним все в порядке.

Мое сердце бьется так сильно, что становится больно.

Прошу, будь в порядке, малыш. Молю.

Затем я вижу движение руки Каррика. Он выдергивает руль и выбрасывает его из болида.

Он в порядке. Спасибо, господи, он в порядке.

Звучит коллективный выдох облегчения.

Я успокаиваюсь. И даже больше. Но все еще не могу дышать.

Почему я не могу дышать?

Потому что он мог умереть. Эта авария могла убить его. Один неосторожный удар — только и всего — мог отнять его жизнь.

Как и жизнь моего отца.

— Хвала господу, он в порядке. На какую-то секунду я даже заволновалась. — Петра стоит позади меня, выдыхает от облегчения, ее руки лежат на моей талии.

Я даже не знала, что она здесь.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает она меня.

Я смотрю на нее безучастным взглядом. Я пытаюсь пошевелить губами, но ничего не получается. Все, на что я способна — это немой кивок опустошенной головой.

Он мог умереть. На этот раз ему повезло.

А что насчет следующего раза?

Я отвожу взгляд от монитора. Каррик не в болиде, он идет к пит-стопам. Выглядит злым. Он в бешенстве и разочарован тем, что выбыл из гонки.

Он в порядке. Он возвращается.

Но я все равно не могу дышать.

Потому что прямо сейчас он мог быть мертвым. Прямо как твой отец. Он мог погибнуть в этом болиде.

Голова идет кругом. Взгляд затуманивается. Сердце колотится. В ушах бурлит кровь. Колит кончики пальцев.

Паника сдавливает мое горло своими уродливыми руками и плотно сжимает его.

Мне нужно убраться отсюда. Я так не могу.

Я отшатываюсь от Петры и бормочу что-то бессвязное. Слышу, как она зовет меня, но не могу остановиться.

Я покидаю гараж, выходя в пустой коридор, задыхаясь без воздуха.

Я не могу дышать.

Вижу фонтанчик для питья и на трясущихся ногах направляюсь к нему. Включая холодную воду, я припадаю к ней ртом и увлажняю высохшие губы. Вдохи все еще обжигают горло, а грудь тяжелеет, своим вдруг ставшим грузным телом я облокачиваюсь на фонтанчик и помещаю запястья под бегущую воду — вычитанный мною трюк о том, как успокоить учащенный пульс во время панической атаки.

У меня уходит вечность на то, чтобы обрести какое-то подобие контроля. Чтобы избавиться от потемнения в глазах.

Но я все еще не в норме. Мой разум все еще беспокоен из-за страха. Я все еще встревожена.

Мой мозг заполняют различные формы «а что, если бы».

Что, если бы его машина врезалась в стену под другим углом? Вместо того, чтобы идти оттуда, он был бы унесен с того места.

Что, если бы из-за столкновения взорвался бензобак? Что, если бы машину охватило пламенем? У него не было бы даже шанса быть унесенным оттуда, потому что он бы...

Иисусе. Зрение снова помутилось. Я сильно тру глаза.

Я так больше не могу.

Не могу выносить эти чувства. Не могу снова вернуться туда. Не могу потерять того, кого люблю, вот так.

И Каррик заслуживает лучшего, чем я. Большого, чем я могу ему дать.

Любая нормальная девушка бежала бы к нему, нуждаясь в том, чтобы почувствовать его, прикоснуться к нему, лишь бы убедиться в том, что он в порядке.

Не то, что я, которая умчалась прочь и спряталась в коридоре с нахлынувшей

панической атакой, потому что все это чересчур, чтобы мириться с этим.

Он заслуживает гораздо большего. Я недостаточно сильная, чтобы быть с ним. Я сломлена.

Его отец был прав. Я должна оставить его сейчас, пока нанесенный мной ущерб минимален. Мне следовало уйти еще недели назад. Не стоило заходить так далеко.

Я просто дурю саму себя, думая, что могла так поступить.

Потому что не могла.

Как только я отворачиваюсь от фонтанчика, то вижу Каррика, закупающегося в автомате, наполненном его шоколадом. От этого сердце пронизывает сильная и сокрушительная боль.

— Адресса?

От звука его голоса я закрываю глаза и, сделав глубокий вдох, поворачиваюсь к нему лицом.

Он выглядит смущенным. Взбешенным. Но напуганным. В его глазах я вижу крошечный проблеск страха и неуверенности.

— Что ты здесь делаешь? Я искал тебя.

— Ты в порядке? — спрашиваю я дрожащим голосом.

— Со мной все нормально, — отмахивается он от моих слов. — А что для меня ненормально, так это что я возвращаюсь с трассы и не нахожу тебя.

— П-прости. — Мои губы трясутся.

— Что происходит, малышка? С тобой все в порядке? — Он делает шаг ко мне.

Вместо того, чтобы стоять смирно или сделать шаг навстречу к нему, я отступаю назад. Его озаряет понимание. Я это четко вижу по выражению тревоги на его лице, возникшем всего на мгновение.

— Адресса... в чем дело? — В его голосе слышится колебание.

— Я, я просто... не думаю, что могу так продолжать. — Слова вылетают спешно, я даже не успеваю перевести дыхание.

— Не можешь... продолжать что? — Он произносит слова осторожно. Будто боится сказать их из страха услышать, что за этим последует.

Я делаю глубокий вдох.

— Это. — Я беспомощно машу рукой между нами.

— Малышка, если это из-за несчастного случая... это было легкое столкновение.

— Это не было просто легким столкновением! — Предложение вырывается из моего горла. — Ты мог там умереть!

— Чушь. Вероятность была мизерной. У меня было и похуже. Я здесь, Адресса, и с тобой все хорошо.

Приближаясь ко мне все ближе, он пытается утихомирить меня жестами и словами, но я держу его на расстоянии и отодвигаюсь от него подальше.

Ему это не нравится. Это ясно читается на его лице, очерченном глубокими тревожными морщинами. Но я не могу проникнуться его переживаниями. Сейчас я сосредоточена лишь на своих собственных страхах.

Как будто здесь стою вовсе не я, и эти слова говорю тоже не я. Словно я вышла из своего тела, передав его кому-то другому, и с абстрактным ужасом наблюдаю со стороны за тем, как уничтожаю лучшее, что у меня было, и при этом не могу остановить саму себя. Потому что сейчас имеет значение только желание избавиться от страха и паники,

готовность сделать что угодно, лишь бы прекратить этот шум в голове, стремление заставить изнуряющую и разрушающую истерию уйти, даже если это будет означать сокрушение всего.

Его. Меня. Нас.

По моему лицу начинают течь слезы.

— Это сейчас ты в порядке, а что насчет следующего раза? Один неверный удар. Только и всего, и ты исчезнешь — навсегда. Я думала, что могу... но нет. Мне жаль. — Я качаю головой, пятясь, уходя как можно дальше от него.

В данный момент мне просто нужно убраться прочь. Я не могу видеть сквозь пелену страха. Я ослеплена ею. Прямо сейчас я ничего не могу поделать с этими чувствами.

Разворачиваясь в пол-оборота, я начинаю идти. Но он хватается за руку со спины и притягивает к себе.

В его глазах огонь, ярость и боль.

— И это все? — рычит он. — Ты говоришь, что больше так не можешь и просто, блядь, уходишь?

Я чувствую головокружение. Чувствую себя пойманным и загнанным в угол диким зверем. И как дикий зверь, я сделаю все необходимое, чтобы выбраться на свободу, даже если придется ранить того, кто не заслуживает быть раненным.

— Да, именно так все и происходит! Я говорила тебе, что не могу так больше! Я пыталась, и не получилось. А теперь отпусти меня. — Я вырываю руку, но он держит ее слишком сильно, словно и не ощущает ее.

— Я, блядь, поверить в это не могу... все это время вместе... я... — Он делает паузу и прерывисто вдыхает, и кажется, будто этот вдох дается ему с болью. Затем наши глаза встречаются, и его взгляд удерживает меня с такой силой, что я даже не могу найти объяснений. — Иисусе... Андресса, это происходит на самом деле? Ты правда... бросаешь меня?

Глубокий вдох...

— Да. Именно так.

Этот взгляд на его лице... я никогда больше не хочу видеть такой взгляд ни на чьем лице. Думаю, что в данный момент я свидетель того, как разбивается его сердце, и я ненавижу себя за это. Ненавижу себя до дрожи.

Он отпускает мою руку так, словно я ругнулась.

— Прости... — Мой голос ломается, слезы по губам текут мне в рот. Я стыдливо опускаю глаза, чувствуя боль, когда разбивается мое собственное сердце. Я разворачиваюсь и начинаю уходить.

— Андресса! Ты не можешь уйти вот так! Ты не можешь бросить меня! — В его голосе ощущается паника.

По коже лезвием бритвы полоснула боль, она погружалась все глубже, врезалась в самые кости, пытая меня — я это заслужила.

Я сжимаю губы. Если я их разомкну, то, боюсь, потеряю хватку и вернусь к нему, заберу все слова обратно. Потому что я продолжаю идти от единственного мужчины, которого смогла полюбить.

— Ты уходишь, потому что боишься, но я не твой отец, Андресса! Слышишь меня? Я не он. Я не умру на этой гребаной трассе!

При упоминании отца я останавливаюсь и разворачиваюсь к Каррику.

— Ты этого не знаешь! — кричу я. — Я всем сердцем верила, что мой отец там не

умрет! Я, блядь, верила в это. Думала, что раз он величайший гонщик в мире, то это каким-то образом сделает его неуязвимым! Недостигаемым для смерти. Что он никогда не умрет. И я, блядь, ошибалась! — Я кричу, грудь тяжелеет от эмоционального груза. — Одно неверное движение в болиде, только и всего, и тебя не станет — навсегда. — Мой голос холоден, жесток и отстранен. Я даже не узнаю себя. — Однажды я стала жертвой своей уверенности и это разрушило меня. Больше я так не ошибусь.

Думаю, что он только сейчас действительно понял, что все это происходит на самом деле. Он отгораживается от меня, надевая на лицо маску безжалостности.

— Ты уходишь, и между нами все кончено. Как только ты выйдешь за дверь. Я не погонюсь за тобой. — Его голос огрубел, он стал серьезным, убийственно серьезным.

Я содрогаюсь от проносающегося через меня и просачивающегося в сознание страха. Крошечная часть настоящей меня вопит, что я делаю огромнейшую ошибку в своей жизни.

Нет. Я должна сделать это. Это правильное решение ради нас обоих.

Я делаю глубокий вдох. Обнимаю себя руками, и фокусирую свой взгляд на его глазах.

— В том-то и смысл... я не хочу, чтобы ты гнался за мной.

Я отворачиваюсь, но прежде вижу его наполненные разрушительной болью глаза. Это разрывает меня на куски с каждым следующим шагом, когда я ухожу от него.

— Адресса... просто, блядь, подожди... прошу! Я... я люблю тебя!

Я застываю. Из меня стремительно вырывается болезненный выдох, словно в грудь ударили его отлетевшие рикошетом слова. Тело вздрагивает, колени подгибаются, мне приходится сражаться за глоток воздуха, лишь бы устоять на ногах.

Я слышу, как он идет ко мне, его низкий голос становится все ближе.

—Прощу. Я люблю тебя. Это же должно хоть что-то значить. Просто... не уходи.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я так тихо, чтобы он не услышал. Но мне нужно было сказать ему это хотя бы раз.

Я дышу, преодолевая агонию, и по щекам снова начинают течь слезы. Я втягиваю воздух, чтобы набраться сил. Затем иду и не останавливаюсь до тех пор, пока не выхожу за дверь и не ухожу из его жизни.

Глава 26

*Два месяца спустя
Сан-Паулу, Бразилия*

СОЖАЛЕНИЕ... оно замедляет время самым худшим из возможных способов. Как безмолвный убийца, оно скользит своими руками вокруг твоего горла и выжимает из тебя жизнь.

Даже знание того, что расставание с Карриком было правильным решением, не помогает справиться с подкрадывающимся сожалением.

Когда я сбегала, то была как в тумане, поймана в дымчатые пути паники и страха.

Но стоило туману рассеяться, как осознание врезалось в меня с силой товарного поезда. Я ощутила осадок, как после шторма, и смогла увидеть руины.

Я бросила его. Я на самом деле бросила его. Пути назад нет.

У меня никогда больше не будет возможности поговорить с ним, быть ближе... прикоснуться к нему снова.

На несколько дней я даже потеряла контроль. Я не могла отлепить себя от кровати. Не могла перестать плакать. Я совершенно расклеилась.

И все еще не пришла в себя.

Знаю, что все это звучит безумно... я кажусь безумной. Временами я думаю, что вполне могу оказаться готовой взойти на поезд слетающих с катушек. Но той ночью в Сингапуре, когда обстановка была нагнетена, я была так напугана, так поглощена своими чувствами, что не могла видеть ясно.

Сейчас же я могу видеть со всей ясностью, и скучаю по нему до физической боли. И эта боль не затихает. И даже становится только сильнее.

Мое отношение к гонкам Каррика не сильно-то изменилось. Каждый раз, когда он забирается в болид, я все равно переживаю. Все равно наблюдаю за его гонками, смотря телевизор в стенах своего дома, все время беспокоясь о нем. Единственная разница заключается в ощущении отдаленности. Думаю, когда меня там нет, мое безумие принимает более легкую форму.

Когда я ушла от него той ночью в Сингапуре, покинув трассу, я отправилась прямо в отель. Быстро собрала вещи и заказала такси до аэропорта. До Бразилии мне пришлось лететь с пересадкой в Стамбуле, что заняло большую часть дня.

Когда я была в самолете, мне звонили дядя Джон и Петра. Я получила от них голосовые сообщения. Я ответила им обоим, когда была в Стамбуле, ожидая самолет до Бразилии: оповестила их, что со мной все в порядке, и что позвоню им, когда смогу. Также о своем возвращении домой я написала маме. На тот момент я не могла ни с кем обсуждать случившееся.

Возвращение домой в Бразилию заняло вечность, и к моменту приземления в Сан-Паулу я была измотана и выжата как лимон. Мама ждала меня в аэропорту.

Увидеть ее было таким облегчением. Я упала в ее объятия сопливой и растрепанной кучей. Она ничего не спросила. Просто обняла и начала гладить по волосам, успокаивая.

Вообще-то я так и не говорила с мамой или хоть с кем-то о том, что произошло. Она знала лишь, что я рассталась с Карриком и ушла из команды.

Я поговорила с Петрой и дядей Джоном. Позвонила им в первый же день возвращения в Бразилию после того, как выплакала реки слез у мамы на плече. Я не вдавалась в подробности. Просто сказала им, что больше не могу быть с Карриком. Что я так не могу. Думаю, они оба знали настоящую причину, но вопросов не задавали, за что я была им благодарна.

Я без конца извинялась перед дядей за то, что оставила его в подвешенном состоянии.

Он сказал мне перестать быть безрассудной, после чего спросил, когда я вернусь.

И тогда я сказала ему, что не вернусь.

Тем не менее, он не выговорил мне. Не лишил меня работы. Он нанял временного механика, какого-то парня по имени Пит, чтобы тот прикрыл меня до тех пор, пока я не вернусь.

Но как я могу?

Каррик сказал, что если я брошу его, то он не станет гнаться за мной. Он был серьезен.

Было тихо. Ни звонков или сообщений. Не то чтобы я их ждала. Но, наверное... я не знаю. Не знаю, чего ждала.

Но это даже правильно. Чистое расставание.

Думаете, это упростило ситуацию? Вообще ни разу. Каким-то образом стало только хуже.

Не быть с Карриком как потерять часть тела. Ничто не могло подготовить меня к тому, насколько ужасно я буду себя чувствовать, не находясь рядом с ним.

Я-то думала, что жить со страхом перед его гонками паршиво. Оказалось, что это были лишь детские шалости в сравнении с тем, как я чувствую себя сейчас.

Тогда почему бы мне не вернуться? Почему бы не позвонить ему со словами прощения, умоляя принять меня обратно?

Потому что ничего не изменилось. Я все та же. По-прежнему недостаточно хороша для него. Я ушла от него и причинила ему боль.

И, в любом случае, он двигается дальше.

Не с кем-то еще, не то чтобы я знала. Но после ухода я ничего не могу с собой поделать и слежу за новостями о нем.

В начале было не много. Новости о том, как он сбился с пути. За это я чувствовала чрезвычайно сильную вину. И был снимок, на котором был Каррик, запечатленный через пару недель после нашего расставания. Он выглядел плохо. Он был сфотографирован вместе с отцом, когда они покидали спонсорский ужин. На нем были надеты джинсы и футболка. Он был небрит. Выглядел уставшим.

Я испытала боль оттого, что он выглядел так плохо, так изранено, но темная часть меня испытала облегчение от мысли, что он не забыл обо мне.

Но через пару недель я увидела новости, что он набирает обороты и занимает первые места в американской и мексиканской гонках.

Я была рада за него.

Вчера же я увидела фото, на котором он был заснят в Бразилии. Он в Сан-Паулу из-за предпоследнего этапа тура. Он был на каком-то вечере, окруженный моделями, что необычайно сильно поразило меня.

Он выглядит лучше. Как Каррик. Улыбается. Он счастлив.

Видеть эти фотографии было подобно удару под дых, потому что я осознала, что он забыл меня. Я знаю, что заслужила эту боль, но легче или лучше мне от этого не становится.

Я знала, что так будет, просто не понимала, насколько мучительна будет мысль, что он забыл меня. И, думаю, то, что он находится от меня всего в часе езды, делает ситуацию сложнее.

И на данный момент все еще хуже, потому что я еду в Сан-Паулу на ужин с дядей Джоном, Петрой и Беном. Я на машине. Я одолжила мамино авто, чтобы спастись от поездки на поезде. Мама тоже была приглашена, но у нее уже были планы. Так что мы поужинаем с дядей перед его отпращиванием на следующий день.

Я встречаюсь с ними в пиццерии «Сперанза». Это потрясающее место с изумительной пиццей. Я старалась не думать о том, насколько Каррику понравилось бы там.

Я еду увидеться с ними тремя. Здорово встретиться с ними, поболтать. Мы общались по телефону, но это не то же самое. Я соскучилась по ним.

Забавно, как быстро я привязалась к ним, я имею в виду Петру и Бена. С дядей Джоном я-то давно знакома. Думаю, это из-за совместных поездок. Вы вместе проводите времени намного больше, чем обычно.

Для себя самой я решила не спрашивать, как у Каррика дела. Во время телефонных разговоров я воздерживалась от упоминаний о нем. Но были неприятные случаи, когда его имя произносила Петра. Особенно первое время после моего ухода, когда она рассказывала мне, как он скучает по мне.

Слышать подобное было сложно. И оставаться в стороне становилось еще труднее.

Но я яд для Каррика. Я не нужна ему в его жизни. Ему гораздо лучше без меня, и, думаю, сейчас он это понимает.

Я паркуюсь перед рестораном. Они уже там, сидят снаружи. Как только я оказываюсь рядом, все внимание обращается на меня.

Первой до меня добирается Петра, и она обнимает меня так сильно, что выдавливает весь воздух.

— Черт подери! Я скучала по тебе!

— Я тоже скучала по тебе, Петра, — говорю я, чувствуя наплыв эмоций.

Отстранив меня от себя, она держит меня за плечи и смотрит мне в лицо.

— Не говорю, что ты похожа на дерьмо, но выглядишь ты уставшей, и определенно потеряла вес, хотя там не особо-то было что терять. Ты не в порядке?

— Все нормально, — отмахиваюсь я с улыбкой.

Я не в порядке. Она это знает. Я это знаю. И она права. Я похудела. Я из тех людей, что при стрессе теряют аппетит.

— Рад тебя видеть, Энди. — Ко мне с объятиями подходит Бен. — Без тебя в гараже все не то и не так.

— Ох, Бен, сейчас я правда чувствую любовь. — Я смеюсь, но, четко говоря, борюсь с тем, чтобы не заплакать.

Как только Бен отпускает меня, дядя Джон стискивает меня в медвежьих объятиях, отрывая мои ноги от земли.

— Я соскучился по тебе, малая. Я только вернул тебя, как ты, черт побери, исчезла, снова оставив меня.

Дядя Джон редко демонстрирует свои эмоции, но я совершенно ясно слышу их в его голосе. А затем, когда я снова смотрю на него, то вижу сияние в его глазах.

Я отвечаю ему печальным взглядом, отчаянно желая, чтобы все было иначе, чтобы я была другой.

— Я тоже скучала, дядя Джон. — Прежде чем он ставит меня на ноги, я оставляю поцелуй на его щетинистой щеке. — Но сейчас мы здесь, так что продолжим. Пускай вечеринка начнется! — Я выжимаю широкую улыбку и заставляю голос звучать спокойнее.

Петра хватает меня за руку и ведет к занятому ими столику, сажая рядом с ней.

— Итак, что здесь можно выпить?

— Выпить, — усмехается Бен. — Разве мы не есть пришли?

— Конечно же, поесть. — Она одаряет его взглядом. — Но на первом месте самое важное — алкоголь. — Она ухмыляется, заставляя меня рассмеяться.

Боже, я так скучала по этим ребятам.

И я пытаюсь не заострять внимание на том, по кому скучаю больше всего.

— Я отвезу вас обратно. Мне по пути.

— Уверена? — Дядя Джон в ступоре.

— Конечно. Будет глупо, если вы закажете такси, чтобы поехать тем путем, по которому еду я.

Мы провели в ресторане несколько часов, просто кушая и смеясь. Я не пила, потому что за рулем, но вся троица налегла на пиво, и Петра совершенно точно наклюкалась.

Мы все набились в мою машину, и я довольно быстро довезла их до главного входа в отель.

Я выбираюсь из машины, чтобы попрощаться с ребятами должным образом.

И когда я на прощание обнимаю Бена, то вижу его. Он со своим отцом выходит из гостиницы.

Мое сердце останавливается при виде него. Все вокруг исчезает.

Неослабевающая боль, с которой я училась жить с момента, как бросила его, усилилась, лишая меня способности дышать.

Я закрываю глаза на мучения, но тотчас же чувствую, что он видит меня. Я чувствую его взгляд, как если бы он касался моей кожи руками.

Я смотрю прямо на него, подмечая то, что он шокирован видеть меня.

Я отхожу от Бена, не отрывая глаз от направляющегося ко мне Каррика.

Мое тело начинает трястись, сердце колотится с удвоенной силой.

Он останавливается в паре шагов от меня. На нем джинсы и футболка с названием команды. Он невероятно красив.

— Адресса...

Слышать свое имя, произнесенное его голосом, подобно стакану воды в засушливой пустыне, обнаруженному лишь для осознания того, что это не реальность, а мираж.

— Привет. — Мой голос слаб.

— Мы оставляем тебя. — Дядя Джон целует меня в макушку. — Скоро увидимся, малая.

Я не смотрю, как они уходят. Не могу отвести взгляда от Каррика. Мы оба просто стоим и смотрим друг на друга.

— Пойду поймаю машину, — говорит Оуэн.

Он признательно кивает, но не перестает смотреть на меня.

Находясь с ним, смотря ему в глаза, я чувствую, как утопаю и возвращаюсь к жизни одновременно.

— Как... поживаешь? — Он делает ко мне еще один маленький шаг, но все равно недостаточно близко ко мне.

Но когда дело касалось его, никогда не бывало достаточно близко.

И это всегда было проблемой. Рядом с Карриком мои чувства обострены. Это наша крутейшая фишка и моя сильнейшая погибель.

— Нормально... думаю. То есть... не знаю. А ты?

Наконец он отводит взгляд и устремляет его в землю. Я слышу, как он выдыхает, прежде чем снова посмотреть на меня.

— Так же... думаю.

Его руки упираются в бока. Кажется, словно он хочет прикоснуться ко мне и в то же время сбежать.

Я это знаю, потому что мои чувства идентичны его.

Этот момент кажется самым трудным из всех, что когда-либо были. Я-то думала, что день нашего расставания был трудным... кошмарным, но нынешняя ситуация каким-то образом кажется еще худшей.

Думаю, это потому, что тогда, хоть мы и ссорились... разваливаясь на части, он в каком-то смысле все еще был моим. Сейчас же... мы лишь два человека, которые когда-то были вместе.

— Я собирался звонить тебе. — Он прочищает горло. — Нам нужно поговорить. — В сердце ощущается легкий подъем. — О твоей машине. — Как весь воздух выкачали. — Она все еще в моем гараже, но я подумал... Если ты остаешься здесь, то я могу переправить ее тебе. Или, если ты вернешься домой в Англию, я могу подкатить ее к твоей квартире, или ты сама можешь забрать ее. То есть, как сама хочешь. В любом случае... дай мне знать.

Машина моего отца.

Машина, принадлежащая Каррику и мне.

Я чувствую настолько сильную волну эмоций, что не знаю, что с собой делать.

Эта машина символизирует все, что имеет вес в моей жизни.

Она была тем звеном, что наконец объединило нас с Карриком.

Я должна забыть. Так будет правильно.

Делая глубокий вдох, я убираю свои эмоции куда подальше.

— Спасибо... большое. Но я не могу оставить машину. Это не кажется правильным, во всяком случае, сейчас.

Его брови сходятся на переносице, и в его глазах я могу видеть мирское средоточие боли.

— Это твоя машина, Андресса. Я купил ее тебе. — Его слова звучат мягко.

И они поражают меня в самое сердце.

— Она стоит столько денег, Каррик. Теперь, когда мы... не вместе, сохранить ее у себя кажется неправильным решением.

Он тяжело выдыхает, сжимая переносицу.

— Я не могу оставить машину, Андресса. — Его слова звучат тихо, и пропитаны страданием. — Даже если она тебе больше не нужна, я просто... не могу хранить ее. Я могу пожертвовать ее на благотворительный аукцион или что-то типа того. Не знаю. Просто скажи, что мне сделать, и я сделаю. — Он смотрит на меня с мольбой, а в его словах слышится отчаяние, которое говорит значительно больше.

Он не забыл меня?

Неправильно ощущать вспышку надежды, на которую у меня нет права, но что есть, того не отнять.

И сейчас я так отчаянно сильно хочу дотронуться до него.

Держа себя в узде, я переплетаю руки перед собой.

— Я оставлю ее. — Не хочу ранить его еще больше.

Он поднимает свой взгляд на меня.

— Куда мне доставить ее? Сюда... или к тебе в Англию?

У меня все еще есть там квартира. Аренда была оформлена на год и пока еще не закончилась.

Кажется ли мне, что в его голосе слышится надежда на то, что я собираюсь возвращаться в Англию?

— Вероятно... ее лучше доставить сюда.

Его глаза тускнеют.

Я обнимаю себя, пытаюсь защититься от холода. Но он появляется не снаружи, потому что исходит глубоко изнутри.

— Прошу, не забудь выслать мне счет за доставку.

— Все в порядке, — отрезает он.

Но я не могу позволить ему платить. Он и так сделал для меня достаточно.

— Прошу, дай мне оплатить доставку, Каррик, — прошу я тихо.

— Иисусе, Адресса! — огрызается он. — Просто позволь мне сделать для тебя эту последнюю гребаную вещь.

Его раздражительность распалена страданиями.

Я знаю это, и потому говорю мягким, печальным голосом:

— Ладно, Каррик... Хорошо.

Воздух между нами стал плотным. Остается столько несказанного. Так тяжело дышать. И от этого болит все тело. Пространство между нами закрашивается медленно убивающими меня воспоминаниями.

Я поднимаю глаза, встречаясь с его взглядом. Та связь, соединявшая нас с самого начала, есть и сейчас.

Его губы размыкаются, словно он хочет что-то сказать, но его прерывает рев двигателя подкатившей ко мне машины Оуэна.

Разрывая наш зрительный контакт, я бросаю взгляд на машину Оуэна.

— Мне следует... отпустить тебя. — Господи, это больно — чертовски больно. Я не хочу покидать его. Но должна.

Я заставляю ноги двигаться к своей машине.

— Рада была увидеть тебя.

— Адресса... — Его голос останавливает меня, не то чтобы пришлось приложить много усилий.

— Да? — В моем голосе надежда. Я знаю это и ничего не могу поделать.

— Я просто... хотел... — В нем происходит борьба. На это сложно смотреть, но в то же время это дарит мне глупую надежду.

Он проводит рукой по волосам и выдыхает.

— Просто хотел сказать, что в гараже пусто без тебя.

Затем он уходит, садясь в машину Оуэна, и они уезжают прочь.

Я наблюдаю за тем, как фары их машины исчезают в дорожном потоке.

Стоя у своей машины, и упершись в нее рукой, я делаю глубокий вдох и втягиваю слезы обратно.

Снимаю блокировку с машины и забираюсь внутрь. Завожу двигатель и включаю радио, где играет середина песни Бейонсе, в которой она душевным голосом говорит о том, что “Бойтса одиночества”.

(Beyonce - “Scared of Lonely”.)

И тогда я ломаюсь.

У меня уходит пятнадцать минут, на то, чтобы я смогла собраться с силами и суметь уехать домой.

Сантус, Бразилия

— "Дневник Бриджит Джонс" или "Отпуск по обмену"?

Я смотрю на коробки из-под DVD в руках мамы и понимаю, что не хочу смотреть ни один из этих фильмов. Я не в настроении смотреть девчачье кино. Совершенно ясно, что последние несколько дней я была в "фиговом настроении", если цитировать мою маму. Вообще-то, с тех самых пор, как увидела Каррика. Думаю, эти фильмы — ее способ отплатить мне.

Накручивая ожерелье на палец, я отвечаю:

— "Тачки".

— Значит, "Дневник Бриджит Джонс". — Она улыбается мне сахарной улыбкой.

Вообще-то моя мама не фанат "Тачек". Думаю, все эти годы я сводила ее с ума.

Отворачиваясь от меня, она вставляет диск в проигрыватель.

— У меня есть сладости, — говорит она, прежде чем уйти из комнаты. Она возникает минутой позже со спрятанными за спиной руками. — Когда я была в городе, то зашла в тот магазинчик, что продает английскую еду, и ты ни за что не угадаешь, что у них было. — Ее лицо сияет.

— Алкоголь? — Это были мои мечты, что она взяла мне какую-то выпивку.

Моя мама не часто выпивает, и очень редко пьет дома. Но прямо сейчас я бы могла напиться топящим мои печали пивом.

— Английский шоколад! — И из-за спины она достает большую плитку молочного шоколада "Кэдбери" и еще большую плитку шоколада "Гэлэкси".

Господи боже.

Шоколад Каррика.

Только бы не удариться в слезы.

Из всего шоколада во всей гребаной Бразилии что она могла купить, она купила его шоколад, не то чтобы она знала, что это его шоколад. И все равно выглядит так, словно боги обозлились на меня, ну или что-то вроде того.

— Я знаю, как ты ненавидишь бразильский шоколад, считая его слишком горьким, и как скучаешь по английскому, потому подумала, что это может поднять тебе настроение.

— Спасибо. — Я стараюсь выйти из положения. Плюхаясь спиной на диван, я даю депрессии окатить меня полностью, накрываю лицо рукой так, чтобы она просто свободно валялась, и все свободное пространство занимаю своими длинными ногами.

Мама с недовольством поднимает мои ноги. Я убираю руку с лица, чтобы увидеть, как она присаживается рядом, все еще держа мои ноги в своих руках. Как только она садится, то кладет мои ноги себе на колени.

— Улыбнись, дорогая. Терпеть не могу видеть, как ты грустишь.

— Я улыбаюсь. — Я вымучиваю одну улыбку, показывая слишком много зубов.

Она смотрит на меня с грустью, но не давит.

— Какой бы ты хотела?

Она держит обе плитки шоколада и совсем не осведомлена о моих внутренних треволнениях, связанных с этим шоколадом, продолжающих расти, как на дрожжах.

И из-за того, что я мазохистка и склонна к тому, чтобы пытаться себя, то беру "Гэлэкси". Я пытаюсь не плакать, когда отламываю кусочек и кладу его в рот.

Как только шоколад попадает на язык, я могу думать только о том, как Каррик в последний раз целовал меня. Это было перед гонкой в Сингапуре, и я могла чувствовать вкус сладости на его языке.

Теперь же в голове мысли лишь о том, каково это быть целуемой им, любимой им.

Мое тело начинает изнывать по нему. И в груди такая боль, словно на ней кто-то стоит. Уйдет ли когда-нибудь эта боль потери?

— Нет.

Что? Я сказала это вслух?

Я бросаю взгляд на маму, но она смотрит в телефон.

Она ловит мой взгляд.

— Прости, милая. Твоя тетя Клара снова хочет одолжить мои сережки. Но я сказала ей, что так и не получила обратно те, что давала ей до этого. Она пошла в бар, напилась и потеряла их! — воскликнула она.

От этого я смеюсь, и хихикаю, когда думаю о напившейся тете Кларе.

Звонок в дверь.

Мы смотрим друг на друга.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает мама.

— Неа.

— Интересно, кто звонит в такой час.

Может ли это быть Каррик?

В сердце ощущается подъем, но затем такой же быстрый спад, когда я осознаю, что веду себя глупо. Для начала он не знает, где я живу, и не похоже, чтобы у него была причина прийти увидеть меня. Прошло два дня с тех пор, как я натолкнулась на него у отеля, и ничего не произошло. Если бы он хотел меня увидеть, то к этому моменту уже явился бы.

— Только семь часов, мам, — усмехаюсь я. — И мы так и не узнаем, пока ты не откроешь двери.

— Думаю, тогда пойду и открою. — Она одаривает меня взглядом. Используя пульт, она останавливает DVD, убирает мои ноги и понимается с дивана.

— Посмотри в глазок, прежде чем открыть, — говорю я ей в спину.

Не хочу, чтобы она открыла двери убийце с топором. Хотя, вообще-то, это может быть не так уж плохо. Он может вытащить меня из пучины страданий.

Я слушаю голоса, чтобы понять, кто пришел. Слышу низкое бормотание, но ничего не могу разобрать.

Я только решила подняться с дивана, как в гостиную вернулась мама.

— У тебя гость. — Она отходит в сторону, чтобы предоставить моему взгляду стоящего за ней Оуэна Райана.

— Оуэн... Мистер Райан, что вы здесь делаете? — Я карабкаюсь, чтобы сесть, и рукой касаюсь своих волос, которые превосходно напоминают мне, в каком я беспорядке. Я не могу вспомнить, когда в последний раз принимала душ, волосы стянуты в свободный пучок, а одета я в старую потрепанную пижаму с надписью "Все еще играю в машинки".

Я выгляжу менее чем круто, пока Оуэн Райан стоит там в своем костюме марки "Сэвил Роу".

Да и не то чтобы мне нужно было производить на него впечатление. Я больше не

работаю на него, хотя и когда работала на команду, не шибко впечатляла.

— Я надеялся поговорить с тобой, — говорит он мне.

— Ох. — Я смотрю на маму.

— Я сделаю напитки, — подает она голос. — Кофе пойдет, Оуэн?

— Да, благодарю. — Он заходит в гостиную, когда мама исчезает в коридоре на кухню.

— Не возражаешь, если я присяду? — Он указывает на кресло.

— Нет, конечно нет. — Я забываю о всяких манерах.

Я ошеломлена видеть его здесь. И смущена, ведь Оуэн самый близкий Каррику человек, и его присутствие заставляет меня переживать всю ту боль по новой. Ну, не то чтобы боль когда-то прекращалась.

Сейчас тот момент неловкого молчания, который всегда наступает, если вы не в курсе, почему кто-то приехал к вам домой без предупреждения.

Тогда я решаю разорвать его самым очевидным способом.

— Каррик в порядке?

— Да... и нет.

— Нет? — В моем голосе неприкрыто прозвучала паника. Я выпрямляюсь на диване.

— Каррик в норме... физически.

— Ох, хорошо. Ладно. Чудесно.

— Но Каррик — причина того, что я здесь.

— Ясно...

Не уверена, что хочу о чем-то разговаривать с Оуэном Райаном, и уж тем более о Каррике. Может он здесь из-за машины моего отца. Может выяснил, что Каррик хочет отдать ее мне, и ему кажется, что это слишком большая сумма денег, чтобы отдавать ее мне. И будет прав. Так и есть.

— Прежде, чем вы начнете, могу я спросить, как вы узнали, где я живу? — Я запихиваю руки под бедра. — Вам сказал дядя Джон?

— Нет. Я не спрашивал у Джона, потому что не хочу, чтобы кто-либо знал, что я приезжал повидаться с тобой.

— Почему?

— Потому что не хочу, чтобы знал Каррик.

— Ох. — Я вытаскиваю руки и обнимаю ими себя. — Итак, как вы нашли меня?

— Это не сложно. В Сантусе зарегистрированы только одни Вульфы.

Я замираю. Он замечает это.

— Каррик не говорил мне о твоём отце.

— Ладно. Тогда... как?

— Я присмотрелся к тебе, когда ты начала работать на «Райбелл»... то есть, тогда, когда узнал, что мой сын заинтересован в тебе больше, чем просто для сексуальных игр.

Сексуальных игр? Поверить не...

Получается, Оуэн все это время знал, кто я, и кем был мой отец. И, честно говоря, я чувствую себя немного взбешенной из-за того, что он наводил обо мне справки.

Я имею в виду, кто этим занимается, кроме людей в телешоу?

— Вы на самом деле наводили обо мне справки?

— Да. — Он не выглядит смущенным этим фактом.

— Зачем? — вскрикиваю с легкой злостью.

— Потому что люблю своего сына и потому, что я его менеджер. Его карьера в большей

степени в моих руках. Ну, знаешь, его профайл. Материалы о тех, с кем он встречается. Особенно, если девушка что-то значит для него. Это было бы разрывной новостью. Я знал, что ты для него много значила, так что мне нужно было узнать, есть ли скелеты в твоём шкафу, которые в перспективе могли бы навредить ему.

Много значила для Каррика.

Значила.

— Нашли ли вы что-нибудь?

— Нет. Но ты уже знаешь это. Но когда я выяснил, что твой отец Уильям Вульф, это открыло для меня много других проблем. Не для карьеры Каррика. Если что, для него это было бы колоссальным давлением. Что меня заинтересовало, так это ты. Несчастный случай с твоим отцом... Я знаю, ты была там, когда это случилось, Энди... и ты была так молода. Это наверняка отразилось на тебе, оставило след. И Каррик делает то, чем занимается по жизни... Я предвидел проблемы. Я знаю, что у тебя не было парня, отношения с которым длились бы больше пары месяцев. У тебя жесткая внешняя оболочка, и тебя сложно узнать. И я знаю Каррика: если он заботится о ком-то, подпускает человека к себе, то идет ва-банк. Я заметил, что ты застряла посередине. Эмоциональная привязанность, кажется, не твое, потому я и сосредоточил свое внимание на тебе.

— Я правда не хочу говорить об этом, — рявкаю я, отворачивая лицо в сторону.

— Энди... я приехал не для того, чтобы расстраивать тебя.

— Тогда зачем вы приехали? — Я обращаю свой свирепый взгляд на него.

— Я приехал, потому что то, что я говорил тем вечером в ресторане... было ошибочно.

— Ну, совершенно очевидно, что вы оказались правы. Как вы и предвидели, я оставила его.

— Нет. — Он качает головой. — Я имею в виду, я был неправ, когда сказал, что лучше тебе его бросить раньше, чем позже — прежде, чем он сблизится с тобой слишком сильно. Я был неправ, потому что он уже утонул в тебе... и до сих пор не отпустил. И мне кажется, что и ты тоже.

— Вы снова предвидите? — Я веду себя, как сучка, но мне плевать.

Этот мужчина вел себя со мной, как засранец, с самого момента нашей первой встречи, а теперь я выясняю, что он нарушил мое право на личную жизнь. Я в гребаной ярости.

— Я заслужил это, — отвечает он. — Но нет. Я видел твое лицо тем вечером, когда ты столкнулась с Карриком у отеля. Ты влюблена в него, и тогда-то я понял, что ты бросила его не от безразличия, а потому, что беспокоилась о нем сверх меры, и не смогла вынести этого. Ты думаешь, что не можешь быть той, которая ему нужна.

Этот мужчина чертов чтец мыслей? Или замаскированный психолог?

— Каррик в жизни не любил ни одной женщины — до тебя. И то, как он любит тебя... ты не захочешь выбрасывать это на ветер. Я никогда не видел, чтобы ему было лучше, чем когда он был с тобой. И уверен, он в большей безопасности был тогда, чем сейчас. Он не справляется без тебя. Отсутствие тебя рядом... Я знаю сына, это убивает его.

Меня волнует, чем он занимается по жизни, Энди. Конечно я переживаю каждый раз, когда он оказывается на трассе. Он все, что у меня есть, но я не могу заставить его прекратить заниматься тем, что он любит, да я и не хотел бы. Вместо этого я нахожусь рядом, чтобы быть уверенным, что оберегаю его настолько, насколько могу.

Не держись от него вдали только потому, что боишься того, что может случиться. Это пустая трата времени, а о трате времени я знаю все. Не совершай в жизни те же ошибки, что

совершил я. Не живи жизнью, полной сожалений. Потому что сожаление делает с людьми уродливые, ужасные вещи, а я не хочу этого ни для тебя, ни для моего сына.

Я могу лишь смотреть на него в оцепенении.

Теперь-то я понимаю, что есть в Оуэне Райане еще много всего, чего я, вероятно, никогда не узнаю.

— Вот, пожалуйста. — Пришла моя мама с кофе и поставила поднос на стол.

— Мне жаль, но, боюсь, мне нужно торопиться. — Оуэн поднимается на ноги. — Я не обратил внимания на время.

— Ох, нет проблем, — отвечает моя мама. — Я провожу вас.

Я не могу шевелиться. Просто застыла на месте.

— Ох, Энди... — Остановившись, он возвращается обратно. — Есть кое-что, что я хочу вернуть тебе. — Оуэн засовывает руку во внутренний карман пиджака, и достает оттуда мой пропуск на Гран-при.

Я оставила его у номера Каррика в Сингапуре.

— Откуда это у вас? — Я шурюсь, когда смотрю на Оуэна. Мои пальцы обвиваются вокруг пропуска, когда я забираю его.

— Каррик носился с ним с тех пор, как ты ушла. Мне показалось, пришло время вернуть его тебе.

И когда мама пошла провожать Оуэна Райана из нашего дома, я осталась с прижатым к груди и сильно сдавливаемым в руке пропуском.

Сантус, Бразилия

ДО НАЧАЛА ГОНКИ ПОЛЧАСА.

Тридцать минут до момента, когда Каррик заберется в болид и выедет на трассу «Интерлагос».

Я меряю шагами гостиную и, протирая, втаптываю ковер. В руке мой пропуск на Гран-при, я сжимаю его пальцами и в то же время грызу ноготь.

Прошлой ночью, после встречи с Оуэном, я не смогла сомкнуть глаз. Мысли в голове вертятся, перескакивая одна через другую, вперед и назад в поисках решения.

Хочу ли я увидеть Каррика? Конечно, хочу. Я хочу этого больше всего на свете.

Но я не знаю, смогу ли дать ему то, в чем он нуждается, могу ли быть той, что он заслушивает.

Именно эти мысли удерживают меня на месте вместо того, чтобы находиться в пути до Сан-Паулу.

Мама входит в гостиную, идет ко мне и тут же останавливает меня.

— Ладно. Достаточно, Андресса. Тебе нужно увидеть его.

Я опускаю взгляд и качаю головой.

— Не думаю, что могу.

— Ты отправляешься.

Я быстро поднимаю свои глаза, встречаясь с ее взглядом. У нее в глазах читается решительность, которую я вижу не так часто.

— Я не отступлю, чтобы наблюдать за тем, как ты мучаешь себя. Я и так слишком долго оставалась в стороне, ничего не говоря, потому что не хотела мешать, но совершенно ясно, что мне следовало это сделать с самого начала. Тебе нужно прекратить протаптывать дыру в ковре в гостиной и отправиться к нему. — Мама вжала ключи от ее машины в мою ладонь. — Возьми и езжай в Сан-Паулу так быстро, как сможешь, но не слишком — чтобы оставаться в безопасности.

Я выдавливаю подобие хихиканья, когда слезы заполняют мои глаза. Голос слабеет, и я говорю:

— Я... боюсь, мам.

— Ох, дорогая. — Она руками обхватывает мое лицо. — Здесь нечего бояться.

Я безрадостно смеюсь.

— Если бы это было правдой. Для страха есть масса причин. Просто, думаю, если бы я нашла способ перестать любить его, все было бы намного проще.

— Не думаю, что ты серьезно. Ты просто ищешь легкий путь, но любовь не бывает простой. Тебе приходится тяжело трудиться, а иногда и бороться за нее.

Когда я задаю следующий вопрос, то смотрю ей прямо в глаза.

— Если бы ты могла избавиться от нее, когда была с отцом, если смогла бы перестать любить его еще в самом начале, ты бы сделала это?

— Ни на секунду, — отвечает она без колебаний. — И знать не хочу, какой была бы жизнь без любви к твоему папе. Единственное, что я точно знаю, — это не было бы жизнью вовсе. — Убирая руки от моего лица, она берет меня за руки. — Я слышала все, что прошлой

ночью говорил тебе Оуэн — может, я вас немного подслушала — и он был прав. Я так зла на себя.

Мои глаза расширяются.

— Почему?

— Потому что это я должна была говорить все то, что говорил тебе Оуэн. Я должна была видеть, что с тобой происходит. Ты всегда такая сильная, так уверена в своих решениях, что я пустила все на самотек, а не должна была. Мне следовало напористее подталкивать тебя к разговору. Я же знала, что ты страдаешь. Просто не осознавала, насколько сильно, и не знала, что ты ушла от Каррика из-за того, что боялась повторения истории отца.

При упоминании отца слезы потекли по моим щекам.

Мама обнимает меня, а ее голос проносится сквозь меня.

— Адресса, каждый раз, когда твой отец забирался в машину, чтобы отправиться на гонку, мое сердце останавливалось до тех пор, пока он не возвращался обратно домой в целостности и сохранности, и так было до того дня, когда он не вернулся. Но это не значит, что я бы забрала назад хоть одну секунду времени, проведенного с ним. — Она отклоняется от меня, чтобы посмотреть мне прямо в лицо. — Твой отец подарил мне самый лучший подарок из всех возможных во всем мире — тебя. И не только это, он дарил мне любовь все пятнадцать лет, что мы были вместе. Я бы предпочла пережить все это, чем не испытать ничего из этого вообще. Я ни о чем не жалею. Мне понадобилось много времени, чтобы смириться с утратой, но в жизни все происходит так, как должно. Нам она не подконтрольна. Так же, как ты не можешь контролировать свои чувства к Каррику. Конечно, ты будешь переживать за него — с ним ты или нет. Так не лучше ли быть с ним, чтобы создать ваши воспоминания и строить с ним жизнь?

Принимать хорошее и плохое. Учиться жить со своими страхами. Потому что быть с ним... все хорошее будет делать плохое намного лучше. — Она мягко улыбается. — И, знаешь, если бы твоему отцу пришлось бы выбирать для тебя мужчину, это был бы мужчина вроде Каррика. — Она убирает мои волосы за ухо. — Эта жизнь — гонки — у тебя в крови, как и Каррик. Так что отправляйся и добейся мужчину, которого ты любишь. Исправь ошибки и затем привези его сюда, потому что я хочу познакомиться с женщиной, завладевшей сердцем моей дочери.

—Deixardafodendomodo! — кричу я, сигналивая идиоту, едущему передо мной и ведущему машину как гребаный увалень. В сущности, я сказала ему убираться с дороги, но не так вежливо.

Я знаю. Я нетерпелива, кричу на незнакомых людей, но ничего не могу с собой поделать. Мне нужно добраться до трассы «Интерлагос». Мне нужно увидеть Каррика. У меня нет ни единой мысли, что ему говорить. Просто знаю, что должна рассказать о своих чувствах — что люблю его, и что жизнь без него и не жизнь вовсе.

Мне нужно перестать бояться будущего и жить сегодняшним днем. И если мне приходится орать на незнакомцев, чтобы доехать к нему немного быстрее, то так тому и быть.

Взгляд быстро переносится на часы на приборной панели. Гонка должна начаться с минуты на минуту. Я не сделаю, что хочу, до нее, но это не имеет значения. Мне нужно добраться туда.

— Наконец! — Я сержусь, когда машина наконец отъезжает, чтобы пропустить меня.

Переключаясь на третью передачу, я сильно давлю на газ, чтобы ускориться. Переключаюсь на пятую и лечу.

Затем в ушах раздается мамин голос: «Веди безопасно».

Я паникую из-за гонок Каррика, а теперь сама гоню, лишь бы добраться до него. Мне нужно успокоиться. Если я не буду осторожна, меня с тем же успехом может унести на обочину.

Я ослабляю давление ноги на педаль газа, но затем в колонках начинает играть песня «Back to December», и я проклиная маму за то, что она слушает диск Тейлор Свифт.

Серьезно, мам?

Потому что Тейлор поет о том, как она сожалеет о той ночи, что хотела бы вернуть все назад, сделать все правильно... заставить его любить ее снова.

Нога снова давит в пол, и я еду вперед по дороге быстрее, чем гнала до этого, прямо в Сан-Паулу, к Каррику.

И если получу штраф за превышение скорости, то буду винить маму и Тейлор Свифт.

Ударяя по тормозам, я ползу до парковочного места автодрома «Интерлагос». Я вылезая из машины с пропуском в руках и бегу ко входу.

Как только я оказываюсь внутри, то спрашиваю охранника, который из боксов принадлежит «Райбелл», и он показывает мне направление.

Я снова бегу, достигаю паддока и взглядом ловлю экран, на котором вижу, что гонка уже началась. Ноги замедляют свой ход, а сердце бьется быстрее, когда я вижу имя Каррика с уведомлением о том, что в данный момент он занимает поул-позишн.

(Паддок — огороженная территория, на которой находится бокс, медиа-центры и прочие рабочие зоны.)

Набирая скорость, я бегу к входу в гараж.

Я уже недалеко от «Райбелл», когда пугающие мысли вторгаются в мой мозг, замедляя меня и практически останавливая.

Что, если он не хочет меня видеть? Я знаю, что он уже не в боксе, но не хочу нападать на него из засады перед всеми.

Может мне стоит переждать здесь и посмотреть гонку на экране?

Перестань быть трусихой, Энди, и тащи свою задницу в бокс сейчас же!

Я заставляю свои ноги шевелиться и только делаю пару шагов, как слышу коллективный выдох со словами: "Ох, боже" и "Нет" от группы людей, наблюдающей гонку из паддока.

И я знаю. Просто знаю.

Сердце останавливается. Только не Каррик. Прощу, не он.

Я поворачиваюсь на месте, возвращаясь к экрану, взглядом улавливаю валяющиеся на трассе обломки машины и пламя, охватившее заднюю часть болида.

И меня отбрасывает на четырнадцать лет назад.

Нет.

Ничего больше не хочу видеть. Я просто мчусь. К Каррику.

Сердце и разум работают быстрее моих ног.

Прощу, не будь им. Молю, не будь им.

Добегаю до бокса «Райбелл», я прорываюсь через двери. Здесь вся команда, все смотрят на экраны, но не говорят ни слова.

— Скажите мне, что это не он! — кричу я, ослепленная паникой.

Все в помещении разворачиваются ко мне.

— Скажите, что это не он! — кричу я снова.

— Энди, все в порядке. — Это Бен. Он идет ко мне. — Это не Каррик. С ним все в порядке.

Я практически падаю от облегчения. Оно колоссальное. Никогда прежде не чувствовала ничего похожего.

— Не он? — Я не дышу. Прижимаю руку к груди в попытке уговорить колотящееся сердце.

— Нет. Он в порядке. В полном порядке. — Бен кладет свои руки мне на плечи, даря мне поддержку.

— Слава богу. — Я поднимаю глаза на него. — Тогда кто?

Его взгляд мутнеет, и внутри меня все опадает.

— Леандро Сильва.

— О боже, нет. Как... он?

Он медленно качает головой.

— Пока еще никто не знает. Они пытаются вытащить его из болида. Медики с ним... но все выглядит паршиво.

Как я могу ненавидеть и любить этот спорт в равной степени?

Я ненавижу его за то, что он отбирает у нас великолепных мужчин, но люблю мужчину, который обожает это занятие до невозможности.

Я поднимаю взгляд, чтобы увидеть идущего к нам Оуэна.

— Они остановили гонку, — говорит Оуэн Бену.

На лице Бена я вижу шок, который затем отражается и на моем лице.

Все должно быть действительно плохо, чтобы гонку остановили.

— Им нужно очистить трассу от обломков. Они вызывают вертолет, чтобы госпитализировать Леандро. Ему придется лежать на трассе, потому что они боятся рисковать, передвигая его.

— Гонка... когда ее перезапустят? — спрашиваю я Оуэна.

Он бросает на меня быстрый взгляд и снова смотрит на Бена.

— Гонки не будет. Они ее остановили, принося дань уважения. Это родная страна Леандро. Было бы неправильно начинать ее... пока не будет понятно, выживет ли он.

О, боже.

В желудке образовывается пустота. Прекращение гонки — довольно редкое событие.

Я знаю только пару таких случаев, и один из них произошел в день смерти моего отца.

О, боже. Бедный Леандро. И его семья.

Я знаю, через что они проходят, потому что пережила то же самое. Мое сердце начинает болеть за них.

Но еще чувствую себя паршиво из-за чувства вины. Потому что, несмотря на переживания за Леандро и его семью, я испытала облегчение, узнав, что это не Каррика забирают на вертолете.

— Каррик скоро будет, так что подготовь команду, — обращается Оуэн к Бену.

— Будет сделано. — Бен идет на другую сторону бокса, выглядя мрачным.

Когда случается что-то вроде этого... даже если не с тобой, ты чувствуешь это.

— Итак, ты приехала.

Я обращаю взгляд на Оуэна.

— Вы не думали, что я смогу?

— Надеюсь, ради Каррика. Веришь ты или нет, Энди, но я не знаю всего.

Прежде чем отправиться к столу, за которым сидит дядя Джон, я посылаю Оуэну полуулыбку. Он говорит в микрофон, вероятно, с Карриком, но смотрит на меня и мягко улыбается. В его глазах тень грусти, и я знаю, что сейчас он, должно быть, думает о моем отце.

Когда я слышу рев мотора подъезжающего к пит-стопу болида Каррика, мои ноги начинают трястись, а сердце колотится с двойной силой. Не уверена, почему я все еще стою.

Я чувствую отдачу сердца в руках, словно оно готово вручить себя ему сейчас же. Надеюсь, он не выбросит его... меня. Потому что после того, как я обращалась с ним, я не заслуживаю и меньшего.

Я наблюдаю за тем, как Бен снимает блокировку с руля и вытаскивает его из болида. Затем, когда Каррик вылезает из кокпита, я почти уверена, что меня вот-вот вырвет. Желудок бунтует. Руки дрожат. Я прижимаю их к телу.

Каррик стоит ко мне спиной. Он еще не видит меня. Я не могу пошевелиться. Застыла на месте.

Он снимает шлем, потом балаклаву, рукой проводит по влажным волосам и взъерошивает их. Он этого я изнываю от желания прикоснуться к нему.

Затем он поворачивается и наши взгляды встречаются. В его глазах я вижу отражение шока.

Я жду целую вечность — в реальности всего одну секунду — в ожидании его реакции.

И не получаю ничего.

Когда первоначальный шок проходит, в его глазах исчезает любое проявление чувств. Он просто стоит, смотрит на меня и ждет.

Вот и все. Пора.

Как только я начинаю идти к нему, всё и все вокруг исчезают, остается только он.

Всегда был только он. С того самого момента, как я увидела его в «Райбелл», перед моим взором и в голове был только он.

Не отрывая взгляда от меня, он кладет шлем в болид.

Я не останавливаюсь до тех пор, пока не оставляю между нами расстояние с один шаг. Теперь я стою перед ним. От нервов тело трясет и колотит, а мысли путаются так, словно я нахожусь в блендере.

— Привет. — Мой голос тихий, а оттого, что я вижу его так близко, но понимаю, что он от меня так далеко, меня подавляет эмоциональный груз. Глаза наполняются слезами. Я моргаю, и одна слезинка выкатывается из уголка моего глаза. Я быстро вытираю ее пальцем.

Я вижу, как он взглядом следит за моими движениями, прежде чем вернуть свой взгляд к моим глазам, но по-прежнему не говорит ни слова.

Смотрит на меня настороженно. Но потом за всей этой осторожностью я вижу крошечную искру, заставляющую меня почувствовать себя немного лучше.

Делаю вдох, набираясь уверенности, и разлепляю пересохшие губы.

— Ты в порядке? — Я хочу убедиться, что он нормально себя чувствует после того, что случилось на трассе с Леандро. Это на первом месте, и только потом уже наши проблемы.

— Не уверен.

— Почему?

— Потому что не знаю, почему ты здесь.

Ох.

Я выдыхаю, готовя себя.

— Я здесь, потому что... я хотела... нет, мне было нужно увидеть тебя... потому что я...

— Я колеблюсь, запинаясь. Порчу все.

Отводя взгляд, я делаю очередной глубокий вдох, снова смотрю на него, глазами пытаюсь обрисовать все, что чувствую к нему.

— Я пришла потому, что мне нужно было сказать тебе, что... я люблю тебя. И я жалею. И люблю тебя.

На его лице непроницаемое выражение.

— Жалеешь о чем? Что любишь меня?

— Нет! — тороплюсь я сказать. — Жалею обо всем... что оставила тебя. Я бы никогда не пожалела о том, что люблю тебя. Ты лучшее, что со мной случилось.

Его глаза и лицо по-прежнему не выражают абсолютно ничего, и я знаю, что моих слов недостаточно. Мне нужно дать ему больше, сказать больше. Вот только я не знаю, что говорить.

Почему я так плоха во всем этом?

В горле растет ком, когда отчаяние охватывает большую часть меня, и я раздражаюсь слезами. Плевать, что сейчас вокруг нас люди. Меня волнует только то, что я разрушаю последнюю возможность быть с ним.

— Это провал, — шепчу я сквозь слезы.

— Думаю, ты все сделала нормально.

До меня не успевает дойти, что он сказал, как он уже берет мое лицо в свои руки и целует меня, крадя мое дыхание, которое я более чем рада отдать ему. Без промедления я обнимаю его за шею и сильнее прижимаюсь своими губами к его, и тянусь всем своим телом к его. От ощущения его губ, его тела, прижатого ко мне, я разрываюсь и на части и собираюсь обратно в гораздо более цельное существо, чем была прежде.

— Я люблю тебя, — всхлипываю я напротив его губ. — Прости, что ушла. Просто... я люблю тебя так сильно, Каррик.

Обрамляя мое лицо своими ладонями, он стирает слезы большими пальцами.

— Я тоже люблю тебя, малышка.

От этого я плачу еще сильнее.

Смотря мне в глаза, он говорит:

— Хочешь уйти отсюда?

Я сразу же вспоминаю Барселону и первый раз, когда мы заснули вместе.

Проглатывая икоту, я улыбаюсь ему бледным подобием улыбки.

— Это вопрос с подвохом?

— Вот это моя девочка.

Затем он улыбается так красиво, что в моем животе начинает порхать тысяча бабочек.

Поцеловав меня еще раз, он берет меня за руку и ведет через весь бокс, никому не говоря ни слова.

Когда мы выходим за дверь и добираемся до лестницы к комнате пилотов, он говорит:

— Жди здесь. Не двигайся.

После быстрого поцелуя я наблюдаю за тем, как он скачет по лестнице вверх, переступая через две ступеньки.

Я не успеваю опомниться, как он уже спускается вниз.

— Ключ от номера. — Он поднимает его и убирает в карман комбинезона вместе с

кошельком и телефоном. Затем надевает бейсболку, что находилась в его другой руке.

Он берет меня за руку, и мы проходим еще одни двери. Когда мы снаружи, то быстро пересекаем паддок и направляемся к главному выходу.

— Есть машина?

— Мамина. — Я достаю ключ из кармана и поднимаю его.

Он берет его у меня.

— Поведу я. Я быстрее тебя.

Затем я вынуждена расстаться с ним, чтобы мы забрались в машину моей мамы. Но уже через минуту, когда мы внутри, он хватается за затылок и оставляет нежный поцелуй на моих губах, лишая меня воздуха и оставляя жаждать его.

Заводя мотор, он срывается с парковочного места. Всю дорогу до отеля моя рука покоится в его руке. К счастью, отель не так далеко от «Интерлагоса», и уже через короткий промежуток времени мы останавливаемся перед ним и выходим из машины.

Встречаясь на тротуаре, мы снова беремся за руки.

Ведя меня в отель, он бросает ключи парковщику.

— Припаркуй ее.

Мы в лифте. Каррик нажимает кнопку его этажа. Я не могу дождаться, когда двери закроются, чтобы мы могли подняться, и я наконец смогла бы прикоснуться к нему так, как того хочу. Но совершенно очевидно, что боги не нашей стороне, потому что перед лифтом появляется мужчина, желающий в него зайти.

Когда Каррик говорит, из него вырывается низкое рычание.

— Если ты сейчас не зайдешь в лифт, я отдам тебе все, что есть в моем кошельке.

Мой взгляд пригвожден к Каррику в выражении немного шока, но он даже не смотрит на меня. Он смотрит на мужчину. Тогда я тоже смотрю на мужчину, заинтересованная тем, что же он предпримет.

Мужчина, кажется, англичанин. Ему за сорок, и он одет в крутой черный костюм.

Намек на улыбку касается его губ.

— Вы Каррик Райан, верно? — Это не вопрос. Он знает, что это Каррик.

— Мм-м-м.

Двери начинают закрываться, но мужчина в костюме останавливает их ногой.

— Мой ребенок ваш большой поклонник. Можете дать для него автограф? — Он держит газету подмышкой. — Сделайте это, и я оставлю вас в покое.

Я слышу короткий смешок Каррика, и потом мужчина достает и протягивает газету. Она открыта на спортивном разделе, где я вижу фотографию Каррика.

— Есть ручка? — спрашивает Каррик мужчину.

— Да. — Он достает ее из своего пиджака и протягивает Каррику.

Придавливая газету в стенке лифта, Каррик быстро пишет свое имя по всему изображению и отдает газету и ручку мужчине обратно.

— Спасибо, — говорит мужчина в костюме, делая попятный шаг из лифта. — Мой ребенок будет страшно счастлив. Я всю неделю буду у него на хорошем счету.

Каррик тихо посмеивается.

— Ну, отдай ему еще и это, чтобы неделя превратилась в месяц. — Каррик стягивает с головы бейсболку и протягивает ее мужчине в костюме.

— Просто потрясающе. — Он стучит бейсболкой Каррика по руке. — Огромное спасибо. И наслаждайтесь остатком дня.

— О, этим я и намереваюсь заняться, — тихо бормочет Каррик, зажимая кнопку лифта. Двери закрываются, и мы наконец едем наверх.

— Так мило, что ты отдал ему свою кепку.

Каррик поворачивается ко мне лицом. Его глаза сверкают, и от этого мое лоно трепещет.

— Я не милый, Андресса. Я твердый. Действительно очень твердый.

Он берет мою руку и прижимает ее к его выступающей эрекции, заставляя мое дыхание затрудниться, а трусики промокнуть насквозь.

Разворачиваясь ко мне полностью, он прижимает меня к стенке лифта. Расставляя руки по сторонам от моей головы, он опускается ниже, практически касаясь ртом моих губ. Его дыхание щекочет мою кожу.

Мое тело дрожит от желания, и внезапно у меня перехватывает дыхание.

— Поверить не могу, что ты предлагал тому мужчине деньги, лишь бы он не зашел в лифт.

Убирая одну руку, он обнимает меня ею за талию и прижимается ко мне своими бедрами.

— Я не был в тебе два гребаных месяца. Я бы сделал почти что угодно, лишь бы ускорить приближение этого мгновения.

У меня и шанса нет, чтобы ответить ему, так как мои слова проглатываются его жарким поцелуем.

Наши поцелуи отчаянные и цепкие. Его руки в моих волосах, оттягивают мою голову назад, чтобы было легче получить доступ к моему рту и протолкнуться в него языком. Мои пальцы заплетаются в его коротких локонах, и я сжимаю пряди его волос, когда практически взбираюсь по его телу, лишь бы оказаться еще ближе.

Два месяца друг без друга вливаются в этот единственный поцелуй.

Но мы были порознь. Мы даже толком не поговорили ни о чем, и, пожалуй, должны бы, прежде чем хотя бы думать о сексе.

Я отрываюсь, тяжело дыша.

— Каррик... разве нам не следует сначала поговорить?

Он приподнимает брови.

— О чем, черт подери, нам надо поговорить?

— О нас. О времени, что мы провели порознь.

— Ты была с другим мужчиной?

— Нет! — Я задыхаюсь, задетая тем, что он посмел о таком спросить. Затем мое сердце тяжелеет, потому что я даже не учла вероятность того, что у него могла быть другая женщина. — А... ты?

— Нет.

Я выдыхаю с облегчением.

— Ты любишь меня, верно?

Я пристально смотрю ему в глаза.

— Ты знаешь, что люблю.

— И я люблю тебя, безумно и до долбаной глубины души, и это все, что нам сейчас нужно. Разговоры будут позже. Прямо сейчас я собираюсь показать, как глубоко моя любовь может зайти — а именно моим членом в тебя.

— Ты такой романтик. — Я хихикаю, руками скользя от его волос вниз, и обхватываю

ими заднюю часть его шеи.

— Я знаю, малышка. — Он посылает мне сексуальную ухмылку.

— И тебе нужно знать, что я не просто люблю тебя, Каррик. — Я приближаю свои губы к его так, что в промежуток между ними может просочиться лишь воздух. — Я влюблена в тебя.

Он с рычанием целует меня снова, жадно поглощая.

Лифт писком оповещает нас о прибытии. Каррик поднимает меня, а я инстинктивно обхватываю его талию ногами. Он выносит меня из лифта и идет по коридору. Ключ-карта в двери, мы в его номере, а потом и в спальне. Он кладет меня на кровать.

Оставляя меня тяжело дышащей и возбужденной, он забирается на кровать и становится на ней на ноги. Он сбрасывает обувь и снимает комбинезон. Не желая быть оставленной в этой гонке позади, я снимаю обувь и одежду так же быстро.

Мы оба обнаженные, он надо мной. Кожа к коже. Я начинаю гореть, словно пламя.

В предварительных ласках нет нужды. Мы оба более чем готовы, потому что прошло слишком много времени. Руками пригвождая мои руки над моей головой, он толкается членом в меня.

— Каррик! — выкрикиваю я, глаза закрываются от чувств к нему.

— Блядь, — рычит он, замирая во мне.

Я открываю глаза, чтобы посмотреть на него. В его глазах пылкость, на лице его написана строгость и напряжение.

— Больше никогда, Андресса. Я не смирюсь с твоим отсутствием больше нико-блядь-гда.

— Не придется, — шепчу я, с трудом глотая, так как в горле застряли эмоции.

— А теперь говори мне, что любишь меня, пока я буду тебя трахать.

— Я люблю тебя.

Он выходит из меня и входит с невероятной силой.

— Снова.

— Я люблю тебя! — кричу я.

Его рот обрушивается на мой, Каррик целует меня с неистовой силой, когда выходит из меня и толкается в меня с отчаянием, настойчивостью и мощью.

— Больше... никогда... блядь... не оставляй... меня. — Его дыхание затруднено, а его лоб прижат к моему.

— Не оставлю. Обещаю. — Ощущение и осознание той боли, причиной которой стала я, вызывает слезы на моих глазах. Они бегут из уголков глаз, как из крана, когда меня сотрясают рыдания.

Остановившись, он выходит из меня, видя мои слезы. Беспокойство захлестнуло его глаза.

— Господи, Андресса, что не так? Я сделал тебе больно?

— Нет. — Успокаивающим жестом я рукой касаюсь его лица. — Ты не сделал мне больно. Просто мне так... так жаль, что я причинила боль тебе.

— Ш-ш-ш, малышка. — Он поворачивается лицом так, чтобы поцеловать мою ладонь. — Не плачь. Сейчас ты здесь, только это имеет значение. — Вытирая мои слезы, он легонько целует меня. — Я люблю тебя, Андресса. — Он снова входит в меня, на этот раз медленно. — Люблю тебя так сильно.

Мы не разрываем зрительный контакт все то время, что занимаемся любовью. Даже

когда наши оргазмы проносятся сквозь нас и сталкиваются практически с ожесточением, и все становится близким к невыносимому, мы не отрываем друг от друга глаз.

Когда мы спускаемся с наших высот, он руками обрамляет мое лицо и целует меня мягко и трепетно. Затем, выскользывая из меня, он сдвигается, и ложится на бок. Он поворачивает меня к нему лицом и забрасывает мою ногу на свое бедро, удерживая ее на месте.

— Скоро я тебя помою, — говорит он. — Но сейчас мне нужно побыть с тобой.

— Мне тоже нужно побыть с тобой. — Я даже не могу себе представить, чтобы снова расстаться с ним.

Он пристально смотрит мне в глаза. Я наблюдаю за тем, как он глубоко вдыхает воздух, после чего выдыхает.

— Слушай, в лифте ты говорила, что нам нужно поговорить, но я не хочу, чтобы мы перебирали все это дерьмо. Я хочу сказать, что прошлое в прошлом. А скажу я... что время без тебя было самым гребаным и сложным испытанием, что выпадало на мою долю. Это были два худших долбанных месяца в моей жизни. Я хотел прийти к тебе столько раз. Я даже не могу сосчитать, сколько раз держал в руке телефон, готовый позвонить тебе. Однажды я даже стоял в аэропорту с билетом в руке, готовый полететь в Бразилию и умолять принять меня обратно, но понял, что если сделаю это, то наши отношения никогда не будут правильными. Ты должна была вернуться ко мне. Мне нужно было, чтобы ты вернулась, чтобы я знал, что ты хотела быть со мной. Что твои чувства так же сильны, как и мои. Чтобы я знал, что ты любишь меня, и узнать я это мог только в том случае, если бы ты вернулась. Но я клянусь господом, Андресса, если ты еще хоть один гребаный раз оставишь меня, я буду преследовать тебя до скончания дней, если потребуется. Я больше не буду без тебя.

Кончиками пальцев я касаюсь его щеки, когда на глаза снова наворачиваются слезы.

— Тебе никогда не придется преследовать меня. Я никуда не денусь, клянусь. Мне жаль, что я ранила тебя, что дала страхам захватить меня. Но... ты должен знать, что легко не будет. Страх, связанные с гонками... они не исчезли. Они все еще со мной. Просто я наконец осознала, что не могу быть без тебя, боюсь я или нет. Так что теперь мне осталось найти способ жить с ними. И я найду, — пообещала я ему.

Обхватывая мое лицо, он большим пальцем касается моих губ.

— Мы найдем этот способ вместе. Мы команда, малышка. Никогда не забывай об этом.

— Мы команда. — Мне нравится, как это звучит.

Я улыбаюсь, когда он своими губами тянется к моим и прижимается ко мне нежным поцелуем.

— Ты и я, малышка. Если тебе нужно что-то преодолеть, мы сделаем это вместе. Хорошо?

— Хорошо. — Я снова улыбаюсь, прежде чем зарыться в его волосы пальцами и обрушить на его губы поцелуй. Я нежно шепчу в них:

— Команда Райан и Амаро навсегда.

Яс Айленд, Абу-Даби

МЫ ЗДЕСЬ РАДИ ФИНАЛЬНОЙ ГОНКИ СЕЗОНА.

Чтобы взять чемпионство, Каррику нужно выиграть гонку. Он на поул-позишн, так как на квалификации пришел первым, но все зависит от сегодняшнего дня.

Я переживаю за него. И из-за самой гонки.

Но я справляюсь. Вроде как.

Ладно, я боюсь до усрачки. Но я прилагаю все усилия, чтобы держать себя в руках. Я не слечу с катушек.

Сегодня я не работаю. Каррик мне не позволил. Не знаю, хорошо это или плохо, но он сказал позволить Питу завершить приготовления к гонке, чтобы я не переживала из-за технической стороны болида. Он сказал, что хочет, чтобы я расслабилась. Ну, насколько это возможно.

Мы закончим с финальной гонкой, после чего отправимся домой в Англию, и я начну навещать одного психотерапевта, который поможет мне справиться с проблемами, связанными с гонками.

Если я хочу быть с ним, мне нужно научиться справляться.

Посещение психотерапевта — идея Каррика, и я согласилась с ним. Он сказал, что на приемы будет ходить со мной. Сказал, что если поймет мои переживания лучше, то узнает, как держать меня под контролем, если я слечу с катушек снова.

Не уверена, что думаю по поводу этого контролирования, но полагаю, что не могу жаловаться, если этим займется Каррик.

Как ни странно, я чувствую облегчение. Я спокойна в связи с тем, что он знает, как глубоко это внедрилось в меня, и почему я ушла от него. Хотелось бы мне, чтобы я могла рассказать ему об этом раньше, чтобы мы не теряли эти два месяца. Все мы крепки задним умом.

Но теперь все это в прошлом, и у нас все хорошо — просто замечательно. Мы много говорим.

И проводим много времени в постели.

Мириться определенно было весело.

Пока мы еще были в Бразилии, Каррик познакомился с моей мамой, и они поладили просто превосходно. Мы поужинали все вместе: я, Каррик, моя мама, дядя Джон и Оуэн. Вечер прошел замечательно. Оуэн вообще-то был намного милее, что является хорошим признаком. Он наконец доверился мне, что касается Каррика, а это уже что-то да значит. Под жесткой внешней оболочкой это хороший мужчина, любящий своего сына, как и должен любить своего ребенка любой другой отец.

Я слышу объявление о старте сегодняшней гонки. До выхода Каррика остается мало времени.

Мое сердце начинает биться немного быстрее, так что я делаю глубокий успокаивающий вдох.

В сегодняшнем объявлении участников Формулы 1 не хватает одного человека — Леандро. К счастью, он выжил, но в какой-то момент все висело на волоске. Его тело было

повреждено довольно сильно, также было внутреннее кровотечение, но он выкарабкался и идет на поправку. Не уверена, что он когда-либо сможет участвовать в гонках. Для его же блага надеюсь, что сможет.

Мы с Карриком навещали его в больнице. Леандро не был похож на самого себя, но все так же шутил, что я приняла за благоприятный знак.

Каррик общается с Беном на другой стороне бокса, а я наблюдаю за ним. Ладно, я пялюсь на его задницу. Она действительно хороша.

Разворачиваясь, Каррик ловит мой взгляд. На его лице появляется ухмылка, заставляющая мои щеки покраснеть. Но продолжаю игру и устремляю на него нахальный взгляд.

Отходя от Бена, Каррик направляется ко мне.

— Оцениваешь товар? — Он кладет руки мне на талию.

— Может. А товар хорош.

Он устремляет на меня обиженный взгляд.

— Только хорош?

— Ладно, это лучший товар на свете. Так лучше?

— Намного. — Он улыбается. Убирая волосы от моего лица, он немного понижает голос. — Все нормально?

— Немного боюсь. Объявление слегка напугало меня, но я справляюсь, - отвечаю я честно.

Я дала ему обещание, что всегда буду с ним откровенна, несмотря ни на что, и я намерена сдержать это обещание.

— Помнишь, о чем мы говорили?

— Если я начну паниковать, мне нужно сесть, сделать медленный успокаивающий вдох и выпить немного воды. Не бежать. Остаться на месте и дожидаться твоего возвращения.

Уголки его губ приподнимаются, он сжимает мою талию.

— Петра будет с тобой, верно?

— Ага, она мой телохранитель.

Я одариваю его взглядом, и он вздыхает.

Каррик попросил Петру побыть со мной во время гонки. Из-за этого я слегка взбесилась, не то чтобы мне не нравилось присутствие Петры, просто мне не нужно, чтобы Каррик искал мне сиделку.

— Я просто не хочу, чтобы ты оставалась одна.

— Я знаю. Все в порядке. Я поняла. — Я прижимаю ладонь к его груди. — Я ценю твою заботу. Хорошо, что она здесь, я не буду одна.

Он хмурит брови.

— Малышка, ты всегда не одна. Тебе нужно слышать мой голос, так что садись с Джоном и моим па, и тогда ты сможешь вставить наушник. Хорошо?

— Хорошо. — Я улыбаюсь.

Он отвечает мне улыбкой и потом целует.

На его губах я чувствую вкус его предгоночного шоколада. Как сладко.

— Ты сладкий, - бормочу я ему в губы. — Шоколад... ням-ням.

— Шоколадный поцелуй Каррика. — Он целует меня снова, давая возможность попробовать его снова.

— Хм-м-м... мне это нравится.

— И мне нравится. Очень.

— Ребят, ну серьезно. Хватит этих поцелуев!

Я отрываюсь от Каррика, чтобы увидеть Петру.

— Зависть? — Я глупо ухмыляюсь.

— Ага. Тотальная. Мне на самом деле нужен мужчина. — Он преувеличенно искусственно вздыхает. — А теперь кыш, — говорит она Каррику. — Хочу провести время с моей девочкой. Она и так с тобой.

Я снова смотрю Каррику в глаза и рукой касаюсь его лица.

— Удачи.

— Спасибо, но не нужно, малышка. Каррик Райан — бог трасс, помнишь? — Он дерзко подмигивает мне. — Скоро увидимся, малышка.

Последний поцелуй, и он уходит.

Сидя на стуле рядом с Петрой, я наблюдаю, как он надевает шлем и забирается в кокпит. Бен пристегивает его. Затем Каррик выезжает на трассу, и я чувствую, как мое сердце ускоряет ход.

Я тянусь к руке Петры.

— Это просто разогрев шин. Все будет в порядке, Энди, — говорит она мягко. — Он выиграет гонку, вы вернетесь в отель и устройте сексуальный марафон.

Ее слова заставляют меня засмеяться. Я поворачиваюсь и смотрю на нее, ухмыляющуюся мне в ответ.

— Рада, что ты здесь, Пет. — Я сжимаю ее руку.

— Да, я тоже.

— Он наступает. Нынешний чемпион на финишной прямой, вступает в борьбу за золото...

Из-за прозвучавшего объявления я подскакиваю на ноги. Сердце бьется сильнее от осознания, что Каррик почти пришел, что он близок к тому, чтобы пересечь линию финиша.

Давай, малыш. Ты сможешь. Вернись ко мне в сохранности.

Прошедший час дался мне с трудом: не то чтобы стиль вождения Каррика не был безупречным — именно таким он и был. Но сейчас я смотрю, как он уменьшает расстояние между ним и шахматным флагом, и мое сердце отдается в горле от взволнованности, нервозности и необходимости, чтобы он был рядом.

Флаг опускается.

Он взял победу!

Да!

Вся команда на ногах, радуется и обнимается. Мы с Петрой скачем и кричим.

Но я не расслаблюсь полностью, пока он не окажется здесь, и я не буду в его объятиях.

Взгляд устремлен на пит-стоп в ожидании момента, когда он вернется. И когда я вижу его въезжающий болид, то бегу к нему через весь бокс. Он только выбирается из машины, а я уже прыгаю в его объятия.

Он еще даже не снял шлем, но мне нужно обнять его. Нужно напомнить себе, что он реален. Он здесь, он мой.

Отклоняя голову назад, я целую его в визор шлема.

Я чувствую зарождающийся глубоко у него в груди гогот.

Освобождая руку и отпуская мою талию, он расстегивает ремни и снимает шлем.

Балаклаву с него срываю я.

Его волосы прилипли к голове. На мой взгляд, он никогда не выглядел великолепно, чем в данный момент.

Я пальцами пробегаю по его волосам, взъерошивая их. Его глаза светятся победным блеском.

— Ты здесь, — говорит он с улыбкой.

Я наклоняю голову.

— Ты сомневался?

— Ха, ни на минуту.

— Хорошо. — Я улыбаюсь. — Потому что, Каррик, я всегда буду здесь, ждать тебя.

— А я всегда буду возвращаться к тебе, малышка, — говорит он нежно.

Пальцами я дотрагиваюсь до его рта и провожу ими линию по его губам.

— Итак, ты взял победу.

— Именно так.

— Снова чемпион.

— Хм-м-м.

— Скоро на подиум. Кубок. Обливание шампанским.

Она обожает все это.

— Так се. — Он пожимает плечами.

— Так се? — Я смотрю на него с удивлением.

— Ага, так се. — Своим носом он прижимается к моему. — Подиум может подождать, потому что главный приз моей жизни здесь, в моих руках.

И он целует меня, а я не хочу, чтобы он когда-либо останавливался.

*Три месяца спустя
Букингемшир, Англия*

Я ОТКРЫВАЮ ДВЕРИ ГАРАЖА и захожу, чтобы увидеть нагнувшуюся над машиной Андрессу со спрятанной под капотом головой и торчащей кверху потрясающей задницей.

Сексуальнейший вид в мире.

Именно такой я увидел ее впервые в гараже «Райбелл». Уже тогда, когда она развернулась, после чего нахально огрызалась, я понял, что моя жизнь изменится, и не прогадал.

Андресса — все, чего я хотел, и теперь представить не могу, как жил бы без нее.

Родственная душа — или каким бы хреном вы это ни обозвали — вот кто она для меня.

Андресса переехала ко мне уже через пару недель после того, как мы вернулись из Абу-Даби. Люди могут думать, что это слишком быстро, но мне плевать. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить время впустую, и после двухмесячной разлуки я знал, что не смогу быть без нее. Я попросил ее переехать, и она согласилась. В любом случае, ее переезд был разумным решением. У себя она и не бывала, по большей части потому, что я не выпускал ее из постели.

Да ладно. Посмотрите на нее. Какой мужчина в своем уме выпустил бы?

Жить с Андрессой — это все, о чем я мечтал. Мы совсем не идеальны. Нам есть над чем работать: над ее страхами, связанными с моими гонками, над моим непринятием отказов — но мы пройдем через все это вместе.

Мы счастливы.

Когда пресса выяснила, кто такая Андресса, что она дочь Уильяма Вульфа, на какое-то время ситуация стала напряженной. Папарацци поджидали нас у дома дни напролет, преследовали нас и все в этом роде. Я беспокоился, как она справится, но все оказалось нормально. Но в то время мы основную часть времени проводили в доме. Мне не хотелось, чтобы ее спрашивали об отце, что могло бы вызвать болезненные воспоминания.

Я хотел, чтобы она была счастлива. Так и есть, но я не знаю, надолго ли.

Гоночный сезон начнется через пару недель. Скоро мы полетим в Мельбурн.

Андресса вернулась на работу в «Райбелл». Она бы не приняла другого решения, да и я тоже. Я никому не доверяю больше нее, когда дело касается болида.

Но я знаю, что перед выходом она была тревожной, она сама сказала мне об этом. Она рассказывает мне все. А я делаю все, что могу, чтобы подбодрить ее и помочь.

Она ходит к психотерапевту. Ходит с момента нашего возвращения из Абу-Даби. Я посещаю сеансы вместе с ней. Она чередует личные сеансы и те, на которые ходит со мной. Думаю, они помогают. Она говорит, что это так. Полагаю, мы выясним это через пару недель, но, несмотря ни на что, она никуда не денется.

Сейчас я уверен в том, что она не оставит меня снова, потому что Андресса убеждает меня в этом уже несколько месяцев. Мы оказываем друг другу ту поддержку, в которой нуждаемся, и становимся сильнее с каждым днем.

Все может становиться только лучше. Ну, во всяком случае, на это я надеюсь сегодня.

— Пожалуйста, скажи, что ты мой подарок на день рождения, — говорю я, придвигаясь

к ней ближе.

Поворачивая голову, она ухмыляется мне через плечо. Она знает, что это первое, что я ей сказал. Я вижу это в ее красивых глазах.

Она поднимает голову, вылезая из-под капота, и вытирает руки тряпкой. Она идет ко мне с испачканными маслом щеками.

Боже, она чертовски великолепно. Я никогда не устану смотреть на нее.

— У тебя день рождения? — спрашивает она, наклоня голову с сексуальной улыбкой на лице, а в ее голосе слышатся нотки, заставляющие мой член затвердеть.

Она подыгрывает.

Господи, я люблю ее.

Хотя бы в этот раз я должен трахнуть ее, не как в нашу первую встречу, когда мы говорили друг другу эти слова. На то, чтобы расколоть этот орешек, у меня ушло несколько гребанных месяцев.

— Так и есть.

Дойдя до меня, она прижимается ко мне всем телом и, пробегая пальчиками по моей груди, заставляет меня внезапно возжелать трахнуть ее.

Скользя руками по ее спине, я спускаюсь вниз и хватаю ее за задницу.

— Думаю, тогда мне лучше сделать его для тебя экстра-особенным.

От блеска в ее глазах я испытываю всевозможные степени возбуждения.

Стирая пятно масла с ее щеки большим пальцем, я говорю ей:

— Ты и так все делаешь экстра-особенным, малышка.

Блеск исчез, и в ее глазах возникает улыбка, полная слез и счастья — такая улыбка у нее появляется всегда, когда я говорю ей сентиментальные вещи.

Обожаю этот взгляд.

Приближая свои губы к моим, она дарит мне мягкий поцелуй, заставляя всего меня обратиться во внимание, но затем слишком быстро отодвигается назад.

— Который час? — Она осматривается вокруг в поисках часов.

— Пора вашему сексуальнейшеству собираться. — Я игриво шлепаю ее по заднице. — У нас бронь в ресторане через час.

— Черт! Уже?

— Ага.

— Прости, малыш. Я пренебрегла тобой в твой день рождения?

— Немного. — Я надуваю губы, прежде чем поцеловать ее.

Я играю, рассчитывая на секс из жалости. Такой секс лучше всего, потому что она прикладывает больше усилий, когда чувствует себя за что-то виноватой. И не надо делать из меня уroda, я знаю, что вы бы поступали так же.

— Но ты можешь загладить свою вину в душе. — Я ухмыляюсь ей в губы.

— Я отсосую тебе так жестко, — мурлычет она.

Охереть.

Мои руки все еще на ее заднице, и я поднимаю ее, обожая то, как она инстинктивно обхватывает мою талию ногами. Я начинаю уносить ее, направляясь обратно в дом. Пока я иду, она расстегивает свой комбинезон, открывая мне фантастический взгляд на ее грудь, и на ее шее я вижу подаренное мной ожерелье с МакКуином.

Она никогда его не снимает. Говорила, что не снимала все то время, что мы были порознь. Надеюсь, что скоро она никогда не будет снимать еще кое-что.

Но определенно не ее одежду. Нет, ее вещи будут исчезать за считанные секунды.

От взгляда на ее грудь и от мысли о минете, я набираю скорость, практически забегаю в дом, чем вызываю ее смех.

Я, черт подери, люблю этот звук. От ее смеха мое сердце бьется быстрее, а член становится твердым, как гвоздь. Но, вообще, для этого не нужно прилагать усилий, потому что все в ней делает меня твердым.

Уже через минуту она в душе, голая и со мной. Еще через минуту она стоит на коленях и дарит мне на день рождения лучший подарок из всех, что парень только может просить.

Мы в моей машине, я за рулем. Адресса на пассажирском сидении, ее рука покоится в моей. Она выглядит роскошно в коротком черном платье, открывающем мне прекрасный вид на ее ноги.

На ней нет никакого белья. Я почти уверен, что она пытается убить меня. Я определенно трахну ее в уборной в ресторане. Мне плевать, что она говорит. Мужчина может вынести не так много поддразниваний.

Вообще, если так подумать, я могу оказаться внутри нее еще до того, как мы приедем в ресторан — при условии, что все пойдет так, как я надеюсь.

Адресса думает, что мы едем прямо в ресторан, но сначала нужно сделать кое-какое отклонение от курса.

Я был расслаблен после шикарно минета, что она мне сделала в душе, и прекрасного секса, которым мы занялись сразу после, но сейчас я снова напряжен. Я чувствую напряжение последние несколько дней.

На круговом перекрестке я поворачиваю на третий съезд и направляюсь к ресторану «Хит эн Рич».

— Малыш, ты повернул не на тот съезд, — говорит она, стуча пальцем по моей руке.

— Я специально. Мне нужно заглянуть в «Райбелл». Оставил там кое-что.

— Но мы опоздаем в ресторан.

— Успеем. У нас есть время.

В ресторане мы встречаемся с моим отцом, Катей, Джоном, Петрой и Беном.

Мама Адрессы тоже здесь, приехала в гости. Она не стала останавливаться у нас. Сказала, что нам нужно личное пространство и решила остаться в квартире Адрессы. Думаю, она не хотела застрять под одной крышей с мной и дочерью, которые все время набрасываются друг на друга. Мне тяжело держать руки подальше от моей девочки, если вы еще не поняли.

Мы доехали до «Райбелл» довольно быстро. Я припарковался перед зданием без единого огонька и заглушил двигатель.

Мое сердце начинает колотиться в груди.

— Мне подождать в машине? — спрашивает она меня.

— Нет! Идем со мной. — Слова получаются резкими, а голос звучит странно.

Она заметила это и приподняла брови. Ее взгляд устремлен на меня, и я чувствую, как нервы взрываются внутри меня, словно охеревшие бомбы.

Не спрашивай, малышка, прошу.

Мышцы ее лица расслабляются, и она начинает смеяться.

— Ты боишься идти туда один в темноте?

— Да, я дочертиков боюсь темноты. Мне нужно, чтобы ты прикрыла меня на случай,

если из-за угла выпрыгнет бугимен.

Издавая еще один милый смешок, она отстегивает ремень безопасности и выбирается из машины.

Ладно, это была легкая часть. Теперь приступим к совсем не легкой.

Отпирая главную дверь здания, я запускаю нас внутрь и включаю свет, после чего запираю дверь обратно.

— Итак, где ты оставил... что ты там оставил?

— В гараже. Идем. — Хватая ее за руку, я веду ее в гараж.

Я приходил сюда раньше, чтобы все подготовить. Я наплел ей какой-то лапши про то, что Пирсу понадобилось увидеться со мной. А что мне нужно было — всего немного времени, чтобы сделать все идеальным.

Отец сказал, что перед уходом в ресторан зажег свечи. Надеюсь, что эти хреновины еще не догорели. Я хочу, чтобы все было правильно.

Я слегка толкаю дверь гаража, чтобы увидеть мерцающий свет.

Все еще горят. Я делаю глубокий вдох, открываю ее до конца, и провожу Андрессу внутрь.

Я обустроил гараж точно так, каким он был в день нашего знакомства, что вообще-то не было сложной задачей. Всего-то нужно было, чтобы мой болид стоял на том самом месте, что и тогда, с поднятым капотом. Единственное, чего не хватало, так это ее прекрасной персоны, нагнувшейся над машиной.

Свечи заполняли всю комнату. Вокруг машины я их выложил в форме сердца. И на повторе стоит песня “Dangerous”.

Я сентиментальный глупец, но мне плевать, потому что оно стоило того, чтобы увидеть ее выражение лица. Ее глаза расширяются, а на лице появляется широкая улыбка.

Она выглядит красивее, чем когда-либо.

Захватывающе.

— Каррик...

Я пользуюсь тем, что у нее нет слов. Не трачу время зря. Если упущу миг, то загублю нервы и все проебу.

Я не могу все проебать.

Становясь перед ней, я беру ее руку в свою и говорю то, что нужно было сказать давным-давно.

— Как только я увидел тебя здесь, Андресса... ты завладела мной. Я знал, что моя жизнь изменится. Так и произошло, превосходя мои самые сумасшедшие мечты. Раньше я думал, что единственным местом, где я могу чувствовать себя действительно живым — это трасса, но теперь я думаю иначе. Когда я с тобой, я чувствую себя ожившим. Ты пробудила меня. Ты сделала меня счастливее, чем я когда-либо был. Ты заставляешь меня смеяться так, как никто не может. Любишь меня с силой, которую я не считал возможной. Но самое важное — ты делаешь меня лучше.

Мои руки трясутся, сердце колотится. Я чувствую, как ее руки дрожат в моих. Молюсь, чтобы это был хороший знак.

— Я хочу хранить наши чувства до конца своей жизни, потому я привел тебя сюда. — Из кармана я достаю коробочку с кольцом.

Она резко вдыхает. Вырывает одну руку и закрывает ею рот.

— Я хочу просить тебя в значимом месте в особенный день изменить мою жизнь и

принять мое предложение разделить со мной свою. Позволь мне изменить твою жизнь. Позволь мне дать тебе все то, что уже дала мне ты. — Я становлюсь на одно колено и открываю коробочку. — Ты выйдешь за меня, Андресса?

Она смотрит на меня, потом на кольцо, ее взгляд мечется туда-сюда. Ее рука все еще закрывает рот, когда по ее щекам начинают течь слезы, быстро стекая одна за другой.

Во рту пересыхает, сердце бьется, как загнанный зверь. Никогда в своей жизни я не боялся так, как сейчас.

— Андресса...

— Да, — шепчет она, убирая руку ото рта.

— Да?

— Да! Миллион раз да! — У нее широкая улыбка. Мое сердце разрывается от облегчения и гребаного искреннего счастья.

Руки трясутся, как долбаные ветки в шторм, я достаю кольцо из коробочки и надеваю его на тот единственный палец, где оно и должно быть.

Затем я поднимаюсь на ноги и притягиваю ее к себе. Заявляя права на ее рот, я целую ее так, словно мне не хватает этого поцелуя, потому что с ней так будет всегда. Мне всегда будет хотеться еще.

Отрываясь от меня, она смотрит на меня сверкающими глазами.

— Так мы... поженимся? — Ее голос звучит так, словно она едва верит в реальность происходящего.

Мое сердце сжимается в груди.

— Да, малышка, мы поженимся.

И я улыбаюсь от осознания того, что собираюсь втянуться в самую захватывающую гонку своей жизни, и нет никого, с кем бы еще я хотел ее разделить, кроме Андрессы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net